ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**Ю.С. Кудряшова**

# ТУРЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Москва 2010

Научное издание

**Ю.С. Кудряшова**
ТУРЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:
ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
М., 2010. 364 стр.

Ответственный редактор к.э.н. А.Н. Голиков

Монография посвящена европейскому направлению внешней политики Турции; в ней рассмотрен весь комплекс политических, экономических, идеологических, религиозных и культурологических проблем, которые на протяжении всего периода интеграционной политики Анкары влияли на содержание и динамику развития этого процесса.

Предназначена для специалистов в области международных отношений и широкого круга читателей.

Рецензенты д.п.н., проф. А.И. Никитин,
к.и.н., проф. С.Б. Дружиловский

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89394-211-8

**ISBN 978-5-89394-211-8**

СОДЕРЖАНИЕ

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография Ю.С.Кудряшовой написана на важную и актуальную тему. Известно, что европейское направление является центральным во внешней политике Турецкой Республики в последние десятилетия. Особую динамику вопрос о присоединении этой страны к ЕС приобрел после определения критериев для стран-кандидатов, желающих вступить в эту организацию. Поэтому объектом исследования в работе стала политика Анкары, направленная на соответствие Копенгагенским критериям, с упором на те проблемы, которые мешают Турции стать полноправным членом европейского сообщества.

На основе изучения широкого круга документов и научно-аналитических материалов на русском, турецком, английском и французском языках автором были квалифицированно рассмотрены все аспекты процесса продвижения Турции к интеграции с ЕС, начиная с истории вопроса, возникновение которого относится к началу 60-х годов прошлого века, и вплоть до наших дней.

Монография Ю.С.Кудряшовой, по сути, представляет собой энциклопедию европейского направления во внешней политике Турции, поскольку в ней исследован весь комплекс политических, экономических, идеологических, религиозных и культурологических проблем, которые на протяжении всего периода интеграционной политики Анкары в той или иной степени влияли на содержание и динамику развития этого процесса.

Несомненный интерес представляет первый раздел Главы 1 монографии, в которой автор на хорошем теоретическом уровне рассматривает проблему сохранения государственного суверенитета в современных наднациональных интеграционных процессах. В этом разделе сделан важный вывод о том, что несмотря на отдельные спекуляции, довольно часто встречающиеся в турецких источниках, о том, что Турция сможет присоединиться к ЕС, сохранив свои специфические государственные и общественные институты, не отвечающие критериям Европейского Союза, но являющиеся частью ее националь-

ной самобытности, она будет обязана целиком принять и ввести в действие все нормативно-правовое законодательство этого объединения, и ей не будет дозволено сделать никаких отступлений.

Достоинством монографии является вычленение всех препятствий как внутреннего, так и международного характера, которые мешают Турции в ее стремлении присоединиться к ЕС. При этом автор вполне правомерно выделяет культурно-религиозную самобытность как один из важнейших факторов, ставящих под сомнение ее идентичность со странами ЕС. В работе скрупулезно собраны высказывания практически всех авторитетных политических и общественных западноевропейских деятелей по вопросу о возможности присоединения Турции к объединенной Европе.

Важным и вполне оправданным является подход автора к проблеме российских интересов в вопросе турецко-европейского сближения. В частности, автор приходит к логическому выводу о двойственности российской позиции по данному вопросу. С одной стороны, вступление в Евросоюз может быть использовано турецким руководством для дальнейшего укрепления своих позиций в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, а с другой, – присоединение Турции к единому рынку ЕС расширит возможности для многосторонних проектов с участием России.

Исследование в целом, сделанные автором выводы и заключения представляют несомненный интерес для практических, научных и учебных организаций, занимающихся изучением вопросов международной интеграции и, в частности, проблемами присоединения новых членов к сложившимся международным экономическим и политическим сообществам.

Профессор С.Б.Дружиловский

## ВВЕДЕНИЕ

Тема взаимодействия Турции и ЕС представляет собой комплексную проблему. Многосложный характер современной системы международных отношений объясняет широкомасштабный спектр связей Турции и ЕС. Европейский Союз – интеграционная группа, в которой механизм выработки и реализации внешней политики сложнее, чем в традиционном субъекте, национальном государстве. При этом ЕС находится в процессе становления и развития, в нем происходят количественные (присоединение новых членов) и качественные изменения.

Поскольку взаимоотношения Анкары и Брюсселя неразрывно связаны с преобразованиями в Турции, в работе последовательно рассматривается эволюция внутриполитической и социально-экономической ситуации в стране. Через раскрытие данного вопроса логика исследования выходит на анализ проблем соразвития в рамках наднациональных процессов. Понимание международных тенденций глобального уровня дает возможность выйти на четкое представление о политике расширения ЕС как системообразующего фактора в стратегическом контексте регионального развития.

Период с подачи Турцией заявки на создание отношений ассоциации с ЕЭС в 1959 г. до отказа ей во вступлении в 1989 г. можно считать первым этапом взаимоотношений сторон, когда закладывались их основы и очерчивался круг важнейших обязательств для дальнейшего развития взаимодействия. Подписание соглашения об ассоциации в 1963 г. заложило фундамент развития сотрудничества практически во всех сферах. Отсчет второго этапа взаимоотношений сторон логично начать с подписания Договора о Европейском Союзе в 1992 г. Реальным достижением нового курса Турции в отношении Европы стало подписание в 1995 г. соглашения о таможенном союзе с ЕС. Процесс сближения в рамках таможенного союза вылился в многоформатное экономическое сотрудничество сторон. Третий этап, начавшийся с предоставления Турции статуса страны-кандидата на вступление в ЕС в 1999 г., характеризу-

ется возобновлением активного политического диалога прежде всего по проблемам демократизации. Данный политический диалог, создав необходимые каналы взаимодействия, дал возможность сторонам узнать и обсудить интересы и намерения друг друга, в определенной степени согласовав их. Однако шаги по дальнейшему сближению сторон по целому ряду причин откладывались. В частности, деятельность, связанная с подготовкой и принятием в ЕС стран ЦВЕ в 2004 г., отложила решение проблемы вступления Турции. Вместе с тем активные преобразования в стране сделали возможным начало в 2005 г. переговоров о принятии Турции в ЕС, что ознаменовало новый современный этап развития взаимодействия сторон. В значительной степени этому способствовала заинтересованность Евросоюза в широком задействовании политических, социально-экономических и гуманитарных средств для нейтрализации таких угроз, как терроризм, исламский фундаментализм, нелегальная иммиграция; в активизации своей роли в урегулировании конфликтов. Таким образом, следует отметить, что данное исследование ведется по проблеме, находящейся в динамичном развитии.

В данной работе сделан акцент на новые явления и тенденции в сфере внутриполитических и экономических преобразований в Турции с целью вступления в ЕС. Автор имеет возможность проанализировать историю сближения сторон и произошедшие кардинальные изменения в их взаимодействии с точки зрения его современного состояния. В монографии затрагивается история расширения ЕС в целом, но лишь для уточнения контекста правовых аспектов взаимодействия Анкары и Брюсселя, т.к., по мнению автора, расширение Евросоюза является отдельной темой для специального исследования.

При этом в работе учитывались факторы как внутритурецкого характера, так и факторы, формирование которых было обусловлено ходом развития европейской интеграции. Выработка и проведение Турцией политики, направленной на вступление в ЕС, в значительной степени обусловлены глобализацией международных отношений. При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать, что интеграционные процессы в ЕС являются составной частью процесса глобализации. Еще одним уровнем исследования проблемы является собственно взаимодействие Турции и ЕС как комплекс политических, экономических и правовых связей, механизмов и институ-

тов, проанализированное в процессе исторической эволюции. Кроме того, проблемно-хронологический принцип построения исследования подразумевает рассмотрение взаимоотношений Турции с ЕС в исторической динамике их становления и развития, анализ их эволюции от первоначальной институционализации в рамках отношений ассоциации до полноценного политико-экономического взаимодействия, позволившего начать переговоры о вступлении в Евросоюз.

В Турции, которая представляет важнейший интерес для России, идет глубинная коренная трансформация, определяющая стратегические тенденции ее развития. Реализация целей и задач нынешнего курса позволит Турции значительно повысить свою роль в международных отношениях. Формальным признаком актуальности проблемы можно считать то внимание, которое уделяется ей самими странами ЕС. Так, начиная с 1997 г. ни один саммит Европейского Совета не обошел вниманием данную проблему.

Развитие ситуации в России наглядно демонстрирует, что вызовы нестабильности на Ближнем Востоке, прежде всего в форме исламского радикализма и связанных с ним террористических проявлений, стали долгосрочным фактором на постсоветском пространстве. Важность отслеживания европейской политики в регионе тем более возрастает, если учитывать место и роль отношений России и ЕС во внешней политике нашей страны.

# Глава 1.
# ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

## 1. Проблема сохранения государственного суверенитета в современных наднациональных интеграционных процессах

Прежде чем перейти к анализу взаимодействия Турции и ЕС в историческом контексте, необходимо обратиться к рассмотрению современных глобальных процессов, без описания которых непонятно стремление Анкары в Евросоюз. Любая страна, которая попытается игнорировать объективные тенденции политической и экономической глобализации и региональной интеграции, рискует либо увеличить разрыв между высокоразвитым миром и собой, либо отстать навсегда. Игнорировать мировые процессы можно только ценой собственной деградации.

В качестве введения к анализу прагматической фактологии взаимоотношений Турции и ЕС автор считает необходимым дать теоретическое обоснование взаимосвязи объективных мировых процессов суверенизации, интеграции и глобализации, потенциально могущих способствовать быстрому и высокоэффективному развитию субъектов-участников этих процессов. Хотя не исключено, что первичные примеры вовлечения отдельных стран-субъектов в данные мировые процессы несут в себе чрезвычайно высокие политические, экономические и социальные издержки. Но реалистичный политико-экономический расчет власть предержащих, возможно, в перспективе снизит эти издержки с целью выведения стран-субъектов на более высокий уровень эффективного развития. Это глобальная методология анализа, ведь такие процессы с разной интенсивностью идут по всему миру, а взаимодействие Турции с ЕС – это частный пример, который послужил основой для широкого научного исследования.

Понятие **государственного суверенитета** все чаще становится предметом обсуждения в ходе политических и общественных дискуссий во многих странах мира. Государственный суверенитет остается основой конституционного строя большинства стран. Однако в отличие от ситуации, сложившейся после заключения Вестфальского мира в 1648 г., сегодня объем суверенитета демократических правовых государств существенно ограничен внутренними и внешними факторами, а также правовыми нормами. Вместе с тем положения, закрепленные вестфальскими мирными договорами, остаются незыблемыми: верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории. При этом принцип суверенитета не позволяет вмешиваться во внутренние дела других государств.

Национальное государство необходимо не только для того, чтобы обеспечивать внутреннюю политику и геополитику, политические основные права, но и для того, чтобы политически оформлять и регулировать процесс глобализации. **Глобализация** – это процесс растущей взаимозависимости различных стран, которая предполагает свободный переток ресурсов, включая людей и капиталы. Чтобы этот переток не принял неконтролируемый характер, как, например, неконтролируемая миграция, его необходимо оформить в определенные рамки. В частности, неконтролируемый переток капиталов может повлечь за собой банкротство многих сегментов национального рынка в масштабах, несовместимых с понятием экономической безопасности (безопасный предел – 20%). В данном случае Турция находится в зоне риска, т.к. уровень ее экономического развития намного ниже, чем в «старых» членах ЕС.

По мнению американского социолога Иммануэля Валлерстайна, суверенитет государств, их способность самостоятельно вершить внутренние и внешние дела в рамках межгосударственной системы выступает фундаментальной опорой капиталистического мирохозяйства[1].

Межгосударственная система – это и есть глобализация. Мирохозяйство – это мировая экономика. Необходимо сочетать способность государств решать свои проблемы с учетом требований мировой экономики. Модернизация должна иметь постоянный характер в рамках процесса глобализации, иначе страна не угонится за потребностями мирового

рынка. Замкнуться в рамках национальных границ – значит обречь себя на деградацию.

Турция, решая проблему развития экономики и повышения ее эффективности, должна представлять, какие аналогичные виды производства существуют на рынках, как последствия реформ вписываются в среду мирового рынка, насколько страна конкурентоспособна. В процессе модернизации Турция должна предусматривать последствия влияния европейского пространства на конкурентоспособность ее политической, социально-экономической и культурной системы и учитывать не только интеграцию национального бизнеса, но и потребности Общего рынка. Суверенитет необходим также для утверждения культурной идентичности.[2]

**Реально-политическая модель (реализм)** подчеркивает приоритет суверенитета государств. Высказывается мнение, что конец нации несет с собой смерть политики. Теория национального государства предполагает, что в мире национальных игроков имеется только два пути к стабильности: равновесие (баланс устрашения) или гегемония. Здесь наблюдается относительно стабильное балансирование вокруг двух данных принципов.

Для реалистов права индивидов, использующиеся порой с целью вмешательства во внутренние дела государств, – дело национально-государственного судопроизводства. Права человека превыше всего, эту проблему должно решать национальное судопроизводство, а не международное вмешательство (курды в рамках турецкого суда).

Таким образом, реализм, как и **этатизм**, утверждает автономию государственных институтов.[3] Этатизм представляет собой государственный капитализм. Этатизм – социологическая теория, обосновывающая необходимость активного вмешательства государства в экономическую и политическую жизнь общества, рассматривающая это вмешательство как высший результат и цель общественного развития.

Фридрих Август фон Хайек, придерживающийся традиций **классического либерализма**, критикует данную концепцию, отмечая, что существующие суверенные национальные государства делают возможным согласие на значительный масштаб государственного вмешательства.[4] Угроза чрезмерного государственного вмешательства реализуется именно в рамках традиционной национальной государственности.

Его последователь Людвиг фон Мизес подчеркивает, что существование монополий почти во всех случаях становится возможным только потому, что внешнеторговые тарифы поделили мировой рынок на маленькие национальные рынки.[5]

Взглядам неолибералов противостоит российский исследователь А.С.Панарин, полагающий, что нормальное международное экономическое соревнование и партнерские отношения вырастают из производительной экономики национального типа. Только на базе прочного национального суверенитета сегодня может созидаться производительная экономика, основанная на нормальной предпринимательской прибыли.[6] Следует иметь в виду, что предприниматели во множестве ситуаций зависят от вмешательства государств, и, соответственно, гибельно любое реальное ослабление государственной власти. По мнению Валлерстайна, государства критически важны для предпринимателей в первую очередь потому, что принимают на себя часть издержек производства, гарантируют квазимонополиям их устойчивые прибыли и поддерживают их усилия, направленные как на ограничение возможностей трудящихся классов защищать свои интересы, так и на смягчение недовольства народных масс за счет частичного перераспределения прибавочной стоимости.[7] Государство принимает законодательство, которое позволяет этому предприятию выживать благодаря приемлемому налогообложению. Квазимонополии – естественные монополии, им невыгодно создавать конкурентов. Государство за счет налогов берет часть прибыли на поддержку социальных программ.

Помимо этого, суверенные государства гарантируют предпринимателям права собственности, обеспечивают государственную защиту, защищают их интересы в борьбе с иностранными конкурентами и поддерживают порядок, гарантирующий их личную безопасность.[8] Действительно, самые известные международные корпорации, широко развернувшие свою деятельность по всему миру, жестко привязаны к своим странам происхождения. Для большинства транснациональных компаний страна происхождения играет существенную роль при размещении основных активов, центров исследований и разработок, организации контроля над собственностью и менеджмента. Большинство транснациональных компаний основные активы, производства, основные продажи и НИОКР имеют в стране происхождения.[9]

Тем не менее национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации, которая обуславливает ослабление государственного контроля. Дебаты по поводу национального государства или мультилатерализма, наднационального государства, как правило, сводятся к утверждению, что национальные государства утрачивают свой суверенитет и автономию, а более высокие инстанции соответствующим образом повышают концентрацию власти. Валлерстайн утверждает, что ни одно современное государство практически никогда не становилось полным сувереном даже в своих пределах, т.к. всегда ощущало сопротивление действиям власти. В такой же мере ни одно государство не реализовывало все свои суверенные права и во внешней политике; вмешательство одного государства в дела другого было и остается обычной практикой, да и весь кодекс международного права представляет собой не что иное, как совокупность ограничений внешнего суверенитета.[10] Многие страны признают преимущество международного права над национальным правом. В частности, Страсбургский суд выше национальных правовых инстанций.

Генри Киссинджер, в свою очередь, заявляет о смерти Вестфальской системы и бессмысленности идеи государственных суверенитетов, т.к. она ничего не противопоставляет насилию внутри страны и всему тому, что входит в понятие "нарушение прав человека".[11] Это мнение разделяет российский исследователь профессор А.Д.Богатуров, полагая, что государство утрачивает способность регулировать межэтнические отношения, проблемы которых могут быть лучше разрешены в рамках надгосударственных общностей.[12] Идеи о размывании суверенитета также придерживается профессор М.М.Лебедева.[13]

Европейские социал-демократы вообще рассматривают создание глобального гражданского общества как единственный путь замены национальных интересов общечеловеческими ценностями.[14] Таким путем произойдет распространение сферы общечеловеческих ценностей и обслуживание их институтов за пределы национальных границ. В частности, решения Страсбургского суда правомочны для национальных судебных систем. В гражданском обществе общечеловеческие ценности являются абсолютным приоритетом: например, право человека на свободу информации, передвижения, получения образования без национальных ограничений.

Если единственное следствие конфликта, завоевания и подавления заключается в разделении людей, то нации – суть продукты искусственных разделений, т.к. большинство из них возникли как реакции на конфликты, – полагают противники существования национального государства. Они говорят о том, что некоторые национальные государства возникли вследствие завоеваний и подавлений, войн с разделением территорий. Предпосылки создания национальных государств – подавление людей.

После Второй мировой войны связь национальных элит и их народов стала распадаться. Признак этого разделения – появление теорий гражданского государства, пришедших на смену теориям национального государства. Ранее национальные элиты не мыслили себя вне своих народов, и народы не мыслили себя вне своих национальных правительств (политическое самоопределение наций). Здесь под политическим самоопределением подразумевается политическое самоощущение, ментальность как населения, так и национальных элит в рамках национальных границ.

Наиболее остро кризис системы отношений государств-наций проявился на Балканах летом 1999 г. Государства-нации часто представлены титульной нацией. Вопросы этнических отношений в государстве должны решаться на международном уровне. Что касается Турции, то здесь наглядным примером является та роль, которую играет Европарламент в решении курдского вопроса.

Все настойчивей под сомнение ставится авторитет, легитимность, политическая власть и контроль государств внутри своих границ и вне их. Иными словами, с точки зрения этой идеологии, подлежит упразднению Вестфальская система, государственные суверенитеты, территориальная целостность. Вслед за эрозией государственного суверенитета оказываются размытыми нормы и принципы международного права.

Некоторые авторы доказывают, что теория национального государства будет заменена корпорациями. В частности, японский исследователь Кеничи Омае делает вывод о том, что национальное государство становится бессмысленным в современном мире, где доминируют транснациональные корпорации и существуют глобальные рынки финансов, товаров и труда.[15] Однако теория корпоративизма не учитывает того, что многие функции национального государства нельзя ничем заменить.

Например, корпорации не могут организовать национальную оборону или общественный порядок.

Вместе с тем действительно наблюдается снижение государственного контроля и трансформация суверенитета. Международные организации ограничивают государственный суверенитет сверху, а регионы – снизу. Региональные власти берут больше полномочий, приобретая больше прав.

Одиночная национально-государственная политика становится все более проблематичной. Одиночная политика означает изоляционизм. "Неоизоляционизм" нашел, в частности, выражение в критике (с либеральных позиций) НАТО и других военных союзов капиталистических стран, в выступлениях против чрезмерного внимания к внешней политике (в ущерб внутренним проблемам), в требованиях сократить военную помощь другим государствам, "уйти из Европы", прекратить агрессивную войну в Азии.

Уменьшение автономии выработки решений в президентской и парламентской системах демократии – частое явление в современной политической практике. Сотрудник Военного университета ПВО Бушев А.Б., считает, что возможности государства в современных условиях оказываются ограниченными во всех сферах деятельности – в обеспечении национальной безопасности, в создании условий для экономической безопасности и устойчивого развития экономики, в поддержании внутреннего порядка, подрываемого преступностью и терроризмом, коррупцией, нелегальной иммиграцией, в гарантировании гражданских свобод и прав человека, в защите окружающей среды ради экологической безопасности.[16] Этот список может быть продолжен за счет других сфер, в том числе тех, которые также традиционно были в ведении государства (здравоохранение, образование). Вследствие такого хода развития важнейшие проблемы национальной жизни – экономические, энергетические, экологические, продовольственные и многие другие – приобрели как внутренние, так и внешние аспекты и измерения.

С быстрым развитием средств транспорта и коммуникации, с все возрастающим потоком информации размывается традиционное различие между миром внутренним и внешним. Одновременно границы государства – эта основа и символ жесткого суверенитета – становятся все более проницаемыми и уязвимыми. С развитием современных видов транспарентности исчезают национальные границы.

Таким образом, возникает концепция **взаимозависимости**. С точки зрения академика Э.А.Позднякова, эта концепция означает прежде всего признание тесной взаимосвязи и взаимодействия внутренних и внешних факторов развития государства, а тем самым и ослабления жесткого суверенитета государств. Сегодня дополнительно к прежним элементам взаимозависимости прибавились современные формы интеграционных процессов, ведущие к ослаблению национального суверенитета за счет передачи некоторых прежде сугубо национальных функций наднациональным институтам. Немалую роль тут играют и вопросы безопасности.[17]

Аннулируется представление о закрытых, отграниченных друг от друга пространствах и этнонациональных государствах и, соответственно, о национальных обществах. Турция является примером многонациональной страны. Национальное общество данной страны представлено турками. Однако постепенно аннулируется представление о том, что Турция – государство турок. Импульсом данного процесса служат национальные меньшинства и миграционные потоки, демографическое движение в стране.

Разнообразие межгосударственных связей существенно увеличилось, что снижает степень уважения к государственным границам, уменьшает и роль государства.[18] Помимо этого, идет разрушение социального государства и национального консенсуса. Социальное государство предоставляет социальные программы в большом объеме. Национальный консенсус означает согласие. Это является одним из оснований для усиления дебатов о роли и силе государства, степени его вмешательства.

Государства утрачивают свою власть вследствие утраты легитимности, придаваемой государствам их народами, все более теряющими веру в улучшение своего положения. В результате происходит отречение от двух принципов доктрины национального государства: от отождествления государства с обществом и от положения об исключительно территориальной связи государства и общества. А.С.Панарин указывает на то, что процесс абстрагирования от национальных границ и традиций совпадает с абстрагированием от культурных качеств.[19]

Глобализация размывает не только экономические факторы народного богатства, но и социокультурные предпосылки национальной целостности – трудовые традиции, ценности, моральные нормы, а также продукты всеобщего духовного

производства – науки и образования.[20] Глобальное размывание экономического богатства означает денационализацию ресурсов: трудовых, природных, капитала. В условиях государства человеку предоставляется право выбора, где работать, идет миграция, владельцу капитала предоставляется возможность вкладывать в рамках мирового рынка, владельцам природных ресурсов дается возможность использовать инвестиции с мирового рынка.

Задача национального государства – создать условия, чтобы в максимальной степени ограничить утечку. Из бедной страны идет утечка в богатые страны. В сфере науки идет переток кадров, обмен информацией.

Таким образом, в процессе глобализации одновременно с подрывом национальных суверенитетов происходит гомогенизация мира, следование единым принципам, нормам и обычаям, их универсализация.[21] Гомогенный мир сводится к одномерности, одному стандарту, становится однородным.

Более того, в результате новой ситуации, сложившейся в мировом обществе, становится фикцией представление о национальном продукте, национальных фирмах, национальной индустрии. Э.А.Поздняков объясняет это тем, что потребности развития современного сложного производства порождают необходимость расширения производственных связей за пределы национальных границ, т.е. их интернационализации.[22] Соответственно, мировая экономика уже не может быть охарактеризована как совокупность самодостаточных национальных хозяйств.[23] А.С.Панарин отмечает, что национальные элиты получают возможность попасть в разряд мировой финансовой элиты, пользующейся всеми возможностями, открытыми глобализацией, предложив взамен важнейший стратегический товар – национальные территории и ресурсы.[24]

В результате можно говорить о подрыве роли национального капитала как самостоятельного субъекта межгосударственных экономических отношений.[25] Таким образом, происходит денационализация предпринимательского класса.

Отечественный экономист М.Г.Делягин полагает, что отдельные государства, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке, уже теряют суверенитет над национальной экономикой.[26] Увеличивается влияние мирового рынка, которому больше открываются национальные государства. Происходит свободная миграция, банкротство нерента-

бельных предприятий в стране, переход под контроль активов, территорий, если этот процесс не регулировать.

Действительно, в современных условиях надгосударственные и трансгосударственные субъекты (международные финансовые институты) обладают ресурсами, намного превосходящими возможности большинства государств. Через многосторонние организации транснациональный капитал устанавливает и распространяет общие правила на страны, фактически лишая их экономического суверенитета, но сохраняя правовую и политическую функцию организации жизни общества. В соответствии с требованиями международных организаций ограничивается государственное вмешательство в экономику и, следовательно, возможность проведения национально ориентированной экономической политики.[27] Деньги, технологии, товары, информация перешагивают границы, словно их не существует. Перемещения глобального капитала избегают регулирующего вмешательства государства. В условиях глобального капитализма, создания нового мира без границ власть национальных государств последовательно уменьшается.[28] В определенной степени это имеет положительные последствия, т.к. рынок дисциплинирует произвольно действующие государства.

Производственная действительность отражает сугубо индивидуальные интересы государства. Рынок принуждает работать на определенные потребности, вводит государства в рамки. Например, рынок не может допустить создание ВПК путем ограбления общества.

Ф.А.Хайек подчеркивает, что как только границы перестают быть закрытыми и обеспечивается свободное движение, национальные организации, будь то профсоюзы, картели или профессиональные ассоциации, утрачивают свои монополистические позиции, а значит, и способность контролировать в качестве национальных организаций предложение соответствующих услуг или товаров.[29] Монополии немыслимы без поддержки государства.[30] По мнению И.Валлерстайна, система, в которой государства играли ключевую роль в обеспечении безграничного накопления капитала, не способна более функционировать.[31] В настоящее время 53% всего экономического прироста ценностей обеспечивается транснациональными концернами, а не предприятиями, действующими в рамках какой-либо одной страны.[32] Интернациональные концерны стремятся избавиться от опеки государства и руководствуются политикой

минимизации его роли. В результате этого снижаются возможности национальных государств и соответствующих правительств влиять на создание рабочих мест и обеспечение благосостояния граждан.

Таким образом, глобальная экономика не признает никакой упорядочивающей силы в мировом обществе. Конкурентное отношение между государственными и транснациональными акторами означает, что национальные общества и мировое сообщество как бы вытесняют друг друга, ставя друг друга под сомнение. Государственная власть, предприниматели на национальной территории вступают в конкурентные отношения с филиалами ТНК, которые вступают в конкурентные отношения с национальными предприятиями, государственной властью.

Население, производители, государственная власть образуют национальное общество. Мировое сообщество руководствуется интересами глобального рынка и политики. Конкуренция вытесняет и стремится ограничить возможности конкурента. Национальные профсоюзы стараются не допустить, чтобы в монополии была безграничная власть. На этой основе возникает дискуссия о необходимости наличия ТНК, которые стремятся ограничить профсоюзы в контроле, учесть свои интересы больше, чем интересы национального государства.

С одной стороны, мировой рынок угрожает заменить национальную политику, с другой, – национальная политика повсюду сталкивается с новыми задачами, состоящими в том, чтобы политически оформить мировые рынки. Экспансия ТНК подменяет собой, угрожает национальной политике существующих государств. Мировой рынок пытается подмять все политические интересы национальных государств, преследуя цель получения прибыли от реализации, политических уступок. Национальные государства становятся местом интересов глобального рынка. Бюджеты национальных государств конкурируют с ТНК. Политики сталкиваются с необходимостью принятия филиалов ТНК, иначе отсутствуют источники получения мировых знаний. Они также стремятся минимизировать ущерб от функционирования ТНК на национальной территории с помощью политического и правового оформления: квот, ограничений и регулирования деятельности ТНК в рамках национальных территорий. Если же будет оказано чрезмерное давление, транснациональные корпорации полностью покинут территорию национального государства. Однако в отрыве от мирового рынка продукция останется неконкурентоспособной.

Вместе с тем в России существует точка зрения, что глобализация, подрывающая роль национального государства, – это инструмент Запада, при помощи которого он стремится ликвидировать сильных геополитических конкурентов (Россию, Китай, Индию).[33] Именно этим А.С.Панарин объясняет давление Запада на таких национальных лидеров, как президент Белоруссии А.Лукашенко или бывший президент Югославии С.Милошевич. Они выступили как нарушители закона стоимости, представители доэкономической политической культуры, выводящие национальные интересы из сферы финансового обмена[34].

Закон стоимости подразумевает, что все товары реализуются в соответствии с объемом затраченных на производстве ресурсов, в результате формируется соответственная цена. Национальные лидеры в данном контексте выступают как авторитарные правители. Цены определяет рынок, а в системе, созданной Лукашенко, цены определяет власть. Доэкономическая или дорыночная политическая культура наличествует, когда власть определяет все приоритеты экономики, цены на товары, что тождественно социализму. Приоритеты политики над экономикой обеспечиваются в случае, если политики их определяют, а экономике дозволено лишь их финансировать и обслуживать.

Вестфальская система ставится под сомнение и рядом международных соглашений, в рамках которых значительные объемы государственного суверенитета делегируются наднациональным органам. Национальные государства уступают часть своих властных полномочий транснациональным институтам и организациям. Таким образом, индивиды могут приобретать членство в различных национальных и транснациональных властных пространствах и осуществлять права участия в управлении и самоопределении – от локального до глобального уровней. Гражданство другой страны означает другое властное пространство, правопорядок другой страны, в результате индивид осуществляет права управления и самореализации от уровня штата до глобального уровня функционирования.

А.С.Панарин отмечает, что эпоха глобализма поставила национальные элиты в некоторое промежуточное положение: между собственным народом и международными центрами власти.[35] Следует учитывать, что в национальном государстве подчинение воле большинства облегчается благодаря идеологии национальной независимости. Соответственно, население

с меньшей готовностью станет подчиняться любым вмешательствам правительства в его повседневные дела, если контролирующее его большинство составляют представители разных национальностей и разных традиций. В результате рациональная готовность подчиняться парламентскому правительству сталкивается с протестом на психологическом уровне при осознании того факта, что решения формируются голосами представителей малых народностей.

Вместе с тем малые нации, вливаясь в сообщество больших, не занимают в нем подчиненное положение, как следовало бы, исходя из классического принципа соотношения сил, а постепенно начинают трансформировать это сообщество в направлении контроля над сильными.[36] В результате кооперации возникает прирост суверенитета, который идет на пользу и транснациональному объединению, и включенным в него локальным государствам.[37] В одиночку новые члены не могут противостоять старым, следовательно, прирост национальных суверенитетов возможен.

При этом Э.А.Поздняков отмечает, что ни один еще наднациональный орган не отменил ни суверенитета, ни границ, ни других важнейших политических атрибутов даже самого малого государства.[38] Возникает новая модель транснационального государства.

В свою очередь, идеология (концепция прав человека) способствует трансформации международных отношений, придавая наднациональный характер всей системе международного порядка.[39] В интернационалистической модели межгосударственные организации пытаются взять на себя ведущую роль в защите прав человека, и в определенной степени это им удается. Однако их способность действовать эффективно зависит от кооперации государств. Насколько государства готовы поддержать межнациональные решения, настолько согласованно они действуют.

Наднациональные организации, создаваемые в различных регионах мира, в основе своей продолжают опираться на государства, на их политическую волю, заинтересованность в существовании таких организаций. Они служат интересам государств, не наоборот.

Более того, возникают идеи глобального администрирования и управления. Новая глобальная политика будет характеризоваться трансферриториальностью и транснацио-

нальностью. Транснациональность означает осуществление единого руководства, контроля, совместную международную сферу деятельности, межнациональность. Основания для этого – размывание границ национальной политики в современную эпоху, возникновение новой совместной модели политических действий. Глобальное управление и совместные, транснациональные политические действия становятся необходимыми для разрешения экологических проблем, борьбы с терроризмом, эпидемическими заболеваниями и глобальной преступностью.

Наряду с централизацией власти транснационального капитала происходит интернационализация экономической политики национальных государств.[40] Под центральной властью подразумевается вся деятельность ТНК, которая простирается на десятки стран и подчиняется единому руководству и стратегии из штаб-квартиры. ТНК являются носителями всего самого передового, национальному государству крайне не выгодно не пускать их.

Международное разделение труда, интернационализация производства и растущая взаимосвязь национальных экономик получают во второй половине XX в. мощное ускорение благодаря достижениям научно-технической революции, прежде всего в области информации.[41] Резко увеличился общий объем международного (транснационального) капитала с его ориентацией на внешнюю экспансию, захват новых рынков, установление международных производственно-кооперационных связей.[42] Таким образом, если на региональном уровне интеграция невозможна без активной роли государств, делегирующих на добровольной основе часть своих полномочий надгосударственным структурам, то основным регулятором глобальных интеграционных процессов де-факто стали глобальный финансовый рынок и крупный корпоративный капитал.[43]

Глобальные интеграционные процессы в рамках мирового рынка, т.е. ТНК, регулируют исключительные экономические интересы. От государств зависит степень регулирования: не пускать или либерализовать условия. Однако государство проигрывает в любом случае: ТНК разрушат национальные экономики или вовсе покинут данную территорию.

Объединяясь и передавая часть своих суверенных прав в области внешнеэкономических связей наднациональным структурам, государства получают преимущество на глобальных

рынках под прикрытием коллективного экономического суверенитета.[44] Однако относительно устойчивое равновесие национального и интернационального достижимо только в группе промышленно развитых стран.[45] Соотношение национальных и интернациональных интересов балансирует между интересами национальной экономики и привлечением ТНК. Нахождение устойчивого равновесия является максимально возможным положительным эффектом для национальной экономики.

Необходимо учитывать, что экономические акторы действуют транснационально и избегают национально-государственного контроля и политики, в результате возникают негативные последствия транснациональной экономики – растущая безработица и бедность. Бедность в процессах обостряющегося взаимовлияния качественно меняется: она возрастает и многократно фрагментируется. Происходит минимизация национального государственного вмешательства в дела ТНК, современное переоборудование ведет к сокращению занятости. Если данная ситуация не оговаривается, ТНК неуклонно следуют исключительно корпоративным интересам, не учитывая социальные права.

Вместе с тем глобализация обязательно приводит к региональной интеграции. Гораздо чаще и намного эффективнее интернационализация происходит на региональном уровне и в приложении к отдельным сферам, видам, направлениям деятельности. Интернационализация предприятий означает размещение филиалов в разных странах и создание руководящего центра в отдельной стране.

Главный качественный признак современной интернационализации состоит в том, что она стимулирует появление самостоятельных, устойчивых, существующих и действующих во многом автономно от государства форм международного взаимодействия (союзы, соглашения и организации). Здесь имеются в виду взаимоотношения между ТНК, частными монополиями, группой лиц, идущих на соглашение между собой, исходя из экономических интересов.

Интернационализация формирует целые направления и области деятельности, осуществление которых возможно только при международном сотрудничестве. При этом она не приводит к размыванию, исчезновению ее участников, хотя способна со временем приводить к изменениям отдельных значимых их характеристик и признаков. Соглашение о совместной деятельности филиалов, договоренность о ценах, реа-

лизации, остаются самостоятельными, но меняются характеристики: договоренность диктуется не рынком, для этого слишком мало участников.

Для внутренней политической стабилизации интернационализация и, как следствие, интеграция полезна тем, что, став союзниками, государства-участники устанавливают отношения добрососедства. Интернационализация подразумевает деятельность ТНК, которая в состоянии воздействовать на политические органы государств. Именно транснациональные корпорации стимулируют оформление договоренности об интеграции. Чем шире рынок, тем шире влияние ТНК, оформленное политическими решениями.

Ф.А.Хайек полагает, что главная цель межгосударственной федерации – обеспечить мир: предотвратить войны как внутри нее, устранив трения и создав эффективный механизм урегулирования всех споров, могущих возникнуть среди ее членов, так и между ней и любыми независимыми государствами, сделав ее столь сильной, чтобы исключить любую опасность нападения извне.[46] Российский европеист О.В.Буторина отмечает, что региональная интеграция имеет три главные цели: укрепление позиций группировки в мире, политическая стабильность внутри региона, рост экономики и благосостояния. В дальнейшем усиление хозяйственной взаимозависимости делает военные действия внутри группировки экономическим абсурдом.

Кроме того, интеграция призвана выравнивать межрегиональные различия в уровнях экономического развития и сглаживать перепады хозяйственной конъюнктуры, что также сужает базу для внутренних конфликтов.[47] Например, страны с разным уровнем экономического развития, межрегиональными различиями, вовлеченные в процесс европейской интеграции, могут надеяться на помощь ЕС при перепадах хозяйственной конъюнктуры: в частности, при повышении цен на энергоносители; на получение дополнительных рынков сбыта, на появление возможности снизить базу для внутренних конфликтов. Хозяйственная конъюнктура означает перепады спроса и предложения в условиях мирового рынка на отдельную продукцию.

Соответственно, является само собой разумеющимся, что экономический и политический союзы необходимо совмещать. Политика без экономики повисает в воздухе, политика призвана обслуживать экономические потребности при необходимости ее корректирования. Политика заботится о перераспреде-

лении доходов в пользу малоимущих слоев населения с целью получения голосов.

В течение последних десятилетий в мире идут процессы, связанные прежде всего с научно-технической революцией и потребностями интернационализации и интеграции производства. Интернационализация предполагает объединение действий нескольких субъектов мировой экономики, политики вокруг общей задачи, цели, вида деятельности. Субъектами мировой экономики являются государства и частные предприятия, субъектами политики – государства.

Усилить конкурентные позиции в глобальной экономике, отстоять право участия в распределении мирового дохода страны стараются, усиливая свой территориальный статус в составе региональных экономических союзов и объединений. Развивается процесс интеграции как потребительского рынка, так и производства на глобальном уровне. Например, фонды ЕС осуществляют перераспределение доходов. Новые страны, отстаивающие права в Евросоюзе политическими методами, вступают в него с целью получения безвозмездной помощи. Они действительно усиливают свою экономику, если деньги из фондов пошли на производственные нужды.

Таким образом, усиление территориального статуса означает усиление экономики при политическом оформлении, следовательно, новые страны после вступления в ЕС сильнее, чем до этого шага. По такому же принципу Парижский клуб провозгласил своей целью погашение задолженности в 70% третьему миру.

Российский исследователь Н.А.Косолапов отмечает, что интернационализация не универсальна по охватываемым субъектам и пространству и не обязательно вовлекает всех участников международной жизни.[48] Существуют другие формы вовлечения отдельных субъектов в мировой рынок, когда выходят мелкие фирмы индивидуально, ТНК необязательно охватывают все предприятия.

Одним из самых крупных преимуществ межгосударственной федерации считается тот факт, что она устраняет препятствия на пути движения людей, товаров и капитала между государствами и делает возможным создание общих норм права, единой денежной системы и общего контроля за средствами коммуникации. Ф.А.Хайек подчеркивает, что в федерации экономическая политика должна принять форму обеспечения ра-

циональной и стабильной правовой рамки, в пределах которой индивидуальная инициатива будет иметь по возможности самое широкое поле для проявления. Эта политика должна будет также дополнять работу конкурентного механизма там, где оказание определенных услуг в силу их природы не может осуществляться или регулироваться ценовой системой.[49]

Невозможно переоценить материальные выгоды от создания объединенной экономической зоны. Интеграционные процессы внутри блоков позволяют собрать воедино интеллектуальные и материальные ресурсы стран региона и создать более благоприятные условия для их экономического развития и конкурентного преимущества на мировом рынке. Кроме того, такие блоки являются своего рода защитной реакцией на дестабилизацию экономической ситуации и экономические кризисы.[50]

При этом российский исследователь Н.Б.Кондратьева отмечает, что интеграция, хотя и подразумевает оказание помощи отстающим странам, но вовсе не гарантирует выравнивание уровней социально-экономического развития всех участников группировки.[51] Взаимное притяжение и сращивание национальных хозяйств рыночного типа возможно лишь по достижении ими достаточно высокого уровня технико-экономического развития, когда в структуре производства стран-партнеров преобладает обрабатывающая промышленность. Сращивание производства возможно при достижении договоренности о специализации по странам, например, по обрабатывающей промышленности: готовым изделиям и сборке для потребления.

И наоборот, интеграция объективно противопоказана странам аграрно-сырьевого профиля, производящим не столько взаимодополняющие, сколько конкурирующие друг с другом продовольственные товары, топливо, сырье.[52] Профессор Ю.А.Борко подчеркивает, что страны, экспортирующие продукцию с невысокой степенью обработки, объективно не заинтересованы во взаимной торговле и, следовательно, в интеграции.[53]

Необходимым условием создания экономического союза является снятие экономических барьеров между его членами. Ф.А.Хайек полагает, что было бы в равной мере полезно для всех территорий, составляющих суверенные государства, если бы не было таможенных барьеров, раздельных денежных систем и всех остальных препятствий на пути свободного движения людей и товаров.[54]

В свою очередь, Ю.А.Борко отмечает, что лишь с созданием экономического и валютного союза завершается в основном процесс трансформации системы взаимопереплетенных национальных хозяйств в сложившуюся, вполне интегрированную региональную экономическую систему.[55] Интеграционное объединение экономик означает региональную экономическую систему на базе взаимопереплетения в области экономики и координации экономической политики.

Поскольку полномочия интегрированных государств будут урезаны еще сильнее, большая часть ставшего привычным вмешательства в экономическую жизнь окажется совершенно неосуществима при федеративном устройстве.[56] Системы национального государственного регулирования являются устоявшимися: в частности, движение курсов валют, таможенных пошлин, налогообложение. Либеральный экономический режим является необходимым условием для успеха любой межгосударственной федерации, соответственно, отмена национальных суверенитетов и создание эффективного международного правопорядка – необходимое дополнение и логическое завершение либеральной программы.[57]

Тот факт, что в межгосударственной федерации часть экономических полномочий, обычно принадлежащих национальным государствам, не могла бы осуществляться ни ею самой, ни входящими в ее состав отдельными государствами, подразумевает, что в целях жизнеспособности федерации роль правительства везде и во всем должна быть меньше. В интеграции роль правительства должна быть ниже, чем до интеграции. Государство передает часть полномочий наднациональным органам, следовательно, сфера его полномочий снижается. Подразумевается, что, интегрируясь, государство соглашается ограничить полномочия.

Отдельные направления экономической политики должно осуществлять исключительно федеративное правительство. Ф.А.Хайек настаивает, что федерация должна будет обладать негативными полномочиями с тем, чтобы не допускать определенные формы вмешательства в экономическую деятельность государств-членов, хотя при этом она может не иметь позитивных полномочий на то, чтобы действовать вместо них.[58] Чтобы предотвратить уклонения от фундаментальных установлений, обеспечивающих свободное движение людей, товаров и капитала, желательно, чтобы конституция межгосударственной фе-

дерации еще больше стесняла свободу действий отдельных государств, а их полномочия на самостоятельную деятельность ограничивались дополнительно помимо конституции.

Наднациональные органы могут не допускать вмешательства государства, однако они не могут действовать вместо национальных государств, в частности, регулировать рынок. Наднациональные органы существуют для недопущения излишнего государственного вмешательства. В конституции все аспекты учесть невозможно, должны быть приняты дополнительные законодательные акты в пользу либерализации межгосударственных отношений. Подобные ограничения нужны не только по отношению к государственной экономической политике членов федерации, но и по отношению к экономической политике торгово-промышленных и профессиональных организаций, распространяющих свою власть на территорию какого-то отдельного государства.

Необходимо учитывать, что разнообразие условий и различия в стадиях экономического развития, достигнутых разными частями федерации, создадут серьезные препятствия для федерального законодательства. Даже такие законодательные меры, как ограничение продолжительности рабочего дня или обязательное страхование от безработицы, или охрана природы, будут восприниматься по-разному в бедных и в богатых регионах и могут в первых на самом деле приносить вред и вызывать резкое сопротивление со стороны той категории людей, которая в более богатых регионах этого требует и выигрывает от этого. Здесь Хайек указывает, что во многих случаях, когда окажется невозможно достичь подобного согласия, следует скорее пойти на то, чтобы не иметь законодательства в определенной сфере вообще, чем иметь законодательство государств-членов, разрушающее экономическое единство федерации.[59]

Модель развития за счет интеграции, т.е. по сути за счет привлечения все новых ресурсов из менее развитых стран, была экономическим содержанием послевоенного мира. До начала широкого распространения информационных технологий развитые страны нуждались в остальном мире как источнике материальных ресурсов. М.Г.Делягин полагает, что в настоящее время зависимость развитых стран от остального мира ограничена преимущественно энергоносителями и рабочей силой, в первую очередь интеллектуальной, а также поддающим-

ся культурной интеграции демографическим сырьем, необходимым для компенсации демографического кризиса.[60]

В ходе экспансии мирового рынка все большее количество регионов интегрируются в капиталистическую систему, в результате чего ликвидируются локальные и национальные пространства самообеспечения и экономики. Постоянное расширение рынков сбыта и ресурсов является единственно возможной формой прогресса, а следовательно, и долговременного существования рыночной экономики.[61] По мнению Н.А.Косолапова, благополучие и процветание даже экономически ведущих стран решающим образом зависит от внешних рынков и связей.[62] Таким образом, возникает единый мир, но не как следствие многообразия, взаимной открытости, т.е. плюралистическо-космополитического представления, а как единый товарный мир. Плюрализм означает многообразие, а космополитизм – многообразие в рамках всеобщего. В этом мире национальные культуры и идентичности утрачивают свои корни и заменяются символами товарного производства.

Н.А.Косолапов делает вывод о том, что интернационализация создает новые центры влияния, координации, регулирования; множит источники силы и власти; в ней заключено мощное демократизирующее начало. Демократизация охватывает интересы широкого круга занятых, и большинство выигрывает, приобретает дополнительные доходы. Большинство занятых в ТНК получает доходы, поддерживающие интересы большинства. ТНК позволяют людям осуществлять свободу выбора, дают ресурсы и деньги в большем объеме, нежели в рамках национальных границ, предоставляют человеку право на получение дохода в корпорации, увеличивают возможности большинства для получения доходов.

Глобализация, наоборот, несет начала централизации, подчинения, авторитаризма.[63] Глобализация в экономическом плане означает, что ТНК изначально подчиняются деятельности штаб-квартир, это является элементом зависимости. Если на месте расширить права отдельных занятых, то в целом от глобализации выигрывают самые мощные страны. Она грозит нации утратой идентичности и ставит под сомнение то, что именуется методологическим национализмом, когда контуры общества в значительной мере покрываются контурами национального государства.[64] Принцип ортодоксального национализма подразумевает, что интересы одной нации превыше всего,

остальные сосредоточены на их обслуживании. Основой общества является национальное моноэтническое государство. В качестве примера можно привести защиту Евросоюза от мусульманских иммигрантов национальными политическими партиями. Вместе с глобализацией во всех сферах возникает не только новое многообразие связей между государствами и обществами; в куда большей мере рушится структура основных принципов, на которых до сих пор организовывались и жили общества и государства, представляя собой территориальные, отграниченные друг от друга единства.

С появлением символических миров глобальных индустрий тождество государства, общества и национальной идентичности упраздняется: представление о возможном существовании уже нельзя понимать в национальном или этническом плане, оно мыслится только на фоне мирового общества. Символические миры глобальных индустрий представляют собой производство в глобальном масштабе с участием производителей из разных стран, объединенных только экономическими интересами. Глобальная индустрия не узаконена, не существует политического соглашения между правительствами. Таким образом, символические означают временные. Подобные предприятия упраздняют национальную идентичность на время действия, т.к. это продиктовано экономическими, а не национальными интересами.

Мировое общество подразумевает негосударственное общество, т.е. такую систему, при которой территориально-государственные гарантии порядка и правила общественно-легитимированной политики теряют свою обязательность. В экономической индивидуальной жизни люди мыслят наднациональными категориями, границы приобретают формальный характер. Легитимирующее политику общество заменило узаконенные в стране правила порядка на правила международного общения. Наднациональные правила приобретают право первенства над национальным законодательством. Имеется в виду совокупность не национально-государственных, политически организованных социальных и властных отношений, опыт жизни и действий поверх границ.

Если трактовать государство западной традиции как гражданскую ассоциацию, которая служит определенной цели: объединить социальную, политическую и экономическую деятельность своих граждан, то глобализация несет с собой эрозию

государственной структуры институтов. Ассоциация означает гражданское общество. Глобализация несет усиление авторитаризма и понижает соблюдение свобод. Гегемония определенных стран ведет к зависимости мелких государств, что приводит к ущемлению их прав.

Многие авторы видят в эре глобальности начало отмирания национального государства, а значит, и демократии. Глобализация означает разрушение единства национального государства и национального общества. Образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты между национально-государственными единствами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами и процессами, – с другой. Транснациональная идентичность означает ТНК, действующие по всему миру. Транснациональное социальное пространство представлено штатом транснациональных корпораций. Транснациональные процессы являются экономическими процессами в рамках ТНК. Экономический процесс подразумевает работу корпорации на прибыль: производство и налоги в рамках глобальной компании.

Единство государства, общества и индивида рассыпается. Понимание государства освобождается из территориальных ограничений теории национального государства. Глобализация ставит государства перед выбором: потеря национального суверенитета или транснациональная кооперация. Транснациональная кооперация позволяет сохранить национальный суверенитет. В этом случае не сами государства выходят на глобальный рынок, а пускают ТНК, которые вписывают их в глобальный рынок.

Не существует ответа на глобализацию в рамках индивидуального государства. Директор Центра политических исследований в Загребе А.Милардович считает, что формы демократии в эпоху глобализации политики проходят определенные трансформации, сужающие автономию выработки решений национальными государствами.[65] Не только экономическая, но и информационная глобализация уменьшает автономию в создании и выработке политических решений, независимо от типа правления – президентства или парламентаризма. Государства и правительства с разными типами демократии будут выравниваться, все чаще оказываясь в подчиненном положении перед межправительственными организациями и глобальными игроками.

Все сильнее распространяется универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения. Концепция национального государства привязывает культуру к определенной территории, она исходит из допущения, что культура является результатом преимущественно местных процессов обучения. В этом смысле общество или социальная группа обладает своей собственной, отграниченной от других культурой. В глобальном масштабе происходит выравнивание социокультурного поля мира: жители менее развитых стран осваивают стандарты жизни высокоразвитых, которые становятся для них эталоном. Эта тенденция может быть оценена положительно – как обмен передовыми достижениями и осуществление просвещенческо-модернизаторской миссии развитых в отношении отсталых. Однако приобщение к стандартам высокоразвитых стран вовсе не означает, что выравниваются и соответствующие возможности.

Кроме того, уменьшается роль государства как гаранта всеобщего благосостояния. Включение в мировой рынок и глобализация – взаимодополняющие процессы всемирного передела богатства, суверенитета и власти. Глобализация обеспечивает господство сильных, передел богатства в их пользу. В особенности ТНК США манипулируют ресурсами в своих интересах.

Глобализация разрушает административные барьеры между странами, объединяет региональные финансовые рынки, придает финансовым потокам, конкуренции, информации и технологиям всеобщий, мировой характер. Административные барьеры представлены границами. Рынки капиталов, валютно-денежные рынки объединяются в регионе, например, в зоне евро, где беспрепятственно перемещаются капиталы.

Важнейшая черта глобализации – формирование единого мирового финансово-информационного пространства, в которое погружается не только коммерческая, но и вся деятельность человечества. Этот процесс втягивания большей части человечества в единую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций обозначается термином «неолиберальная глобализация».[66] Примером общественно-политических связей является Социнтерн и другие международные объединения.

При этом А.С.Панарин отмечает, что все процедуры, связанные с отделением производительной прибыли от спекуля-

тивно-перераспределительной, с запретом на беспрепятственный вывоз добытого на месте капитала за границу, осуждаются глобалистами от имени либеральных принципов невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь.[67] Производственная прибыль определяется в процессе производства, спекулятивно-перераспределительная прибыль приобретается путем игры акциями на международных фондовых рынках, а также через портфельные инвестиции в эти рынки.

Вместе с тем экономический раскол мира, усиленный неолиберальной политикой глобализации, увеличивает разрыв между развитыми странами и странами бывшего третьего мира.[68] Статистика свидетельствует, что реальные экономические «ножницы» между центром и периферией мира не сокращаются, а увеличиваются.[69] В результате в рамках глобальной экономики сохраняется и даже углубляется дифференциация стран по уровню развития, воспроизводится фундаментальная асимметрия между странами по степени их интеграции и конкурентному потенциалу.[70] Каждая страна интегрируется с определенными оговорками в зависимости от внутренней ситуации, чем слабее страна, тем больше оговорок она выторговывает.

М.Г.Делягин указывает на тот факт, что процессы глобализации конкуренции приобрели всеобщий характер.[71] Глобальная конкуренция происходит в условиях доминирования глобальных монополий на объединяющихся рынках как экономическими, так и неэкономическими мерами, она носит жесткий всеобъемлющий характер и ведет к неотвратимой деградации слабейших участников.[72] Таким образом, экономическая и политическая экспансия глобального капитала ведет к беспрецедентному росту взаимозависимости стран и регионов и одновременно еще большему расчленению мира.[73] Филиалы транснациональных корпораций предоставляют рабочие места местному населению, которое поднимает другие сегменты рынка. Занятые на местах остаются беднее титульной нации ТНК, однако становятся богаче своего прежнего уровня.

Кроме того, идут процессы трансформации самих демократий в глобальную, космополитичную демократию, примером которой является проект Европейского Союза. Космополитичная демократия является всемирной и всеохватывающей.

На политической арене все больше полномочий обретают транснациональные структуры, например МВФ, Мировой Банк, ВТО, различные общественные организации. Некоторые из по-

добных институтов становятся инструментарием построения нового миропорядка (НАТО). Расширение влияния этих структур стало возможным благодаря новым информационным технологиям, которые делают власть государства относительной и создают сверхнациональные сети. Даже правовые принципы легитимируются и гарантируются транснациональными и локально связанными парламентами и судами (по образцу Европейского парламента и Европейского суда). Государства больше не способны проводить самостоятельную социально-экономическую политику, когда на них давят глобальные игроки – МВФ, корпорации.

В то же время социум национальных государств все более отчетливо разделяется на два жизненных пространства. Первое образуется сообществами людей, которые сохранили традиционные сети родства (эта форма отношений доминирует на Востоке). Они нацелены на удержание территориальных владений национальных элит (государственных границ, суверенитета) и заинтересованы в сохранении мультикультурного формата мирового социального пространства. Второй мир – это общество массового потребления, в котором индивиды свободно пересекают прозрачные границы в поисках личного успеха (эта форма отношений доминирует на Западе).

Между тем **примером удачной региональной интеграции, защищающей ее участников от вызовов глобализации, является Европейский Союз**. В Европе после Второй мировой войны начало формироваться **функционалистское направление** в теории интеграции. В данном контексте функциональность означает интеграцию по всем аспектам. Это направление получило название интеграции посредством права и в настоящее время доминирует в ЕС. Неотъемлемой составной частью данной теории является обоснование и разработка методов использования правовых институтов для углубления интеграционных процессов путем расширения воздействия европейского права и совершенствования правовых механизмов сообществ с целью преодоления разногласий в позициях государств-членов.

Подготавливая почву для создания объединений европейских государств, французский государствовед Ж.Бюрдо распространил понятие федерализма на различные формы существовавших тогда государственных объединений. В свою очередь, один из основоположников объединенной Европы Шарль де Голль считал трансграничное сотрудничество единственной

возможностью преодоления национальных эгоизмов, выдвинув формулу «от Европы отечеств к Европе регионов».

Начальным этапом на пути европейской интеграции стало создание Европейского объединения угля и стали в 1952 г. Новым в структуре ЕОУС стало то, что его решения воздействовали на индивидуальные предприятия без посредства национальных правительств, т.е. подобно тому, как акты федерального правительства непосредственно обязывают государства-члены. О.В.Буторина заключает, что поставив таким образом под наднациональный контроль стратегические отрасли, недавние противники в войне создали базу для долгосрочной политической стабильности в регионе.[74]

Уже первые шаги по пути создания Общего рынка, выразившиеся в ограничении компетенции органов национальных государств и их принуждении выполнять предписания учреждений вновь созданных объединений, обострили споры о природе сообществ. Европейские сообщества являются объединением государств, которые стремятся к политическому и экономическому единству при частичном отказе от своих национальных суверенитетов. Признание за ЕС статуса федерации неизбежно предполагает в перспективе лишение государств-членов права быть суверенными. Поиски нового определения процесса интеграции привели к использованию понятия наднациональность. Действительно, страны-участницы уступают часть суверенных прав наднациональным институтам и объединениям, отменяются национальные границы в пределах Европейского Союза. Этот феномен проявляется также в том, что наднациональные власти могут обращаться, минуя национальные власти, к гражданам государств-членов. При этом суверенные страны-участницы являются не менее значимой международной реальностью, чем Европейские Сообщества. Тем не менее суверенитетов двух порядков быть не может, что предполагает лишение суверенитетов государств-членов в отдаленной перспективе.

Вместе с тем Делягин полагает, что в переносе управляющих систем на наднациональный уровень заключается европейская модель цивилизационной экспансии, подразумевающая объединение и гармонизацию разнородных интересов на основе единой системы гуманистических принципов.[75] При этом национальные интересы государства (т.е. важнейшие составляющие суверенитета) уступают место общечеловеческим ценностям, следование которым объявляется высшим приори-

тетом. Происходит добровольный отказ от ряда суверенных функций национального государства в пользу Европейского Сообщества и его институтов, достигается согласие на вмешательство во внутренние дела в интересах всеобщего мира, безопасности, стабильности, демократии, соблюдения прав человека. Борко подчеркивает, что идея единой Европы предполагает объединение государств, приверженных ценностям западного общества, рыночной экономике и политической демократии.[76] В итоге Европейский Союз оформился как организация государств, имеющих сходное общественно-политическое устройство и общие ценности.

В Договоре о Европейском Союзе, подписанном 7 февраля 1992 г. в Маастрихте и обновленном в Амстердаме (октябрь 1997 г.) и в Ницце (декабрь 2000 г.), были зафиксированы конкретные цели, которые поставили перед собой государства-члены ЕС на новом этапе движения к интегрированной Европе. «Первая опора» подразумевала создание в рамках ЕС экономического и валютного союза и замену национальных валют единой валютой, получившей позже наименование – евро. «Вторая опора» – введение общей внешней политики и политики безопасности, а в перспективе – и общей политики в области обороны. «Третья опора» – учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции при организующей роли и прямом участии институтов ЕС.

Таким образом, стратегия развития Европейского Союза после подписания Маастрихтского договора разработана с учетом трех основных факторов. Во-первых, после завершения перехода к единому общему рынку ЕС достиг такого уровня, когда очередной практической задачей стал переход к созданию экономического и валютного союза. Во-вторых, завершение холодной войны и изменения, произошедшие в странах Центральной и Восточной Европы, открыли новые перспективы пространственного расширения европейской интеграции. В-третьих, курс на расширение соседствует со стремлением к дальнейшей консолидации ЕС, что диктуется состоянием мировой экономики, обострением глобальных проблем, стоящих перед человечеством, и задачами укрепления мирового правопорядка, урегулирования военных конфликтов в горячих регионах, обеспечения всеобщей безопасности.

Финансовая либерализация была направлена на то, чтобы дать возможность европейским финансовым центрам занять

ведущие позиции в мире. Финансовая либерализация означает снятие барьеров на движение капиталов. Финансовые центры представляют собой банки и кредитные организации, при либерализации им дается возможность оперировать и свободно конкурировать на мировом рынке.

Помимо этого, провозглашалась задача строительства Европы граждан, т.е. создание политико-правовых условий, способствующих формированию у граждан стран ЕС европейского самосознания. О федеральной основе ЕС свидетельствуют следующие элементы, закрепленные в договоре: территория без внутренних границ, общая валюта, проведение согласованной политики, принятие решений квалифицированным большинством.

В результате Евросоюз от объединения государств перешел в качественно иную степень интеграции, осуществляя общую политику по общим правилам. Введены единая валюта и общая экономическая политика, создано шенгенское пространство, развернута деятельность европейского полицейского ведомства – Европола, возник институт европейского гражданства, создается общеевропейский потенциал безопасности и обороны, в том числе силы быстрого реагирования, подписан Конституционный договор. По мнению О.В.Буториной, успешная интеграция Евросоюза действительно способствует решению экономических и политических задач региона, содействуя хозяйственному развитию и гарантируя долговременную безопасность.[77]

Кроме того, наднациональность отражена в широте компетенции органов Европейских Сообществ, обязательности их решений непосредственно для граждан государств-членов, возможности представления вовне. Очевидно, что органы власти ЕС подобны органам федерального государства, в частности, они основаны на принципе разделения властей. В сообществах исполнительная власть принадлежит Комиссии, законодательная осуществляется Советом и Парламентом и, наконец, судебная, реализуемая Европейским Судом, автономна. Однако из самого порядка формирования органов сообществ – Комиссии, Суда – вытекает их зависимость от государств-членов. Борко указывает на то, что в текст Маастрихтского договора включен принцип субсидиарности, согласно которому уровень принятия решений должен соответствовать характеру и масштабу решаемой проблемы, причем полномочия делегируются снизу вверх.[78] Вместе с тем Договор о ЕС не предусматри-

вает разделения компетенции между органами сообществ и государств-членов. Российский исследователь О.Ю.Потемкина отмечает, что здесь наднациональный характер интеграции становится вызовом национальной идентичности и суверенности государств, т.к. устанавливается биполярная структура власти на европейском уровне, внутри которой институты ЕС и государства-члены делят полномочия.[79]

Что касается общей внешней политики ЕС, то ОВПБ предполагает не только взаимные консультации, но и выработку общих позиций государств-членов, которые потом реализуются через совместные действия, а также разработку коллективных стратегий ЕС в отношении третьих стран и регионов. Кроме того, Евросоюз рассматривает в качестве очередного шага в своем интеграционном развитии создание европейских вооруженных сил и выработку общей оборонной политики.

Таким образом, если наднациональное руководство ЕС должно нести ответственность за поддержание мира, тогда Евросоюз, а не его члены должен отвечать за все решения, которые нанесут ущерб или принесут пользу его участникам. В связи с тем, что функции государства в этой сфере составляют суть национального суверенитета, их передача на наднациональный уровень представляет собой трудную политическую и психологическую проблему. Выработка общей внешней политики Евросоюза осложняется тем, что не только политические силы старой Европы, но и вновь вступившие в него страны имеют разную внешнеполитическую ориентацию. В результате принципиальные вопросы ОВПБ остаются в ведении национальных государств, что одобряют приверженцы конфедеративного принципа устройства Европы.[80]

Вместе с тем критики наднационального характера Евросоюза отмечают, что в нем отсутствуют традиционные либерально-демократические методы контроля, проверки и подотчетности государственных органов и их деятельности.[81] Как следствие – состояние европейской демократической культуры находится в плачевном состоянии. Действительно, вся политическая власть Европейского Союза сосредоточена в центре. Все основные инициативы и решения исходят только из центра. ЕС упрекают в недостатке информации и проверки парламентами и гражданским обществом в отношении нововведений; отсутствии возможностей проверять их применение на практике; ограничении свободы информации. Особенно указывается

на совещательный характер процедуры проверки новых правил Евросоюза национальными правительствами и парламентами и излишнюю бюрократизацию органов ЕС. В повседневной политической деятельности ЕС тратит колоссальные силы на объединение и согласование интересов разнородных национальных бюрократий. В результате возникает серьезная проблема низкого качества управления Европейским Союзом, которая подрывает его конкурентоспособность.

Бюрократическое управление неэффективно, в этой ситуации трата ресурсов превышает полученный прирост благ. Ключевым же фактором конкурентоспособности в современном мире является именно эффективность управления, в первую очередь государственного.

Более того, М.Г.Делягин указывает на значительные масштабы инфантилизации национальных европейских систем управления.[82] Развитие Европы направляется в первую очередь национальными бюрократиями, которые выступают в роли координатора. Но в их среде, особенно в небольших странах, утрачивающих реальную самостоятельность по мере интеграции, все больше развивается безответственность, стремление перекладывать принципиальные решения и ответственность за них на Брюссель. В результате развитие Европы рискует подчиниться не содержательным интересам, а идеологическим принципам. Значительная идеологизация уже является недостатком европейского управления. В частности, последнее расширение Евросоюза произошло во многом под действием формально-бюрократических и идеологических мотивов. Очевидна пагубность последствий подобных шагов для конкурентоспособности, они ведут к утрате эффективности.[83]

1 мая 2004 г. произошло знаменательное для современного мира событие: к 15 странам-ветеранам ЕС прибавилось 10 новичков. За исключением Польши, это небольшие страны. Совокупная численность их населения не достигает и 75 млн. чел. С их вступлением территория Союза увеличилась на 25%, население – на 20%, объем экономики – на 5%[84]. Новый ЕС становится самым крупным интегрированным рынком в мире и по объему экономики отстает лишь от НАФТА (Североамериканской зоны свободной торговли, объединяющей США, Канаду и Мексику).

Политически расширение ЕС привело к укреплению молодых демократий и общей стабилизации положения на конти-

ненте. Европейская зона стабильности распространилась на территории новых стран, которые получили возможность апеллировать на международной арене к авторитету ЕС; участвовать в принятии решений в Евросоюзе (учитывая при этом скрытое неравноправие «старых» и «новых» членов); получать финансовые дотации из структурных фондов Европейского Союза, а также инвестиции и современные технологии, что в перспективе должно привести к повышению конкурентоспособности экономики и усилению позиций в международном разделении труда на мировом рынке товаров и услуг. Международное разделение труда в данном контексте означает специализацию в поставках отдельных стран и сегментов рынка.

В то же время «новичкам» грозит частичная потеря государственного суверенитета во внешней и внутренней политике, в том числе в части таможенной и торговой политики, сельскохозяйственного производства, технических и экологических норм, а также в вопросах национальной безопасности. То есть сужается пространство для продвижения национальных интересов в определенных областях.

В настоящее время ЕС представляет собой одно из мощнейших экономических пространств мира. В экономической сфере наднациональность призвана объединить государства с тем, чтобы они развивались по пути, придающему им большую общность, ограничивающую возможность возникновения противоречий между ними. Таким образом, распространение компетенции ЕС на экономическую сферу вызвано необходимостью сохранять его внутреннюю сплоченность. Э.А.Поздняков отмечает, что Европейский Союз имеет целью поощрение развития интеграции определенных отраслей экономики и регулирование всего комплекса взаимных хозяйственно-экономических связей политическими методами.[85] Вместе с тем пока интеграционные процессы были ограничены в основном строительством единого рынка, не возникал вопрос о природе легитимности Европейского Союза.

Однако Ю.А.Борко указывает на то, что продвижение от начальной к более продвинутым стадиям экономической интеграции сопровождалось и стимулировалось созданием и совершенствованием институтов Европейских Сообществ.[86] В результате формы, методы и направления выстраивания интеграционных отношений включают наднациональное управление (например, разработка общей европейской политики в сельском

хозяйстве), регулирование рыночных отношений, согласованное распределение ресурсов на уровне правительства; принятие решений по развитию новых форм внутрирегионального сотрудничества; интенсивное взаимодействие на межправительственном уровне. Под ресурсами подразумевается объем денежной массы и людские ресурсы, которые правительство регулирует или ограничивает. При этом базовым остается национальный уровень принятия решений и их выполнения даже там, где к органам Союза перешло исключительное право принятия решений (например, таможенная политика, заключение торговых соглашений с третьими странами, валютная политика), поскольку передача государством-членом какой-то части своих суверенных прав не означает его отказа от них.[87]

При этом принимаются дальнейшие меры по ограничению вмешательства в экономическую кооперацию на национальном уровне. Кооперация означает сборку одного производства из деталей разных производителей. Правительство заинтересовано в сборке из деталей национальных производителей и с этой целью увеличивает таможенные пошлины и вводит квоты.

Ф.А.Хайек подчеркивает, что сохранение той или иной степени экономической обособленности и изоляции каким-либо отдельным государством порождает неизбежные конфликты интересов среди всех участников интеграции.[88] Осуществляется координирующее давление на все страны-участницы Общего рынка с целью устранения всего, что могло бы препятствовать, замедлять или ограничивать свободу движения капитала. Координация представляет собой учитывание, когда наднациональный орган равномерно давит на различные страны и объединяет их с целью компромисса.

Более того, возросшая мобильность между государствами заставляет их избегать любых форм регулирующего вмешательства, выталкивающего капитал и рабочую силу в другие регионы.[89] Если возрастает государственное вмешательство, инвестиции с мирового рынка капиталов могут не прийти, т.к. инвесторы предпочитают принимать самостоятельные решения, а не следовать указаниям правительства, соответственно, рынок труда будет расти там, где меньше урегулирований. Возрастание мобильности стимулируется снижением степени урегулирования, координацией усилий, также ему способствуют приобретение урегулированием наднационального характера, договоренность об открытии границ, взаимное снижение

таможенных пошлин, либерализация рынка труда. Мобильность государств представляет собой координацию действий. Немаловажным является тот факт, что автономная экономическая политика неприемлема в условиях получения финансовой поддержки из фондов ЕС.

С самого начала создания Европейских сообществ перед ними была поставлена цель проведения в перспективе единой валютной политики. Задолго до воплощения этого в жизнь Ф.А.Хайек отмечал, что государства в рамках ЕС не смогут проводить независимую денежную политику.[90] Первым шагом на пути создания Европейской валютной системы было введение в 1979 г. европейской валютной единицы – ЭКЮ. С того времени ЭКЮ использовался как расчетная единица для определения бюджета Общего рынка и курсов национальных валют, а также для осуществления всех расчетов и переводов между ведомствами ЕЭС.

С введением евро в 1999 г. страны ЕС перешли к общей экономической и единой денежно-кредитной политике. Результатом стало не только появление общего валютного пространства, но также политически-административная необходимость решать проблемы согласования всего, что с этим связано, политическим путем. О.В.Буторина указывает, что в валютном союзе государства-члены передали Европейскому Центробанку полномочия, которые веками были связаны с понятием государственности и национального суверенитета, в частности, право эмиссии денежных знаков.[91] Государственность здесь означает наличие государства как образования. Таким образом, общая денежная единица сильно ограничила широту полномочий национальных центральных банков.

Кроме того, государства-члены Европейских Сообществ лишились самостоятельности во внешнеторговой политике: они вывели в компетенцию Общего рынка весь комплекс торгового и гражданского права, регулирующий конкуренцию.[92] Действительно, если ЕС берет на себя полномочия проведения общей внешней политики, из этого следует, что только Евросоюз должен иметь власть над всеми уровнями иностранных отношений, включая контроль за экспортом и импортом. При этом межгосударственные торговые барьеры внутри ЕС помешали бы наилучшему использованию имеющихся ресурсов и ослабили бы экономическую мощь организации. Помимо этого, если товары, люди и капитал могут свободно пересекать меж-

государственные границы, отдельное государство-участник лишается всякой возможности влиять своими действиями на цены различных товаров. В результате любые формы монополистической организации различных отраслей перестают находиться в ведении правительств отдельных государств. ЕС становится по-настоящему единым рынком, и цены в разных его частях начинают отличаться только из-за транспортных расходов.

Однако в качестве основного недостатка экономической политики ЕС М.Г.Делягин указывает на тот факт, что европейцы склонны к приоритету стабильности, даже в ущерб интересам развития.[93] Несмотря на провозглашение приоритета рыночной экономики, Евросоюз придерживается жесткого планирования.

Фактически воплощаются принципы этатизма в масштабе европейского сообщества. Ю.А.Борко подчеркивает, что в настоящее время не просто согласовываются национальные политики в определенных областях, что уже давно практиковалось в ЕС, а изначально определяются основные параметры среднесрочной экономической политики, на которые должны ориентироваться национальные правительства.[94] Среднесрочная экономическая политика рассчитана на 5 лет.

Высказываются мнения, что ЕС следует уменьшить давление общеевропейской политики и снизить европейский протекционизм, усилив при этом борьбу с государственным монополизмом и механизмами чрезмерной защиты. Таможенные пошлины, квоты, защита от приватизации, льготное налогообложение – все это является различными формами протекционизма. Многие отрасли (например, во Франции, Италии) контролируются монополиями, где основной пакет принадлежит государству (в частности, энергетика, добыча сырья, железные дороги).

Евросоюзу необходима по-настоящему открытая рыночная экономика, свободная от регламентирования,[95] т.е. от определения государством экономической политики. Однако Европа ориентирована прежде всего на сохранение уже имеющихся благ и продолжает проведение антилиберальной политики, заключающейся, в частности, в повышении налогов и создании общеевропейской индустриальной политики.

Вместе с тем Людвиг фон Мизес подчеркивает тот факт, что ЕС удалось укрепить социальные связи между людьми и нациями настолько сильно, как этого никогда не было в истории.[96] Между людьми и нациями установились контакты на ос-

нове экономической общности. Люди в зоне евро не встречают административных барьеров. Единое экономическое пространство дает возможность облегчения общения.

Идея гармонизации условий жизни и труда в процессе их улучшения была провозглашена в Римском Договоре, учредившем ЕЭС (ст. 117), но ее реализации долгое время препятствовал большой разрыв между социальными стандартами, действующими в отдельных государствах-членах. В настоящее время ключевой проблемой Европы является внутренняя неоднородность и высокая экономическая дифференциация, которая становится причиной сосуществования функционирующих различными способами и не всегда совместимых друг с другом моделей не только государственного, но и коммерческого управления. Внутренняя неоднородность (например, во Франции, Испании, Польше) представлена различной степенью развития обрабатывающих отраслей. Экономическая дифференциация означает соотношение обрабатывающих и сырьевых отраслей, ее показатели различаются в старых и новых членах. Разные уровни подготовки, квалификации, системы отчетности являются причиной различных систем функционирования государства и коммерческих менеджеров в экономике, разного уровня экономической культуры.

М.Г.Делягин отмечает, что внутренняя дифференциация Европы является важнейшим фактором, снижающим ее конкурентоспособность по сравнению с однородными обществами. Негативные последствия внутренней дифференциации объединенной Европы усилились по мере ее расширения. Ускоренный прогресс новых членов ЕС связан в первую очередь с выходом на емкий и привлекательный в краткосрочной перспективе Общий рынок. Емкий рынок предоставляет более значительный объем платежеспособного спроса, а также высокий покупательский спрос как компаний, так и частных лиц. Однако, воспользовавшись на начальном этапе кратковременным успехом, впоследствии новые члены могут не выдержать конкуренции.

Присоединившиеся страны приходится дотировать в значительных даже для объединенной Европы масштабах посредством социальной и региональной помощи, в чрезмерных объемах тормозящей развитие. Однако представители ряда стран Восточной и Центральной Европы не скрывают своего стремления к вступлению в Евросоюз, прежде всего для получения

дополнительных субсидий.[97] Ю.А.Борко указывает на тот факт, что противниками гармонизации становятся более развитые страны, которые одинаково опасаются установления в Сообществе низких стандартов и финансирования внедрения достигнутых стандартов в менее развитых государствах-членах.[98] Результатом становится не только управленческое, но и технологическое отставание: несмотря на значительное финансирование науки, ключ к стратегической конкурентоспособности – широкомасштабная разработка новых технологических принципов – остается практически недоступной для Европы. Технологические принципы представляют собой новые технологии. Стратегическая конкурентоспособность позволяет уцелеть в условиях мировой конкуренции.

Как следствие негативные процессы в экономике и социальной сфере повлекли за собой снижение уровня общественной поддержки европейской интеграции.[99] Действительно, снижается уровень конкурентоспособности и зарплаты, происходит банкротство предприятий, попытки внедрить динамичные новые технологии заканчиваются неудачно, экономика теряет конкурентоспособность, т.к. финансирование не распространяется на новые страны. В частности, новейшее оборудование, произведенное в Германии и Великобритании, не совместимо с отсталым оборудованием Польши.

В правовой сфере рассматривать Европейские Сообщества как образования, аналогичные федеративному государству, позволяет то, что властные органы сообществ подобно органам федерации, издают нормы немедленного действия (реагирования). Более того, в соответствии с недавно выработанной Конституцией структура власти в ЕС практически неотличима от структуры обыкновенного государства. С самого начала построение объединенной Европы основывалось на теории интеграции посредством права, которая предполагает выработку общих правовых основ для всех членов интеграции.

Основополагающие договоры уполномочили органы Европейских Сообществ на издание нормативных актов. В решении Суда сообществ 1963 г., например, утверждалось, что нормы этой организации являются больше чем соглашениями, только создающими взаимные обязательства между участвующими государствами, сообщества образуют новый правовой порядок, субъектами которого являются не только государства-члены, но также и граждане.

Суверенные государства-члены допускают издание органами Европейских Сообществ актов немедленного и прямого действия, поскольку не рассматривают их как посягательство на свои суверенные права. Вместе с тем в ЕС разрабатываются общие принципы, критерии и стандарты, которые закрепляются в нормативных документах и становятся частью наднационального законодательства. Постановления ЕС являются законами, которые вступают в силу автоматически во всех странах-членах и стоят выше национальных законов. От государств-членов требуется не издавать акты, противоречащие целям сообществ, и запрещается своей законодательной практикой способствовать реализации таких актов. Суд ЕС выступает высшим арбитром в спорах и принимает на себя функции конституционного суда по проверке соответствия законодательств стран, входящих в ЕС, законодательству единой Европы. Признание нормы национального права, противоречащей праву сообществ, фактически означает лишение национальной нормы юридической силы и замещение ее нормой, сформулированной Судом сообществ при рассмотрении конкретного дела. В результате во всех государствах создается единая правовая база, являющаяся образцом, которому должны соответствовать все национальные законодательства. Ю.А.Борко отмечает, что тем самым возникает единое правовое поле, обеспечивающее гражданам стран ЕС свободу передвижения, проживания, профессиональной и политической деятельности.[100] Для достижения этой цели все элементы национального права должны быть гармонизированы с правом европейским.

Именно Суду сообществ принадлежит ведущая роль в реализации процесса проникновения европейского права в правовой порядок государств-членов. Это достигается четырьмя методами: заменой, гармонизацией, координацией и сосуществованием. Суть замены состоит в том, что первичное право, автоматически включаясь в правовую систему каждого государства-члена, заменяет или лишает силы любую норму, ему противоречащую. В частности, законодательные акты Общего рынка непосредственно заменяют национальные нормы стран-членов в области внешнеторговой политики; аграрной политики; торгового и гражданского права (свобода конкуренции, монополии и картели); налогового права (сближение систем налогов на прибыль, установление уровня налога с оборота и прямые взносы в бюджет ЕС). Из общего числа норм произ-

водного права ЕС необходимо выделить группу норм, обязательных для исполнения: регламенты, директивы и решения. Европейский Суд в 1971 г. установил, что регламент автоматически включается в правовой порядок государств-членов и тем самым отменяет противоречащие положения национального права.

Таким образом, возникла проблема, с одной стороны, правовой силы актов Европейских Сообществ, а с другой, – пределов возможного действия этого права на государства-члены. Подобный правовой порядок дает возможность существенно ограничить полномочия национальных нормотворческих органов. Это вызывает тревогу сторонников незыблемости национального суверенитета. Как только интеграция стала затрагивать ценности и нормы, лежащие в основе политической самоидентификации европейцев, сразу же развернулась дискуссия о демократическом дефиците, а затем и о проблемах европейской идентичности и гражданства.[101] В связи с тем, что нормы Европейского Союза главенствуют над нормами национальных органов власти, российский исследователь Н.Ю.Кавешников отмечает, что ЕС имеет значительные полномочия вмешиваться в дела общества; он принимает решения, затрагивающие повседневную жизнь. Однако эта большая политическая система оказывается далекой от своих граждан.[102]

Прогресс правовой интеграции Европейских Сообществ очевиден, но, несмотря на это, он сталкивается со значительным сопротивлением влиятельных национальных кругов практически во всех государствах-членах. Сопротивление процессу правовой интеграции проявляется и при обсуждении законопроектов в национальных парламентах, и при рассмотрении судебных дел, и в исследованиях правоведов, которые считают, что эффективная защита национальных интересов невозможна без сохранения национального суверенитета. В основе этого сопротивления, кроме того, лежат экономические интересы значительной части национальных финансовых и промышленных кругов.

Что касается национальной идентичности, то особенность европейского интеграционного процесса заключается в том, что последовательность и реальные достижения экономического и политического интеграционного взаимодействия сочетаются с сохранением национально-культурных и религиозных различий, которые в отдельности и совокупности составляют

сущностную характеристику европейской цивилизации.[103] В ЕС осознают, что необходимо культурное разнообразие на уровне языков, искусства, стилей творчества. Более того, европейская модель включает поддержку этнических движений вплоть до национализма, если эти движения стремятся к демократии. Механизмы защиты этого отработаны и эффективно действуют. Однако И.Валлерстайн подчеркивает, что фундаментальной ошибкой евроцентризма является неявное постулирование того, что современные наука и техника, сформировавшиеся в Европе эпохи Возрождения, универсальны, а, следовательно, универсально и все исходящее от Европы.[104]

При этом все еще отгороженные друг от друга страны и культуры объединяются во многом принудительно. По мнению О.В.Буториной, это способствует, с одной стороны, укреплению европейской ментальности, а с другой, – размыванию национальной самобытности, особенно малых народов.[105] Действительно, для многих стран интеграция с ослаблением функций национального государства может обернуться не только консервацией отсталости, но и угрозой размывания и утраты национально-культурной самобытности.

Председатель Конституционного суда РФ В.Зорькин делает вывод, что национальное государство в рамках общего европейского рынка утрачивает сверх запланированных уступок суверенитет и субстанцию, причем во всех сферах – финансовых ресурсов, политической и экономической свободы действий, информационной и культурной политики, повседневной жизни граждан.[106] Вместе с тем, по мнению еврооптимистов, европейская экономика будет находиться в состоянии полустагнации до тех пор, пока Европа не преодолеет синдром национального государства.

Социальные государства Франция и Германия уже испытывают определенные трудности: развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса – безработица, миграция, нищета – накапливаются в системе национального социального государства. В этой связи Н.Ю.Кавешников приводит в пример постановление Конституционного суда ФРГ о том, что национальные власти могут игнорировать нормы права ЕС, если последние выходят за рамки компетенции Сообщества в том виде, как эта компетенция интерпретируется высшими немецкими государственными органами.[107] Даже такая разви-

тая страна Европы, как Швеция, по мере обусловленного политическими решениями снятия протекционистских барьеров и введения единых принципов экономической политики, особенно в сфере приватизации, испытывает экономические трудности и сталкивается с ускорением инфляции и сокращением социальных программ. Кроме того, субсидии отстающим странам ложатся тяжелым грузом в первую очередь на наиболее развитых участников ЕС – Германию, Францию и Италию, что тормозит общее развитие Евросоюза и еще более снижает его конкурентоспособность.

Принимая в свой состав страны, заведомо несопоставимые со старыми членами ЕС по своей структуре, эффективности, диверсифицированности экономик, Европа ради политических целей пошла на экономический мезальянс. В этом просматривается явная тенденция к объединению по типу национального государства с единой внешней политикой, собственными вооруженными силами и некоторыми другими атрибутами национального государства, заменяющего разносортное объединение республик и монархий на федерацию.

Основной выигрывающей стороной от расширения стали крупнейшие западноевропейские страны, а вновь присоединившиеся, пополняя существующую оппозицию из невлиятельных членов ЕС, объективно делают необходимым проведение институциональной реформы. Таким образом, при европейской интеграции как в ЕС, так и на европейском континенте образуется новая структура зависимости от вышестоящих, включающая центральное звено (зону «евро» и государства «старой» Европы), периферию (страны Центральной и Восточной Европы) и зону свободной торговли, образуемую кольцом соседних с Евросоюзом стран.

Неоднозначны последствия интеграции для культурной идентичности стран-участниц. Например, Германия в результате представляет собой глобальное пространство, в котором сталкиваются различные культуры, вступающие в противоречие между собой. Великобритания, наоборот, формирует стратегию развития с учетом необходимости сохранения внутренней мультикультурности. Она стремится к тому, чтобы адаптироваться к диверсифицированной структуре социального мультицентричного пространства, в котором наднациональный орган распространяет власть на все государства и каждый локальный социум является носителем собственной системы со-

циальных ценностей, форм самоидентификации и самоорганизации. Диверсифицированная структура социального пространства является многоотраслевой, разнонаправленной, она предусматривает наличие социальных программ в самых разных областях, высокую социальную поддержку, страхование государством. Это способствует сохранению этнокультурного разнообразия.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что региональная интеграция, в отличие от глобальной, объективно направлена не на подавление, а на оберегание и развитие отстающих стран, наиболее полное и рациональное использование их ресурсов, обычно недостаточных для самостоятельного участия в глобальной конкуренции. Тем самым эти страны получают возможность найти свое место в новом мировом хозяйстве. Согласно нормам Евросоюза, он дотирует тех своих членов, производство ВВП на душу населения которых на четверть ниже среднего уровня в организации.

В объединенной Европе успешными примерами слабых стран, которые не имели перспектив выдержать мировую конкуренцию, но начали активно развиваться благодаря поддержке других стран региона, представляются Испания, Ирландия и Греция. Однако М.Г.Делягин отмечает, что Ирландия, вступив в ЕС, обеспечила свое процветание не столько кардинальным снижением налогов и проведением реформ, сколько получением значительных дотаций из финансовых фондов ЕС.[108] Из постсоциалистических стран наиболее успешно реализует новые возможности Словения.

Вместе с тем чем слабее общества того или иного региона, тем более проницаемы его экономические границы для глобальной конкуренции, и тем менее эффективна региональная интеграция.[109] Слабому обществу сложнее конкурировать с возрастающим внешним давлением. Слабая экономика подвержена внешнему давлению, которое она неспособна остановить. Слабая экономика характеризуется низким уровнем жизни и потребления, импортом товаров и услуг в интересах обеспеченной прослойки, низким качеством товаров для малообеспеченных. Основной причиной этого служит реализация контроля над экономикой в обход существующего законодательства. Сильная экономика принимает лишь то, что идет на пользу ее росту, она обладает надежным контролем. У слабой экономики не хватает финансовых ресурсов, в частности,

на то, чтобы установить пограничный, санитарный контроль, разорить недобросовестных продавцов. Этим продиктовано отсутствие интереса у более развитой страны к менее развитой.

В результате, несмотря на общее ускорение развития при вступлении в Евросоюз, его новые члены сталкиваются с существенными структурными проблемами.[110] Структурные проблемы вызваны огромным числом низкоразвитых отраслей, которые не могут реализоваться в ходе интеграции и найти сбыт в рамках ЕС. Поэтому внутриевропейская конкуренция может стать непосильной для новых членов, хотя она не настолько интенсивна по сравнению с глобальной.

Кроме того, присоединение новых стран ухудшает положение менее развитых из старых членов Евросоюза, т.к. новички отнимают существенную часть финансовой помощи, предназначенной ранее вступившим странам. Сохранение поддержки старых членов при помощи компенсационных механизмов приводит к значительному росту нагрузки на бюджет Евросоюза и в первую очередь – на бюджеты его наиболее развитых членов. Как следствие, принятие новых стран снизило показатель среднего уровня жизни в ЕС, что вызывает недовольство его граждан.

Безусловно, Турция ради вступления в Евросоюз будет обязана целиком принять и ввести в действие все его нормативно-правовое законодательство, ей будет не дозволено делать никакие изменения. В частности, после вступления внутренняя политика Турции станет прерогативой ЕС, и она будет вынуждена следовать правилам Общего рынка, иногда даже в ущерб своим интересам. Это означает трансформацию национального государства и суверенитета в некое постсуверенное государство в рамках наднациональной территории.

## 2. Взаимоотношения Турции с Европейским Экономическим Сообществом до подписания Маастрихтского договора

После Второй мировой войны началась стремительная практическая вестернизация Турции. Прежде всего страна была включена в сферу действия Плана Маршалла. В 1948 г. Турция вступила в Организацию европейского экономического сотрудничества, которая была позднее преобразована в Орга-

низацию экономического сотрудничества и развития. В 1949 г. стала членом Совета Европы, призванного быть хранителем европейских ценностей и принципов. Факт принятия подразумевал, что Турецкая Республика соответствует основным условиям вступления: она является европейской страной и придерживается соблюдения прав человека, плюралистической демократии и верховенства закона. Турецкая Конституция содержала в себе необходимые гарантии вышеперечисленного. В 1951 г. она присоединилась к ГАТТ, в 1952 г. к Генеральному соглашению по тарифам и торговле. В том же году Турция вступила в НАТО и стала краеугольным камнем евро-атлантической системы безопасности на ее южном фланге.

Конец 1950-х гг. ознаменовался потерей доминирующих позиций США в системе отношений с Турцией, уступая их странам Западной Европы. Анкара с самого начала продемонстрировала явную заинтересованность в европейском интеграционном процессе. Это полностью сочеталось с проведением кемалистского курса на европеизацию страны. К тому же внутренняя ситуация в Турции была отмечена обострением экономических трудностей: общим возрастанием бюджетного дефицита, отрицательным сальдо во внешней торговле, сильной инфляцией и кризисом платежного баланса. Таким образом, именно экономическая мотивация стала стимулом Анкары к попытке перевода сотрудничества с ЕЭС на уровень интеграционного сближения. Что касается Сообщества, то его заинтересованность в сотрудничестве с Турцией можно объяснить ролью Анкары в качестве «заслона» от СССР и «моста» к Ближнему и Среднему Востоку.

Просьба Греции о принятии в Общий рынок от 8 июня 1959 г. ускорила процесс сближения Турции с ЕЭС, начало которому было положено распоряжением турецкого министра иностранных дел Зорлу о подготовке заявки на вступление. Предложение было принято на заседании Совета министров Турции 30 июля 1959 г., а 31 июля Анкара официально подала заявку на подписание Соглашения об ассоциации, которая была поддержана ФРГ. ЕЭС приняло турецкий запрос, понимая, что уровень экономического развития страны (слаборазвитая инфраструктура, низкая рентабельность промышленности, дефицит платежного баланса, высокая безработица, быстрое увеличение численности населения) исключал в ближайшем будущем ее интеграцию с Общим рынком. Запрос Турции был рассмотрен на заседании Совета министров ЕЭС в Брюсселе 11 сентября 1959 г.

Страны Сообщества были основными поставщиками импортных товаров в Турцию (около 30%), а реализация соглашения об ассоциации в рамках Общего рынка давала возможность расширить экспорт турецких товаров в Европу и тем самым привлечь иностранную валюту, в которой страна очень нуждалась.[111] Турцию привлекало включение сельского хозяйства в сферу приоритетов Римского договора об образовании ЕЭС, поскольку в то время это был крупнейший сектор ее экономики. Но прежде всего в перспективе возможной ассоциации с Общим рынком турецкие власти надеялись добиться финансирования экономического развития страны. С самого начала Турция просила ЕЭС предоставить ей экономическую и финансовую помощь для совершенствования инфраструктуры и интенсификации индустриального развития.

Сообщество, в свою очередь, было экономически заинтересовано в Турции как источнике стратегических товаров: хромовой и медной руды, марганца; а также в импорте турецкого табака, хлопка, другой сельскохозяйственной продукции.[112] Западноевропейские страны активно привлекали турецкую рабочую силу.

В сентябре 1959 г. Еврокомиссия приступила к первому этапу подготовительных переговоров. Они начались 28 сентября 1959 г. и продолжались до 2 декабря. После завершения переговоров Турция высказала пожелание о поэтапном образовании таможенного союза с Общим рынком.

Переговоры, возобновленные 11 мая 1960 г., были прерваны из-за появления разногласий в рядах ЕЭС. Еврокомиссия отрицательно отнеслась к окончательному варианту соглашения об ассоциации, так как в нем Сообщество брало на себя значительные экономические обязательства. Некоторые члены ЕЭС, в особенности Франция, опровергали культурную принадлежность Турции к Европе.[113] Но большинство стран-членов Общего рынка опасалось политических последствий полного отказа. Военный переворот 27 мая 1960 г., который сопровождался резким ограничением демократических прав и свобод, масштабными репрессиями, дал ЕЭС приемлемый повод для прекращения переговоров с Турцией. В то время как последняя еще не приняла решения относительно сути соглашения: будь то просто торговое соглашение, как того желала Еврокомиссия, или соглашение об ассоциации, идентичное тому, которое было подписано с Грецией. Таким образом, отсут-

ствие определенности относительно сути соглашения и казнь премьера Мендереса вместе с двумя министрами его кабинета привели к замораживанию переговоров в сентябре 1960 г.

24 августа 1961 г. турецкое военное правительство адресовало шести членам Сообщества меморандум, в котором оно опротестовало подписание Соглашения об ассоциации с Грецией, произошедшее в то время, когда были заблокированы переговоры с Турцией, и настаивало на заключении аналогичного соглашения, включающего в себя таможенный союз. В ноябре 1961 г. в результате демократических выборов к власти пришло гражданское правительство, возглавляемое Иненю, и 5 марта 1962 г. оно опубликовало меморандум, формулирующий те же требования, которые выдвинули военные.

Намерение Турции укреплять связи с Общим рынком вписывалось в стратегию экономического развития, разработанную в 1962 г. для первого пятилетнего плана, одобренного правительством в 1963 г. Турецкие правящие круги выбрали в качестве одного из направлений внешнеэкономических связей страны интеграцию с Общим рынком, считая, что это усилит концентрацию производства, снизит издержки по его совершенствованию, приведет к ускоренной модернизации экономики, повышению ее конкурентоспособности. Турция стремилась обеспечить миграцию рабочей силы, получение финансовой помощи. Кроме того, она желала отмены таможенных пошлин Сообщества для своей продукции.

ФРГ потребовала налаживания отношений с новым правительством, ссылаясь на активную советскую деятельность вблизи турецких границ. Между тем проблема Турции вызвала многочисленные разногласия в рядах Сообщества по поводу того, какую форму сотрудничества избрать для этой страны. Германия и Нидерланды были сторонниками таможенного союза, вытекающего из соглашения об ассоциации, в то время как Франция и Италия, опасаясь конкуренции турецких фруктов, предпочитали более ограниченное торговое соглашение.[114]

Переговоры были возобновлены 2 июня 1962 г. Наконец, 12 сентября 1963 г. на основании статьи 238 Римского договора о ЕЭС было подписано Анкарское соглашение об учреждении ассоциации между Турцией и Европейскими Сообществами, вступившее в силу 1 декабря 1964 г. Также был подписан Первый финансовый протокол, согласно которому Европейский инвестиционный банк выделял данной стране 175 млн. ЭКЮ

под 3% годовых на экономическое развитие.[115] Просьба Турции была удовлетворена благодаря резкому повышению закупок пшеницы и возрастающему спросу европейцев на неквалифицированную рабочую силу.

Анкарское соглашение явилось отражением стратегических установок обеих сторон на взаимное сближение. Целью соглашения являлось «содействие постоянному и устойчивому укреплению торгово-экономических отношений с учетом обеспечения ускоренных темпов развития экономики Турции, повышения уровня занятости населения и улучшения условий жизни турецкого народа» (Статья 2.1). Таким образом, экономическая цель состояла в создании постоянно укрепляющихся отношений между народом Турции и народами, объединенными в ЕЭС, и ликвидации разрыва, существующего между турецкой экономикой и экономикой стран-членов Сообщества. Заключение соглашения с ЕЭС давало возможность свободного передвижения рабочей силы (Статья 12). Политическая цель была определена как совместное отстаивание принципов, заложенных в основание Договора о создании ЕЭС, решимость в защите и укреплении мира и свободы. Также Турция должна была согласовать национальное законодательство с правовыми основами деятельности ЕЭС.

Однако Анкарское соглашение не позволяло рассматривать интеграцию Турции с ЕЭС в среднесрочный период. Анкарское соглашение выделяло три этапа: подготовительный, переходный и завершающий (Статья 2.3). И все же Анкарское соглашение содержало лишь осторожно сформулированную перспективу вступления: «Как только функционирование данного Соглашения подтвердит полное принятие Турцией обязательств, вытекающих из Договора о ЕЭС, договаривающиеся стороны рассмотрят возможность принятия Турции в Сообщество» (Статья 28).

На подготовительном этапе Турция должна была укрепить свою экономику, приблизив ее к стандартам ЕЭС. Этап был определен сроком на 5 лет. В течение этого периода предусматривалось поэтапное снижение тарифных квот и предоставление преференций для ряда важных сельскохозяйственных товаров турецкого экспорта, таких как необработанный табак, изюм, инжир, фундук (Статья 3). По условиям Соглашения, единственным обязательством Турции было стремление к распространению на все страны ЕЭС режима наибольшего благоприятствования (Статья 8).

Переходный этап должен был сблизить экономическую и налогово-финансовую политику Турции и Сообщества. Предусматривалось поэтапное снижение Турцией пошлин и равнозначных налогов и сборов, отмена количественных и равнозначных ограничений и принятие Единого внешнего тарифа Сообщества. При этом либерализационные меры в отношении ЕЭС должны были носить необратимый характер (Статья 4).

На завершающем этапе предусматривалось «создание таможенного союза и координация экономической политики». Турция должна была полностью либерализовать импорт промышленных товаров ЕЭС, выработать и принять регламент миграции турецкой рабочей силы и капитала (Статья 5).

В связи с тем, что Турция, не являясь членом Сообщества, не могла быть представлена в его органах, Анкарское соглашение предусматривало создание между Турцией и ЕЭС двусторонних органов ассоциации, отвечающих статусу данной страны в тот период. Ассоциация Турции с Общим рынком располагала собственными учреждениями, которые были наделены автономией функционирования. Основной институт ассоциации, Совет, должен был «гарантировать осуществление и дальнейшее развитие ассоциации» (Статья 6). Он основывался на межправительственном сотрудничестве. Совет по ассоциации состоял, с одной стороны, из представителей Еврокомиссии, Совета министров и правительств государств-членов ЕЭС, с другой, – из членов турецкого правительства. Представители Сообщества и Турции председательствовали поочередно (Статья 24). Совет являлся законодательной основой для принятия решений в рамках совместной деятельности сторон (Статья 22). Совет принимал решения единогласно, но он мог давать лишь полезные рекомендации (Статья 23). Также он был наделен правом урегулирования споров, возникающих в рамках ассоциации (Статья 25). Смешанный парламентский комитет состоял из 36 членов Европарламента и ВНСТ (по 18 с каждой стороны), его задачей был демократический контроль за развитием ассоциации. Он мог предоставлять рекомендации в Европарламент и ВНСТ. Его функции были совещательные (Статья 27).

Введение подготовительного этапа было продиктовано слабым экономическим развитием Турции, не способным выдержать таможенные и коммерческие обязательства по отношению к Сообществу. Значительный разрыв в экономическом развитии сторон являлся препятствием для намеченного сближения. Од-

нако помощь со стороны ЕЭС ограничилась торговыми и финансовыми послаблениями, недостаточными для подтягивания турецкой экономики до среднеевропейского уровня.

В 1964 и 1967 гг. были введены тарифные контингенты низкого уровня в общей сложности на 19 традиционных турецких экспортных товаров, в первую очередь таких, как неочищенный табак, изюм, финики.[116] Также торговые льготы были предоставлены некоторым видам продукции сельского хозяйства, рыболовства и текстиля. Если до подписания Соглашения об ассоциации доля ЕЭС в турецком экспорте составляла 30,8% с тенденцией к понижению, то в течение подготовительного этапа она возросла до 40,6% в 1972 г.[117] Однако, несмотря на льготы, предоставленные основным товарам турецкого экспорта, во внешней торговле Турции с Сообществом сохранялось отрицательное сальдо.

Во время подготовительного этапа ассоциации Турция экспортировала в ЕЭС сельскохозяйственную продукцию и текстиль, а импортировала промышленную продукцию, необходимую для реализации проектов индустриализации страны. В то же время турецкая промышленность была защищена от иностранной конкуренции благодаря высоким налогам на импортную продукцию. Кроме того, Турция применяла систему количественных ограничений на импорт.

Очевидно, что режим ассоциации функционировал, пока Турция справлялась с отрицательным сальдо во внешней торговле с Сообществом благодаря валютным переводам рабочих, в которых Общий рынок нуждался все больше. Вместе с тем торговые привилегии и скудная сумма, предоставленная в рамках финансового протокола, далеко не отвечали потребностям Турции.

В целом итог подготовительного этапа был положительным с точки зрения реализации положений, установленных Соглашением об ассоциации. Происходило наращивание объемов связей во всех областях торгово-экономического сотрудничества, создающее для Турции новое качество отношений с ЕЭС. Турецкая экономика начала превращаться в составную часть европейского хозяйства. Инвестиции европейских компаний не только обеспечили создание новых рабочих мест, но и содействовали адаптации турецкого персонала к европейским стандартам качества.

16 мая 1967 г. Турция подала заявку о переводе своих отношений с ЕЭС на следующий этап. Существовали различные

экономические мотивации, лежащие в основании этой просьбы. Турция стремилась завладеть новыми рынками для продукции своей легкой промышленности, опередив Грецию. Но прежде всего целью Турции было увеличение притока иностранного капитала. Частично это могло быть достигнуто посредством денежных переводов турецких рабочих из Европы. Более тесные связи с ЕЭС могли бы также способствовать получению Турцией помощи из европейских инвестиционных фондов. Кроме того, в конце 1960-х гг. в ЕЭС сложилась благоприятная для Турции экономическая ситуация. Европейские экономики переживали стремительный рост, стимулировавшийся низкой инфляцией и дешевым сырьем на мировых рынках, соответственно, они нуждались в иностранной рабочей силе.

Модели претворения в жизнь целей, намеченных Соглашением об ассоциации, были рассмотрены на переговорах по Дополнительному протоколу с 6 февраля 1969 г. по 19 ноября 1970 г. Для уточнения сроков и условий реализации переходного этапа 23 ноября 1970 г. в Брюсселе был подписан Дополнительный протокол, который вступил в силу 1 января 1973 г.[118] Согласно достигнутым договоренностям, переходный этап рассматривался как период подготовки к свободному перемещению промышленных товаров, людей, услуг, капитала между ЕЭС и Турцией (Статья 36), сближения сельскохозяйственной политики, приведения в соответствие финансовой и коммерческой политики на основе взаимных и сбалансированных обязательств с целью образования таможенного союза (Статья 2).

Снижение и отмену пошлин и ограничений при импорте из ЕЭС промышленных товаров планировалось произвести в рамках двух различных режимов: для товаров, которые Турция не производила, импортные пошлины должны были быть полностью ликвидированы в течение 12 лет (Статья 10). Для товаров, производимых турецкой промышленностью, переходный период составлял 22 года (Статья 11). Тот же срок предусматривался и для принятия Единого внешнего тарифа. В свою очередь ЕЭС должно было снять тарифы и ограничения на импорт турецких промышленных товаров, кроме некоторых категорий (ковров машинной выработки, хлопковой пряжи и хлопкового текстиля, а также нефтяной продукции), где снятие ограничений должно было стать поэтапным в течение 12 лет (Статья 61). В области сельскохозяйственного импорта из Турции ЕЭС должно было в течение 22 лет установить преферен-

ции и тарифные скидки примерно на 90% турецкого экспорта. Сообщество обязалось снизить таможенные пошлины на турецкие товары с 4,5% до 2% через год после вступления в силу Дополнительного протокола и на 1% через два года после первого снижения. Полное освобождение от таможенных пошлин должно было произойти через четыре года (Статья 7). Свободное передвижение рабочих должно было быть постепенно реализовано в период с 1 декабря 1976 г. по 1 декабря 1986 г. (Статья 36).

По сравнению с подготовительным этапом переходный столкнулся с серьезными политическими и экономическими трудностями с момента вступления в силу. Он начался с образования в Турции правительственной коалиции, возглавляемой Эджевитом, весьма враждебно настроенной по отношению к положениям Дополнительного протокола. Данная ситуация сложилась вследствие националистических убеждений Эджевита и непреклонной антизападной позиции Партии национального спасения. Ультраправые партии (исламисты и Партия националистического движения Тюркеша) блокировали возможности, намеченные Дополнительным протоколом, рассматривая ЕЭС как христианский клуб, культурный антипод ислама, желающий диктовать свою политику Турции. Они выступали против всякого сближения с Европой.[119]

Более того, турецкая интервенция на Кипр летом 1974 г. и кризис власти военных в Греции повлекли за собой широкомасштабные изменения во взаимоотношениях Турции с ЕЭС. 3 июля 1974 г. турецкие войска вторглись на Кипр и заняли северную часть острова под предлогом защиты общины турок-киприотов от мероприятий греков-киприотов по созданию Союза Кипра и Греции. В 1975 г. председатель нового греческого правительства Константин Караманлис подал заявку на полноправное вступление своей страны в Сообщество. Греция рассматривала вступление в ЕЭС как средство сдерживания угрозы безопасности, исходившей от Турции и казавшейся особенно острой после интервенции на Кипр. Первоначально Сообщество крайне негативно восприняло заявку Греции. В отчете Еврокомиссии отмечалась не только слабость греческой экономики, но также возможная дискриминация Турции.[120] Тем не менее Европейский Совет отклонил рекомендации Еврокомиссии и принял решение о начале переговоров о полноправном вступлении Греции. Ключевым аргументом в пользу данного

решения было предположение о том, что вступление в Сообщество послужит укреплению хрупкого демократического режима в Греции.[121]

В начале 1970-х гг. ситуация в мировой экономике характеризовалась ростом нестабильности, которая проявилась в обвале курсов национальных валют и инфляции. Кроме того, нефтяной кризис 1973 г. также наложил отпечаток на развитие отношений ЕЭС с Турцией. Сообщество приостановило импорт турецкой продукции и ограничило въезд иностранных рабочих в связи с растущим уровнем безработицы. Германия, Франция и страны Бенилюкса приняли решение ввести визовый режим для турецких граждан. В результате объем валютных переводов резко сократился, и Турция столкнулась с ростом внешнего долга и дефицитом торгового баланса.

Хотя Анкара обязалась проводить торговую либерализацию, она придерживалась политики импортзамещения, пытаясь стать самодостаточной почти во всех областях. Это противоречило стратегии Сообщества, ориентированной на создание между странами-членами зоны свободной торговли, свободного перемещения капитала и рабочей силы. Турецкая политическая элита, не соглашаясь с экономическими условиями ЕЭС, замедляла темп интеграции, считая конкуренцию ненужной и преждевременной для промышленности страны. Представители крупнейших промышленных предприятий стали призывать к внесению поправок в Дополнительный протокол с целью исключения из него перспективы создания таможенного союза.[122] С одной стороны, Сообщество фиксировало импортные квоты, полученные Турцией, с другой, Анкара замораживала свои обязательства по Соглашению и не соблюдала режим снижения таможенных пошлин. Кроме того, система квот поставила импорт Турции в зависимое положение с точки зрения стран и ассортимента товаров. Все же 1 января 1976 г. Анкара снизила таможенные пошлины и гармонизировала список необлагаемых ими товаров в соответствии с Дополнительным протоколом.

Тем временем Европейский парламент, основываясь на рекомендациях Совместного парламентского комитета по ассоциации ЕЭС и Турции (Документ 272/75), заседание которого прошло в Анкаре с 15 по 20 сентября 1975 г., выразил разочарование полным отсутствием практических результатов переговоров между представителями двух образований на Кипре и подчеркнул, что необходимое долговременное решение может

быть выработано только в процессе переговоров. В их основе должен был лежать тезис о суверенном, независимом государстве Кипр и равенстве обоих образований на острове (Статья 4 Резолюции). Выражалось беспокойство ростом дефицита платежного баланса в Турции, несмотря на позитивные сдвиги в развитии торговли с Сообществом (Статья 7).[123]

Далее, с 6 по 9 ноября 1976 г. в Анкаре прошло заседание Совместного парламентского комитета по ассоциации ЕЭС и Турции. Основываясь на его рекомендациях (Документ 428/76), Европейский парламент приветствовал начало переговоров и первоначальный прогресс в обсуждении турецким и греческим правительствами делимитации Континентального шельфа и возобновления воздушного сообщения над Эгейским морем (Статья 6 Резолюции). Оно могло бы стать важным вкладом в прекращение опасной напряженности, которая постоянно присутствовала в регионе. Выражалась обеспокоенность дефицитом торгового баланса Турции в отношении ЕЭС, который в 1975 г. составил 1,7 миллиардов долларов (Статья 9). Европейский парламент призвал к повсеместному расширению экономического сотрудничества между Турцией и Сообществом, с тем чтобы турецкая промышленность и сельское хозяйство стали более конкурентоспособными, а дефицит торгового баланса и диспропорции в развитии страны были сокращены. Это приблизило бы возможность достижения окончательной цели Ассоциации, а именно – полноправное принятие Турции в ЕЭС (Статья 17).[124]

Дополнительный протокол достаточно успешно выполнялся до тех пор, пока не произошел спад в экономике Турции и ЕЭС. Под влиянием Партии националистического движения и Партии национального спасения 25 декабря 1976 г. правительство заморозило выполнение своих торговых обязательств, касающихся снижения таможенных пошлин. В 1977 г. Турция приостановила реформу налоговой и тарифной систем, которая была направлена на приведение их в соответствие с экономической политикой Европейского Сообщества.

В свою очередь, в 1978 г. ЕЭС ввело количественные ограничения на турецкие хлопковое волокно и текстиль, что привело к уменьшению доходов от экспорта и еще больше снизило приток валюты. К этому времени около 50% сельскохозяйственного экспорта Турции в страны ЕЭС осуществлялось беспошлинно: лишь около 23% не попадало под преференциальный режим.[125]

Кроме того, Турция считала неадекватным уровень финансовой помощи Сообщества. Анкара требовала новых льгот для сельскохозяйственной продукции, чтобы покрыть отрицательное сальдо во внешней торговле, облегчения обязательств, установленных Дополнительным протоколом, слишком тяжелых с точки зрения сложившейся экономической ситуации, новых кредитов, свободного передвижения турецких рабочих в Европу, т.к. оно было основным источником поступления валюты в страну.[126] Попытки урегулировать противоречия на переговорах закончились безрезультатно. Турецкое правительство, следуя политике уравнивания торгового обмена с Сообществом, ограничило импорт из стран ЕЭС. С 1 января 1978 г. Турция почти полностью отказалась от выполнения положений Дополнительного протокола, ссылаясь на экономический кризис, не позволявший ей ввозить в большом количестве продукцию из стран Сообщества.[127] 9 октября 1978 г. турецкое правительство попросило отсрочку торговых обязательств на пять лет, расширение тарифных контингентов на некоторые промышленные и сельскохозяйственные продукты и запросило заем на общую сумму 8,1 млрд. долл.[128] ЕЭС выделить такие средства отказалось и в ответ заморозило все свои соответствующие обязательства на тот же пятилетний срок.

Увеличение торгового дефицита привело к свертыванию торгового обмена с Сообществом. Доля ЕЭС во внешней торговле Турции снизилась с 51,7% в 1972 г. до 31,9% в 1981 г.[129] Катастрофическая ситуация с платежным балансом привела страну к глубокому экономическому кризису, с которым она пыталась справиться, делая краткосрочные займы на Еврорынке.

В 1973 г. внешний долг Турции составлял 3,3 млрд. долл., а в 1978 г. он вырос до 14 млрд., его обслуживание соответствовало 41% турецкого экспорта.[130] Таким образом, Турция попала в порочный круг: она должна была прибегать к новым кредитам, чтобы выплачивать долг. Бремя платежей быстро увеличивалось по причине заимствований на финансовых рынках под сильно завышенные проценты: в 1978 г. они составляли 429 млн. долл., а в 1979 г. уже 629 млн. Например, 1 мая 1979 г. ЕЭС выделил кредит на сумму 48 млн. долл. на 15 лет под 9,6% годовых.[131] Погашение процентов по долгу тяжело отражалось на платежном балансе.

Возвращение к власти Демиреля в ноябре 1979 г. было отмечено оживлением во взаимоотношениях Турции и Сообщества. Одним из первых шагов нового правительства был призыв к возобновлению деятельности ассоциации. Турецкие власти полагали, что следует подать заявку на вступление, пока готовилась вторая волна расширения. Они опасались, что ЕЭС столкнется с большим количеством проблем в связи с интеграцией Греции, Испании и Португалии, и в течение длительного периода оно не станет рассматривать новые кандидатуры.[132]

24 января 1980 г. турецкое правительство огласило программу экономической стабилизации. Ее краткосрочной целью была ликвидация инфляции и дефицита платежного баланса, долгосрочной – либерализация и реструктуризация турецкой экономики для приведения ее к стандартам ЕЭС.[133] В феврале 1980 г. Советом по ассоциации был принят ряд решений, касающихся сотрудничества в социально-экономической, технической, финансовой и сельскохозяйственной областях, а также свободного передвижения рабочих и гарантий их социальной безопасности.[134]

В Турции были предприняты значительные экономические реформы, основанные на базовых принципах Европейского Сообщества. С целью преодоления препятствий на пути к интеграции Турции в ЕЭС правительство пыталось поднять экономический уровень страны при помощи структурных изменений, создания новой инфраструктуры, экономической либерализации и реформирования торговли. Турция отказалась от автаркической модели импортзамещения и открыла свою экономику для деятельности рыночных сил.

Однако вмешательство военных в политическую жизнь страны 11 сентября 1980 г. негативно отразилось на отношении ЕЭС к Турции. Военный режим блокировал процесс интеграции в Сообщество. После военного переворота проблема демократии и прав человека стала главным вопросом отношений Турции с ЕЭС. В день переворота Еврокомиссия выразила надежду на то, что будут соблюдены права человека и в скором времени восстановлены демократические институты.[135] 18 сентября 1980 г. Европейский парламент в ходе обсуждения ситуации, сложившейся в Турции, принял резолюцию, выражающую обеспокоенность в отношении политических и гражданских прав и физической безопасности заключенных. Анкаре напоминалось, что соблюдение прав человека, при-

знанных во всем мире, было основным условием для диалога Сообщества с ассоциированным государством.[136]

Тем не менее Совет по ассоциации в своем решении № 1/80 от 19 сентября 1980 г. призвал к расширению участия Сообщества в развитии инфраструктуры Турции, а также к организации контактов и встреч между представителями промышленности Турции и Сообщества, особенно в форме совместных предприятий (Статья 23). Рекомендовалось содействовать развитию сельских районов и совершенствовать структуру сельского хозяйства и методов продаж продукции (Статья 25). Было решено производить обмен и обучение молодых рабочих (Статья 26).

Выжидание ЕЭС было продиктовано отсутствием определенного мнения в отношении политики нового режима в Анкаре. Европейское Сообщество опасалось опрометчиво осуждать режим и выпускать его из сферы своего влияния. Доброжелательные и позитивные донесения из посольств государств-членов ЕЭС в Турции также не позволяли Сообществу занять жесткую позицию по отношению к военным.[137]

Однако Европарламент занял непримиримую позицию по отношению к новому режиму в Анкаре, в основном под влиянием европейских социалистов и либералов. Главной темой парламентских дебатов, состоявшихся 10 апреля 1981 г., была ситуация в Турции. Европейские социалисты придерживались мнения о необходимости приостановления действия Соглашения об ассоциации Турции с Сообществом. В итоге Европарламент одобрил резолюцию, призывавшую Анкару к восстановлению демократических институтов в течение двух месяцев.[138] Однако уже через месяц Совет по ассоциации принял проект Четвертого финансового протокола. Он увеличивал помощь Сообщества до 647 млн. ЭКЮ, предназначенных на развитие турецкого агропромышленного комплекса.[139] В начале июня 1981 г. на заседании Совета по ассоциации турецкий представитель заявил о решении своего правительства об ускорении и интенсификации выполнения «домашнего задания» таким образом, чтобы Турция могла сделать запрос о принятии в ЕЭС, как только будет восстановлена парламентская демократия.[140] Это также означало понимание Турцией, что условием интеграции в Европу было установление полностью демократической политической системы. Но провозглашенное Анкарой намерение подать запрос на вступление в ЕЭС раньше

установленного срока дало возможность Европейскому Сообществу еще более жестко настаивать на наискорейшем восстановлении демократии.

К концу 1981 г. начался новый кризис во взаимоотношениях Турции с Сообществом, который длился вплоть до прекращения правления военного режима. Он был вызван тем, что, с точки зрения ЕЭС, Турция не предпринимала обещанных мер по скорейшему восстановлению демократии. Еврокомиссия решительно осудила запрет политических партий и арест бывшего премьера Эджевита как действия, противоречащие процессу восстановления демократии.[141] Европарламент заморозил кредиты по Четвертому финансовому протоколу.[142]

Жесткая позиция не только Европарламента, но Сообщества в целом означала политическую изоляцию Турции в Европе, что отразилось на ее отношениях с отдельно взятыми государствами-членами ЕЭС. Более того, после вступления в Сообщество 1 января 1981 г. Греция, используя право вето на заседаниях Совета министров, выступала против выполнения Соглашения об ассоциации с Турцией, ссылаясь на нарушения прав человека. Она выдвинула свои условия для возобновления отношений: эвакуация Турцией своих войск с Кипра, отказ от агрессивной политики по отношению к соседним странам и приведение ее в соответствие с положениями международного права.[143]

Можно выделить три причины изменения политического курса Сообщества. Во-первых, оно понимало, что пакет соглашений о помощи давал возможность влиять на ход событий в Турции, оказывать на нее экономическое и политическое давление. Во-вторых, по мнению ЕЭС, военный режим не предпринимал достаточных шагов по восстановлению демократии и не станет этого делать, пока не будет усилено давление извне. Решение генералов об упразднении партий вынудило некоторых политических лидеров, несмотря на их первоначальное молчание, обратиться с просьбой к своим европейским коллегам об оказании давления на представителей турецкой армии в защиту демократии.[144] В-третьих, Сообщество находилось под давлением общественного мнения. Европейские организации приостанавливали участие в них Турции, замораживали обещанные кредиты и займы. По существу, критика режима в Анкаре совпадала с нежеланием торопиться с принятием ее в полноправные члены ЕЭС.

Кроме того, политический режим, установленный принятой военными в 1982 г. Конституцией, из которой был исключен целый ряд либерально-демократических принципов, действующих в Европе, создавал серьезное препятствие для интеграции Турции в ЕЭС. Однако после одобрения населением новой Конституции на референдуме, несмотря на критику некоторых ее положений, и назначения выборов на ноябрь 1983 г. политическая напряженность между Турцией и Сообществом несколько ослабла. Но запрос турецкого правительства весной 1983 г. о пересмотре ЕЭС его позиции в отношении Четвертого финансового протокола не дал никаких результатов.

К 1983 г. стагнация во взаимодействии Турции и Сообщества была обусловлена не только внутриполитической ситуацией в данной стране, но также ее напряженными отношениями с Грецией. 15 ноября 1983 г. Турецкая Республика Северного Кипра провозгласила независимость, но была признана только Турцией. Европейское Сообщество выразило сожаление по поводу сложившейся ситуации, в особенности неудавшимся попыткам Организации Объединенных Наций привести стороны за стол переговоров. Солидаризируясь с позицией ООН, Сообщество подчеркнуло целостность, независимость и суверенитет Кипра и отказалось признать Турецкую Республику Северного Кипра.[145]

Хотя турецкие власти считали, что парламентские выборы 1983 г. свидетельствовали о восстановлении демократии и что это должно было стимулировать потепление отношений с ЕЭС, западноевропейцы выказывали скептическое отношение к новому режиму в Турции. 23 сентября 1985 г. Европарламент принял резолюцию о несоблюдении прав человека в данной стране.[146] В ответ Турция пообещала отменить военное положение, которое препятствовало нормализации отношений, и допустила европейских представителей для наблюдения за ситуацией в области прав человека.[147]

Кроме того, ЕЭС всячески стремилось подорвать экспорт турецких сельскохозяйственных и промышленных товаров, прибегая к введению различных квот и ограничений, что существенно затрагивало торговые и экономические интересы страны. Ограничение странами Сообщества ввоза ряда турецких товаров приводило к ухудшению внешнеторгового дефицита Турции и снижению занятости населения. Всячески оттягивалось решение таких существенных проблем, как

свободное перемещение турецких рабочих в странах Общего рынка, создание для них и их семей нормальных условий труда и быта.

После принятия в ЕЭС Испании и Португалии 1 января 1986 г. создавались еще более неблагоприятные условия для экспорта турецких товаров и появилась угроза сокращения финансовой помощи Сообщества. Возникала весьма сильная конкуренция со стороны Испании, Греции и Португалии в области экспорта сельскохозяйственной продукции и промышленных изделий. Кроме того, создание европейского внутреннего рынка отменило все нетарифные барьеры и вытесняло товары, экспортируемые третьими странами. Но Турции угрожали убытки не только в торговле с ЕЭС. Расширение Сообщества к югу значительно ухудшило перспективы экспорта рабочей силы в рамках договорных отношений с Брюсселем. Нужно было считаться с эмиграцией рабочей силы из Португалии и несколько в меньшей степени – из Греции и Испании.

В ноябре 1986 г., впервые после шестилетнего перерыва, состоялось заседание Совета по ассоциации Турции с ЕЭС, что отражало потепление в отношениях сторон. Кроме того, Дания, Нидерланды, Норвегия, Франция и Швеция отозвали из Европейской Комиссии по правам человека свои обвинения против Турции в их нарушении. Данное решение пяти стран ЕЭС расценивалось турецкими властями как признак значительного улучшения отношений с Западной Европой.[148] Однако опасаясь нового притока турецких рабочих, ЕЭС высказалось против предоставления им с 1 декабря 1986 г. права на свободное передвижение в странах Сообщества, тем самым вызвав резкое недовольство в Турции.[149] Изменение социально-экономической структуры стран ЕЭС, определенное обострение проблем, вызванных свободным передвижением их граждан, а также рост националистических настроений во многих европейских государствах значительно осложнили решение данного вопроса.

В свою очередь, Турция не следовала графику ликвидации количественных ограничений, зафиксированному Дополнительным протоколом. В 1985 г. она снизила лишь на 20% таможенные пошлины для промышленной продукции Сообщества, хотя была предусмотрена полная ликвидация пошлин. В январе 1988 г. было предпринято снижение тарифов, составившее 30% для товаров, свободное передвижение которых

должно было быть установлено в 1985 г., и на 10% для товаров, ликвидация таможенных пошлин на которые была предусмотрена на 1995 г. Но затем, 1 января 1989 г., Турция снизила таможенные пошлины еще на 20%, приблизив их к стандартам Сообщества.[150]

17 марта 1989 г. Европарламент принял резолюцию относительно турецкой политики поощрения экспорта. Через несколько месяцев Турция отменила субсидии и налоговые послабления экспортерам. Благодаря политике либерализации внешнеэкономических связей объем внешней торговли Турции со странами ЕЭС увеличился с 3,5 млрд. долл. в 1980 г. до 11 млрд. в 1989 г.[151]

В политической сфере возвращение к гражданской демократии в январе 1987 г. было дополнено конституционными изменениями, гарантировавшими фундаментальные права и свободы. Были полностью восстановлены политические права Демиреля, Эджевита и остальных бывших партийных лидеров. Озала больше не могли обвинить в поддержке военных, и Турции удалось заслужить некоторое доверие Запада. Кроме того, Анкара признала право своих граждан подавать апелляции в Комиссию по правам человека Совета Европы. В январе 1988 г. правительство Озала подписало Европейскую конвенцию и Конвенцию ООН о предотвращении пыток; первая была немедленно ратифицирована в январе, а вторая в августе того же года. Но по-прежнему важной западной политической ценностью, отсутствующей в Турции, оставалась свобода мысли и политических объединений, что подтверждалось запретом на коммунистическую и исламистскую деятельность. Европейские организации призывали Турцию снять этот запрет, который воспринимался как серьезное препятствие к вступлению в ЕЭС.

14 апреля 1987 г. Турция подала официальный запрос о полноправном вступлении в ЕЭС, а точнее – три заявки: в Европейское объединение угля и стали, в Евратом и Европейское экономическое сообщество на основании Статьи 98 Договора о ЕОУС, Статьи 205 Договора о Евратоме и Статьи 237 Договора о ЕЭС.[152] Этот шаг был продиктован экономическими реформами Озала и модернизацией турецкой промышленности.[153] Заявка Турции стала неожиданностью для учреждений и правительств государств-членов Сообщества. 27 апреля 1987 г. Евросовет принял к сведению данный запрос и обратился в Европейскую Комиссию с тем, чтобы она вынесла свое решение. Еврокомиссия дала указание своим департаментам со-

брать всю информацию и документацию, необходимую для анализа обстоятельств и условий принятия Турции. ЕЭС было не готово к заявке Турции и не знало, как отреагировать, что объясняет тот факт, почему на составление отчета Еврокомиссии ушло 30 месяцев.

Кроме того, в мае 1988 г. Греция помешала проведению заседания Совета по ассоциации. По настоянию данной страны в рекомендацию Совета был включен тезис о влиянии турецкой оккупации Северного Кипра на отношения между Турцией и ЕЭС. В резолюции Европарламента от 20 мая 1988 г. о ситуации на острове констатировалось, что незаконная оккупация части территории страны, ассоциированной в Сообщество, военными силами другого партнера по ассоциации создает значительное препятствие для нормализации отношений с последним, а именно с Турцией.[154] Анкара в знак протеста решила бойкотировать заседание Совета по ассоциации. Это совместное заседание было бы весьма важным для нее: на повестке дня стоял вопрос о размораживании Четвертого финансового протокола, на что не соглашалась Греция.

Наконец, 20 декабря 1989 г. Комиссия ЕЭС представила «Мнение о заявке Турции на вступление в Сообщество»[155] в форме отчета, одобренного Европейским Советом. В нем подчеркивалось, что приоритет отдавался достижению целей Единого Европейского Акта и было бы нежелательно начинать переговоры о вступлении с любой страной до 1993 г. в связи со сложностями переходного периода.

В отчете также указывалось, что экономическая и политическая ситуация в Турции не убедила Комиссию в способности этой страны преодолеть сложности процесса присоединения к Сообществу, несмотря на позитивные изменения, сложившиеся вследствие серии реформ и выборов на разных уровнях, которые приближались к модели ЕЭС. Было отмечено, что хотя за последние годы наблюдался прогресс в области прав человека и уважения к меньшинствам, до сих пор не достигнут уровень, требуемый в демократическом обществе. Принимались во внимание негативные последствия споров между Турцией и Грецией и ситуация на Кипре. Тем не менее Еврокомиссия одобряла укрепление отношений в рамках Соглашения об ассоциации, учитывая важное геостратегическое положение Турции и ее принадлежность к НАТО, и отмечала, что «Сообщество заинтересовано в том, чтобы интенсифици-

ровать взаимоотношения с Турцией и помогать ей как можно скорее завершить процесс политической и экономической модернизации» (Статья 9).

В качестве приложения был опубликован доклад «Турецкая экономика: структура и развитие», который представлял собой развернутый анализ состояния турецкой экономики, в том числе ее сравнение с Грецией, Испанией и Португалией как наименее развитыми членами ЕЭС. В документе указывалось, что начало переговоров о вступлении любой страны в Сообщество должно опираться на два принципа. Страна-кандидат должна быть в состоянии принять на себя ряд ограничений, обязательных для членов Сообщества, и решить ряд проблем, которые могут возникнуть в связи с поэтапной интеграцией стран ЕЭС. Отмечалось, что особенно важны эти положения для Турции как страны, обладающей значительной территорией и быстрорастущим населением, но уровень экономического развития которой, однако, в целом ниже общего уровня Сообщества.

В качестве положительных аспектов турецкой экономики в докладе были отмечены высокий темп роста ВВП, быстрое увеличение и диверсификация экспорта и значительное улучшение инфраструктуры. В то же время в докладе обращалось внимание на следующие отрицательные моменты: значительные структурные различия в сельском хозяйстве и в промышленности; показатели макронестабильности экономики, имевшие в 1989 г. негативную тенденцию развития; высокий уровень протекционизма в промышленности; низкий уровень социальной защиты. При этом отмечалось, что дополнительная нагрузка на бюджет ЕЭС в связи с финансированием Турции через структурные фонды будет еще выше, чем за период последнего расширения, учитывая размер и уровень развития данной страны (Статья 8).

5 февраля 1990 г. Европейский Совет в целом одобрил рекомендации Еврокомиссии и поручил ей в деталях разработать предложения по укреплению отношений с Анкарой. В заключении Совета министров ЕЭС предлагалось создать новые механизмы для адаптации Турции к вступлению в Сообщество.[156] Кроме того, вступил в силу Четвертый финансовый протокол, подписанный в 1981 г.

Базируясь на данном решении, 7 февраля 1990 г. Комиссия ЕЭС подготовила перечень необходимых мероприятий по

сотрудничеству с Турцией (Пакет Мэтьюта), касающемуся образования таможенного союза в 1995 г. и содействия сотрудничеству в промышленной, технологической, политической и культурной области. Но данный пакет не был одобрен Евросоветом из-за противодействия Греции.

Таким образом, заявка Турции не была ни удовлетворена, ни отвергнута руководящими органами Сообщества. Такой результат отразил противоречия, колебания и опасения внутри ЕЭС по поводу присоединения к нему Анкары, что и было отражено в документах. Но, не достигнув основной цели, заявка Турции все же оживила ее отношения с ЕЭС: усилия по их развитию интенсифицировались с обеих сторон, снова начали функционировать политические и технические механизмы Ассоциации, было возобновлено выполнение мер, направленных на образование таможенного союза в намеченные сроки. ЕЭС рассматривало последний как необходимую цену и инструмент сохранения проевропейской ориентации Турции, отказав ей во вступлении.

Решение Европейского Сообщества отложить принятие Турции на неопределенный период было встречено ею с глубоким разочарованием и возмущением. Следует отметить, что распад СССР устранил советскую угрозу Западу и, следовательно, поставил под сомнение полезность Турции для ЕЭС. Соображения стратегической безопасности были частично заменены политическими, экономическими и культурными. В отношениях Анкары с ЕЭС стали все больше преобладать проблемы демократии и прав человека. Но турецким властям не удалось вовремя отреагировать на сдвиг в приоритетах Сообщества. Они полагали, что осуществляемые с 1980 г. экономические реформы будут достаточным обстоятельством в пользу вступления.[157]

Кратко резюмируя материалы параграфа, можно констатировать, что политическая воля идти навстречу друг другу присутствовала с обеих сторон. Наряду с этим Турция и ЕЭС имели в виду определенные политические и экономические риски. Сообщество опасалось влияния силовых структур и мусульманского фактора в политике Анкары. Что же касается Турции, то ее структура экономики, сохраняющаяся макроэкономическая нестабильность и социальная неопределенность рождали стремление в «получении» стабильного рынка ЕЭС, но одновременно «отталкивали» ее от Сообщества.

### 3. Характеристика поэтапного развития отношений Турции и Европейского Союза

В отличие от предыдущего этапа, когда отношения Турции с Европой определяли вопросы экономического сотрудничества, в 1990-е гг. на передний план вышли проблемы установления и совершенствования демократии. Турция, однако, исходила из собственных представлений о безопасности и действовала в соответствии с логикой и ментальностью холодной войны. Это касается репрессий по отношению к курдскому меньшинству и представителям левых партий. В результате различия в подходах к этим вопросам возникли серьезные разногласия, и создалась некоторая неопределенность статуса Турции в Европейском Сообществе.

В этот период можно выделить следующие основные факторы, препятствовавшие дальнейшему продвижению Турции к членству в ЕС:

– разрыв в уровнях социально-экономического развития;

– неблагоприятные финансово-экономические показатели Турции;

– сохранявшиеся в стране факторы политической нестабильности;

– международные проблемы, в которые Турция была непосредственно вовлечена;

– конкуренция на вступление в ЕС со стороны более развитых государств.

Отстаивая свое право на вступление в Евросоюз, Анкара делала упор на наиболее долгую историю отношений с ЕС относительно других стран-кандидатов, достижения в экономической области, интегрированность страны в различные структуры западных стран, прежде всего НАТО, а также на опасность исламского фундаментализма для Турции как единственного светского государства среди мусульманских стран.

На саммите Европейского Совета в Лиссабоне в 1992 г. была подчеркнута важная роль Турции в формировании текущей ситуации в Европе, и принято решение о развитии сотрудничества посредством политического диалога на высшем уровне.[158] Кроме того, на саммите в Корфу в 1994 г. Европейский Совет объявил о претворении в жизнь Евро-Средиземноморского

партнерства, целью которого было укрепление политики ЕС в Средиземноморском регионе. Турция стала участником нового партнерства, предполагавшего создание зоны свободной торговли, охватывающей Евросоюз, страны ЦВЕ и ассоциированные средиземноморские страны.

28 ноября 1995 г. ЕС и двенадцать средиземноморских стран, включая Турцию, на саммите в Барселоне подписали декларацию о Евро-Средиземноморском партнерстве, на базе которой создавались рамки для политического, социально-экономического и культурного сотрудничества. Ее двумя основными целями являлись: содействие политическим реформам и гарантиям прав человека и свободы слова; содействие экономическим и политическим реформам, нацеленным на обеспечение экономического роста, повышение жизненных стандартов и создание рабочих мест. Партнерство должно было включать в себя: многосторонний диалог по политической и социально-экономической тематике между ЕС и его двенадцатью средиземноморскими партнерами; серию Евро-Средиземноморских соглашений об ассоциации; более тесное сотрудничество между Евросоюзом и его двенадцатью средиземноморскими партнерами в социальной сфере.[159] Партнерство включало в себя не только государства-члены ЕС с его учреждениями и Турцию, но также Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Иорданию, Израиль, Сирию, Ливан, Мальту, Кипр и Палестинскую автономию.

В ноябре 1992 г. на заседании Совета Ассоциации была достигнута договоренность о завершении процесса формирования таможенного союза Турции и Евросоюза в конце 1995 г. Начались переговоры об образовании таможенного союза ЕС и Турции. В 1994 г. Еврокомиссия утвердила директивы о формировании таможенного союза. А в 1995 г. Европарламент одобрил завершение формирования таможенного союза, но выразил мнение, что ЕС должен вплотную контролировать соблюдение прав человека в Турции.[160] Еврокомиссии было поручено предоставлять парламенту регулярные отчеты на эту тему. 6 марта 1995 г. на заседании Совета по ассоциации между Турцией и ЕС было подписано соглашение, которое устанавливало режим таможенного союза по торговле промышленными товарами. Кроме того, был учрежден консультативный орган – Совместный комитет по таможенному союзу. Таким образом, власти страны отказались от политики протекционизма в отношении европейских товаров. Создание таможенного

союза Турции и ЕС завершило переходный этап интеграции страны в эту организацию. Подписание соглашения о таможенном союзе продемонстрировало заинтересованность Евросоюза в развитии отношений с Турцией – прежде всего ради сохранения ее в целом прозападной ориентации, стремление к закреплению за ней статуса полноценного европейского государства, что было особенно важно в условиях прихода к власти исламистской партии Эрбакана.

Выход на качественно новый уровень отношений между Анкарой и Брюсселем вновь актуализировал вопрос о путях развития турецко-европейской ассоциации и о перспективах включения Турции в ЕС в качестве полноправного члена. На интенсивных переговорах с представителями Евросоюза в начале 1995 г. Анкара пыталась добиться включения в итоговые документы положения о повышении уровня политического диалога с ЕС, ориентированного на перспективу полного членства Турции в этой организации. Однако по требованию Греции этот тезис не был принят.[161]

На заседании Совета по ассоциации 30 октября 1995 г. Европейский Союз утвердил процедуры политического диалога и гарантировал турецкой стороне, что будет продолжать интенсификацию диалога, что предусматривало:

– ежегодные встречи премьер-министра Турции и председателя Европейского Совета и Еврокомиссии; два раза в год встречи министров иностранных дел. Темы переговоров на встречах могли охватывать: окружающую среду, транспорт, торговлю, промышленность, телекоммуникации, туризм, образование, культуру, исследования, внутренний рынок, экономику, финансы. Два раза в год встречи министров, ответственных за внутренний рынок и функционирование таможенного союза, на которых ЕС должен был представлять председатель Комиссии;

– регулярное предоставление Турции информации о результатах заседаний Европейского Совета и Политического Комитета;

– выборочное предоставление Анкаре основных документов, касающихся общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ); консультации экспертов из Турции и Европейского Союза в рамках рабочих групп по проблемам ОВПБ.[162]

Решение Совета по ассоциации завершило формирование таможенного союза и дало значительный импульс усилиям Турции по приведению национального законодательства в со-

ответствие с нормами Сообщества. Для успешного функционирования таможенного союза перед его вступлением в силу Турция должна была адаптировать ряд правовых норм ЕС, в особенности, касающихся таможенной и торговой политики, конкуренции, защиты интеллектуальной, промышленной и коммерческой собственности.

В результате после реализации таможенного союза Анкара, не участвуя в руководящих органах ЕС и не имея возможности влиять на принимаемые им решения, была обязана выполнять их и с этой целью изменять национальное законодательство. Речь шла о серьезном ограничении закрепленных в конституции принципов национального суверенитета, причем Евросоюз не взял на себя обязательства о принятии Турции. Таким образом, она стала единственной страной, создавшей таможенный союз с ЕС, не являясь его членом. Соглашение о таможенном союзе вступило в силу 31 декабря 1995 г.

В феврале 1996 г. Европарламент осудил ситуацию с правами человека и террор в Турции. Он выразил обеспокоенность в связи с напряженными отношениями между Анкарой и Афинами по вопросу островов в Эгейском море. Вследствие отказа Турции передать конфликт на рассмотрение Международного суда ООН Греция продолжала накладывать вето на предоставление данной стране 375 млн. ЭКЮ, которые ей полагались на основании соглашения о таможенном союзе.[163]

В июле 1996 г. на заседании в Бонне европейские парламентарии обвинили турецкое правительство в государственном терроризме.[164] В сентябре 1996 г. Европейский парламент призвал Еврокомиссию предоставить Анкаре финансовую помощь, предусмотренную Барселонским процессом, только при условии, что она пойдет на обеспечение демократии, прав человека и гражданского общества.[165] Еврокомиссия согласилась не выплачивать эти деньги без консультаций с парламентом. По ее мнению, права человека в Турции по-прежнему регулярно нарушались, небольшой прогресс был достигнут в области демократизации и экономических реформ, хотя таможенный союз функционировал удовлетворительно.[166] Более того, на саммите в Дублине Европейский Совет призвал Турцию использовать все свое влияние для поиска решения кипрского конфликта в соответствии с резолюциями СБ ООН.[167]

Еврокомиссия подтверждала право Турции на вступление в ЕС, и что данная страна будет оцениваться на базе тех же

объективных критериев, что и остальные кандидаты. Комиссия рассматривала в качестве важнейших областей сотрудничества с Турцией интенсификацию промышленного сотрудничества и привлечение инвестиций, поддержку в реформировании сельского хозяйства, увеличение роли таможенного союза через техническое содействие и административное сотрудничество, установление макроэкономического диалога, в основном по вопросам либерализации движения капитала, поддержку страны Евросоюзом в области охраны окружающей среды, телекоммуникаций и защиты потребителя. Кроме того, предлагалось расширять сотрудничество между Брюсселем и Анкарой в таких областях, как права человека, правосудие и в гуманитарных сферах совместно с участием в программах Евросоюза.

Однако Еврокомиссия исключила Турцию из процесса расширения в своем документе «Повестка дня для 2000 г.», который был обнародован 16 июля 1997 г. Хотя в документе признавалось удовлетворительное функционирование таможенного союза, что демонстрировало способность Турции принять нормы ЕС, в нем перечислялись политические и экономические аргументы против перспективы ее принятия. КЕС заявила, что соблюдение прав человека в Турции не соответствует стандартам ЕС. Согласно мнению ее представителей, частые случаи пыток и смертных приговоров в Турции свидетельствовали о неспособности правительства страны контролировать и управлять действиями собственных органов безопасности. Для укрепления взаимодействия с ЕС подчеркивалась необходимость проведения в Турции политических и экономических реформ, поддержка переговоров, проводимых под наблюдением ООН с целью поиска решения проблемы Кипра. «Повестка дня для 2000 г.» призывала Турцию признать свою ответственность за ситуацию на острове. Кроме того, ЕС настаивал на урегулировании ситуации на юго-востоке Турции и политическом диалоге с курдским населением с целью достижения мирного решения, соблюдающего права национальных меньшинств. Тем не менее ЕС гарантировал Турции поддержку ее усилиям по взаимному сближению.[168]

Однако, основываясь на рекомендациях Еврокомиссии, на саммите в Люксембурге 12–13 декабря 1997 г. ЕС не включил Турцию в число кандидатов. Причинами для такого решения послужили грубое нарушение прав человека и национальных меньшинств и агрессивная внешняя политика Анкары. Все

же Европейский Совет подтвердил право Турции на вступление и подчеркнул, что ее будут оценивать на базе тех же критериев, которые применяются к другим странам-кандидатам. Однако на тот момент политическая и экономическая ситуация в стране не удовлетворяла требованиям, необходимым для начала переговоров о вступлении.

Тем не менее Европейский Совет подчеркнул необходимость выработки стратегии для подготовки к вступлению Турции, которая бы приблизила данную страну к стандартам ЕС во всех областях (пункт 31 Декларации Европейского Совета). Данная стратегия должна была включать в себя: интенсификацию таможенного союза; осуществление финансового сотрудничества; адаптацию законодательной базы ЕС; участие в некоторых программах Евросоюза (пункт 32).

Европейский Совет напомнил о том, что укрепление связей Турции с ЕС зависело от приверженности данной страны политическим и экономическим реформам, что подразумевало приведение ситуации с правами человека в соответствие со стандартами Евросоюза, уважение и защиту меньшинств, удовлетворительные и стабильные взаимоотношения с Грецией, поддержание переговоров под эгидой Организации объединенных наций по политическому урегулированию на Кипре на базе соответствующих резолюций СБ ООН (пункт 35). Основными приоритетами в области прав человека должны были стать гарантии равноправия полов, права и защита ребенка, соблюдение авторских прав. Европейский Совет поручил Еврокомиссии выработать соответствующие предложения, касающиеся будущего взаимодействия с Турцией.[169]

Люксембургский саммит привел к кризису отношений между Турцией и Европейским Союзом. В комментариях по поводу декларации саммита турецкое правительство отметило, что несмотря на некоторые позитивные элементы, такие как участие Анкары в процессе расширения ЕС, подготовка Европейской стратегии вступления Турции в Евросоюз и признание за ней права на статус страны-кандидата, она не была оценена в тех же рамках доброжелательного подхода и объективных критериев, что и остальные страны-кандидаты. Большинство пунктов, представленных как новые и прогрессивные мероприятия для Турции, являлись обязательствами, которые вот уже много лет не выполнялись ЕС; были даны пристрастные, предосудительные и неблагоприятные оценки ее внутренней и

внешней политики, включая проблему Кипра, в то время как правительственные реформы абсолютно не были приняты во внимание. При этом заявлялось, что турецкая сторона добивалась не немедленного членства в Евросоюзе, а установления четких экономических критериев и графика вступления в ЕС, то есть выработки согласованного плана сотрудничества на третьем, заключительном этапе интеграции в эту организацию. Вместе с тем Анкара требовала установления твердых временных рамок этого сотрудничества, в том числе и даты реализации полного членства в ЕС.

В заявлении турецкого правительства подчеркивалось: «Пока не изменятся данный подход и менталитет, наши отношения не могут развиваться в рамках конструктивного и многоаспектного диалога. Следовательно, невозможно начать переговоры, касающиеся политических проблем, которые не представляют прямого и взаимного интереса для обеих сторон. Мы отказываемся от предъявленных нам политических условий. Будущее Турции и ее отношения с ЕС не могут строиться на такой сомнительной основе. Развитие данных отношений зависит от выполнения Евросоюзом своих обязательств. Турция придерживается желания интеграции в ЕС, несмотря на позицию, представленную на Люксембургском саммите. Европейский Союз, в котором не найдется места для Анкары, будет определяться и ограничиваться дискриминацией и нетерпимостью».[170] Турецкий министр иностранных дел заявил после окончания саммита: «ЕС вовсе не единственная альтернатива для Турции, и она не нуждается в Евросоюзе».[171] А премьер-министр Месут Йилмаз обвинил ЕС в возведении новой, «культурной» Берлинской стены. Он заявил, что «христианские демократы пытаются изолировать Турцию от Европы, основываясь на религиозных предрассудках».[172] 15 декабря 1997 г. турецкое правительство решило заморозить политический диалог с ЕС, таким образом устраняя внешние стимулы для процесса демократизации в Турции.

По поручению Европейского Совета 4 марта 1998 г. Еврокомиссия опубликовала Европейскую стратегию для Турции. Основные элементы данного документа касались адаптации законодательной базы ЕС. Кроме того, предлагалось включить в область деятельности таможенного союза сферу услуг и сельское хозяйство.[173]

Однако Анкара ответила бойкотом первой Европейской конференции, которая проводилась в Лондоне в марте 1998 г.

Таким образом Турция продемонстрировала, что выход из кризиса двусторонних отношений зависит от политической воли ЕС.

Более того, 30 марта 1998 г. турецкое правительство выступило с негативным комментарием по поводу признания за Кипром статуса страны-кандидата на вступление в ЕС: «Наша страна, которая выполняет все условия, необходимые для включения в процесс расширения, на равных с остальными кандидатами, подверглась дискриминации и открытому пренебрежению».[174] Далее, по причине вето, наложенного Грецией на предоставление обещанной в 1995 г. финансовой помощи в размере 375 млн. ЭКЮ, в мае 1998 г. Турция отказалась присутствовать на заседании Совета по ассоциации.

Тем не менее на саммите в Кардиффе, состоявшемся 15–16 июня 1998 г., лидеры ЕС одобрили Европейскую стратегию для Турции, отметив, что «данный пакет обеспечивает платформу для развития взаимоотношений на прочной и эволюционной основе», и поручили Еврокомиссии найти источники финансирования для осуществления положений данного документа. В заявлении МИДа Турции намерение ЕС изыскать средства для финансирования Европейской стратегии интерпретировалось как подтверждение понимания ЕС необходимости выполнения обязательств по отношению к Турции и важности конкретных мер в этой области.[175] Кроме того, Европейский Совет призвал Комиссию и соответствующих представителей турецких властей поставить своей целью гармонизацию законодательства и правовой практики Турции с нормами ЕС. Вместе с тем вновь не удалось убедить Грецию снять вето с финансовой помощи Анкаре.

Затем, 17 июля 1998 г. Анкара выдвинула свои предложения в документе, озаглавленном «Стратегия развития взаимоотношений между Турцией и ЕС – предложения Турции», который в основном придерживался подхода Еврокомиссии. В нем особо подчеркивалась невозможность функционирования таможенного союза в отрыве от гарантий полноправного вступления в ЕС и дискриминация, проявленная Европейским Советом на саммите в Люксембурге по сравнению с остальными кандидатами. Турция также настаивала на претворении в жизнь финансового протокола к соглашению о таможенном союзе.

Предложения Турции включали в себя: сотрудничество в области сельского хозяйства, свободу предоставления услуг, свободное движение капиталов, координацию экономической

политики, свободное перемещение рабочих, финансовое сотрудничество, участие в программах ЕС в сфере промышленности, правосудия, потребительской политики, окружающей среды, энергетики, образования. Турция считала необходимым принять данный пакет предложений с целью укрепления взаимоотношений с ЕС и достижения заключительной цели Соглашения об ассоциации – полноправного вступления в Европейский Союз.[176]

21 октября 1998 г. Еврокомиссия представила два проекта постановлений о выделении 50 млн. евро в год на финансирование Европейской стратегии, а в ноябре 1998 г. обнародовала Отчет о прогрессе Турции на пути к вступлению, в котором признала за ней статус страны-кандидата. Однако в документе подчеркивалось, что переговоры о вступлении не начнутся до тех пор, пока не будет достигнуто соответствие политическим критериям.

В то же время для Турции предполагалось разработать стратегию подготовки к вступлению, предназначенную для содействия и поддержки реформ. В связи с этим Еврокомиссия намеревалась принять ряд мер, нацеленных на: интенсификацию политического диалога при уделении особого внимания проблеме прав человека и вовлечению Турции в деятельность Союза в рамках ОВПБ; обеспечение полноправного участия страны в программах ЕС; принятие программы вступительного партнерства вместе с национальной программой принятия законодательных норм Евросоюза; создание механизмов для контроля над выполнением программы вступительного партнерства и анализа нормативной базы Европейских Сообществ с целью гармонизации законодательства и правовой практики.

Относительно ситуации в самой Турции в документе было указано на улучшение в отдельных областях, в частности, внесение поправок в законодательстве с целью искоренения мошенничества и коррупции. Однако отмечались такие изъяны, как политическая роль армии, недостаток демократического контроля над вооруженными силами и службами безопасности, коррупция в государственных учреждениях, случаи сотрудничества между представителями организованной преступности и государственного аппарата, политические назначения в сфере правосудия, коррупция в законодательных органах, политическое вмешательство в судебный процесс, функционирование судов государственной безопасности. Многие злоупотребления

были связаны с нарушением прав человека и национальных меньшинств. Среди них перечислялись пытки, исчезновения людей, казни, политические ограничения на свободу слова, в особенности в отношении критики действий вооруженных сил и служб безопасности, неудовлетворительные условия содержания в тюрьмах и ограничения на свободу собраний и ассоциаций. В заключение указывалось на необходимость конструктивного вклада «мирными средствами в соответствии с нормами международного права» в урегулирование политических споров с соседними странами.

В разделе отчета, посвященном экономике, утверждалось, что рынок Турции непредсказуем и финансово нестабилен. Хотя Анкара занялась программой экономической модернизации, частично в результате формирования таможенного союза, правительственная политика должна быть теснее сфокусирована на ограничении социального и регионального дисбаланса и создании финансовых институтов для облегчения функционирования внутреннего рынка. Еврокомиссия заключила, что Турция приблизилась к правовым нормам ЕС в сфере свободного перемещения товаров и конкуренции, но еще многое необходимо сделать в области сельского хозяйства и окружающей среды.[177]

17 ноября 1998 г. президент Турции Демирель представил президенту Австрии, председательствовавшей на тот момент в ЕС, документ, в котором выражалось желание его страны быть признанной в качестве кандидата на вступление на равных с остальными странами-кандидатами. Кроме того, в документе поднимался вопрос о невыполнении ЕС финансовых обязательств, вытекающих из соглашения о таможенном союзе. В заключении документа содержался раздел, посвященный террористической деятельности Курдской рабочей партии.[178] Тем не менее после саммита Европейского Совета, который проходил в Вене с 11 по 12 декабря 1998 г., Турция вновь выразила недовольство проявленной по отношению к ней дискриминацией по сравнению с остальными странами-кандидатами и отклонением ее кандидатуры.[179]

Благодаря настойчивости ЕС в 1999 г. наметились шаги по сближению Турции и Греции. Кроме того, конфликт в Косово продемонстрировал роль Анкары в европейской безопасности и ее способность сотрудничать с Афинами.

Летом 1999 г. в Турции произошло сильное землетрясение. Уже через неделю после стихийного бедствия ЕС выделил

ей 2 млн. евро в качестве гуманитарной помощи, не в последней степени при содействии Греции. 13 сентября 1999 г. в Брюсселе на встрече министра иностранных дел Турции Джема с его финским коллегой Халоненом было достигнуто соглашение о предоставлении дополнительной помощи на восстановление инфраструктуры страны в размере 30 млн. евро. В дополнение к этому Европейский инвестиционный банк принял решение предоставить Турции заем в размере 600 млн. евро на устранение последствий землетрясения. И все же Греция не сняла вето с предоставления Анкаре 375 млн. евро из бюджета ЕС, которое было предусмотрено в связи с подписанием соглашения о таможенном союзе. Это было связано с сохраняющимися проблемами между Грецией и Турцией, включающими в себя споры по поводу принадлежности островов в Эгейском море; континентального шельфа; воздушного пространства; территориальных вод; маленьких островов и скал, суверенитет которых не определен; границ района полетной информации, национальных меньшинств.[180]

Учитывая усиление антиевропейских настроений в Турции, 6 октября 1999 г. Европейский парламент принял резолюцию, в которой утверждалось, что «ее вступление станет важным вкладом в дальнейшее развитие ЕС, а также в укрепление мира и стабильности в Европе».[181] И позднее в Отчете о развитии от 13 октября 1999 г. Еврокомиссия предложила рассмотреть возможность предоставления Турции статуса страны-кандидата на вступление в ЕС. При этом подчеркивалась необходимость соответствия Турции Копенгагенским критериям Евросоюза. Комментируя содержание данного отчета, министр иностранных дел Турции отметил, что его правительство выступает против зависимости развития отношений с ЕС от проблемы Кипра.[182]

На саммите Европейского Совета, состоявшемся в Хельсинки 10–11 декабря 1999 г., было принято единогласное решение о предоставлении Турции статуса страны-кандидата на вступление в ЕС. В декларации саммита заявлялось, что она «является страной-кандидатом на вступление в Союз с учетом принятия критериев, предъявленных остальным кандидатам». Хотя за ней было закреплено право лишь «однажды присоединиться», данное решение предусматривало выработку стратегии подготовки к вступлению для стимулирования и поддержки реформ, программы вступительного партнерства

совместно с Национальной программой адаптации законодательной базы ЕС, участие Турции в программах Союза, разработанных для стран-кандидатов, и саммитах Евросоюза, посвященных вопросам расширения, предоставление финансовой помощи Европейских Сообществ для проведения необходимых реформ. Участие в стратегии подготовки к вступлению подразумевало интенсификацию политического диалога с акцентом на соответствии политическим критериям, в особенности в области прав человека (пункт 12 Декларации саммита).

Участники саммита в Хельсинки одобрили позитивные сдвиги в политической жизни и политическом процессе Турции, а также ее четко выраженное намерение продолжать реформы, направленные на достижение соответствия Копенгагенским критериям. Но отмечалось, что для начала переговоров о вступлении необходимо значительное улучшение в политической области и сфере прав человека, соответствие Копенгагенским критериям, а также решение территориальных споров с Грецией. Лидеры стран ЕС подчеркнули, что любые пограничные споры следует вынести на рассмотрение Международного суда ООН.[183] Турция обязалась соблюдать правила и уставные требования Европейского Союза, заявив при этом, что принимает предложение о соблюдении критериев вступления, но категорически не согласна с необходимостью уступок по спорным вопросам с Грецией.[184]

10 апреля 2000 г. Еврокомиссия выделила 45 млн. евро на финансирование приведения турецкого законодательства в соответствие с правовой базой ЕС, конкуренции, защиты потребителя, новых информационных технологий и судебной системы, а также 15 млн. евро на укрепление таможенного союза.[185] На следующий день на заседании Совета по ассоциации Турции и ЕС в Люксембурге были учреждены 8 подкомитетов для аналитического изучения уровня соответствия турецкого законодательства с правовой базой Евросоюза. Был принят ряд решений, касающихся участия Турции в программах Союза и создания совместных консультативных механизмов для обсуждения функционирования торговых взаимоотношений в рамках таможенного союза.[186] В декларации саммита Европейского Совета в Фейра 19–20 июня 2000 г. было подчеркнуто, что в соответствии с Хельсинскими заключениями ЕС ожидает от Турции конкретного прогресса в области прав человека, господства закона и судебной системы (пункт 17).[187]

8 ноября 2000 г. Еврокомиссия обнародовала дорожную карту – Программу вступительного партнерства – для Турции, которая должна была стать фундаментом для Национальной программы адаптации законодательной базы ЕС данной страной. Этот документ был утвержден Европейским Советом в декабре 2000 г. Он призывал Турцию соразмерять свои действия и приоритеты с Копенгагенскими критериями членства в ЕС, не поступаясь при этом своими национальными интересами. Еврокомиссия рекомендовала Турции провести скорейшую демократизацию, что привело бы политическую и законодательную области в соответствие со стандартами ЕС.

В политической области Программа вступительного партнерства перечисляла ряд фундаментальных далеко идущих реформ, необходимых для соответствия Копенгагенским критериям, которые предполагали конституционные гарантии свободы мысли, собраний и вероисповедания, культурных прав всем гражданам независимо от их происхождения, отмену смертной казни, предотвращение пыток. Целью программы в экономической области было снижение инфляции, бюджетного дефицита до уровня 3% ВВП и государственного долга до конца 2002 г., что соответствовало бы Маастрихтским критериям.[188]

В докладе Еврокомиссии от 15 ноября 2000 г. приветствовалось, что Турция приняла ряд международных документов, касающихся прав человека, и утвердила деятельность Комитета по координации прав человека Верховной палаты парламента. Однако констатировалось, что в целом ситуация не изменилась и Турция по-прежнему не соответствует Копенгагенским политическим критериям. В докладе подчеркивалось, что Турция медлила с осуществлением институциональных реформ, необходимых для гарантирования демократии и верховенства закона. По-прежнему присутствовала такая проблема, как коррупция. Указывалось на необходимость административной реформы на всех уровнях. Среди прочих условий можно перечислить следующие: активная деятельность в области прав человека, реформирование подходов к культурным правам национальных меньшинств, отмена смертной казни, а также проведение военной реформы, которая в конечном итоге должна ослабить влияние армии в принятии политических решений и формировании общего политического курса страны. В качестве основных проблем, препятствовавших началу переговоров о вступлении Турции в ЕС, отмечались такие темы, как

присутствие турецких войск на Кипре, решение курдской проблемы, геноцид армян в начале XX в.

В разделе, посвященном экономическим критериям, указывалось на необходимость развития функционирующей рыночной экономики. Хотя отмечалось, что большинство секторов турецкой экономики достаточно сильны, чтобы справиться с конкуренцией и рыночными силами в рамках таможенного союза с ЕС, создание жизнеспособной рыночной экономики еще не завершено. В отчете утверждалось, что адаптация законодательной базы ЕС значительно продвинулась лишь в областях, касающихся таможенного союза. Однако прежде всего требовалась реструктуризация таких отраслей, как банковская система и сельское хозяйство, а также государственных предприятий.[189] Тем не менее Еврокомиссией не было предложено комплексной системы для адаптации правовых норм ЕС.

МИД Турции дал следующий комментарий по поводу содержания доклада: «В стране нет курдской проблемы и национальных меньшинств, кроме тех, что указаны в Лозаннском договоре 1923 г. Все граждане Турции пользуются одинаковыми правами, свободами и обязанностями. Анкара является гарантом мирного процесса на Кипре с 1974 г. со всеми вытекающими правами и обязанностями, имеющими своим источником международное право. Турецкие войска, базирующиеся в ТРСК, охраняют мир и безопасность и выполняют свои обязательства по предотвращению случаев резни турок-киприотов греками-киприотами, которые имели место в 1960-х гг.».[190]

Европейский Совет одобрил 8 марта 2001 г. программу вступительного партнерства, а ранее, 6 февраля 2001 г. Рамочное постановление, касающееся финансовой помощи ЕС Турции. В целом с 1992 г. по 2000 г. Анкара получила заем в размере 1020 млн. евро. В 2001 г. Европейский инвестиционный банк предоставил 375 млн. евро на основные инвестиционные проекты.[191]

После одобрения Европейским Советом Программы вступительного партнерства с Турцией турецкое правительство 19 марта 2001 г. обнародовало Национальную программу адаптации законодательной базы ЕС, которая была представлена на рассмотрение Еврокомиссии 26 марта 2001 г. Помимо демократических преобразований программа включала в себя перечень необходимых экономических реформ, удачное проведение в жизнь которых, по словам министра экономики стра-

ны Кемаля Дервиша, должно было стать началом «отделения экономики от политики». Программа предполагала значительное сокращение государственных расходов, трансформацию банковской системы страны, либерализацию всех отраслей экономики, где доминирующие позиции занимал государственный сектор.[192]

В результате на саммите Европейского Совета в Гетеборге 15–16 июня 2001 г. был отмечен значительный прогресс, достигнутый в осуществлении стратегии подготовки к вступлению Турции, включая возросший политический диалог. Приветствовалось опубликование турецкими властями Национальной программы принятия законодательной базы ЕС. Однако указывалось на необходимость дальнейшего прогресса в области прав человека и энергичного осуществления согласованной с МВФ экономической программы для создания условий роста экономики (пункт 10 Декларации саммита).[193]

26 июня 2001 г. в Люксембурге Совет по ассоциации выразил полную поддержку усилиям турецкого правительства по осуществлению национальной экономической программы и приветствовал соглашения с МВФ и МБРР. Отмечалось, что полное осуществление программы приведет к макроэкономической стабильности и одновременно усилит подготовку Турции к вступлению. Однако с неудовлетворением указывалось на то, что адаптация турецкого законодательства к нормам ЕС была проведена в основном лишь в сферах, касающихся функционирования таможенного союза (пункт 2 Резолюции Совета по ассоциации).

Помимо этого, Совет по ассоциации подчеркнул важность регионального сотрудничества как средства поддержания стабильности и добрососедских отношений. Приветствовались улучшения во взаимоотношениях с Грецией в различных областях (пункт 4 Резолюции).[194]

После 11 сентября 2001 г. в Турции с новой силой зазвучали традиционные упреки в лицемерии в адрес Запада: если удар направлен против США или их политики, то это терроризм; если же акт террора совершается в Турции – например, боевиками Курдской рабочей партии, то его в Европе расценивают лишь как «политическое сопротивление». Турецкое правительство стало настойчиво требовать уступок: переоценки позиции по проблеме КРП, облегчения условий вступления в ЕС, более серьезного учета турецких интересов в Европей-

ской политике безопасности и обороны (ЕПБО) и отказа от приема Кипра в Евросоюз против воли Турции. Во всех этих ожиданиях Анкара исходила из того, что США окажут политическое давление на Европейский Союз в пользу своего привилегированного партнера по альянсу. Турецкое правительство ожидало поддержки своей позиции со стороны ЕС, согласно которой проблема КРП требовала прежде всего ответа с применением военных средств.

Министр иностранных дел Джем настаивал, например, в беседе со своими испанским и французским коллегами, чтобы ЕС включил КРП и Революционную народно-освободительную партию, которая, по его мнению, несла ответственность за голодовки в турецких тюрьмах, в список террористических организаций. Заместитель премьер-министра Турции Йылмаз возложил на ЕС часть ответственности за то, что страна не добилась более впечатляющих успехов в области прав человека и демократии. Союзу следовало проявить большую решительность в поддержке Турции в борьбе против терроризма КРП: «Нам бы не пришлось так долго страдать, если бы велась решительная, общая борьба против международного терроризма, и мы намного раньше достигли бы нашей цели – укрепления демократии». Премьер-министр Эджевит упрекнул европейские правительства в том, что они попустительствовали тому, что с их территории планировалось большинство террористических атак против Турции.[195]

Учитывая, что Анкара взваливала на Европейский Союз часть ответственности за ее отставание на пути демократизации, то из этого неизбежно вытекало требование, чтобы ЕС пошел навстречу Турции в вопросе ее вступления. После 11 сентября турецкое правительство отметило некоторые перемены в позиции Евросоюза, который оценил стратегическое значение Турции и постепенно начал смягчать свое отношение к вопросу ее принятия.

Тем не менее Европейский Союз, выдвигая одним из основных требований для стран-кандидатов соблюдение демократических норм и принципов, настаивал на том, чтобы Турция пересмотрела положения своей конституции и признала права национальных меньшинств. В начале октября 2001 г. турецкие парламентарии подавляющим числом голосов приняли 34 поправки к конституции, среди которых – вынесение смертного приговора лишь в военное время и за акты терроризма. Боль-

шинство поправок совпадало с требованиями положений Национальной программы. В целом пакет конституционных поправок предполагал улучшение прав человека, укрепление господства закона и реструктуризацию демократических институтов.

О том, что эта задача не терпела отлагательства, свидетельствовал отчет Европейской Комиссии от 13 ноября 2001 г. об успехах стран-кандидатов. По мнению КЕС, хотя Турция обладала основными признаками демократической системы, она еще не соответствовала Копенгагенским критериям. Поправки к конституции расценивались как «значительный шаг вперед», но указывалось на необходимость их практической реализации. Еврокомиссия позитивно оценила меры Турции, касающиеся улучшений в социально-экономической и культурной сферах, в области прав человека, модернизации тюремной системы. Тем не менее ситуация с правами человека характеризовалась как требующая улучшения.

Отчет содержал в себе следующие требования для начала переговоров о вступлении: поддержание фактического моратория на высшую меру наказания в Турции, а в дельнейшем отмена смертной казни и подписание Протокола № 6 Европейской Конвенции по правам человека. Что касается Кипра, то Еврокомиссия настаивала на поддержании Турцией усилий генсека ООН в рамках миссии доброй воли, направленной на поиск взаимоприемлемого решения. В экономической области упоминалось о том, что Турция предприняла важные шаги в направлении снижения экономических диспропорций. Но подчеркивалось, что, хотя многие сектора турецкой экономики выдержали конкуренцию с ЕС, ставшую следствием таможенного союза, экономика все еще нестабильна. Еврокомиссия также утверждала, что Турция пока не является страной с полностью функционирующей рыночной экономикой. С другой стороны, одобрялись экономические реформы в банковском секторе, снижение роли государства в экономике, упразднение монополий.[196]

На саммите в Лаакене, который состоялся 14–15 декабря 2001 г., Европейский Совет заявил, что Турция достигла прогресса на пути соответствия политическим критериям для вступления, в особенности внеся поправки в конституцию (пункт 12 Декларации саммита). Кроме того, было принято решение об участии Турции в Конвенции по будущему Европы наравне с остальными кандидатами.[197] Таким образом, отныне эта страна рассматривалась как часть совместного будущего ЕС.

1 января 2002 г. в Турции вступил в силу новый Гражданский кодекс, который включил в себя такие положения, как свобода ассоциаций и собраний, равенство полов, защита ребенка. Брюссель продолжал оказывать давление, склоняя Анкару к дополнительным конституционным изменениям, касающимся, в частности, полной отмены смертной казни и соблюдения прав этнических меньшинств (в первую очередь, имея в виду курдов).[198]

26 февраля 2002 г. между Турцией и Еврокомиссией было подписано «Рамочное соглашение, учреждающее основные принципы участия Турции в программах Сообщества». Соглашение вошло в силу 5 сентября 2002 г.[199] 9 октября 2002 г. вместе с остальными кандидатами Турция подписала соглашение об участии в деятельности Европейского агентства по окружающей среде.

На саммите Европейского Совета в Севилье, который состоялся 21–22 июня 2002 г., приветствовались реформы в Турции. Евросовет заявил о поощрении и поддержке усилий Анкары, направленных на исполнение приоритетов, обозначенных в программе вступительного партнерства (пункт 25 Декларации саммита).[200]

3 августа 2002 г. парламент Турции принял следующий пакет законов, призванных привести законодательство страны в соответствие требованиям Евросоюза. Он включал в себя: отмену смертной казни в мирное время согласно Протоколу № 6 Европейской конвенции по правам человека; отмену наказания за критику государственных учреждений и вооруженных сил страны; смягчение ограничений на массовые демонстрации, право ассоциаций; расширение прав немусульманских меньшинств. Помимо этого, была запрещена контрабанда людей и человеческих органов.[201]

9 октября 2002 г. Еврокомиссия обнародовала Отчет о развитии Турции и Стратегический документ. В них приветствовалось принятие турецким парламентом пакета ключевых демократических реформ. Это событие было названо «важным сигналом, демонстрирующим настрой большей части турецкого руководства на приближение к ценностям и стандартам Европейского союза». Однако в документе также говорилось, что одобренные депутатами поправки должны быть проанализированы, а за их выполнением необходимо будет тщательно наблюдать. Пока же, по оценке Еврокомиссии, Турция не соот-

ветствовала экономическим и политическим стандартам ЕС, к тому же в стране по-прежнему ущемлялись права человека. Говорилось также о том, что в руках турецких военных и представителей служб безопасности все еще было сосредоточено слишком много власти.

Стратегический документ предоставлял следующие рекомендации: модернизацию программы вступительного партнерства, углубление таможенного союза, интенсификацию процесса законодательного рассмотрения и увеличение финансовой помощи, предназначенной для подготовки к вступлению. Техническую помощь и инвестиции предполагалось направлять в первую очередь на укрепление господства права и борьбу с организованной преступностью, наркотиками и мошенничеством, а также на нужды судебной системы, внутреннего рынка, сельского хозяйства, энергетики, телекоммуникаций, занятости, рынка активной рабочей силы, здравоохранения, безопасности производства, окружающей среды, конкуренции, социальной помощи, безопасности на море. Вследствие экономического кризиса была предусмотрена статья помощи малому и среднему бизнесу. Кроме того, было принято решение об участии Турции в следующих программах ЕС: Европейский центр по контролю за наркоманией, Общественное здоровье, Борьба с дискриминацией, Равенство полов, Меры по содействию занятости, Таможня 2007.[202]

На саммите в Брюсселе 24–25 октября 2002 г. лидеры стран-членов ЕС отказались назвать дату начала официальных переговоров с Турцией о вступлении. «По большинству параметров, в первую очередь по ситуации с правами человека, эта страна еще не соответствует критериям Евросоюза», заявлялось в декларации саммита.[203]

Новое турецкое правительство, возглавляемое Абдуллой Гюлем, который пришел к власти в октябре 2002 г., установило в качестве одной из своих основных задач улучшение ситуации с правами человека. Перед первым за 15 лет однопартийным правительством премьер поставил следующую цель: доказать Западу, что мусульманская страна может быть демократичной, открытой и вписывающейся в современный мир. Премьер заявил, что приоритетами его правительства будут вывод страны из экономического кризиса и присоединение к Евросоюзу.

На следующий день после того, как исламская Партия справедливости и развития одержала убедительную победу

в Турции, перед Европарламентом выступил комиссар ЕС, ответственный за расширение, Г.Ферхойген. В его послании, в частности, отмечалось, что новому премьер-министру стоит напомнить о существовании четких правил, которых следует придерживаться: в первую очередь, соблюдение прав человека и личных свобод, включая свободу вероисповедания. Он уделил особое внимание трем пунктам: результат выборов не стал неожиданностью; ЕС готов вести переговоры с новым правительством Турции и призывает его продолжать продвижение по пути сближения с Евросоюзом; еще преждевременно говорить о сроках начала формальной процедуры приема, но этот вопрос будет обсуждаться в Копенгагене, при этом многое будет зависеть от нового турецкого правительства. Ферхойген отметил, что для Брюсселя проблема заключается не в исламизме, а в свободе вероисповедания и религиозной терпимости, являющихся Копенгагенскими критериями.

Новое турецкое правительство в ноябре 2002 г. объявило о «нулевой терпимости» по отношению к пыткам и жестокому обращению, что было отражено в так называемом «Копенгагенском» законодательном пакете, который был передан на рассмотрение парламента 3 декабря 2002 г. В экономической области Турция объявила о начале реструктуризации финансового сектора, а также гарантировала прозрачность государственных финансов и увеличение конкуренции и эффективности.[204]

Председатель победившей в Турции Партии справедливости и развития Реджеп Тайип Эрдоган в ходе своего турне по Европе еще раз озвучил желание Анкары как можно быстрее начать переговоры о вступлении в ЕС и пообещал, что в стране будут проведены требуемые европейцами реформы: запрет пыток, а также законодательное закрепление свободы слова, собраний и вероисповедания.[205] 26 ноября 2002 г. в Хельсинки на совместной пресс-конференции с премьер-министром Финляндии Липпоненом Эрдоган заявил о том, что связь Европейского Союза с Турцией и исламским миром может ослабнуть, если участники саммита ЕС в Копенгагене не определят дату начала переговоров о ее принятии.[206]

В свою очередь США также настаивали на начале переговоров о вступлении Турции в Европейский Союз. «Построение тесных отношений между Анкарой и Брюсселем соответствует стратегическим интересам Америки и ЕС, а также Турции», – заявил пресс-секретарь Государственного департамента Бау-

чер. Он призвал европейских союзников как можно скорее начать переговоры с Анкарой о вступлении в ЕС.[207] Это объясняется тем, что Вашингтон желает найти в Азии мусульманскую страну, способную проводить демократическую политику по западным образцам и выступать в роли надежного партнера в борьбе с международным, по большей части исламским, терроризмом посредством применения собственных вооруженных сил. Благодаря своему выгодному геостратегическому положению Турция стала привилегированным партнером США в антитеррористическом альянсе: она находится в непосредственной близи от 13-го из 16 регионов, определенных НАТО как очаги конфликтов (Кавказ, Ближний Восток и Балканы).

На саммите в Копенгагене 12–13 декабря 2002 г. Европейский Совет приветствовал важные меры, предпринятые Турцией для приближения к соответствию Копенгагенским критериям, в особенности законодательные пакеты и шаги по их претворению в жизнь, которые отвечали основным приоритетам, перечисленным в Программе вступительного партнерства. При этом ЕС призвал турецкое правительство как можно скорее обратиться к реализации реформ в политической области, не останавливаясь на законодательных изменениях. Европейский Совет напомнил, что, согласно Копенгагенским критериям 1993 г., в политической области вступление страны-кандидата в Союз требовало обеспечения стабильности институтов, гарантирующих демократию, господство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств (пункт 18 Декларации саммита). Помимо этого, Европейский Совет заявил о необходимости расширения и углубления таможенного союза. ЕС выразил намерение значительно увеличить финансовую помощь для подготовки Турции к вступлению (пункт 20). Для начала переговоров Анкара должна была успешно провести ряд экономических реформ, а также исправить ситуацию с нарушением прав человека.[208]

Турецкий премьер Абдулла Гюль назвал это предложение «крайне дискриминационным». В то же время глава правящей партии сообщил, что Анкара в любом случае будет стремиться соответствовать Копенгагенским критериям для стран-кандидатов.[209]

Основываясь на заключениях саммита Европейского Совета, прошедшего в Копенгагене, Комиссия представила в марте 2003 г. отчет об «Укреплении стратегии на вступление для Турции». Согласно данному документу, финансовая помощь для подготовки к вступлению должна была составить 250 млн. евро

в 2004 г., 300 млн. в 2005 г. и 500 млн. в 2006 г. В отчете также предлагалось углублять сотрудничество в таких областях, как политика, экономика, правосудие, безопасность на море, процесс рассмотрения законодательства, расширять масштаб таможенного союза и торговых взаимоотношений.[210] Исправленная Программа вступительного партнерства была принята Европейским Советом 19 мая 2003 г.

В июле 2003 г. турецкий парламент принял пакет законов, ограничивающих политическое влияние силовых структур, в частности, армии. Кроме того, были ратифицированы Международная конвенция по гражданским и политическим правам и Международная конвенция по экономическим, социальным и культурным правам.

Исправленная Национальная программа адаптации законодательной базы ЕС была принята Европейским Советом 24 июля 2003 г. Этот документ определял деятельность Турции в рамках Программы вступительного партнерства, график осуществления приоритетов партнерства, положения в сфере прав человека и источники финансирования.

5 ноября 2003 г. Еврокомиссия опубликовала Регулярный отчет о прогрессе Турции на пути к вступлению, а также Стратегический документ, в котором она заключила, что большинство положений программы вступительного партнерства было выполнено, и Турция продемонстрировала похвальную решимость в данном направлении. Однако помимо активизации политических реформ Анкаре было указано на необходимость урегулирования взаимоотношений с Кипром.[211]

В заключениях саммита Европейского Совета, состоявшегося в Брюсселе 12 декабря 2003 г., приветствовались значительные и решительные усилия Турции, направленные на ускорение реформ в политической и законодательной области. Отмечалось, что принятие законодательных пакетов и первые шаги по их эффективному осуществлению сблизили Турцию с ЕС. Однако Европейский Совет отметил, что для укрепления независимого функционирования правосудия, с тем чтобы оно могло гарантировать соблюдение фундаментальных прав человека, Турции необходимо привести взаимоотношения вооруженных сил и гражданского общества в соответствие с нормами ЕС. По-прежнему выражалось беспокойство в отношении соблюдения прав человека на юго-востоке страны. В то же время Европейский Совет подчеркнул важность политической

воли Турции в решении проблемы Кипра, которое необходимо для начала переговоров о ее вступлении в ЕС.[212]

Стремясь выполнить рекомендации ЕС, 14 января 2004 г. турецкий парламент принял закон против коррупции и отменил смертную казнь даже во время войны. 8 мая 2004 г. была принята конституционная поправка, согласно которой парламент будет контролировать военный бюджет, начиная с 2007 г. Армия также согласилась на то, что ее представители не будут присутствовать в наблюдательном Совете по образованию и СМИ и на упразднение судов государственной безопасности.

В свою очередь ЕС пошел навстречу Турции, включив 2 апреля 2004 г. Рабочую партию Курдистана наряду с КАДЕК и КОНГРА-ГЕЛЬ в список террористических организаций. Кроме того, на саммите в Брюсселе 17–18 июня 2004 г. Европейский Совет одобрил вышеуказанные конституционные поправки, принятые Турцией. В то же время Евросовет призвал Анкару ускорить претворение в жизнь законодательных поправок. ЕС вновь подчеркнул необходимость гарантирования фундаментальных свобод и культурных прав. Приветствовалось конструктивное сотрудничество турецкого правительства в поиске всеобъемлющего решения проблемы Кипра. Кроме того, Европейский Совет выразил заинтересованность в завершении переговоров Турции с Еврокомиссией относительно поправок к Анкарскому соглашению в связи со вступлением в ЕС новых стран.[213]

В сентябре 2004 г. турецкие парламентарии приняли пакет изменений в уголовно-процессуальном кодексе, нацеленный на приведение последнего в соответствие с европейскими стандартами. Таким образом турецкие власти надеялись приблизить возможную дату начала переговоров о вступлении в Евросоюз. Реформа уголовного кодекса включала в себя следующие пункты: за пытки осужденных в полицейских участках и тюрьмах грозило тюремное заключение сроком на 12 лет; обновленный кодекс был дополнен статьями за геноцид, преступления против человечности и за похищения людей; предусматривалось более жесткое наказание за преступления «во имя чести».[214]

В ответ 23 сентября 2004 г. во время визита в Турцию Ферхойген заявил, что «не видит препятствий» для начала переговоров о вступлении данной страны в Евросоюз. Еврокомиссар констатировал, что курдский язык выведен из-под запрета в СМИ и ряде учебных заведений, а пытки в полицейских участках «более не практикуются систематически».[215]

6 октября 2004 г. Еврокомиссия опубликовала отчет, в котором рекомендовала начать переговоры с Турцией. Согласно документу, Анкара выполнила все требования, выдвигавшиеся перед ней как условия начала переговоров о ее вступлении в Евросоюз. При этом Еврокомиссия отметила улучшение ситуации с правами человека, но указала на по-прежнему имеющие место случаи пыток, религиозной дискриминации и жестокого обращения с женщинами.[216]

Между тем озвученное после обнародования отчета Еврокомиссии заявление президента Франции Жака Ширака о проведении референдума по поводу вступления Турции в ЕС вызвало негативную реакцию турецкого премьера Р.Эрдогана. Он назвал референдумы о принятии его страны в Евросоюз «очевидной дискриминацией» и подчеркнул, что в предшествовавшие годы при рассмотрении кандидатур других стран подобные референдумы не проводились.[217]

13 декабря 2004 г. Европейский парламент одобрил резолюцию по вопросу вступления Турции в Евросоюз, представленную голландским депутатом Кеймиелом Йорлингсом. В ходе состоявшегося голосования в поддержку данной инициативы высказались 407 депутатов, против – 262, воздержались 29. В принятой окончательной версии резолюции Европарламент призвал Турцию примириться с армянским народом путем признания геноцида армян и открытия границы с Арменией, а также рекомендовал Европейскому Совету и Еврокомиссии потребовать от Анкары официального признания данного факта. Кроме того, резолюция призвала к контролю прогресса Турции в области прав человека и свободы вероисповедания. В докладе Европарламента указывалось на продолжающееся применение пыток в турецких тюрьмах, правда, по словам авторов, «не столь систематическое, как прежде». Более того, отмечались нарушения прав курдских меньшинств, стремительные темпы роста народонаселения и экономическая отсталость восточных регионов Турции.[218] В свою очередь турецкий министр иностранных дел Гюль отметил свои четыре предусловия: вступление Турции в Евросоюз как полноправного члена; Анкара не обязана признавать Кипр; решение о начале переговорного процесса не должно зависеть от дальнейших решений руководителей ЕС; никаких постоянных условий, налагаемых на Турцию. Помимо этого, он заявил: «Мы не признаем и никогда не признаем никакой так называемый геноцид».[219]

17 декабря 2004 г. на саммите в Брюсселе Европейский Совет, основываясь на отчете и рекомендациях Еврокомиссии, принял решение, что Турция достаточно соответствует Копенгагенским политическим критериям для начала переговоров о вступлении, но их результат не может быть гарантирован заранее (пункт 22 Декларации саммита). Было отмечено, что Турция завершила законодательные преобразования, необходимые для того, чтобы конституция данной страны отвечала демократическим стандартам Европейского Союза.[220]

29 июня 2005 г. КЕС обнародовала официальное предложение начать переговоры с Турцией по вопросу ее вступления в ЕС 3 октября. Европарламент 28 сентября 2005 г. большинством голосов одобрил это решение, выразив необходимость дальнейшей демократизации страны. Более того, Анкаре были выдвинуты следующие требования: длительный переходный период присоединения к зоне евро, ограничения на передвижение турецких граждан в рамках ЕС, признание Республики Кипр и геноцида армян. Кроме того, Анкара должна уравнять в правах этнические и религиозные меньшинства. Сохранялось недовольство Европарламента относительно ограничений свободы совести и чрезмерной роли армии в политике. Также упоминалось о том, что доход Турции на душу населения составляет всего 1/3 в среднем по ЕС, что требует широкомасштабных экономических реформ. За данную резолюцию проголосовали 356 евродепутатов, против – 181.[221]

12 июня 2006 г. в Люксембурге состоялся первый этап переговоров о приеме Турции в ЕС. Анкаре предстояло привести свое законодательство в соответствие с европейскими стандартами. Прекращение переговоров возможно в случае невыполнения Турцией взятых на себя обязательств или серьезных нарушений прав человека. На тот момент их первостепенной задачей была поддержка преобразований в создании демократического общества, основанного на верховенстве закона и уважении к правам человека и правам национальных меньшинств.

В докладе Еврокомиссии от 8 ноября 2006 г., посвященном итогам первого года переговоров с Турцией о вступлении в ЕС, говорилось, что процесс необходимых для этого шага реформ замедлился. Авторы документа призвали власти страны гарантировать большую свободу слова. Несмотря на принятие нового законодательства по правам человека, все еще поступали

сообщения об отдельных случаях применения пыток и жестокого обращения с заключенными. В докладе выражалась серьезная озабоченность по поводу ситуации со свободой вероисповедания, правами религиозных организаций, профсоюзов и женщин, а также с правами и свободами курдского населения Турции. ЕС ссылался на сообщения о волнениях среди курдов в юго-восточных районах страны. В документе выражалось недовольство ролью армии в турецкой политике, в частности, публичными заявлениями, с которыми выступали видные турецкие военные.[222] В докладе также указывалось на то, что Турция не нормализовала отношения с Республикой Кипр. Брюссель выражал недовольство тем, что Анкара не признает греческое правительство острова и не открывает своих воздушных и морских портов для греко-кипрских самолетов и судов.[223] Однако Анкара увязывает выполнение последнего условия с прекращением экономической изоляции Евросоюза в отношении Турецкой Республики Северного Кипра. Еврокомиссия подчеркивает, что намерена интенсифицировать наблюдение за всеми этими процессами, представляющими собой основные политические критерии для вступления страны в ЕС. Любое серьезное их нарушение может повлечь за собой приостановку переговоров о вступлении.

Таким образом, впервые переговоры о вступлении в Евросоюз официально не ограничены во времени и не обусловлены гарантиями успешного завершения. Однако очевидно, что вопрос принятия Турции будет решаться не ранее 2014 г., после утверждения нового финансового плана ЕС, включающего Румынию и Болгарию. Это объясняется целым рядом трудноразрешимых задач, с которыми столкнулся Евросоюз в недавнем времени. К ним в первую очередь относятся: необходимость финансовой реформы, принятие конституции, содержащей в себе правовые основы реформирования, и адаптация 12 новых членов.

Переговоры о вступлении Турции в ЕС начались 20 октября 2005 г. В соответствии с решением, принятым на Межправительственной конференции в Люксембурге 3 октября 2005 г., переговоры о вступлении ведутся по 33 главам.

Предварительный процесс (первая фаза переговоров о вступлении) начался 20 октября 2005 г. и завершился 13 октября 2006 г. В этот период 66 турецких делегаций провели двусторонние встречи с представителями Еврокомиссии в Брюс-

селе. Во время этих встреч Еврокомиссия излагала турецким делегациям нормы ЕС по каждой главе, и турецкими делегациями разъяснялся уровень соответствия страны нормам каждой главы.

Решением Совета ЕС от 14 декабря 2006 г. выполнение Турцией обязательств по Дополнительному протоколу к Анкарскому соглашению стало условием открытия переговоров по 8 временно заблокированным главам: главы 1 «Свободное движение товаров», главы 11 «Земледелие и развитие сельского хозяйства», главы 3 «Свободное движение услуг», главы 9 «Финансовые услуги», главы 13 «Рыболовство», главы 14 «Транспорт», главы 29 «Таможенный союз», главы 30 «Внешние (экономические и торговые) отношения».

Переговоры о вступлении велись в следующей последовательности. Переговоры по главе 25 «Наука и исследования» были открыты и временно приостановлены 12 июня 2006 г. Переговоры по главе 20 «Предпринимательство и промышленная политика» открыты 29 марта 2007 г. Переговоры по главе 18 «Статистика» и главе 32 «Финансовый контроль» открыты 26 июня 2007 г. Переговоры по главе 21 «Трансъевропейские сети» и главе 28 «Защита потребителя и здоровья» открыты 19 декабря 2007 г. Переговоры по главе 6 «Закон о компаниях» и главе 7 «Закон об интеллектуальной собственности» открыты 17 июня 2008 г.[224]

Среди законодательных инициатив Анкары следует особо выделить «Программу Турции по адаптации законодательства ЕС на 2007–2013 гг.», которая была обнародована 17 апреля 2007 г. Правительственная программа реформ предусматривает приведение стандартов страны на уровень европейских. Она нацелена на облегчение подготовки Турции к выполнению обязательств в рамках законодательства ЕС и улучшение качества жизни ее граждан по мере вступления в силу новых частей законодательства. Этот документ был подготовлен полностью по инициативе Турции. Программа была составлена турецкими госучреждениями, участвующими в процессе интеграции, и некоторыми неправительственными организациями. В результате появился совместный проект правительства и гражданского общества, который содержит в себе необходимые законодательные инициативы из 33 глав, совпадающих с основными статьями переговоров о вступлении.

По словам бывшего на тот момент министром иностранных дел, а ныне президента Абдуллы Гюля, «Программа отражает твердое политическое желание турецкого правительства обеспечить современные высокие жизненные стандарты турецкому народу. Это комплексная дорожная карта, которая будет служить руководством для реализации реформ, необходимых в повседневной жизни нашего народа, а также для законодательной деятельности с целью соответствия нормам ЕС в 2013 г. Предполагается провести грандиозную реформу системы социального обеспечения, совершенствовать правовую систему Турции и банковский сектор. Части законодательства, включенные в программу, войдут в силу независимо от хода переговоров о вступлении».

Документ предполагает, в частности, снятие ограничений для иностранного капитала, реформирование ряда государственных ведомств и упрощение получения иностранцами разрешения для работы в стране. Помимо этого, программа предусматривает следующие изменения в законодательстве:

– модернизация судебной системы;

– снятие ограничений на деятельность профсоюзов;

– приведение в соответствие со стандартами ЕС уровня безопасности на рабочих местах;

– усиление мер по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности;

– усиление конкурентоспособности турецкой промышленности и мелкого и среднего бизнеса;

– принятие турецкого коммерческого кодекса, соответствующего нормам ЕС;

– усиление контроля за страховым сектором;

– приведение в соответствие со стандартами ЕС законодательства о госзакупках;

– модернизация таможни, ее инфраструктуры и оборудования;

– принятие мер по борьбе с кибер-преступностью;

– усиление мер по защите окружающей среды;

– повышение уровня гигиены пищевых продуктов;

– усиление мер по защите потребителя;

– повышение качества почтовых услуг;

– усиление мер по обеспечению безопасности пассажиров дорожного транспорта;

– повышение безопасности и эффективности железнодорожного транспорта.[225]

В январе 2009 г. Турция создала отдельное министерство, занимающееся переговорами с ЕС, для более плодотворного продолжения данного процесса. Таким образом, продолжение переговоров о вступлении является для Анкары стимулом претворения в жизнь начатых реформ и осуществления мер, нацеленных на полномасштабное соответствие правовым нормам ЕС. В общей сложности переговорное досье содержит 35 разделов.

В самом Евросоюзе перспектива вступления в него Турции вызывает серьезные разногласия. Французы опасаются, что исламское государство с 74-миллионным населением будет оказывать на Европу слишком большое влияние. Кроме того, Франция требует от Анкары признания факта геноцида армян в начале XX в. до завершения переговоров о вступлении. Париж отмечает необходимость поддержки дальнейшего процесса расширения со стороны граждан Евросоюза.[226] Конституционные поправки, утвержденные президентом Франции 1 мая 2005 г., предусматривают проведение референдума перед подписанием договора о принятии Турции в ЕС.

Поскольку большая часть финансовых тягот ляжет на крупнейшие страны Евросоюза, такие как Франция и Германия, неудивительно, что здесь доминируют отрицательные настроения против приема Турции. Берлин не желает расширения донорских программ: хотя его вклад в бюджет ЕС составляет 26%, к нему возвращается лишь 9%.[227] Немцы также боятся возобновления притока турецких рабочих.

Правительство Великобритании заявляет, что вступление энергичной, процветающей и демократической Турции в ЕС выгодно для всех сторон и сделает Евросоюз более сильным. Согласно официальной точке зрения правительства Великобритании, мусульманская страна, в которой соблюдаются права человека, могла бы послужить примером для других исламских государств. Британское правительство предостерегает, что отказ от принятия этой страны в ЕС может привести к обострению политико-конфессионального конфликта между христианскими и мусульманскими народами и фактически толкнуть Турцию в сторону радикального исламизма.

Для подтверждения теории о бесконечном расширении ЕС, поскольку его приграничные члены стремятся создать буфер между собой и внешним миром, следует выделить наиболее последовательных сторонников принятия Турции среди недав-

но вступивших в Евросоюз стран. В частности, по мнению президента Польши Леха Качинского, вступление Турции в ЕС будет положительным как с политической и территориальной точек зрения, так и с военной.[228] «Польша в первую очередь будет и дальше напоминать нашим партнерам по ЕС, что прежде никто не говорил о дополнительных условиях при вступлении Турции в его состав», – заявил премьер-министр Польши Дональд Туск[229].

Премьер-министр Эстонии Андрус Ансип также высказывается в поддержку вступления Турции в ЕС, подчеркивая, что «Анкара уже сделала свой выбор в пользу европейских ценностей».[230]

Министр иностранных дел Литвы Пятрас Вайтекунас выразил поддержку переговорам Турции во вступлении в Европейский Союз, в первую очередь исходя из заинтересованности в энергетических проектах. «Литва ценит Анкару как важного стратегического партнера в области энергетического сотрудничества. Для ЕС очень важно то обстоятельство, что через территорию Турции в Европу пойдут энергоносители. Мы все знаем, насколько сегодня важно диверсифицировать источники поставок энергоносителей и пустить их через эту страну в Европу», – заявил Вайтекунас.[231]

Чешское и словацкое правительства к возможному вступлению Турции относятся позитивно, считая, что оно будет способствовать поддержанию глобальной стабильности. Однако Чехия отмечает, что внутренняя и внешняя политика Турции должна соответствовать европейским стандартам. Вместе с тем в конце ноября 2004 г. чешским властям была подана петиция от граждан с требованием не допустить начала переговоров о принятии Турции в ЕС.

Дания против принятия в Евросоюз исламской и экономически отсталой аграрной Турции, в которой к тому же не соблюдаются права человека.[232] Вместе с тем Копенгаген отмечает позитивные изменения в стране вследствие проведения реформ с целью вступления в ЕС.[233] Правительства Австрии и Дании заявляют, что Евросоюз не сможет «переварить» растущее население Турции. Вена хотела бы избежать наплыва турецкой рабочей силы в Европу. Австрийское правительство также требует, чтобы Турция распространила на территорию Республики Кипр действие таможенного союза с ЕС.[234] Однако окончательная позиция Австрии по возможному вступлению

Турции в Евросоюз будет сформулирована лишь по итогам всенародного референдума.

Республика Кипр требует в ходе переговорного процесса официального признания Турцией греко-кипрского государства, вывода турецкой армии с острова, налаживания финансовых отношений с греческой администрацией и открытия доступа в турецкие порты и аэропорты для греков-киприотов. Греко-кипрская администрация также поставила условие, согласно которому турецкие власти должны согласовывать свою политику по международным организациям с политикой ЕС. Таким образом, Турция больше не сможет блокировать вступление Республики Кипр в международные органы.

В Италии существуют разные точки зрения на проблему вступления Турции в ЕС, потому что на юге, где очень высок уровень безработицы, турецкие эмигранты вызвали бы социальную и политическую напряженность. А на севере базируются такие отрасли промышленности, в которых турецкие рабочие не могут найти себе применения. Вместе с тем итальянское руководство полностью поддерживает вступление Турции в ЕС, что объясняется его внешнеполитическим подходом, экономическими приоритетами и торговым партнерством с Анкарой. По словам президента страны, вхождение Турции в Европейский Союз внесет существенный вклад в расширение и укрепление общего пространства демократии, основанного на соблюдении человеческого достоинства, фундаментальных свобод, правового государства.[235]

Общественное мнение Греции настроено против вступления Анкары в ЕС, однако большинство греческих политиков заявляет, что европейская Турция будет способствовать обеспечению мира и стабильности в регионе, что, в конечном счете, пойдет на пользу и Афинам. При этом греческий президент заявляет, что Турция не может войти в Евросоюз, если не уладит с Грецией все существующие между ними конфликты. Это – признание Республики Кипр, реализация Анкарского Протокола о таможенном союзе со странами ЕС, соответствующий статус Константинопольского патриархата, возобновление работы семинарии в Халки, закрытой турецкими властями, возвращение имущества греков, изгнанных из Турции в 1920-е гг. Греция также выражает надежду на прогресс в переговорах с Анкарой по ряду таких вопросов, как права человека, свобода вероисповедания и права меньшинств.

Большое значение имеет и неразрешенный спор о принадлежности островов и части берегового шельфа Эгейского моря (где, по предположениям, находятся месторождения нефти и газа). Греция рассматривает наличие своих островов непосредственно у турецкого побережья как свое право на эти воды. Тогда как Турция настаивает на «внутреннем» характере Эгейского моря и проведении переговоров, выдвигая требование разграничения шельфа на две равные половины (турецкую и греческую соответственно). Греческие и турецкие источники оценивают запасы нефти Эгейского моря в 200 млн. т, природного газа – около 30 млрд. кубометров. Греция надеется на разрешение разногласий в международном суде в Гааге. Но Афины не стремятся блокировать переговоры, полагая, что Турция в рамках ЕС будет современнее, сдержаннее и восприимчивее к влиянию извне.[236]

Правительство Финляндии отмечает, что без согласия Турции открыть все свои морские порты и аэропорты для кипрских судов и самолетов, а также признать Республику Кипр, являющуюся членом Европейского Союза, вступление Анкары в ЕС невозможно. При этом Финляндия приветствует шаги Турции по демократизации и соблюдению прав человека.[237]

Правительство Ирландии считает, что Турция провела все необходимые реформы для соответствия Копенгагенским критериям.[238]

Нидерланды положительно оценивают геостратегическое значение Турции в регионе и ее роль в обеспечении европейской безопасности и построении европейской идентичности.[239]

Португалия поддерживает вступление Турции в ЕС с целью усиления влияния Евросоюза в Средиземноморье.[240]

Поддержка Испанией вступления Анкары в ЕС основывается на близости внешнеполитических приоритетов двух стран, борьбе с международным терроризмом, а также на экономическом потенциале Турции и стремлении Мадрида к расширению рынков сбыта продукции своей растущей экономики. Кроме того, Испания выступает за построение более тесного сотрудничества со средиземноморскими странами и рассматривает Турцию в качестве важнейшего торгового партнера в регионе.[241]

По словам члена парламента Швеции от Социал-демократической партии Кента Хештедта, Стокгольм поддерживает вступление Турции в ЕС, так как интеграция макси-

мального количества государств в Евросоюз расширяет пространство стабильности и демократии. Кроме того, Стокгольм ожидает, что подобным образом будет ослаблена наднациональная составляющая ЕС, что отвечает интересам Швеции, желающей сохранить свой статус нейтрального государства.

Подводя итог, хотелось бы выделить основные аргументы против и за вступление Турции в ЕС основных политических сил Европы. Наиболее жестко против принятия Турции выступают радикальные христианские и крайне правые партии. Они утверждают, что в стране по-прежнему нарушаются права человека. Наряду с выполнением Копенгагенских критериев указывается на наличие в Турции таких проблем, как неустойчивость светского режима, нарушение прав женщин, пытки заключенных, отказ Турции официально признать Республику Кипр. Большинство национальных лидеров ЕС отмечают, что принятие Турции тяжело скажется на экономической ситуации в Евросоюзе. На первый план выходят такие проблемы, как дефицит бюджета, безработица, иммиграция турецкой рабочей силы, более низкий уровень образования по сравнению со среднеевропейским. Более того, Турция угрожает снижением уровня политического единства ЕС. Многие европейские политики ссылаются на негативные результаты референдума по Конституции ЕС, оправдывая невозможность принятия Турции на данном этапе.[242]

Не менее серьезные аргументы есть и у сторонников принятия Турции. Европейские социалисты в основном придерживаются того мнения, что ЕС необходимо расширяться и стать мощным сообществом. Европа не должна позиционировать себя в качестве политического, экономического, технологического и демографического карлика. Многие представители европейских академических кругов полагают, что если Турция почувствует себя отвергнутой, ЕС столкнется с серьезными геополитическими проблемами в самых различных сферах, таких как энергетика, торговля, международный терроризм, борьба с организованной преступностью. Отказ Турции чреват обострением ситуации в Эгейском регионе, на Кипре, Ближнем Востоке, Кавказе. Кроме того, это серьезно скажется на взаимоотношениях с мусульманским миром. Таким образом, ЕС нанесет значительный удар по своей политической роли в качестве глобального актора и по своей безопасности. По мнению сторонников принятия Турции, значительной победой уже

является тот факт, что эта страна успешно выполнила свои обязательства по соответствию Копенгагенским критериям. Они полагают, что с принятием Турции ЕС повысит свою политическую значимость, расширит свой рынок и обогатит себя в культурном отношении. Кроме того, Турция внесла значительный вклад в политическую стабилизацию на Ближнем Востоке после событий 11 сентября. В дальнейшем Анкара также будет способствовать обеспечению внутренней и внешней безопасности ЕС. В случае вступления Турции ее внешняя политика в целом станет более мирной, предсказуемой и стабильной. По мнению экономических кругов, принятие Турции усилит конкуренцию в Общем рынке, что станет стимулом для проведения глубоких экономических реформ. Со временем Турция может повысить экономическую конкурентоспособность ЕС в глобальном мире благодаря своему динамичному и активному населению. Вместе с тем сторонники принятия Турции подчеркивают, что эта страна станет благом для ЕС только в том случае, если она успешно завершит реформы, в своей политике будет придерживаться европейских стандартов, разрешит проблемы с демократией, предоставит свободу слова СМИ, займет приемлемую позицию в отношении Кипра, будет эффективнее развивать свою экономику[243]. Однако в целом относительно турецкой проблемы в европейском общественном мнении наблюдается отсутствие достаточных сведений о стране.

Следует также отметить один из возможных сценариев, который рассматривается как альтернатива принятию Турции в ЕС. Это привилегированное партнерство, предполагающее повышение роли Анкары в торговле и внешней политике Евросоюза, но отстраняющее ее от возможности влияния на процесс принятия внутренних решений Европы. Кроме того, этот статус лишает Турцию права на дотации из структурных фондов ЕС. В качестве альтернативы привилегированное партнерство подразумевает расширенную версию таможенного союза при увеличении количества молодежных и культурных программ. Наиболее последовательными сторонниками данного варианта развития отношений являются Республика Кипр, Франция, Германия и Австрия.[244]

На саммите ЕС в марте 2008 г. Франция выдвинула инициативу создания Средиземноморского союза. По замыслу президента Саркози, данный интеграционный проект стал бы наиболее подходящим форматом взаимодействия с Турцией.

В его рамках проводились бы регулярные конференции на темы энергетики, миграции, терроризма и торговли. Президент Франции подчеркивает, что бесконечное расширение ЕС уничтожит политический фундамент организации.

Саркози отмечает, что Турция даже территориально не относится к Европе. По его словам, хотя Анкара и заслуживает специальных отношений с Брюсселем, она не должна когда-либо стать полноправным членом организации. Париж заблокировал переговоры по созданию экономического и валютного союза с Анкарой. Вместо этого Саркози призвал к началу переговоров по формированию общего пространства экономического сотрудничества и безопасности[245]. На этом же настаивает канцлер Германии Меркель, она считает, что эта страна в настоящий момент не соответствует критериям членства. Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу сразу же отверг идею подобного партнерства, даже привилегированного, не соглашаясь ни на какую альтернативу вступлению в ЕС. Министр подчеркнул, что Анкара считает полноценное членство единственным приемлемым исходом переговорного процесса[246].

Для Евросоюза наибольшую ценность Турция представляет с геополитической точки зрения – как «мост» к Центральной Азии, Кавказу и Ближнему Востоку, барьер для исламского фундаментализма и модель мусульманской демократии. По мнению многих европейских лидеров, без Турции ЕС не станет по-настоящему глобальным фактором в мировой политике. Анкару к вступлению в Евросоюз подталкивает политическая мотивация – стремление закрепить свою «принадлежность к Европе». Важную роль при этом играют экономические факторы: чрезвычайно высокая зависимость турецкой экономики от Евросоюза (ЕС занимает, безусловно, лидирующие позиции во внешней торговле Турции, в иностранных инвестициях, в численности туристов), желание получить доступ к структурным фондам организации, повысить уровень собственной промышленности путем конкуренции в рамках единого рынка.

Таким образом, период конца XX и начала XXI вв. характеризовался стремлением Брюсселя и Анкары к взаимному сближению. Процесс осложнялся тем, что ни в плане структуры экономики, ни в политико-гуманитарной сфере Турция не соответствовала европейским критериям. Для интенсификации процесса сближения Анкара обязана и вынуждена проводить курс на реформирование экономики параллельно с мерами гу-

манизации внутренней социальной политики на основе европейских критериев соблюдения прав человека.

* * *

Турция ради вступления в Евросоюз будет обязана целиком принять и ввести в действие все его нормативно-правовое законодательство, любые изменения будут неприемлемы. После вступления политическая жизнь Турции станет прерогативой ЕС, и она будет вынуждена следовать правилам Общего рынка, иногда даже в ущерб своим интересам. Это подразумевает согласие турецких властей на трансформацию национального суверенитета в некое постсуверенное образование в рамках наднациональной территории.

Стимулом Анкары к попытке перевода сотрудничества с ЕЭС на уровень интеграционного сближения стала в первую очередь экономическая мотивация. Что касается Сообщества, то на первоначальном этапе его заинтересованность в сотрудничестве с Турцией заключалась в обеспечении стабильности в Восточном Средиземноморье путем интеграции Анкары в систему обороны Запада, а также ее использование в качестве «заслона» от СССР.

Очевидно, что с обеих сторон присутствует политическая воля идти навстречу друг другу. Наряду с этим взаимное сближение тормозится рядом политических и экономических рисков. ЕС опасается влияния силовых структур и мусульманского фактора в политике Анкары. Кроме того, значительным препятствием на пути в Евросоюз является структура турецкой экономики, сохраняющаяся макроэкономическая нестабильность и социальная неопределенность. Дополнительными негативными факторами стали неурегулированные внешнеполитические проблемы Турции и конкуренция на вступление в ЕС со стороны группы государств, принадлежность которых к европейской цивилизации не ставилась под сомнение.

Для достижения интеграции в ЕС Анкара обязана интенсифицировать реформирование экономики параллельно с мерами демократизации внутренней и внешней политики на основе европейских критериев соблюдения прав человека и принципов международного права. Вместе с тем соответствие этим критериям вовсе не гарантирует вступление Турции в ЕС. К тому же новые требования Брюсселя к Анкаре находятся за рамками стандартных условий, выдвигаемых странам-кандидатам.

## ГЛАВА 2.
## БАЗОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТУРЦИИ И ЕС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

### 1. Проблемы соответствия Турции Копенгагенским критериям

В решении проблемы присоединения Турции к Евросоюзу особое значение имели критерии ЕС по отношению к странам-кандидатам. Представляется необходимым рассмотреть Копенгагенские критерии Евросоюза непосредственно по отношению к Турции и подробно проанализировать факторы, препятствовавшие их выполнению.

7 февраля 1992 г. был подписан Маастрихтский договор о Европейском Союзе. Статья 49 Договора о ЕС предусматривает возможность присоединения к Организации любого европейского государства при условии соблюдения им принципов, установленных в части 1 статьи 6 Договора, т.е. принципов свободы, демократии и уважения прав человека и основных свобод, а также наличия правового государства.[247] Помимо указанных требований, государство должно соответствовать по своим экономическим показателям странам-членам ЕС и провести гармонизацию своего законодательства, то есть привести нормы своего внутреннего права в соответствие с нормами права Евросоюза. В свою очередь Общий рынок подразумевает три уровня: первый представляет собой таможенный союз между государствами-членами ЕС и государствами-кандидатами при наличии необходимых экономических условий; второй уровень представлен государствами-участниками единого рынка, готовыми регулировать свои отношения согласно соответствующим нормам Евросоюза (т.е. теми же государствами, что и на ранее рассмотренном уровне, возможно, за исключением некоторых государств-кандидатов); третий, более интегрированный уровень формирует наиболее узкий круг участников, экономика которых отвечает критериям конвергенции для валютного союза. В соответствии с таким подходом, комплексный

анализ преимуществ и потерь от членства в ЕС должен включать в себя оценку последствий: присоединения к таможенному союзу; свободного движения услуг; миграции рабочей силы; свободного движения капитала; присоединения к валютному союзу; снятия нетарифных барьеров, гармонизации стандартов; введения единых правил регулирования внутреннего рынка Евросоюза; бюджетной политики Европейского Союза, в частности, его структурных фондов; общей аграрной политики и других согласованных акций; влияния на индустриальную и региональную структуру национальных экономик.

На Лиссабонской встрече на высшем уровне Европейского Совета в 1992 г. также была подчеркнута важность демократической системы для кандидатов в ЕС. Кроме того, учреждения Европейского Союза, в частности Европейский парламент, провозглашают уважение прав человека основным условием для стран-кандидатов. Маастрихтское Соглашение расширило роль Европарламента в отношениях с третьими странами: необходимо его согласие для вступления в ЕС (статья 15 соглашения о Европейском Союзе).

В июне 1993 г. в Копенгагене Европейский Совет определил общие критерии, которым должны соответствовать страны-кандидаты, как предварительное условие вступления в ЕС: стабильность институтов, гарантирующих демократический процесс, сила закона, права человека, уважение и защита меньшинств; наличие и функционирование рыночной экономики, а также способность противостоять конкуренции и рыночным силам внутри Евросоюза; способность выполнять обязательства, вытекающие из членства в Европейском Союзе, включая содействие достижению целей политического объединения, а также экономического и валютного союза.

Крайне важно максимально использовать период до вступления с целью адаптации, чтобы кандидат мог претворять в жизнь общую политику и правила Европейского Союза сразу же после вступления или после соответствующего переходного периода. Предварительная стратегия вступления объединяет различные формы помощи, предоставляемой ЕС в рамках партнерства по ассоциации. Это также позволяет кандидатам ознакомиться с существующей политикой и процедурами ЕС и принимать участие в этих программах. От кандидата требуются значительные инвестиции в сферу охраны окружающей среды, транспорта, энергетики, промышленной реструктуризации,

сельскохозяйственной инфраструктуры. Ожидается, что кандидаты решат все пограничные проблемы со своими соседями или, если это необходимо, передадут их в Международный суд.

В политической области роль турецких военных составляет основное препятствие процессу демократизации в Турции. Любая угроза кемализму сталкивается с агрессивной реакцией со стороны военных. Именно из-за этого они выступают против повышения политической роли ислама, который противоречит лаицизму, и деятельности курдских активистов, которые угрожают территориальной целостности Турции. К 1990-м гг. военные уже не столько представляли собой угрозу в качестве организаторов военного переворота, сколько усиливали свое влияние на формирование и осуществление государственной политики.

В свою очередь гражданская администрация не имела практически никакого влияния на стратегию безопасности и обороны страны и связанные с этим решения о закупках вооружений и расходах. В 1990-е гг. турецкий генералитет продолжал вмешиваться в политические дела через Совет национальной безопасности, который действовал как директивный и контролирующий орган, членами которого являлись президент, премьер-министр и высший командный состав вооруженных сил Турции.[248] В турецкой конституции было зафиксировано, что кабинет министров придает приоритетное значение решениям СНБ, касающимся мер, которые он считает необходимыми для сохранения существования государства и его независимости, единства и неделимости страны и мира и безопасности в обществе. Формулировка «придает приоритетное значение» как раз и создавала, по мнению Турции, предмет для критики со стороны ЕС, предлагавшего турецкому правительству взять на себя ясное обязательство придания СНБ статуса именно совещательного органа. Контролирующие функции Совета национальной безопасности не признавались ЕС: в либеральных демократических государствах военные должны управляться гражданской властью. Однако привилегированное положение армии в турецком обществе является залогом стабильности государства. Но ЕС выступал против этого всемогущего военного присутствия в политике и использовал его в качестве доказательства, что турецкая демократия далеко отстает от европейских стандартов.

Одним из главных препятствий для полноправного вступления Турции в ЕС является нерешенность курдской пробле-

мы. Европейский парламент издавал множество санкций, осуждающих Турцию за кровопролития. В ряде случаев ЕС обращался к турецкому правительству с призывами облегчить напряженную ситуацию на юго-востоке и вступить в диалог с курдскими боевиками с целью достижения мирного соглашения, гарантирующего соблюдение основных прав курдов.

В сентябре 1996 г. Европейский парламент решил приостановить всю финансовую помощь Турции за исключением той, что пойдет на восстановление демократии. Кроме того, в июле 1997 г. Еврокомиссия заключила, что соблюдение прав человека в Турции не соответствует стандартам ЕС. Согласно мнению представителей Евросоюза, частые случаи пыток и смертных приговоров в стране свидетельствовали о неспособности турецкого правительства контролировать и управлять действиями собственных органов безопасности.[249] В результате 8 декабря 1997 г. турецкое правительство приняло пакет законов о правах человека. Основные его положения касались условий содержания заключенных.

Ранее, 29 апреля 1997 г., Совет Ассоциации Турции и ЕС подтвердил, что данная страна будет оценена по тем же объективным стандартам и критериям, что и другие претенденты. Однако в декабре 1997 г. на Люксембургской встрече ЕС не включил Турцию в число кандидатов. Это решение было основано на беспокойстве относительно нахождения турецких войск на Кипре и ее напряженных отношений с Грецией. Совет Ассоциации постановил, что конфликт между Афинами и Анкарой в Эгейском море может быть преодолен только в соответствии с международным правом.[250]

Европейский Совет подчеркнул, что стратегия Турции на вступление в ЕС должна основываться на развитии возможностей, провозглашенных в Анкарском соглашении, интенсификации таможенного союза, проведении финансовой кооперации, сближении с законодательством ЕС. Приоритетами в области прав человека должны являться статус женщины, права и защита ребенка, информации и образования. При этом Еврокомиссия рассматривала в качестве важнейших областей сотрудничества с Турцией интенсификацию промышленного сотрудничества и привлечение инвестиций, поддержку в реформировании сельского хозяйства, увеличение роли таможенного союза через техническое содействие и административное сотрудничество, установление макроэкономического

диалога, в основном по вопросам либерализации движения капитала, поддержка Анкары Брюсселем в области охраны окружающей среды, телекоммуникаций и защиты потребителя. Для укрепления взаимодействия с ЕС подчеркивалась необходимость проведения в Турции политических и экономических реформ, поддержка переговоров, проводимых под наблюдением ООН с целью поиска решения проблемы Кипра.[251]

В декабре 1999 г. на заседании Европейского Совета в Хельсинки Турции все же был предоставлен статус страны-кандидата на вступление в ЕС. Но Анкара осталась при своем особом мнении, заявив, что принимает предложение о соблюдении критериев вступления, но категорически не согласна с необходимостью уступок по спорным вопросам с Грецией.[252]

11 декабря 1999 г. участники Европейского Совета в Хельсинки одобрили позитивные изменения в политической жизни Турции, а также ее четко выраженное намерение продолжать реформы, направленные на достижение соответствия Копенгагенским критериям. В качестве краткосрочных политических критериев были указаны следующие:

– всестороннее урегулирование Кипрской проблемы в соответствии с пунктом 9(а) Хельсинских заключений;

– укрепление законодательных и конституционных гарантий свободы слова на основе Статьи 10 Европейской конвенции по правам человека;

– укрепление законодательных, конституционных гарантий свободы собраний и мирных организаций; поддержка развития гражданского общества;

– принятие всех необходимых мер для усиления борьбы против применения пыток и обеспечение соблюдения Европейской конвенции о предотвращении пыток;

– дальнейшее проведение законодательных процедур, касающихся предварительного заключения под следствие, в соответствии с положениями Европейской конвенции по правам человека и рекомендациями Комитета по предотвращению пыток;

– использование каждой возможности для законодательного исправления любых нарушений прав человека;

– улучшение функционирования и эффективности судебной власти в соответствии с международными стандартами;

– устранение любых законодательных постановлений, запрещающих использование турецкими гражданами своего родного языка для теле- и радиовещания;

– устранение регионального неравенства и, в особенности, исправление ситуации на юго-востоке страны, увеличение экономических, социальных и культурных возможностей для всех граждан.

В качестве краткосрочных Экономических критериев в документе зафиксировано следующее:

– выполнение текущей дефляции и программы структурных реформ, одобренной МВФ и Мировым Банком; при этом особое внимание должно быть уделено обеспечению контроля над государственными расходами;

– скорейшее проведение реформы финансового сектора, направленной на гарантированную прозрачность и административный надзор;

– проведение сельскохозяйственной реформы;

– продолжение приватизации государственных объектов с учетом социального фактора.

Политические критерии в среднесрочном периоде:

– гарантирование всем индивидуумам вне зависимости от их языка, расы, цвета кожи, пола, политических, философских и религиозных взглядов неотъемлемого обладания полным комплексом прав человека и всеми основными свободами. Дальнейшее обеспечение условий для обеспечения свободы мысли и сознания;

– пересмотр Турецкой Конституции с целью предоставления гарантии всем турецким гражданам полного комплекса прав и свобод в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека;

– унификация подобных законодательных реформ с практикой государств-членов ЕС;

– отмена смертной казни, подписанная и ратифицированная Протоколом № 6 Европейской конвенции по правам человека;

– ратификация международного соглашения по гражданским и политическим правам и прилагающегося к нему протокола, а также международного соглашения по экономическим, социальным и культурным правам;

– приведение условий содержания в тюрьмах в соответствие с международными стандартами;

– определение в Конституции роли Совета национальной безопасности как совещательного органа правительства в соответствии с практикой государств-членов ЕС;

– обеспечение культурного разнообразия и гарантирование культурных прав всем гражданам вне зависимости от их происхождения. Действие любых законодательных положений, препятствующих обладанию этими правами, должно быть приостановлено.

Экономические критерии:

– завершение процесса приватизации;

– завершение реформирования сельскохозяйственного и финансового сектора;

– поддержка пенсионной и социальной защиты населения;

– повышение общего уровня образования и качества здравоохранения, при этом особое внимание следует уделить молодому поколению и ряду регионов с низким уровнем благосостояния.[253]

Наряду с этим Турция обязалась соблюдать правила и уставные требования Европейского Союза. Но в начале 2000 г. начались переговоры о вступлении в ЕС со всеми странами-кандидатами, кроме Турции. Данный факт объяснялся тем, что турецкое правительство не приступило в выполнению необходимых условий, таких как соблюдение прав человека, отмена смертной казни, урегулирование турецко-греческих разногласий, кипрского вопроса. Однако Турции была предложена помощь в проведении необходимых реформ.

На саммите в Ницце в 2000 г. было принято решение, согласно которому переговоры о вступлении Турции не начнутся до тех пор, пока страна не будет соответствовать предварительным политическим требованиям, а именно: не улучшит коренным образом положение с правами человека, не ограничит роль армии во внутренней политике, не прекратит дискриминацию национальных меньшинств. По мнению председателя Еврокомиссии Проди, Турция двигалась в правильном направлении, но стране было еще очень далеко до полного соответствия стандартам Евросоюза.

В 2000 г. Турция приступила к постепенной практической реализации требований и условий ЕС для приобретения статуса полноправного члена данной организации. Правительство Турции оперативно разработало законопроект о создании «Генерального секретариата по делам ЕС», который был утвержден парламентом страны в июне 2000 г.

О том, насколько серьезно правительство взялось за тему прав человека, можно судить уже по тому, что министерство

внутренних дел страны вместе с турецкой неправительственной организацией под руководством профессора философии Иоанны Кучуради разработало программу обучения полицейских и чиновников на тему прав человека. Министр Рюштю Касым Йюджелен, в компетенцию которого входили права человека, начал проводить в провинциях, где данная проблема особенно актуальна, конференции, на которые он приглашал сотрудников полиции и жандармерии, военных, чиновников из региональных органов управления, чтобы выслушивать жалобы и обсуждать, как можно в будущем избежать нарушений прав человека.

Кроме того, правительство учредило собственную Генеральную дирекцию по правам человека при премьер-министре страны, которая должна координировать все меры по улучшению ситуации в области прав человека. Согласно решению правительства от 21 сентября 2000 г. о выполнении копенгагенских критериев, на дирекцию была возложена задача расследовать нарушения прав человека и доводить дело до суда. В этом важном документе провозглашаются также свобода слова и мысли, свобода демонстраций, объявлялось об учреждении поста омбудсмена и создании Турецкой академии юстиции и школ по подготовке сотрудников для следственных изоляторов и мест лишения свободы, что должно улучшить функционирование системы правосудия. В августе 2000 г. турецкое правительство подписало два пакта Организации Объединенных Наций: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Был предпринят конкретный шаг со стороны ЕС: в декабре 2000 г. на очередном саммите этой организации в Брюсселе была обнародована и передана турецкой делегации подготовленная Комитетом по расширению ЕС «Программа вступительного партнерства для Турции». Она конкретизировала условия в политических и экономических областях, которые должны были быть выполнены турецкой стороной в «посткандидатский» период, который подразделялся на краткосрочную (до 2002 г.) и долгосрочную (2006 г.) перспективу.

Программа содержала перечень критериев, которым Турция должна четко соответствовать. Для выхода на решение сложных проблем (кипрскую; территориального размежевания с Грецией в Эгейском море; предоставления прав курдам) предусматривался «расширенный политический диалог», причем

были определены сроки, в которые Турцию призывали уложиться. Компромисс подразумевал, что турецкое правительство никто не заставляет поступаться национальными интересами, но оно само должно соразмерять свои действия и приоритеты с Копенгагенскими критериями вступления в ЕС.

В ряду наиболее острых вопросов – проблема кипрского урегулирования. Программа обязывала Турцию «активно поддерживать усилия генсека ООН», направленные на решение кипрского вопроса.

Одной из наиболее острых политических проблем Турции, отраженных в «Программе вступительного партнерства», явилась курдская тема. Требования ЕС на первоначальном этапе (краткосрочная перспектива) сводились к «устранению всех законодательных предпосылок, запрещающих турецким гражданам использовать родной язык на телевидении и радиовещании»[254]. Проблема в том, что в конституции Турции нет понятия «меньшинство» по отношению к какому-либо этносу. Тем не менее в обществе и властных институтах под влиянием международного сообщества и осознания необходимости признавать реальности постепенно вызрело понимание необходимости реформ в этой области. Была избрана, в частности, линия компиляции соответствующих законодательных норм западных стран для определения минимальных лимитов предоставления соответствующих прав нацменьшинствам в Турции.

«Программа вступительного партнерства» предписывала Анкаре в среднесрочной перспективе свести полномочия Совета национальной безопасности к «совещательному органу при правительстве».[255] Это представлялось весьма сложным, с учетом традиционной роли СНБ, на которую не посягал ни один турецкий политик.

После обнародования Турцией в конце марта 2001 г. своей Национальной программы КЕС приветствовала ее как «важную веху на пути адаптации к законодательству ЕС и принятию Acquis communautaire (институциональная и юридическая нормативная база европейской интеграции), отправную точку процесса коренной трансформации в современное демократическое государство. Еврокомиссия отметила, что Национальная программа – прочная основа для того, чтобы турецкое правительство приступило к широкомасштабным реформам.

В течение 2001 г. во всех областях продолжались работы по реализации приоритетов, предусмотренных в Национальной

программе. В области политических критериев одним из важнейших усовершенствований в турецкой Конституции, проведенным Комиссией по межпарламентскому сотрудничеству, явился Пакет конституционных поправок из 37 статей, подготовленный в связи с необходимыми изменениями. 22 из упомянутых предложений о поправках совпадали с приоритетами, зафиксированными в Национальной программе.

В начале октября 2001 г. турецкие депутаты подавляющим большинством голосов внесли в Конституцию34 поправки, среди которых – право на радиовещание на языках нацменьшинств. Однако приняты они были с существенной оговоркой, что право использования любого языка может быть ограничено для защиты национальной безопасности и общественного порядка. По-прежнему статья 42 объявляла турецкий язык единственным языком преподавания. Была отменена смертная казнь, хотя этот вид наказания мог быть применен в случаях государственной измены и участия в терроризме. Ликвидированы ограничения в отношении партий и профсоюзов. В гражданском праве закреплено равноправие мужчин и женщин. Законы времен военной диктатуры могли быть опротестованы в суде. Число закрепленных за военными мест в Совете национальной безопасности было ограничено пятью, а число мест его гражданских членов увеличено с пяти до девяти. Решения этого органа были объявлены юридически не обязывающими. При этом парламент и правительство могли отвергнуть любое предложение Совета. И, наконец, законодатели впервые получили право требовать от министерства обороны подробного отчета о военных расходах.

Европейская Комиссия со своей стороны приветствовала реформы, проводимые в Турции и направленные на демократизацию страны. Проди назвал произошедшее очень позитивным шагом вперед. При этом он заявил, что Анкаре необходимо представить некоторые разъяснения относительно порядка проведения в жизнь принятых реформ.

13 ноября 2001 г. Комиссией был опубликован Отчет о развитии, касающийся Турции. В качестве мотивировки отсутствия перехода к заключительному этапу с данной страной заявлялось, что многие члены ЕС считают равноценными начало заключительного этапа и переговоры о вступлении, а поскольку Турция не удовлетворяет политическим критериям для начала переговоров, она также не может приступить к заклю-

чительному этапу. В сфере прав человека особое внимание было уделено свободе слова, условиям содержания в тюрьмах, судопроизводству и борьбе с беззакониями. В отчете приветствовалась работа правительства по изменению Конституции в направлении расширения демократических прав и свобод в соответствии с Копенгагенскими критериями для вступления в ЕС. Авторы документа особо подчеркнули проведение подготовительных мероприятий по непосредственной реализации на практике поправок, внесенных в основной закон. Были высоко оценены новые права и свободы, предоставленные национальным меньшинствам, и увеличение доли гражданских членов Совета национальной безопасности. В то же время критиковалась широта полномочий этого государственного органа. Отмечалось также сохранение в Конституции смертной казни и небольшой прогресс в деле прав и свобод личности, в борьбе с практикуемым жестоким отношением к заключенным. В тупике находился процесс решения кипрской проблемы, однако, заявлялось, что в основном действия Анкары на международной арене находились в русле Общей внешней политики ЕС. В заключении подчеркивалось, что Турция являлась единственной страной-кандидатом, не выполнившим Копенгагенских политических критериев, несмотря на предпринятые изменения.[256]

Кроме того, в Лакенской декларации 2001 г. было подчеркнуто, что «одним из основных принципов членства в Европейском Союзе являются демократия и права человека. Союз открыт только для тех стран, которые поддерживают такие базовые ценности, как свободные выборы, толерантность по отношению к меньшинствам и господство закона». Относительно вступления Турции в ЕС были установлены следующие требования: поддержание фактического моратория на высшую меру наказания в Турции, а в дальнейшем отмена смертной казни и ратификация Протокола № 6 Европейской Конвенции по правам человека.[257]

Однако, выступая на смешанной турецко-европейской парламентской комиссии, министр иностранных дел Турции И.Джем заявил о неприятии им критики ЕС, направленной на соблюдение прав человека. В частности, он выразил несогласие с фактами пыток заключенных в турецких тюрьмах и отметил, что ограничения на свободу собраний и шествий существуют и в других европейских странах.

Тем не менее процесс подготовки к вступлению в ЕС стал для Турции важным катализатором правозащитных реформ. Турецкий парламент принял новый Гражданский кодекс, который вступил в силу 1 января 2002 г. и нес в себе изменения, касавшиеся общественных свобод, права на собрания, равенства полов и свободы слова. В феврале 2002 г. Великое национальное собрание Турции одобрило «минимальный пакет» реформ, пытаясь успеть выполнить взятые на себя краткосрочные обязательства. Пакет законодательств, принятый в апреле 2002 г., расширил границы свободы мысли, слова, печати и мирных собраний. Он усилил меры по предотвращению пыток. В нем представлены эффективные средства по сдерживанию нарушений прав человека государственными властями. Он также укрепил гражданскую администрацию. Европейский Совет на саммите, состоявшемся 21–22 июня 2002 г., одобрил шаги, предпринятые Анкарой, и постановил, что «осуществление необходимых политических и экономических реформ увеличит перспективы вступления Турции в соответствии с теми же принципами и критериями, которые применяются к другим странам-кандидатам».[258]

Таким образом, Турция пошла на крупные внутренние реформы, призванные обеспечить соответствие ее законодательства и повседневной практики критериям и нормам ЕС. Пакет законодательств, который вошел в силу в августе 2002 г., отменил смертную казнь; снял законодательные ограничения на культурные права индивидуумов; сделал возможным повторное слушание дела в Европейском суде по правам человека; укрепил законодательные гарантии свободы слова и печати; облегчил ограничения на право собраний; обеспечил право собственности на общественные учреждения, принадлежащие национальным меньшинствам Турции; предоставил законодательный базис, необходимый для деятельности иностранных организаций в стране; внес новые меры для борьбы с незаконной иммиграцией.

Кроме того, постановлением турецкого парламента в местах компактного проживания некоренного населения было разрешено преподавание в школах, а также радио- и телевещание на родном языке, а именно: на курдском, армянском, греческом языках и на иврите.

Отныне высшая мера наказания могла применяться только в военное время, либо при возникновении непосредственной военной угрозы. Смертные приговоры по обвинению в терро-

ризме были изменены на пожизненное заключение. Таким образом, Турция стала технически готова к переговорам о вступлении в ЕС.

Новое турецкое правительство, возглавляемое Абдуллой Гюлем, который пришел к власти в октябре 2002 г., продолжило курс на реформы. Оно установило одним из приоритетов своей деятельности отмену пыток заключенных, а также выпустило новый государственный акт, стремящийся улучшить права человека.

Однако в списке десяти стран-кандидатов на вступление в ЕС в 2004 г. Турции снова не оказалось. Очевидно, что на тот момент она не удовлетворяла всем требованиям Евросоюза. Это касается прежде всего политической нестабильности и экономических показателей. Проблема осложнялась полемикой в европейских политических кругах о пределах расширения ЕС и о необходимости определиться с его границами. Более того, все чаще озвучивались мнения, опровергающие принадлежность Турции к европейской цивилизации.

В Копенгагенском заключении Евросовета 2002 г. было отмечено, что «Евросоюз поощряет энергичные реформы в Турции. Если Европейский Совет в декабре 2004 г. решит, что она соответствует Копенгагенским политическим критериям, ЕС начнет переговоры о вступлении Турции без промедления».[259]

В марте 2003 г. Анкара подписала протокол № 6 Европейской конвенции по правам человека, запрещающей смертную казнь в мирное время. Более того, согласно закону, принятому в июле 2003 г., представители турецкой армии лишались права возглавлять СНБ, а все его решения приобретали лишь рекомендательный статус.

Правящая исламская партия продолжает предпринимать последовательные меры по вытеснению военных из политики. Одной из последних инициатив с целью соответствия демократическим требованиям ЕС стало ограничение полномочий военных судов. Соответствующий закон был принят в июне 2009 г. По новому закону военнослужащих в мирное время будет судить гражданский суд. Дела, по которым обвиняемыми проходят гражданские лица, военные суды не смогут рассматривать вообще. Представители командования вооруженных сил Турции отметили, что закон противоречит статье 145 Конституции страны, но отстоять это обвинение в Конституционном суде оппозиции не удалось.

Здесь хотелось бы подробнее рассмотреть курдскую проблему, на которую представители ЕС ссылаются как на важнейшее доказательство недостаточного уровня демократического развития Турции. Курды компактно населяют смежные территории юго-восточной Турции, северо-западного Ирана, северного Ирака и северной Сирии. Особенность географического положения этих земель заключается в отсутствии четких физических и юридически фиксированных политических границ.

Однако разделенные границами курды в основном сохраняют общую культуру, национальные обычаи и языковую общность. Курдские племена представляют собой социально-политическую структуру, которая позволяет курдам исторически поддерживать определенный уровень самоуправления в рамках тех государств, на территории которых они проживают.

Если рассматривать региональную структуру населенных курдами территорий с геополитической точки зрения, учитывая такие показатели, как природные условия, плотность населения, степень развития городов как центров модернизации общественной жизни, уровень развития промышленности, состояние сельского хозяйства, то станет очевидным, что наиболее развитыми являются населенные курдами турецкие и иракские провинции.

Для населенных курдами территорий исторически характерен такой феномен, как политизация проблемы природных ресурсов. Этот регион обладает крупными залежами углеводородного сырья и через него проходят основные коридоры их транспортировки. Зона компактного проживания курдов является одной из двух основных частей нефтегазоносного бассейна Персидского залива. При этом доступ к нефти в этом регионе, как и вообще к минеральному сырью, продолжает оставаться под влиянием политических процессов. Традиционно нефть играет существенную роль в состоянии курдского вопроса как на региональном уровне, так и в политике отдельных стран, имеющих в своем составе населенные курдами земли. Учитывая тенденцию увеличения доли газа в мировом энергетическом хозяйстве, можно предположить, что наряду с нефтяными ресурсами населенных курдами территорий их газовые запасы также будут играть значительную роль в региональной экономике. Таким образом, энергоресурсы придают курдской проблеме особую остроту, а курдскому региону повышенную стратегическую значимость.

Курдский регион богат водными и гидроэнергетическими ресурсами. Населенные курдами территории являются вместилищем для гигантских и неосвоенных водных ресурсов, которые уже в ближайшем будущем приобретут ценность, сопоставимую с нефтью, т.к. вода является исключительно дефицитным ресурсом для ближневосточных государств. Вода уже стала «стратегическим оружием» в споре между соседями по курдскому вопросу. Геоэкономическое противоборство в турецко-сирийско-иракском треугольнике из-за воды наряду с геополитическим соперничеством подтолкнуло эти страны к использованию курдского фактора в качестве одного из «козырей». При этом Турция может контролировать воду до тех пор, пока она контролирует курдов.

В политическом плане Турция – унитарное государство, и гражданам курдского происхождения, как и всем остальным турецким гражданам, предоставлены одинаковые права, гарантированные Конституцией: они активно участвуют в политической, культурной и социально-экономической жизни страны. Граждане курдского происхождения имеют право голоса и право быть избранными в политические структуры.

Суть курдской проблемы в Турции состоит в экономической отсталости курдских районов, в политическом бесправии курдского народа, медленном развитии его общественной и культурной жизни. Турция не признает существования на своей территории курдского меньшинства. Турецкие правящие круги запрещают критиковать пропагандируемую ими политику отрицания курдской идентичности и существования курдов как особого этноса. В стране преследуются представители прессы и демократических сил, пытающиеся инициировать широкое участие общественности в обсуждении курдской проблемы.

Курдское население живет компактно, что способствует сохранению национальных традиций. Выполняя роль культурного буфера между суннитской Турцией и шиитским Ираном, курды явились выразителями особой системы социально-политических и духовных ценностей. Численность курдского населения постоянно растет, и турецкие националисты воспринимают это как катастрофическую проблему. В населенных курдами провинциях средний прирост населения в год составляет 0,2–0,8%[260]. При этом средний возраст населения данных провинций составляет 17–21 год[261]. Согласно материалам курдских исследователей, курдский народ составляет более

20% 74-миллионного населения Турции.[262] Показательно, что в официальных турецких источниках данные о численности граждан курдского происхождения отсутствуют. При этом некоторые турецкие авторы оценивают численность курдского населения страны в 6–9 млн. чел.

До сих пор родоплеменные и религиозные структуры часто заменяют курдам национальную идентичность. Традиционная курдская элита, представленная религиозными и племенными лидерами, обладает заметным экономическим и особенно политическим и идейным влиянием на юго-востоке Турции.

Политические противоречия и разногласия, равно как и племенные раздоры между различными курдскими группировками остаются одной из главных причин слабости курдского национального движения. Продолжает сказываться влияние архаичных традиций, таких как религиозная рознь между курдами-мусульманами, зороастрийцами, езидами и атеистами (к последним относятся приверженцы коммунистической Курдской рабочей партии); местничество, сословные и династические предрассудки, вождизм. Отсюда проистекают такие негативные явления в общественно-политической жизни, как политическая неустойчивость и междоусобные распри. Раздробленность курдского движения усугубляется неразрешенными пограничными конфликтами и спорами как между государствами, так и племенными союзами курдов, нередко проживающих по обе стороны установленных границ. Из-за этого курдское движение не смогло принять организованный широкомасштабный характер.

Тем не менее в последние годы в курдской среде произошли очень большие изменения, значительно выросло национальное самосознание и этническая солидарность курдов. Среди современных курдских лидеров появилось немало представителей демократического и левого направления. В результате их деятельности подрываются экономические позиции и падает политическое влияние курдской светской и духовной знати, нарождаются современные социальные структуры.

Хотя на данном этапе курдское движение в Турции раздроблено, возглавляется несколькими партиями и организациями, тем не менее их деятельность говорит о росте политического сознания и готовности все большей части курдов бороться за национально-демократические права. Вместе с тем курдские организации включают в себя подпольные отряды

боевиков, которые оказывают сопротивление не только турецким властям, но и некоторым курдским ага и шейхам. Наблюдаются политические контакты между курдскими национально-демократическими организациями и турецкими левыми силами. Кроме того, часть исламских радикальных объединений содержит значительный курдский элемент.

Нежелание руководства Турции признать курдскую идентичность приводит к невозможности мирного решения курдской проблемы. Именно это стало одной из основных причин того, что в стране возникло национально-освободительное движение курдов. Пока турецко-курдское противостояние носит национально-политический характер, но если оно перейдет в межэтнический конфликт – ситуация будет чревата кровавой гражданской войной.

Основным вызовом безопасности Турции является тот факт, что часть этнических курдов сочувствует призывающим к насилию сепаратистским группировкам, в первую очередь Курдской рабочей партии (КРП). Используя силовые методы борьбы, КРП призывает турецкое руководство к демократическим переменам и соблюдению прав курдского меньшинства. Однако КРП является партией ленинско-сталинского типа, и ее заявленная цель – построение в «Курдистане» диктатуры пролетариата. КРП стремится к созданию модели этнического национализма, основанного на сознании исключительности по сравнению с другими этническими группами Турции. Лидирующая в национально-освободительном движении партия тоталитарного толка после гипотетического прихода к власти может оказаться агрессивно националистической по отношению к другим национальным меньшинствам.

КРП пытается представить свою террористическую деятельность и борьбу с турецкими службами безопасности как столкновения между двумя воюющими сторонами. Таким образом, террористическая организация стремится убедить мировое сообщество в том, что события, происходящие на юго-востоке Турции, попадают под категорию «вооруженного конфликта» или «гражданской войны» в соответствии с Женевской конвенцией 1949 г. и ее дополнительными протоколами. КРП организует массовые демонстрации и забастовки, нападения на турецкие правительственные структуры и представительства за рубежом. Боевые отряды КРП участвовали в столкновениях с подразделениями турецкой армии и полиции на населенной

курдами территории юго-восточной Турции. Но наибольший размах курдское движение обрело в виде организованных вооруженных выступлений и партизанской борьбы в восточных и юго-восточных районах Турции.

Турецкое руководство заявляет, что КРП – это экстремизм в самом худшем проявлении, это террористическая организация, ответственная за убийства гражданских лиц. Согласно заявлениям МИДа Турции, члены Курдской рабочей партии похищают детей с целью идеологической обработки и обучения в тренировочных лагерях.[263] КРП не только убивает мирных жителей, значительная часть которых курдского происхождения, но и подрывает гражданскую инфраструктуру с целью превращения региона в непригодный для жизни. Хотя большинство терактов было предпринято против жителей юго-востока, были также совершены атаки на столицу и туристические зоны. КРП уничтожает школы, поджигает леса, взрывает железные дороги и мосты, минирует автотрассы.[264] КРП не раз обещала начать трубопроводную войну против транспортировки каспийской нефти по турецкой территории. Таким образом, угрозы лидеров КРП, транслирующиеся в курдских СМИ, выдают истинные намерения организации.

Несмотря на то, что КРП/КОНГРА-ГЕЛЬ (боевое крыло движения) подчеркивает, что она отстаивает права неимущих и обнищавших слоев населения, она финансирует террористические структуры, СМИ (периодическую печать, теле- и радиовещание), а также ведет антитурецкую пропаганду за рубежом. Приводя документированные факты, правительство Турции выделяет в качестве источников доходов КРП следующие: вымогательство (в основном, у турецких бизнесменов); шантаж; грабежи; доходы коммерческих учреждений организации; деньги, вырученные от наркотраффика, контрабанды оружия и торговли людьми; нелегальная транспортировка рабочей силы.[265] Турецкие власти постоянно подчеркивают, что борьба с Курдской рабочей партией является частью борьбы с мировым терроризмом.

После ареста лидера КРП Оджалана в 1999 г. партия значительно снизила свою активность. Движение испытывает определенный кризис, его влияние идет на спад. Вместе с тем лидеры КРП стремятся также к диалогу относительно мирного разрешения курдской проблемы. КРП искала легальные формы борьбы. В частности, с 1999 по 2004 гг. представители партии объявили об одностороннем прекращении вооруженной деятельности

с осуждением использовавшихся методов терроризма и о переходе к политическим методам борьбы. За период моратория курдские силы самообороны ни разу не нарушили его условий.

В июне 2004 г. Курдский народный конгресс (переименованная с февраля того же года КРП) объявил о прекращении перемирия с правительством Турции и возобновлении боевых действий «в связи с продолжительным процессом политики неприятия курдов»[266]. В ответ международное сообщество, турецкие и курдские общественно-политические круги проявили серьезную обеспокоенность и выступили с предложением нового перемирия. В октябре 2006 г. Курдский народный конгресс вновь объявил прекращение огня, призвав власти Турции отказаться от решения курдской проблемы силовым путем и сесть за стол переговоров.

Анкара отказывается от инициатив начать политический диалог с КРП. Курдские активисты подвергаются арестам, обвинениям в подрыве стабильности в государстве. В ряде случаев курды пытаются бороться за свои права и легитимными методами, подавая иски против властей Турции в Европейский суд по правам человека.

Острота курдского вопроса в Турции во многом связана как с бескомпромиссностью оппозиционных официальным властям курдских политических организаций, так и с жесткостью национальной политики властей. В свою очередь, большинство турецких граждан поддерживает жесткие методы борьбы с курдскими экстремистами.

В районах, населенных курдами, периодически проводятся военные операции, целью которых является разгром левых сил, действующих в Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Восточная часть Турции является наименее интегрированным регионом. Турецким властям удается лишь частично включить его в политическую, экономическую и социальную структуру страны. Но в первую очередь руководство Турции так и не сумело завоевать авторитет среди курдов. При этом правозащитники обращают внимание на жесткий характер операций против курдских повстанцев, в результате которых страдает мирное население. Это лишь активизирует деятельность курдских объединений, создаваемых с целью сопротивления действиям правительства.

В последние годы в связи с изменившейся ситуацией в Ираке курдскими активистами озвучиваются идеи о создании

федерации турок и курдов или о предоставлении курдам автономии. Однако призывы к предоставлению курдским районам автономии квалифицируются турецкими властями как нарушение целостности государства. Анкара выступает против любой формы автономии, тем более, против независимости курдских районов. Более того, все мероприятия турецких властей направлены на ассимиляцию курдского населения.

Официальный курс в курдском вопросе основан на концепции пантюркизма, подразумевающей процесс тюркизации курдов. В частности, курдский язык запрещено использовать в общественной и политической деятельности. Получение образования возможно только на турецком языке. Таким образом, власти Турции активно ассимилируют курдскую молодежь через вовлечение в турецкую систему образования. Между тем насильственное навязывание курдам турецкой культуры, языка, обычаев еще более осложняет ситуацию на юго-востоке Турции. Длительный запрет на курдский язык привел к все возрастающей безграмотности среди курдского населения. В определенной мере культура и традиции курдов находятся под угрозой. Политика турецких властей подтверждает, что курдское наследие на территории страны не рассматривается в качестве «своего», а считается инородным.

Вместе с тем на данный момент в Турции отсутствуют серьезные внутренние условия для эскалации терроризма. У власти находятся умеренные исламисты, за которых проголосовал и достаточно большой процент курдского населения. Кроме того, правительство предложило план компенсаций для тех, кто пострадал от действий спецслужб в ходе кампании по разгрому КРП. Из жителей курдских провинций при участии официальных властей формируется местное вооруженное ополчение, которое оказывает поддержку федеральным войскам и финансируется государством для борьбы с сепаратистами из КРП.

Постепенно курды добились дополнительных свобод: предоставления права на использование курдского языка в бытовом общении в 2002 г., легализации собственных печатных изданий, снятия запрета на теле- и радиопередачи на курдском языке, разрешения обучения курдскому языку, но только в частных школах.[267] В 2004 г. в Стамбуле и юго-восточных городах открылись частные курсы курдского языка.[268] Таким образом, в Турции в законодательном порядке разрешено развивать

курдскую культуру. Однако легальные курдские издания встречают большие проблемы с распространением. Государство глушит программы курдских телеканалов, вещающих из-за границы. Вместе с тем, с января 2009 г. начал вещание первый государственный курдский телеканал. Правительство Турции ожидает, что он сможет отвлечь на себя значительный процент аудитории частных курдских телеканалов, финансирующихся, в том числе, КРП, на которых ведется пропаганда создания независимого курдского государства. Довольно велика степень свободы местного курдского телевидения, транслирующего митинги на юго-востоке страны, участники которых открыто требуют независимости.

Между тем важнейшим внутриполитическим изменением в Турции стал тот факт, что 25 из 27 парламентариев, прошедших в Великое национальное собрание (парламент) в 2007 г. не по партийным спискам, являются этническими курдами, которым ранее было запрещено избираться в турецкий парламент. Благодаря энергичным реформам правящей Партии справедливости и развития большинство турецких курдов в настоящее время вполне лояльно настроено по отношению к официальным властям страны. В решении этой проблемы ПСР отказалась от традиционной опоры на турецкий национализм, заменив его акцентом на ислам. Это привлекло религиозных курдов.

Вместе с тем уступки, которые были сделаны в сфере соблюдения прав курдов, рассчитаны прежде всего на европейское общественное мнение. На этом фоне лоббируемое турецким генералитетом силовое решение курдского вопроса ставит в непростое положение премьера Турции Эрдогана. В свою очередь, военные круги ожидают в случае вступления в ЕС помощи при подавлении сепаратистских тенденций в стране. Решение о начале переговоров о принятии Турции в Евросоюз получило одобрение главы турецкого Генштаба. Однако угроза усиления сепаратизма курдов будет сохраняться еще длительное время, и если процесс ослабления силового руководства продолжится, а курдские сепаратисты попытаются воспользоваться создавшейся ситуацией, армия может прекратить поддержку европейских преобразований. Турецкая военная элита и националистически настроенные политики считают, что предоставление широких свобод курдам угрожает территориальной целостности страны. Волна курдского террора вывела Пар-

тию националистического действия («серых волков») из маргинального слоя турецких экстремистов и привела их к успеху на парламентских выборах. Националисты в Турции прошли в парламент под лозунгами подавления курдских выступлений, способных перерасти в восстание.

При этом многие турецкие политики считают, что в значительной степени курдское сопротивление инспирируется извне США и Евросоюзом. Действительно, начато курдское сопротивление было не турецкими курдами, а диаспорой. Особенно активно проявила себя многочисленная диаспора турецких курдов в Западной Европе. Поэтому Турция выступает категорически против вмешательства в курдский вопрос стран, где проживают диаспоры курдов.

Кроме того, ЕС требует от стран-кандидатов на вступление мирно разрешать политические конфликты. Правительства европейских стран, где большое влияние имеют левые, обвиняют Анкару в использовании «фашистских» методов по отношению к курдскому населению. Противники принятия Турции в ЕС постоянно заявляют о фактах нарушений прав курдского населения. В частности, депутаты Европарламента отмечают, что ЕС не может игнорировать вопросы демократии в стране, где людей судят за то, что они осмеливаются говорить о преследованиях курдов. Что касается признания КРП террористической организацией, то здесь отсутствует определенность, ситуация меняется год от года. Еврокомиссия ежегодно составляет список террористических организаций, и КРП то фигурирует в нем, то нет.

Если обратиться к экономическим составляющим проблемы, то в первую очередь необходимо отметить, что бюджеты населенных курдами провинций являются самыми дефицитными среди всех провинциальных бюджетов Турции. Юго-восточная часть страны – наиболее отсталый в экономическом отношении район с суровыми географическими и климатическими условиями. При этом турецкие власти подчеркивают, что ответственность за депрессивное состояние экономики в курдских районах в значительной мере несет Курдская рабочая партия, которая задает политическую расстановку сил в регионе.

Курдское население Турции остается в состоянии нищеты и упадка. Несмотря на некоторые экономические успехи администраций курдских земель, не была решена основная задача – создание платежеспособного среднего класса. Основная

масса курдского населения – крестьянство. Нестабильное политическое положение и в связи с этим отсутствие инвестиционных ресурсов в курдских районах препятствуют их промышленному развитию. Инфраструктура в курдских районах развита слабо, что не позволяет создать достаточное количество рабочих мест. Промышленная отсталость курдского региона Турции подталкивает к воспроизводству традиционных структур курдского общества, которые, в свою очередь, препятствуют этнической ассимиляции. Главными проблемами экономики населенных курдами провинций являются нехватка инвестиций, неадекватное управление со стороны центрального правительства и высокий уровень безработицы. Средний уровень безработицы в населенных курдами провинциях составляет 12%[269]. Занятость по секторам экономики распределена в среднем следующим образом: 27% занято в сельском хозяйстве, 16% в промышленном производстве, 57% в сфере услуг, в основном это сезонная работа в туристических зонах[270].

Ирригация в курдских провинциях осуществляется с ущемлением интересов курдского населения, которое лишается возможности полноценно заниматься сельскохозяйственным трудом, а электроэнергия перераспределяется прежде всего на промышленно развитый запад Турции. Турецкие проекты по использованию вод рек Тигр и Евфрат приводят к разрушению курдских поселений, ухудшают экономическую обстановку в регионе и усиливают напряженность в турецко-сирийско-иракских отношениях. При этом турецкое правительство, как правило, не выполняет обещаний выплатить компенсации жителям затопляемых районов. Тяжелое экономическое положение, отсутствие рабочих мест, последствия вооруженных конфликтов являются основными причинами миграции населения из курдских провинций.

Лишенные средств существования курды устремляются в крупные города, а также за границу. Однако принуждаемое к миграции население ведет, как правило, традиционное хозяйство и не приспособлено к жизни в городах, где курды заняты преимущественно малоквалифицированным трудом. Таким образом, происходит маргинализация и люмпенизация курдского общества. Многие проживающие на юго-востоке курды одобряют терроризм, поскольку не видят для себя будущего в Турции.

Однако с приходом к власти Партии справедливости и развития турецкое правительство разработало и начало пре-

творять в жизнь программу модернизации, повышения уровня жизни населения и создания новых рабочих мест на юго-востоке страны. Данная программа нацелена на изменение социально-экономической структуры курдского общества, структуры занятости населенных курдами территорий и стимулирование миграционных процессов. Но основной целью турецких властей является более тесная интеграция этого региона с другими частями Турции и использование создаваемой инфраструктуры для разрешения курдского вопроса. Планировалось выделить из государственного бюджета средства для финансирования развития промышленности и сельского хозяйства в курдских районах. Турецкие власти ожидают, что ощутимый рост ВВП региона нивелирует разрыв показателей среднедушевых доходов в среднем по стране и на юго-востоке.

Правительство Турции, сталкиваясь с проблемой низкого уровня частных инвестиций, выделяет большие государственные средства на экономическое развитие района, т.к. это поможет искоренить влияние КРП на местное население. В частности, Р.Т.Эрдоган в марте 2008 г. заявил, что в течение пяти лет в юго-восточные регионы Турции планируется вложить свыше 10 млрд. долл. Особое значение придается развитию транспортной и коммуникационной системы населенных курдами провинций. Объявляя районы с преимущественно курдским населением открытой экономической зоной, турецкие правящие круги стремятся также привлечь иностранный капитал в этот край, куда из-за нестабильности политического положения не желают вкладывать свои финансовые средства турецкие предприниматели. Благодаря новой финансовой политике поддержка населением запрещенной КРП значительно упала.

При этом наиболее действенным ходом турецкого правительства стало поощрение проникновения курдских бизнесменов в самые быстроразвивающиеся отрасли экономики, в первую очередь, туризм. Отныне в интересах курдов сохранять ситуацию в зоне отдыха максимально спокойной. Между тем курды выступают за то, чтобы власти позволили им вкладывать средства в юго-восток, в регион компактного проживания данного этноса. Курдские бизнесмены, например, выступают за отмену таможенных пошлин и предлагают создать на юго-востоке Турции свободные индустриальные зоны, что повлечет за собой увеличение экспорта и будет способствовать развитию региона, где проживает курдское население.

Нефтяной фактор также является одной из важнейших составляющих, характеризующих современное геоэкономическое значение территорий компактного проживания курдов. При этом для Турции залегающая в населенных курдами регионах нефть является почти единственным источником добываемого в стране жидкого топлива. В контексте геостратегического измерения территорий проживания курдов особая роль принадлежит нефтепроводам, в частности, здесь проходит важнейшая диагональ Каспий-Средиземноморье. Все турецкие энергомаршруты проходят через населенные курдами провинции, что делает курдский вопрос фактором борьбы за транспортировку каспийских энергоресурсов.

Кроме того, для Турции контроль над приграничной торговлей нефтью является одним из рычагов воздействия на курдскую администрацию. Таким образом, к эффективному урегулированию курдской проблемы Анкару вынуждают не только политические, но и экономические причины: стремление связать Турцию с Кавказом и Центральной Азией путем прокладки нефтепроводов и их эксплуатации.

Помимо этого, приграничная торговля является одним из основных источников доходов жителей курдских провинций и рассматривается турецкими властями в качестве рычага для повышения экономического благосостояния депрессивных курдских районов. Как следствие, основные доходы курдских администраций формируются за счет таможенных пошлин. Нередко значительные доходы от приграничной торговли получают курдские политические силы, финансируя таким образом свою деятельность. Прекращение контрабанды и создание прозрачной приграничной торговли имеет целью взять эту торговлю под контроль государства, лишив тем самым курдов возможности получать не санкционированные государством доходы.

Таким образом, экономика региона носит, в первую очередь, торговый и транзитный характер. Населенные курдами территории исторически являются для стран Ближнего и Среднего Востока важнейшим узлом коммуникаций. Практически все крупнейшие региональные дороги и магистрали проходят через курдские провинции. В частности, большое значение имеет турецко-сирийская приграничная торговля, осуществляемая полностью на населенных курдами территориях. Западные и центральные районы Турции с Ираном связывают

две дороги, проходящие через курдские провинции. Этот путь в условиях отсутствия дипломатических отношений с Арменией и неимения готовых дорог через Грузию является единственным выходом для турецких товаров в Центральную Азию.

Необходимость экономического развития населенных курдами областей на востоке страны взаимосвязана с изменением подхода Турции к Армении. Отсталые курдонаселенные районы угрожают безопасности страны, между тем посредством восстановления путей сообщения с Арменией Турция получит возможность стабилизировать ситуацию в этих областях, развивая торговый и транзитный потенциал региона. При восстановлении путей сообщения через армяно-турецкую границу и развитии торговых отношений между Анкарой и Ереваном восточные провинции Турции смогли бы выполнять роль коридора между Турцией и Южным Кавказом, что оказало бы плодотворное влияние на экономическое состояние приграничных районов.

Подводя итог рассмотрению экономической ситуации, следует также отметить серьезные отрицательные последствия новой стратегии ПСР по решению курдского вопроса. Стремясь завоевать доверие среди курдского электората на юго-востоке, правительство начало назначать на местные административные должности этнических курдов. Данный фактор наряду с открытием экономики для инвестиций курдского капитала привел к появлению так называемой «курдской мафии». В результате курдский бизнес стал дополнительным источником финансирования и вооружения скрывающихся в горах юго-востока террористов. Причем, даже имея доходное рабочее место на западе или юге Турции, большинство курдов поддерживает и одобряет движение за независимость курдских территорий. Одновременно курдских политических лидеров не устраивает сценарий снижения радикализма национального движения на базе повышения уровня экономического благосостояния в регионе.

Политическое решение проблемы не может подразумевать перемирие с КРП, однако оно должно включать в себя ряд экономических, политических и социальных проектов, которые ликвидируют саму проблему. Курдский вопрос можно решить только в долгосрочной перспективе повышением уровня образования среди курдского населения, которое не связывает уровень своего благосостояния с принадлежностью к турецкому государству.

Очевидно, что во внутриполитическом контексте курдская проблема не имеет решения, и потребуются усилия всего международного сообщества для того, чтобы помочь курдам найти способы самоопределения компромиссного характера, которые бы устраивали государства, на территории которых проживает курдское меньшинство. Демократические преобразования Среднего и Ближнего Востока невозможны без разрешения курдского вопроса и гарантий соблюдения прав национальных меньшинств. Вместе с тем общая демократизация сама по себе не решит курдский вопрос: ведь это не только проблема граждан, которая может быть улажена в демократической атмосфере, но также проблема политическая и национальная.

Создание собственного суверенного государства курдов на данный момент не соответствует интересам ни одной из причастных конфликту сторон. Ведь удовлетворение курдских претензий на независимость будет означать отторжение территорий от стран их проживания.

Неспособность Турции полностью контролировать ситуацию в курдских районах серьезно ограничивает свободу ее внешнеполитических действий. Данная проблема является дополнительным фактором нестабильности, усугубляющим напряженную обстановку в регионе. Соответственно, хотелось бы обратиться к международному аспекту курдской проблемы и рассмотреть, какую роль в развитии конфликта играют основные заинтересованные государства.

В свое время Сирия оказывала покровительство террористам из КРП, обвиняя Анкару в несправедливом распределении водных ресурсов Евфрата и даже предъявляя к Турции территориальные претензии. Воинственная КРП рассматривалась Сирией в качестве рычага давления на Турцию при осуществлении гидропроектов. В свою очередь, учитывая зависимость Сирии от турецких ирригационных проектов, Анкара угрожала Дамаску уменьшением стока реки Евфрат, если сирийские власти не прекратят оказывать помощь Курдской рабочей партии. В результате в 1999 г. Сирия по требованию Турции ликвидировала на своей территории базы КРП.

Но в вооруженной борьбе курдов против Анкары КРП продолжали помогать Иран, Сербия и Греция. Многие турецкие политики, от главы Генштаба генерала Бюйюканыта до лидера Партии националистического движения Бахчели, открыто заявляли по телевидению и в печати о том, что за террористической

деятельностью на территории Турции стоит Евросоюз, желающий ослабить страну на почве этнического разделения. В первую очередь, в поддержке курдского терроризма обвиняли Грецию, предоставлявшую политическое убежище отдельным активистам. На ее территории функционировали курдские организации, оказывавшие поддержку деятельности КРП в Турции[271].

Анкара добилась еще от саддамовского Ирака разрешения на переход его государственной границы в случаях, когда ее войска проводили операции против отрядов Курдской рабочей партии. Время от времени турецкие войска свободно и открыто действовали на иракской территории, а иногда вторгались в Иран.

С момента образования курдской администрации на севере Ирака КРП активизировала антитурецкую деятельность в приграничных районах на турецко-иракской границе, существенно возросло число вооруженных нападений на подразделения турецкой армии и жандармерии. Несомненно, возросшая активность в турецкой Восточной Анатолии террористов КРП, базирующихся в Северном Ираке, грозит спровоцировать в регионе серьезный кризис. Вместе с тем в случае деморализации и роспуска Курдской рабочей партии на территории Турции политический и идеологический центр курдского сопротивления переместится в Ирак.

В последнее время турецкий Генштаб настойчиво «продавливал» решение о начале боевых действий в Северном Ираке с целью устранения угрозы безопасности Турции со стороны базирующихся на иракской территории и совершающих вооруженные вылазки курдских боевиков. По турецким данным, активистов КРП финансирует и снабжает оружием администрация курдских провинций Ирака. Первые точечные операции вблизи иракской границы турецкая армия начала, не дожидаясь санкции парламента. Однако в октябре 2007 г. парламент Турции санкционировал проведение антитеррористической операции в Северном Ираке против КРП. Этот момент можно рассматривать как вынужденную уступку генералитету в ответ на лояльность к избранию президентом представителя не из военных кругов, а из исламской партии. Одновременно по всей стране прошли многотысячные демонстрации в поддержку разгрома боевиков, укрывающихся в курдских провинциях Ирака.[272]

В феврале 2008 г. вооруженные силы Турции провели масштабную трансграничную операцию, направленную на ликвидацию военных баз Курдской рабочей партии на севере Ира-

ка. О проведении операции турецкие власти заранее оповестили американскую администрацию. Турецкие власти заявили, что определения временных рамок для военной операции не будет, войска не уйдут из северных районов Ирака до тех пор, пока не будет устранена угроза со стороны курдских боевиков[273]. С этого момента турецкое командование регулярно проводит военно-воздушные операции (в основном небольшие) с целью ликвидации террористических баз на иракской территории. Тем не менее на территории Турции не прекращаются теракты, организованные КРП. Крупнейшей из террористических атак, предпринятых за последний год, стала серия взрывов в Стамбуле в июле 2008 г. В октябре 2008 г. парламент Турции продлил мандат на проведение военных операций против курдских боевиков на севере Ирака. Турецкие военные получили право действовать на иракской территории в течение еще одного года.

Одновременно проходят турецко-иракские переговоры о совместной борьбе с террористическими организациями, в частности, с Курдской рабочей партией. Достигнута договоренность относительно финансовых санкций и борьбы с пропагандистской и политической деятельностью курдских боевиков, а также о юридическом сотрудничестве, включая возможность экстрадиции преступников. Более того, Анкара добилась разрешения Багдада на преследование террористов и проведение точечных военных операций на иракской территории. Взамен президент Турции Гюль обещал сократить запасы воды в хранилищах на Тигре и Евфрате, что существенно улучшило бы ситуацию с водными ресурсами в Ираке.

Вероятно, нынешние лидеры Ирака могут пойти навстречу турецким властям, поскольку это посодействует сохранению за ними определенного влияния над стремящимися к максимальной независимости курдами. С другой стороны, против турецкой армии на стороне КРП планируют выступить вооруженные формирования иракских курдов.

Война с КРП даст мощный импульс движению сопротивления во всем Ираке, в результате конфликт примет еще более затяжную форму и знаменует собой окончательный распад государства. Новый виток военной конфронтации может окончательно расколоть Ирак на три части: лояльный Вашингтону север, который населен курдами, суннитский центр и шиитский юг.

Впрочем, сомнительно, что Турция в обозримом будущем начнет широкомасштабную операцию в Северном Ираке. Скорее всего, речь может идти о нанесении ударов по местам базирования боевиков и проведении точечных операций, предусматривающих ликвидацию лидеров КРП и уничтожение инфраструктуры партии.

В ближайшем будущем Турция будет продолжать пытаться разделять внутренние и международные аспекты курдской проблемы, в то же время стараясь предотвратить возникновение на севере Ирака независимой курдской администрации. Ведь если степень курдской автономии вблизи турецкой границы будет расширяться, то рано или поздно это станет опорой для роста курдского сепаратизма в самой Турции.

Между тем турецкие власти активизируют взаимодействие с некоторыми странами региона, в частности с Ираном и Израилем, подписав соглашения о сотрудничестве спецслужб по нейтрализации деятельности КРП.[274] Турция также стремится заинтересовать Иран в проходящих через курдские территории маршрутах к Средиземноморью и в Европу и таким образом привлечь Тегеран к сотрудничеству с целью подавления курдских военно-политических сил, способных помешать совместным энерготранспортным проектам. Турция совместно с Ираном и Сирией выработала единую политику борьбы с курдским сепаратизмом и категорически выступила против территориального раздела Ирака с последующим образованием на его территории независимого курдского государства или расширенной автономии. Заручившись поддержкой Тегерана, в апреле 2006 г. Турция начала стягивать крупные воинские подразделения на границу с Ираком и Ираном из-за участившихся терактов со стороны бойцов КРП.[275] В марте 2008 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад выступил с очередным заявлением о совместной борьбе Ирана, Ирака и Турции с террористами из КРП.

В свою очередь США стремятся использовать Анкару для оказания давления на Тегеран, обещая при этом сдерживать курдских националистов. Однако в случае силового решения Вашингтоном иранского вопроса, Турции останется практически в одиночестве противостоять вдвое усиленной группировке курдов.

Во взаимоотношениях США и Турции по Ираку существует открытая политическая проблема: Турция активно борется

с курдскими сепаратистами на границе с Ираком, при этом сотрудничество США именно с курдской частью Ирака налажено наилучшим образом, местное население восприняло американских военных как освободителей. Пока в других регионах страны не прекращаются атаки террористов, курдские провинции в Ираке демонстрируют экономический подъем, привлекая нефтяных, строительных и прочих инвесторов, в том числе из Турции. Курдский автономный район наиболее привлекателен с инвестиционной точки зрения и экономически развит именно благодаря доходам от экспорта нефти. Курдская администрация сама напрямую заключает контракты с зарубежными компаниями.

Кроме того, с помощью США на севере Ирака уже создана военная инфраструктура, включая две авиационные базы, есть курдская армия и полиция. Гипотетическое вторжение турецкой армии на север Ирака стало бы серьезным ударом по американским интересам. Это положит конец существованию курдской автономии в Ираке в качестве практически единственной территории относительной стабильности в стране, где местные власти остаются, безусловно, лояльными США. Поэтому США в Ираке будут вынуждены продолжать искать пути решения курдской проблемы. При этом официальный Вашингтон выступает за сохранение целостности Ирака. Подходы США к курдской проблеме, возможно, претерпят некоторые изменения после окончательного вывода американских войск из Ирака.

Однако следует учесть, что угроза вторжения в Ирак помогла Анкаре поставить под вопрос утверждение в конгрессе США болезненной резолюции о признании геноцида армян в Османской империи. Палата представителей конгресса решила отложить голосование по резолюции до более благоприятного момента. Кроме того, турецкие власти рассчитывают, что решимость Турции самостоятельно расправиться с курдскими боевиками убедит Вашингтон в необходимости совместно с Ираком перейти к активным действиям против КРП. В частности, в ноябре 2008 г. Турция, США и Ирак договорились о создании совместного комитета по борьбе с экстремистами КРП. Немаловажно, что США признают КРП террористической организацией. Впрочем, решение проблемы боевиков КРП находится в руках не Багдада, а курдской администрации Ирака. Таким образом, территории, населенные курдами, в новых геополитических условиях становятся узлом не только этнических,

но и межгосударственных противоречий на Ближнем и Среднем Востоке, особенно учитывая усложнившиеся американо-турецкие отношения.

В заключение следует отметить, что у курдов существуют традиционные исторические связи с Россией. Курды, проживающие в России, пользуются теми же правами, что и остальные граждане РФ. Сами курды подчеркивают, что в нашей стране они имеют больше прав и возможностей, чем в Турции. В частности, в России не запрещено говорить на курдском языке, сохранять и развивать культуру, традиции и обычаи. При этом курдская община традиционно демонстрировала дружественное отношение к русскому народу.

Необходимо учитывать, что, по словам представителей основных курдских движений, Россия является мировой силой и может сделать очень многое для решения курдской проблемы. Исходя из этого, курды призывают Москву занять более активную позицию по этому вопросу. В 2007 г. лидер курдской автономии Ирака Барзани обратился к руководству России с предложением принять участие и выступить посредником в решении курдской проблемы. Курдская общественность очень позитивно восприняла осуждение МИДом и Госдумой России вторжения Турции в Северный Ирак. Кроме того, Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ и Международный союз курдских общественных объединений в августе 2008 г. направили президенту России Д.А.Медведеву письмо, в котором приветствовали решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

Являясь членом Совета Безопасности ООН и других авторитетных международных организаций, РФ может содействовать активизации внимания к курдскому вопросу с целью недопущения войны на курдских территориях. Необходима четкая реалистическая позиция российских властей в мирном решении курдского вопроса.

При этом у России отсутствуют отношения с политическими партиями и организациями турецких курдов. Сближению Москвы и Анкары значительно поспособствовал отказ России от косвенной поддержки Курдской рабочей партии. Однако Москва отказывается признать КРП террористической организацией, хотя на этом последовательно настаивает Турция.

Вместе с тем интенсивные российско-турецкие деловые связи создали ситуацию взаимозависимости обеих стран в тор-

гово-экономической и энергетической сфере, что ведет к становлению и развитию политического партнерства России и Турции. Соответственно, позиция Москвы по курдскому вопросу не должна препятствовать ее политическому сближению с Анкарой, особенно учитывая тот факт, что в последние годы правительство Турции стремится решать курдскую проблему в основном цивилизованными демократическими методами. Кроме того, Москва может воспользоваться разногласиями в союзнических отношениях Анкары с Вашингтоном из-за поддержки США курдской автономии Ирака, которая обострила ситуацию на юго-востоке Турции. Позиция США по курдскому вопросу способствует дальнейшему отходу Турции от проамериканского курса во внешней политике, и сложившиеся условия содействуют укреплению регионального партнерства Москвы и Анкары.

Резюмируя, следует отметить следующие достижения Турции в направлении соответствия Копенгагенским критериям ЕС.

В политической сфере Еврокомиссия требовала укрепить законодательные и конституционные гарантии свободы слова в соответствии со статьей 10 Европейской конвенции по правам человека. Ратифицировать Международную конвенцию о гражданских и политических правах и ее дополнительный протокол, а также Международную конвенцию об экономических, социальных и культурных правах. Гарантировать отсутствие дискриминации и предоставление всех прав человека и фундаментальных свобод всем гражданам вне зависимости от языка, расы, цвета кожи, пола, политических и философских взглядов, религии. Создать условия для реализации свободы мысли, сознания и вероисповедания. Обеспечить культурное разнообразие и гарантировать культурные права всем гражданам вне зависимости от происхождения. Следовало аннулировать все законодательные положения, противоречащие данным правам, в том числе в сфере образования. Укрепить законодательные и конституционные гарантии свободы собраний, мирных демонстраций и содействовать развитию гражданского общества. Укрепить законодательные положения и предпринять все необходимые меры для борьбы с применением пыток в соответствии с Европейской конвенцией о предотвращении пыток. Привести законодательные процедуры, касающиеся предварительного заключения, в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека и рекомендациями Комитета

по предотвращению пыток. Привести условия содержания в тюрьмах в соответствие со Стандартом ООН минимальных правил обращения с заключенными. Усилить возможности правовой помощи в случаях нарушений прав человека. Обеспечить осуществление данных законодательных реформ и их согласованность с государствами-членами ЕС.

Усовершенствовать функционирование и эффективность правосудия, включая Суд государственной безопасности, в соответствии с международными стандартами. В особенности интенсифицировать обучение судей и обвинителей законодательству Европейского Союза.[276]

Упразднить все законодательные положения, запрещающие турецким гражданам использование родного языка в теле- и радиовещании. Стремиться к снижению регионального неравенства и улучшению ситуации на юго-востоке страны с целью повышения социально-экономических и культурных возможностей всех граждан. Отменить чрезвычайное положение в юговосточном регионе. В соответствии с пунктом 4 Хельсинских заключений, принципам мирного урегулирования согласно Уставу ООН, в контексте политического диалога найти решение всех пограничных споров.

Турецкими властями были пересмотрены положения Конституции, касающиеся прав и свобод, а именно, свободы выражения и распространения идей, науки, искусства и прессы. В частности, были внесены изменения в закон о прессе в сфере наказаний за нанесение оскорблений. Важным аспектом закона о СМИ стало положение об их праве не оглашать источники своей информации. Частным и государственным средствам массовой информации были разрешены публикации и вещание на языках этнических меньшинств. Вещание на курдском, боснийском, арабском и греческом языках стартовало в июне 2004 г. Частные учебные заведения получили возможность включать в свои программы курсы по изучению этих языков. Подписаны протоколы № 4 и № 7 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и фундаментальных свобод. Подписан протокол № 12 Конвенции СЕ о защите прав человека и основных свобод, запрещающий дискриминацию на любых основаниях.

Усилены конституционные гарантии равноправия полов. В октябре 2001 г. Турция отменила понятие «глава семьи» в статье 41 Конституции и предоставила равные права и обя-

занности супругам. Подписан дополнительный протокол к Конвенции Организации Объединенных Наций об упразднении всех форм дискриминации женщин. Новый закон о труде предусматривал равенство между полами в зарплате и занятости, а также декретный отпуск. В мае 2004 г. в статью 10 конституции была внесена поправка, согласно которой государство стало ответственным за обеспечение и реализацию на практике равенства между полами. Подписана Конвенция ООН об упразднении всех форм расовой дискриминации.

Были усилены конституционные гарантии неправительственным организациям и институтам социально-экономической демократии. Подписана Европейская хартия о социальных правах и дополнительный протокол к ней. Ликвидированы все конституционные ограничения на право рабочих союзов и ассоциаций служащих, касающиеся права на забастовки на справедливых основаниях. Пересмотрено законодательство, касающееся свободы ассоциаций, проведения митингов и демонстрационных шествий. Подтверждены права рабочих союзов и ассоциаций служащих на базе конвенции № 87 «О свободе ассоциации и защите прав на организацию» от 1948 г., конвенции № 98 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров» от 1949 г. и Европейской хартии о социальных правах.

Реализован проект обучения правам человека в рамках Министерства внутренних дел и его аффилированных ведомств в течение 2000–2007 гг. Инициировано взыскание штрафа с государственных чиновников за нарушение закона в соответствии с решениями Европейского суда по правам человека. Министерство юстиции начало осуществлять более эффективный контроль и наблюдение за положением в тюрьмах от лица чиновников государственного управления и главных государственных обвинителей. Приняты законодательные положения об ответственности за применение пыток. Турецкие судьи и обвинители обучаются правам человека в государствах-членах ЕС и судебной практике в Европейском суде в Страсбурге. Пересмотрены положения, которые могут нарушать независимость правосудия, и реструктурирован Верховный совет судей и государственных обвинителей. В мае 2004 г. ВНСТ одобрило конституционную поправку, запрещающую суды государственной безопасности, приговоры которых не подлежали обжалованию. Была отменена 143-я статья Конституции, регламенти-

рующая их работу. Пересмотрен Военный уголовный кодекс, закон № 353 об учреждении и процедурах военных трибуналов и закон № 1602 о Верховном военном административном суде.

Совет национальной безопасности, являвшийся конституционным органом, получил статус консультативного органа в сфере национальной безопасности. В свете принятых 3 октября 2001 г. конституционных поправок гражданская часть СНБ была расширена. В него вошли три заместителя премьер-министра и министр юстиции. Его решения направляются правительству в качестве рекомендательных. Его бюджет находится под контролем парламента, и возглавляет СНБ президент. По сути, турецких военных в соответствии с европейскими критериями постепенно «выдавливают» из политики.

Парламент Турции отменил чрезвычайное положение в ряде вилайетов на юго-востоке страны, исключил из Закона о борьбе с терроризмом статью 8, предусматривавшую тюремное заключение за пропаганду, наносящую ущерб целостности государства. Закон предусматривал компенсацию людям, пострадавшим «от деятельности террористических организаций и в результате мер, предпринятых государством в ходе борьбы с терроризмом».[277] Это позволило Совету Европы завершить мониторинг ситуации в стране. 26 сентября 2004 г. парламент Турции принял проект нового Уголовного кодекса. В новом УК, как этого и требовал Брюссель, большое внимание было уделено защите прав женщин. Новый кодекс предусматривал пожизненное заключение за убийство женщин «во имя чести».

В рамках деятельности правительства по обеспечению социальной защиты граждан подписана Конвенция «О запрете и незамедлительных мерах по ликвидации наихудших форм эксплуатации труда детей и молодежи» № 182 от 1999 г. Предприняты меры по претворению в жизнь Конвенции МОТ № 159 о профобучении инвалидов и занятости недееспособных граждан.

С целью обеспечения свободы вероисповедания предприняты меры по реализации законодательства, касающегося защиты государственного порядка и облегчения религиозной практики иностранцам-немусульманам, проживающим в Турции.

В экономической сфере Еврокомиссия требовала обеспечить осуществление текущей дезинфляции и программы структурных реформ, согласованной с МВФ и Мировым банком, в частности, гарантировать контроль над государственными расходами. Осуществить реформу финансового сектора, нацеленную на обеспе-

чение транспарентности контроля. Осуществить реформу сельского хозяйства. Провести приватизацию государственных предприятий, учитывая социальный компонент. Обеспечить стабильную выплату пенсий и систему социального страхования. Обеспечить повышение уровня образования и здоровья, уделяя особое внимание молодому поколению и отсталым регионам.

Турецким правительством были проведены реформы в банковском, социальном и сельскохозяйственном секторах. Осуществлена гармонизация банковского сектора с нормами ЕС в сфере прозрачности рисков и регистрационной системе. Принят закон № 4672 о банковском праве, согласно которому турецкое банковское законодательство было приведено в соответствие с международными стандартами. Закон № 4684 содержал в себе положения о том, что финансовая структура государственных банков не может изменяться политическими решениями, а также ограничивал их налоговые убытки. Закон № 4651 о правах Центробанка предоставлял ему полную оперативную независимость в поддержании ценовой стабильности. Финансовая система стала функционировать в соответствии с рыночными условиями. С целью обеспечения стабилизации финансовой системы и реструктуризации государственных банков был принят закон о бюджете № 4640. Страхование депозитов было конвергировано на уровне ЕС. Была осуществлена приватизация основных государственных предприятий через блоковую распродажу и открытую эмиссию новых акций. Начала проводиться жесткая налоговая политика, нацеленная на снижение бюджетного дефицита, который порождает инфляцию.

Существенно улучшена сельскохозяйственная инфраструктура, внедрена техника, приближающаяся к уровню Евросоюза. В 2000 г. вступил в силу закон, позволяющий сельскохозяйственным кооперативам и союзам иметь автономию на предоставление ценовой поддержки агропромышленной продукции, а также предусматривающий налогово-административный аудит и ликвидацию неэффективных предприятий.

В сфере внутреннего рынка Еврокомиссия определила следующие стандарты. Право на интеллектуальную и промышленную собственность: законодательно обеспечить право на интеллектуальную собственность и усилить борьбу с пиратством. Свободное передвижение товаров: ускорить сертификацию и определение соответствия и маркировку, усилить существующий контроль над рынком, устранить технические барье-

ры в торговле. Укрепить рыночный надзор над сертификацией и структуры определения соответствия. Свободное движение капитала: ликвидировать ограничения для иностранных инвесторов. Конкурентная политика: принять законодательство, обеспечивающее подотчетность государственного контроля над субсидиями с целью создания основы для транспарентности. Государственные закупки: система государственных приобретений должна стать более прозрачной и подотчетной.[278]

В сфере права на интеллектуальную и промышленную собственность турецким правительством был принят закон о праве на интеллектуальную собственность № 4630, содержащий в себе директивы Европейского Совета (92/100/ЕЭС, 93/83/ЕЭС), положения Бернской и Римской конвенций, договор ВОИС по авторскому праву и об исполнениях и фонограммах. 27 января 2000 г. была ратифицирована Европейская патентная конвенция. 1 декабря 2000 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сближение законодательной, административной и технической деятельности Турецкого патентного института и Товарного и конструкторского бюро Евросоюза (Бюро гармонизации внутреннего рынка).

Что касается свободного движения капитала, то закон № 4651 обязывает Центробанк регулировать объем и циркуляцию турецкой лиры, устанавливать выплаты, перевод ценных бумаг и систему ликвидаций. Для достижения соответствия стандартам Экономического и валютного союза представлялось необходимым модифицировать закон о Центробанке для участия в Европейской системе центральных банков и обеспечить его независимость от правительства. Закон № 1211 постановил, что первостепенной задачей ЦБ Турции является поддержание ценовой стабильности, образование платежных систем и ответственность за их функционирование, государственная власть не может оказывать влияние на принятие решений Центробанком, кроме того, утверждается его институциональная независимость, он имеет право на сбор статистических данных о физических и юридических лицах.

Технические резервы страховых компаний не могут инвестироваться в зарубежные предприятия. Турецким гражданам предоставляются услуги лицензированных турецких страховых компаний.

19 августа 2001 г. вступило в силу постановление о правилах учреждения и деятельности факторинговых компаний, даю-

щее право зарубежным факторинговым компаниям действовать в новых отраслях. Постановление о правилах учреждения и деятельности компаний, предоставляющих потребительские кредиты, дает право действовать зарубежным компаниям данного направления в новых отраслях.

В сфере социальной политики Еврокомиссия призывала соблюдать права профсоюзов и отменить ограничения на их деятельность. Ликвидировать все формы дискриминации на основании пола, расы, этнического происхождения, религии, вероисповедания, недееспособности, возраста. Адаптировать законодательство ЕС в сфере трудового права, равноправия полов, гигиены и безопасности труда, общественного здравоохранения, координировать социальное страхование. Совершенствовать систему социальной защиты, провести реформу социального страхования с целью достижения финансовой стабильности и укрепления его сети. Контролировать рынок рабочей силы и социальное развитие с целью участия в Европейской стратегии занятости.[279]

31 марта 2001 г. был принят закон № 4632 об индивидуальных пенсиях и накопительной системе. 25 июня 2001 г. ВНСТ ратифицировало билль о профсоюзах госслужащих. Принят закон, запрещающий занятость в промышленности детей до 15 лет. Приняты постановления, ликвидирующие половую дискриминацию в сфере социального страхования.

Одобрив предпринятые изменения, 6 октября 2004 г. Еврокомиссия опубликовала отчет, в котором рекомендовала начать переговоры с Анкарой. Согласно документу, Турция выполнила все требования, выдвигавшиеся перед ней как условия начала переговоров о ее вступлении в Евросоюз. Отмечалось, что страна достигла впечатляющего законодательного прогресса во многих областях. В значительной степени осуществлены политические реформы, основанные на конституционных и законодательных поправках в соответствии с программой вступительного партнерства, но необходимо в дальнейшем их усилить и расширить.

В частности, указывалось на существенный прогресс в достижении экономической стабильности и предсказуемости. Снизилось политическое вмешательство в экономику, институциональная основа регулирования приблизилась к мировым стандартам.

В политической области повысился контроль правительства над военными. Хотя вооруженные силы Турции продол-

жают оказывать влияние на политику через ряд неофициальных каналов.

Укреплена независимость и эффективность правосудия. Введена процедура обжалования судебного приговора в Европейском суде по правам человека, если его положения противоречат европейским правовым конвенциям. Закреплен их приоритет над местным законодательством.

Особо отмечалось, что Турция присоединилась к основным международным и европейским конвенциям, касающимся соблюдения прав человека и основных свобод. Власти Турции заняли политику нулевой терпимости по отношению к пыткам, некоторые нарушители были осуждены. Пытки больше не практикуются систематически, но по-прежнему имеют место многочисленные случаи жестокого обращения с заключенными.

При этом Еврокомиссия указывала на сохраняющееся несоответствие определенным стандартам ЕС. Соблюдение прав женщин все еще неудовлетворительно; основными проблемами остаются насилие по отношению к женщинам и «убийства во имя чести». На практике существует дискриминация женщин в зарплате. Наблюдается невысокая степень участия женщин в политике: из 550 членов парламента только 23 – женщины. Права детей были укреплены, но вызывает беспокойство сохранение детского труда. Хотя свобода вероисповедания гарантирована конституцией, немусульманские религиозные общины продолжают сталкиваться с определенными проблемами. Журналисты, писатели и издатели по-прежнему приговариваются к уголовной ответственности на основаниях, противоречащих стандартам Европейского суда по правам человека. Турция не подписала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств и признает лишь религиозные меньшинства. Должна гарантироваться публичность суда, и защитнику необходимо предоставлять немедленный и конфиденциальный доступ к подозреваемому, независимо от вида преступления.[280]

За последние годы Турция начала процесс «приобщения» к европейским ценностям (Копенгагенским критериям) в гуманитарной и правовой областях. Что же касается соответствия критериям в экономической сфере, то это может быть только результатом долговременных «болезненных» реформ. Вместе с тем необходимо понимать, что «требуемые» от Турции для вступления в ЕС изменения зависят в основном от политической воли и эволюции общественной ментальности.

Многие влиятельные турецкие военные убеждены, что большинство выдвигаемых ЕС условий губительны для страны. В последнее время с ними все чаще соглашаются представители других слоев общества. Все более популярным в стране становится мнение о том, что на самом деле, кормя Анкару обещаниями принятия, ЕС пытается вынудить Турцию пойти на уступки в отношении курдов, Кипра, территориальных споров с Грецией вокруг островов в Эгейском море, – а затем захлопнуть двери перед ослабшей и разделенной страной.

Вместе с тем представители турецких академических кругов указывают на тот факт, что внутренние проблемы Турции неизбежно попадают в круг задач ЕС. Это означает, что постепенно политическое и экономическое развитие Турции становится частью европейского пространства.[281]

## 2. Проблемы экономики Турции и образования таможенного союза с ЕС

Экономические проблемы Турции начинаются с ее громоздкого государственного сектора. Вместо того чтобы снижать расходы на выплату заработных плат правительственным служащим и проводить приватизацию, популистские правительства 80–90-х гг. продолжали скудное субсидирование предприятий и повышали заработные платы. Политика субсидирования госсектора привела к нарушению внутрихозяйственных балансов, явилась причиной валютных трудностей. Рос дефицит бюджета, на фоне чего повышался уровень инфляции. Политика экономического либерализма с опорой на частное предпринимательство и рыночные механизмы при умелом направлении хода реформ со стороны государства позволила в течение 80-х гг. вывести экономику Турции из кризиса, придать ей динамизм и экспортную ориентацию в крупных секторах промышленности, банковском деле и сфере услуг, обеспечить реальный рост доходов населения и переход к конвертируемости турецкой лиры. Все изменилось коренным образом: начала развиваться Стамбульская фондовая биржа, и значительно увеличился внешнеторговый оборот, пусть даже это привело к огромному торговому дефициту. Благодаря проведенным реформам турецкие рынки ценных бумаг стали полностью открытыми для иностранных инвесто-

ров и не создают никаких преград на пути вывоза за рубеж капиталов и прибыли.

Внешнеторговый сектор для Турции является одним из важнейших источников динамичного экономического развития страны. С одной стороны, это объясняется относительной недостаточностью собственной ресурсной базы, что объективно обусловливает зависимость турецкой экономики от мирового рынка. С другой стороны, экспорториентированность экономики Турции, ее значительный промышленный потенциал предопределяют энергичную работу местных фирм по продвижению своих товаров на внешних рынках.

В структуре турецкого экспорта на первом месте стоят так называемые потребительские товары – продукция легкой промышленности и агропромышленного сектора. Кроме того, в последние годы в экспорте страны возросла доля продукции машиностроения и металлообработки, а также химической промышленности, что является результатом структурных изменений турецкой экономики и целенаправленной государственной политики стимулирования экспорта. Ежегодные расходы Турции на импорт обычно намного превышали доходы от экспорта.

Внешнеторговые связи Турции традиционно сориентированы на западноевропейский рынок. Основными импортерами турецкой продукции являлись Германия (на нее приходилось около четверти экспортируемых товаров), Италия, Франция, Великобритания, Нидерланды, США, страны СНГ, Саудовская Аравия. Основными поставщиками импортных товаров являлись Германия, Италия, Франция, США, Саудовская Аравия.

В 1992 г. ВВП вырос на 6,4%.[282] Экономический рост стимулировался частным потреблением и частными инвестициями. Решения органов Евросоюза по турецкой заявке о полноправном членстве способствовали активизации усилий Турции по претворению в жизнь программы снижения таможенных пошлин и адаптации к Единому внешнему тарифу (ЕВТ) ЕС, закрепленной в Дополнительном протоколе 1970 г. В ноябре 1992 г. на заседании Совета по ассоциации было достигнуто общее понимание о завершении процесса формирования таможенного союза Турции и ЕС в конце 1995 г.

Тем временем в 1993 г. рост в сельском хозяйстве составил 1,8%, что являлось самым низким показателем по сравнению с остальными секторами. При этом его доля в ВВП – 17%, была слишком высокой по сравнению с 3,9%

в ЕС. На весь Евросоюз приходилось 10,3 млн. фермеров, в Турции их было 26 млн.[283]

Кроме того, ЕС считал меры государственного содействия экспорту проявлением несправедливой конкуренции. Турецкое правительство вынуждено было считаться с подобными требованиями ЕС. Исходя из этого, к 1993 г. турецкая сторона ускорила реализацию соответствующих мероприятий, а в октябре того же года во все государственные организации Турции был разослан утвержденный президентом Демирелем циркуляр премьер-министра, в котором указывалось на «необходимость поэтапной отмены всех поощрительных мер и субсидий, не соответствующих законодательству ЕС». В циркуляре было заявлено, что с 1 января 1995 г. Турция будет применять используемые Евросоюзом правила ГАТТ. Было дано указание до 31 декабря 1994 г. привести национальное законодательство в области поощрительных мер к нормам ЕС.[284] На деле подобные мероприятия означали полную ликвидацию прямых денежных субсидий (таких, например, как субсидии на транспортные цели или экспортным отраслям) и ряда налоговых льгот.

Наконец, 8 ноября 1993 г. Совет по ассоциации Турции с ЕС принял резолюцию, подтверждающую намерение сторон заключить таможенный союз согласно графику, установленному Анкарским соглашением и Дополнительным протоколом. Протокол Совета Ассоциации обусловил переход Турции к режиму таможенного союза принятием и введением в действие ряда отвечающих нормам ЕС законов: о защите прав потребителя, о защите авторских прав и интеллектуальной собственности, о защите конкуренции, о мерах государственной поддержки и антидемпинговых мерах, о государственных закупках, а также нового Таможенного кодекса. Одновременно Турция должна была принять в качестве национальных нормативных актов технические директивы ЕС по промышленной продукции.[285]

Однако сочетание высокого дефицита бюджета и платежного баланса, а также резкий рост внешней задолженности привели к серьезному финансовому и обменному кризису в начале 1994 г., который привел к снижению ВВП. Результатом стал заметный рост займов на внутреннем рынке и резкое обесценение турецкой лиры по отношению к основным валютам, что нанесло значительный ущерб банковскому сектору. Экономика Турции очень страдала от высокой инфляции. Хотя в 1994 г. турецкое правительство приняло закон о всеобъемлющей приватизации,

его осуществление продвигалось крайне медленно. Был инициирован, но не завершен процесс приватизации основных государственных предприятий, таких как воздушный транспорт и телекоммуникации. Некоторые сектора, например сфера услуг, начинали приоткрываться, но для доступа инвесторов в финансовый и банковский сектор по-прежнему было необходимо специальное разрешение правительства.

5 апреля 1994 г. правительство обнародовало Стабилизационную программу, основой которой являлись меры по уменьшению бюджетного дефицита. Усилия по ограничению государственных расходов и увеличению налоговых поступлений были дополнены структурными реформами, которые включали в себя приватизацию, реформу налогообложения, пересмотр политики поддержки сельского хозяйства и реформирование банковского сектора. В результате был достигнут положительный платежный баланс. Снижение бюджетного дефицита было обусловлено консолидацией бюджета. Показатель консолидированного бюджетного дефицита по отношению к ВНП сократился до 3,9%. Основным препятствием для дальнейшего снижения бюджетного дефицита были значительные выплаты по процентам внутреннего долга. Это демонстрировал бюджетный баланс, не связанный с выплатой процентов, профицит которого составил 3,8% ВНП.[286] В декабре 1994 г. вступил в силу закон о защите конкуренции, который обеспечивал всеобъемлющий запрет ограничения конкуренции и контроль за слияниями. Более того, в статью 167/1 Конституции было внесено положение, согласно которому государственные власти были обязаны гарантировать и обеспечивать стабильное функционирование рынка, а также препятствовать образованию монополий и картелей.

В процессе подготовки к созданию таможенного союза с ЕС Турция в торговле со странами, входящими в эту организацию, снизила пошлины на импортные товары с 19,7% в 1993 г. до 12,8% в 1994 г. Рост экспорта в сочетании со снижением импорта вследствие экономической рецессии привел к существенному снижению торгового дефицита с 14,2 млрд. долл. в 1993 г. до 4,2 млрд. долл. в 1994 г. Параллельно положительное сальдо составляло 2,6 млрд. долл. в 1994 г. по сравнению с отрицательным сальдо 6,4 млрд. долл. в 1993 г.[287]

В 1994 г. была создана и 11 января 1995 г. вступила в силу новая система, названная Государственная помощь экспорту,

которая была разработана в соответствии с нормами ВТО, ЕС и принципами международной торговли. Новая система, отдавая приоритет малым и средним предприятиям, включала в себя помощь компаниям в следующих областях:

а) исследование и развитие проектов;

б) экологически чистое производство;

в) участие в международных ярмарках и выставках за границей;

г) организация международных ярмарок и выставок в Турции;

д) проекты по исследованию рынка;

е) управление торговыми представительствами турецких компаний за рубежом.

Однако с 1995 г. курс на экономическую модернизацию начал давать сбои. Постоянно рос дефицит платежного баланса Турции. Несмотря на высокий темп роста национальной экономики и высокие доходы от экспорта, с выплатой долгов страна справиться не могла и работала преимущественно на их погашение. Экономика Турции была несвободна от высоких темпов инфляции. Турецкая лира была включена в число наиболее неблагополучных денежных единиц мира. Вместе с тем увеличились инвестиции, внеся ключевой вклад в рост ВВП, что было вызвано ростом промышленности и торговли. При этом вырос сектор услуг и сельскохозяйственный сектор. Кратко резюмируя, можно сказать, что структурные диспропорции, финансовая несбалансированность, социальные проблемы заметно ухудшали позиции Турции в будущем таможенном союзе.

Тем не менее 6 марта 1995 г. в Брюсселе было подписано соглашение о создании таможенного союза Турции и ЕС. Это достижение явилось важным моментом на ее пути к полноправному членству в Евросоюзе. Создание таможенного союза завершило второй, собственно переходный этап интеграции страны в эту организацию. Для Анкары это была серьезная победа в деле дальнейшего развития и модернизации экономики, которая развивалась в условиях жесткой защиты внутреннего рынка протекционистскими барьерами и при серьезной поддержке со стороны государства.

В соответствии с положениями соглашения о таможенном союзе Турция приняла меры по адаптации коммерческой политики ЕС в следующих областях:

– общие правила импорта;

– применение квот;

– защита от демпинга и дотационного импорта;

– инструменты новой коммерческой политики;
– общие правила импорта из некоторых третьих стран;
– общие правила на импорт текстиля;
– автономные соглашения по импорту текстиля;
– общие правила экспорта;
– кредиты официально поддерживаемым экспортерам;
– стандартизация внешней торговли;
– преференциальный режим ЕС.

Кроме того, были отменены пошлины во взаимной торговле промышленными товарами, Турция прекратила практику взимания с импорта из стран ЕС сбора в Фонд массового жилищного строительства, были полностью ликвидированы количественные ограничения, в частности квоты на турецкую текстильную продукцию, а также контингенты, ограничивавшие импорт турецких продуктов нефтепереработки. Турция обязалась устранить технические барьеры в торговле (статья 8); гармонизировать коммерческую политику путем адаптации к преференциальному таможенному режиму ЕС (статья 16); запретить государственные монополии (статья 42). Турция была обязана отказаться от применяемого до 1995 г. прямого субсидирования экспортеров за счет государственного бюджета и перейти к некомпенсационным мерам поддержки экспорта, включающим финансирование природоохранительных мероприятий и маркетинговое содействие продвижению турецких товаров на рынок ЕС. Любая помощь, предоставляемая через государственные источники в любой форме, угрожающей конкуренции и покровительствующей отдельным предприятиям и продукции, противоречила таможенному союзу. Лишь следующие пункты считались совместимыми с функционированием таможенного союза: а) социальная помощь, предоставляемая потребителям при условии отсутствия дискриминации продукции, к которой она имеет отношение; б) помощь для возмещения убытков, причиненных стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями; в) в течение пяти лет после вступления в силу данного соглашения помощь для экономического развития наименее развитых регионов Турции при условии, что она не нанесет ущерб взаимной торговле сторон и не будет противоречить общим интересам (статья 34). Таким образом, средний уровень протекционизма для Турции снизился с 23,7% до 6,5%.[288]

Более того, Анкара должна была применять Единый таможенный тариф в отношении импорта из стран, не входящих

в ЕС. Турция обязалась упразднить таможенные пошлины в течение 5 лет на импорт промышленных товаров из третьих стран, связанных с Евросоюзом торговыми договорами (статья 13). В соответствии с положениями таможенного союза (статья 12), Турция приняла ограничения на текстиль и одежду, предусматривающиеся мерами Общей коммерческой политики ЕС согласно статье 24 ГАТТ 1994 г. В рамках этой политики Евросоюз предусматривал количественные ограничения и меры по надзору над данной продукцией. В свою очередь, ЕС отказался от одностороннего ограничения торговли текстилем с Турцией. Анкара обязалась согласовать правила конкуренции и привести законодательство в данной области в соответствие с нормами ЕС, а также принять закон о защите интеллектуальной собственности с целью достижения уровня защиты, соответствующего стандартам Евросоюза. Традиционные сельскохозяйственные продукты было намечено включить в таможенный союз после принятия Турцией Общей сельскохозяйственной политики ЕС.

В качестве органа, ответственного за ровное функционирование взаимной торговли и разрешение технических споров, был учрежден Совместный комитет по таможенному союзу. Заседания комитета должны были проходить, по меньшей мере, раз в месяц. Кроме того, была принята резолюция, обеспечивающая интенсификацию сотрудничества ЕС и Турции в области промышленности, энергетики, транспорта, телекоммуникаций, сельского хозяйства, окружающей среды, науки, статистики, правосудия, защиты потребителя, культуры, информации и коммуникаций.[289]

Несомненно, открытие турецкого рынка для товаров из стран ЕС, а также значительное ослабление протекционистских мер в отношении продукции третьих стран (в силу принятия Единого внешнего тарифа Евросоюза) требовало серьезной структурной перестройки турецкой промышленности. 29 декабря 1995 г. турецким правительством был принят декрет № 564, учреждающий правила, соответствующие таможенному кодексу ЕС. Таможенный союз между Турцией и Евросоюзом для промышленных и обработанных сельскохозяйственных товаров вступил в силу 31 декабря 1995 г. В 1995 г. данный вид товаров составил 93% объема торговли между Турцией и ЕС.[290]

С целью адаптации индустриального сектора к новой конкурентной ситуации, ставшей результатом таможенного союза,

и усовершенствования инфраструктурных связей с ЕС (дорожного транспорта, портов, аэропортов, железных дорог, телекоммуникаций и электрификации), а также для сокращения разрыва в уровне развития экономик Турция нуждалась в значительных источниках финансирования, особенно в долгосрочных займах и технической помощи. Страны, входившие в ЕС, обязались существенно расширить финансовое сотрудничество с Анкарой. Однако прямым инвестициям Евросоюза в Турцию препятствовала политическая и экономическая нестабильность, бюрократия, коррупция и несовершенная конкуренция.

Тем не менее у Анкары появилась возможность воспользоваться долго блокировавшимся Грецией Четвертым протоколом, который обеспечивал Турции 600 млн. ЭКЮ. В дополнение к подписанному в Брюсселе соглашению о таможенном союзе было опубликовано заявление, согласно которому Анкаре из бюджета ЕС будет выделена помощь в 375 млн. ЭКЮ со сроком погашения в пять лет.[291] Однако из-за противодействия Греции выполнение этого пункта соглашения так и не началось.

Вместе с тем финансовое сотрудничество предполагалось основывать на следующих моментах:

– значительные бюджетные средства (в первую очередь 375 млн. ЭКЮ) было намечено выделять Турции в течение пяти лет, начиная с 1996 г.;

– стране был предоставлен доступ к фондам в соответствии с новой средиземноморской политикой для финансирования инфраструктурных проектов в сфере окружающей среды, энергетики, транспорта и телекоммуникаций (приблизительная сумма – 400 млн. ЭКЮ в зависимости от видов проектов, представленных Турцией);

– предусматривались дополнительные займы ЕИБ в течение пяти лет, начиная с 1996 г., с целью роста конкурентоспособности турецкой экономики вследствие вступления в силу таможенного союза.[292]

В 1996 г. система государственной помощи Турции в виде освобождения от налогов и льготного кредитования составляла лишь в сельском хозяйстве 7,5% ВВП. Закупки по завышенным ценам и дотации на удобрения ложились серьезной нагрузкой на бюджет. Доля агропромышленного комплекса в ВВП достигала 14%. Уровень использования производственных мощностей и данные промышленного производства свидетельствовали о дальнейшем экономическом росте, более того, в 1996 г.

ВВП увеличился на 7,4%. В основном это объяснялось повышением внутреннего спроса, прежде всего на товары длительного пользования, например, автомобили.[293]

Соглашение о таможенном союзе вступило в силу 1 января 1996 г. Для ЕС среди привлекательных сторон таможенного союза с Турцией важно отметить возможность использовать средний по размерам рынок, в том числе для экспансии в восточном направлении, прежде всего в Центральную Азию. При этом ЕС сохранял квоты и таможенные тарифы в отношении продукции текстильной промышленности из третьих стран, которые были распространены на Турцию. Импортные сертификаты были отменены в 1996 г., но ряд товаров по-прежнему подлежал импортному лицензированию, частично это было связано с принудительным соблюдением стандартов. В 1996 г., когда был впервые принят новый импортный режим Турции, средневзвешенный размер импортного тарифа составлял 5,7%.[294] Несмотря на тенденцию, тем не менее он остался высоким по сравнению с применяемыми тарифами в рамках ЕС. При этом отсутствовало эффективное сотрудничество между Турцией и Евросоюзом в области стандартизации, контроля качества, аккредитации, тестирования и сертификации.

Вступление в таможенный союз весьма по-разному оценивалось в Турции. Правящие круги были склонны считать это важным этапом на пути полной интеграции в Европу. Исламисты, напротив, критиковали таможенный союз с ЕС в частности из-за возникновения барьеров в торговле с третьими странами. Эксперты отмечали, что эффект вступления в таможенный союз далеко неоднозначен для страны. Во-первых, облегчение товарообмена между членами ЕС и Турцией при более высокой конкурентоспособности европейских товаров не было особо выгодным для последней. Во-вторых, предоставляя подобную льготу странам ЕС, Турция в то же время не получала возможности участвовать в принятии общих для Евросоюза решений в вопросах торговли. Значение вступления в таможенный союз снижалось еще и потому, что оно совсем не гарантировало Турции успешного прохождения следующих этапов на пути в ЕС. В 1996 г. на фоне слабой положительной динамики экспорта резко возрос импорт, прежде всего из стран Евросоюза. Турецкий экспорт вырос на 4,2%, составив 23,2 млрд. долл., в то время как импорт вырос на 37,2%, составив 43,6 млрд. долл.[295] В частности, импорт сырья вырос на 19%, машин и оборудова-

ния на 9%, потребительских товаров на 50%. При этом на ЕС приходилось 11,6 млрд. долл. торгового дефицита.[296] Это объясняется, с одной стороны, замедлением роста потребительского спроса в некоторых европейских государствах, являющихся крупными торговыми партнерами Турции, в частности, в Германии и Италии, и с другой стороны, возрастающей конкуренцией со стороны стран Восточной Европы и Китая.

С 1 января 1996 г., когда вступили в силу все ограничения и меры по надзору, Турция стала проводить согласованную с ЕС политику в отношении 52 стран. Более того, Анкара гармонизировала тарифы и соответствующие пошлины на импорт промышленных товаров из третьих стран, согласно Единому внешнему тарифу ЕС. Для наименее развитых стран Анкара упразднила таможенные пошлины для промышленных товаров. В результате предпринятых мер сборы Турции с импорта промышленной продукции, произведенной в ЕС, были ликвидированы, а с импорта данной продукции из третьих стран сокращены с 10,8% до 6%.[297]

Кроме того, Турция привела свое законодательство в соответствие со стандартами ЕС в области интеллектуальной, промышленной и коммерческой собственности и претворила в жизнь законы, касающиеся защиты потребителя и конкуренции. Турция приняла новый таможенный кодекс, который соответствовал таможенному кодексу ЕС. Обеим сторонам отныне было запрещено использовать внутреннее налогообложение в качестве косвенного протекционизма и возмещение налога в качестве субсидий экспортерам. Турция отказалась от большинства программ по стимулированию экспорта, включая энергетические инициативы, бесплатное зерно и субсидии на перевозки. Вместо этого Турция стала применять широкий спектр косвенных мер, включая таможенные льготы и доступ экспортеров к предоставлению преференциальных кредитов. Отсутствие финансовой помощи со стороны ЕС понижало адаптационные возможности турецкой экономики, а необходимыми ресурсами для финансирования ее структурной перестройки ни частный сектор, ни государство не располагали. Несмотря на то, что такие процессы привели к банкротству ряда предприятий, большинство относительно быстро приспособилось к новым условиям. Здесь прежде всего следует отметить, что в структуре быстро возросшего импорта Турции из ЕС преобладали машины и оборудование, доля которых превысила

40%, что свидетельствовало об ускорении процесса оснащения турецкой промышленности качественным современным оборудованием и высокими технологиями из Евросоюза.[298] Таким образом, таможенный союз продемонстрировал способность турецкой экономики справиться с конкуренцией промышленных товаров и соблюдать законы о защите конкуренции и интеллектуальной собственности, и это можно рассматривать как доказательство, что Турция в состоянии выполнять экономические условия Копенгагенских критериев для членства в ЕС.

Однако в целях поддержки отечественных производителей и защиты внутреннего рынка были увеличены ввозные таможенные пошлины на сельхозпродукцию, включая животноводство. Наблюдался существенный рост пошлин на продукты питания, напитки и табак, для этих товаров применялся особо высокий уровень защиты. Турция стала 10-м по значимости торговым партнером ЕС, и около половины ее экспорта было предназначено для Евросоюза. В 1995–1996 гг. Европейский Союз предоставил Турции кредиты в размере 340 млн. ЭКЮ в рамках новой Средиземноморской политики, 205 млн. в рамках программы MEDA-I и 12 млн. как рисковый капитал. В качестве грантов 376 млн. ЭКЮ было предоставлено в рамках программы MEDA-I, 3 млн. для административного сотрудничества и 14 млн. для различных индивидуальных проектов в сфере окружающей среды, борьбы с наркоманией, СПИДом.[299]

Традиционные расходы на государственные предприятия были основным источником фискального дисбаланса Турции. Кроме того, затраты на социальное обеспечение и оплата по процентам являлись главной причиной бюджетного дефицита. Новый законодательный акт о банковской деятельности существенно ограничил деятельность Центробанка в монетизации дефицита. Вместо этого правительство прибегло к внутренним займам на открытом рынке. В результате вырос государственный долг. Это привело к повышению процентных ставок и избыточности частного инвестирования.

Импорт Турции из ЕС возрос до 25 млрд. долл. в 1997 г., составив 51,2%. В частности, импорт инвестиционных товаров составил 6,3%, сырья 7,8%, что демонстрировало сохраняющуюся инвестиционную активность турецкого частного сектора. Однако доля ЕС в валовом экспорте Турции сократилась по сравнению с 51,2% в 1995 г. до 46,7% в 1997 г., составив 12,1 млрд. долл. Среди прочего экспорт инвестиционных това-

ров вырос на 17,7%, сырья на 13,3%, потребительских товаров на 11,4%, их доля в экспорте упала до 52,9%.[300] В документе Еврокомиссии «Повестка дня на 2000 г.» подчеркивалась необходимость усовершенствования и углубления таможенного союза.[301]

Для основных сельскохозяйственных продуктов Турция и ЕС договорились развивать существующий режим преференциальной торговли, с тем чтобы позволить Анкаре адаптировать сельскохозяйственную политику к стандартам Евросоюза. В этой связи в течение 1993–1997 гг. сторонами велись переговоры о возможностях благоприятного доступа на рынок сельскохозяйственной продукции.

Основными торговыми партнерами Турции в ЕС являлись Германия, Италия, Великобритания и Франция. Вместе с тем доля Евросоюза в иностранных инвестициях снизилась до 61,3% в 1997 г. с 85% в 1996 г.[302] Причиной этого стала нестабильная политическая и макроэкономическая ситуация, высокая инфляция и дефицит бюджета.

В 1998 г. ведущие позиции в инвестировании в Турцию занимали Голландия, Германия, Франция, Англия, Швейцария, США. На их долю приходилось более 80% всех инвестиций в экономику Турции. Набирал темпы вывоз турецкого капитала за границу. Общий объем накопленных турецких инвестиций в зарубежные страны составил более 1,6 млрд. долл. В основном они направлялись в европейские страны (Германия, Англия, Нидерланды), Россию, республики Кавказа и Центральной Азии. Благодаря многочисленному населению, динамичному рынку и растущей экономике Турция приобретала большое значение для деловых кругов ЕС. За год ее население увеличилось на 1,6% и являлось одним из крупнейших в Европе. В 1998 г. рост экономики составил 2,8%. При этом инфляция в Турции достигала 70%, что противоречило критериям вступления в ЕС. Правительство инициировало ряд мероприятий, включавших в себя расширение программы приватизации и рост цен на товары, которые производили и реализовывали на рынке государственные предприятия. Вместе с тем покупательная способность составляла лишь одну треть от среднего показателя по ЕС. Помимо этого, в 1998 г. Еврокомиссия констатировала, что турецкий Центральный банк был зависим от правительства. Большинство решений, касающихся кредитно-денежной политики, принимались правительством

или совместно с ним. Центробанк финансировал правительственный дефицит.[303]

Европейская стратегия для Турции призывала к расширению промышленного и инвестиционного сотрудничества, включающему создание соответственной законодательной и административной базы. Помимо этого, отмечалось, что осуществление таможенного союза должно происходить параллельно с повышением конкурентоспособности турецкой промышленности, особенно малых и средних предприятий. Для расширения промышленного сотрудничества планировалось проведение деловых семинаров и программ делового партнерства ЕС – Турция.[304]

Кроме того, крупномасштабные структурные и законодательные реформы турецкого правительства, предпринятые в рамках таможенного союза с ЕС, привели к облегчению доступа на его рынок и появлению более безопасной деловой среды для инвесторов. Турция привела основную часть законодательства в соответствие со стандартами ЕС в области таможенного оборудования, налоговых послаблений, предоставляемых государством кредитов экспортерам, политики конкуренции, государственной помощи, прав интеллектуальной собственности, стандартов, санитарных мер. Турция адаптировалась к промышленным стандартам ЕС, приняла законы о корпорациях, перевозках, окружающей среде, свободном движении услуг, соответствующий стандартам Евросоюза закон об иностранцах.

1 января 1998 г. был установлен преференциальный торговый режим для основных сельскохозяйственных продуктов. В соответствии со статьей 16 соглашения о таможенном союзе Турция заключила договоры о преференциальной торговле с Израилем, Венгрией, Болгарией, Польшей, Румынией, Словакией, Чехией, Эстонией, Латвией, Литвой, Марокко, Тунисом и Египтом. Средний показатель таможенного тарифа сократился до 13%.[305] С другой стороны, по-прежнему существовало значительное разнообразие тарифов и большое число тарифных ставок, в особенности на сельскохозяйственную продукцию. Турция не применяла количественных ограничений кроме квот на текстиль. Однако в начале 1998 г. параллельно с аналогичными действиями ЕС Турция отменила количественные ограничения на текстиль из стран ЦВЕ и Средиземноморья.

В Отчете о развитии Еврокомиссии от 4 ноября 1998 г. указывалось, что Турция обладала основными чертами рыночной экономики, динамичным частным сектором и либеральным торговым законодательством. Также в нем отмечалось, что экономика демонстрировала значительный потенциал для роста, способности к адаптации в рамках таможенного союза, который внес заметный вклад в ее модернизацию. В заключении Еврокомиссия призывала Турцию к обеспечению жизнеспособной рыночной экономики с целью противостояния давлению конкуренции.[306]

Во время кризиса 1998 г. рынок ЕС оказался основным направлением турецкого экспорта. Объем торговли Турции с Евросоюзом достиг 33,6 млрд. долл.[307] 2,5% внешней торговли ЕС приходилось на Турцию, она находилась на втором месте среди стран-кандидатов после Польши, на которую приходилось 3,1%. На Евросоюз приходилось 52,4% турецкого импорта и 50% экспорта.[308]

В 1999 г. страну постигло разрушительное землетрясение с эпицентром в одном из промышленно развитых регионов, унесшее около 20 тыс. жизней и причинившее экономике страны ущерб порядка 10–13 млрд. долл. Темпы роста национальной экономики приобрели отрицательное значение (-6,1% ВВП). Произошло ухудшение многих важнейших показателей финансово-экономического развития Турции: усиление структурных диспропорций, стагнация экспорта и сокращение внешнеторгового оборота, уменьшение доходов от туризма, дальнейшее увеличение размеров внешнего долга и дефицита госбюджета, сохранение высоких темпов инфляции. В конце 1999 г. новое правительство, сформированное из представителей трех политических партий, победивших на парламентских выборах 18 апреля (Левая демократическая партия, Партия Отечества и Партия националистического движения), приняло решение о проведении стабилизационной программы, направленной на преодоление дефицита госбюджета и высокой инфляции, являющихся хроническими проблемами турецкой экономики. В трехлетней стабилизационной программе приватизация впервые была отражена в систематизированном виде и являлась не целью, а одним из инструментов экономической программы.[309]

В 1999 г. на ЕС приходилось 47% экспорта Турции, а импорт из стран Евросоюза достиг 51% от общего объема. Доля Турции в экспорте Европейского Союза составляла 2,7%, в им-

порте – 1,9%. Турция стала 7-м по значимости импортером продукции ЕС и 13-м по значимости поставщиком продукции в Евросоюз. Объем взаимной торговли товарами превысил 28 млрд. долл. При этом объемы валового экспорта соответствовали 70% импорта. Отрицательное сальдо составляло 6% ВВП. 75% товаров аграрного сектора ввозилось в ЕС беспошлинно, 22% – с использованием льготного тарифа и 3% – на общих основаниях. Те же соотношения для импорта в Турцию из стран Евросоюза составляли 40%, 25% и 35%, соответственно.[310] Кроме того, в 1999 г. турецкое правительство приняло закон о конкуренции, в котором содержались антитрестовские законы ЕС.

Таким образом, потребителям таможенный союз принес более высокое качество, дешевую продукцию и разнообразие вследствие возросшей конкуренции на турецком рынке. Производители и промышленники получили доступ на стабильный и крупный рынок. Вместе с тем в отличие от западных компаний турецким еще требовалось совладать с чрезвычайно высокой стоимостью кредитов и непредсказуемостью обменного курса. Что касается сотрудничества с ЕС, то в 1999 г. в странах-членах организации работало почти 2 млн. турецких иммигрантов, а на инвалютных счетах турецких рабочих находилось 13 млрд. долл.[311] Кроме того, помощь ЕС при землетрясении составила 35 млн. евро в виде гранта, 600 млн. еврокредитов на 2000–2003 гг., 145 млн. евро на реконструкцию инфраструктуры и 35,5 млн. евро на поддержку малых и средних предприятий.[312]

Однако ряд негативных явлений, имевших место в конце 1999 г. как в национальной экономике, так и на мировых рынках (скачок цен на ГСМ), привели к резкому увеличению инфляции в первые месяцы 2000 г. Реальная процентная ставка оставалась на уровне 40%, а инфляция составила 49%. В целом 2000 г. в экономике Турции был относительно стабильным: в большинстве отраслей промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг наблюдалась положительная динамика. Однако уровень ВВП на душу населения составлял всего 27% среднего показателя по ЕС. Этот же показатель существенно разнился для жителей различных районов Турции. Если в Стамбуле или Измире он приближался к показателям Португалии или Греции, то в юго-восточных вилайетах – на порядок ниже. В то время как в развитых странах ЕС уровень занятости в сельском хозяйстве не превышал 10%, в Турции данный по-

казатель по-прежнему оставался на уровне 40%.[313] Между тем в начале второй половины 2000 г. темпы реформ замедлились: не удалось достичь ожидаемых результатов в области приватизации крупных госпредприятий, общая нестабильность повлекла за собой спад интереса частного сектора к их приобретению, не были осуществлены запланированные реформы систем госфинансов и госуправления. Иноинвесторы, несмотря на выросшие проценты по краткосрочным ценным бумагам, опасаясь девальвации турецкой национальной валюты, начали отзывать свой капитал.

Вслед за кризисом в ноябре 2000 г. значительно возросли скорость и масштаб структурных реформ. Турецкое правительство отказалось от доступа к прямому финансированию государственного сектора Центробанком и государственными банками. В свою очередь, Еврокомиссия отмечала значительные улучшения в отношении фискальной дисциплины и увеличения прозрачности расходных схем государственного бюджета. Снизилась степень политического вмешательства – основного источника нестабильности в Турции, а также принимались меры по укреплению позиций ослабленного банковского сектора и либерализации основных рынков страны – сельского хозяйства и энергетики.

Тем не менее, признавая большие успехи в области экономических реформ, в ЕС отмечали серьезные проблемы макроэкономического характера – высокий уровень инфляции и безработицы, дефицит государственного бюджета. Приведения в соответствие с международными нормами требовали стандарты бухгалтерской отчетности в банковском секторе. Повышение конкурентоспособности и потенциала экономики Турции нуждалось в увеличении инвестиций в производственный сектор и уделении большего внимания образованию.[314]

Главным фактором и источником абсолютного роста ВНП и его важнейших составляющих (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, торговля, услуги) явился значительный рост совокупного объема импорта Турции в 2000 г. на 32,4%, объем которого достиг 54 млрд. долл.[315] Доля стран ЕС в турецком экспорте составила 52,4%, в импорте – 49%. Турецкий экспорт текстиля и одежды в Евросоюз достиг 7,5 млрд. евро в 2000 г., его доля составляла 10,8%, притом что валовой импорт ЕС данной продукции вырос на 54%. Доля Евросоюза в торговом дефиците Турции составляла 45,15%.[316]

Основная проблема, с которой столкнулись обе стороны – это технические нормы и требования тестирования. Анкара должна была принять законодательные нормы ЕС, касающиеся упразднения технических барьеров для торговли к 31 декабря 2000 г. Кроме того, различалась система контроля, процедуры регистрации были слишком затянуты.

Что касается финансового сотрудничества, то 4 декабря 2000 г. Евросоюзом было одобрено предоставление Европейским Инвестиционным Банком кредита в 450 млн. евро. В свою очередь, Еврокомиссия предоставила 20 млн. евро в качестве помощи при землетрясении в дополнение к гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях в размере 31 млн. евро и кредитам в размере 600 млн. евро для реконструкции после землетрясения. На цели таможенного союза был предоставлен грант в размере 15 млн. евро на 2000–2001 гг. По программе MEDA II (2000–2006 гг.) Турция получила 899 млн. евро в виде грантов Еврокомиссии и 1,47 млрд. евро в виде кредитов ЕИБ.[317]

В 2000 г. в Турции были вскрыты факты того, что недобросовестные экспортеры с помощью коррумпированных чиновников пользовались льготами, всевозможными освобождениями и возмещениями, не осуществляя реального экспорта. В связи с этим правительство ограничило объем всевозможных выплат и компенсаций. Тем не менее малые и средние предприятия продолжали терпеть убытки от недостаточного доступа к новым технологиям и нехватки квалифицированного персонала, затруднений в получении кредитов и непонимания иностранных рынков. В процессе становления новой системы стимулирования экспорта Министерством внешней торговли Турции были созданы условия наибольшего благоприятствования малым и средним предприятиям. 29 января 2000 г. было опубликовано 10 различных государственных программ поддержки. Четыре из них были нацелены исключительно на малые и средние предприятия. Эти программы предусматривали государственную поддержку:

– научно-исследовательских проектов;

– программ по защите окружающей среды;

– участия в международных выставках и ярмарках;

– организации национальных ярмарок, имеющих международный статус;

– проектов по исследованию рынков;

– открытия магазинов за рубежом;

– обеспечения занятости в отраслевых внешнеторговых компаниях;

– обеспечения курсов профессиональной подготовки;

– покрытия расходов на получение патента;

– деятельности, направленной на повышение известности турецких торговых марок и увеличение популярности турецких товаров за рубежом.

Турция облегчила процедуры регистрации компаний и учредила зоны и центры развития технологий и промышленные зоны. Кроме того, была возобновлена система поддержки предприятий. Как следствие, государственный долг вырос до 102,4%. Инфляция в Турции составила 57,6%, в ЕС – 2,3%. Реальная процентная ставка в Турции составляла 10%. Высокий уровень инфляции делал балансы компаний бессмысленными. Крупные семейные конгломераты, потерявшие надежду добраться до финансов, учреждали свои банки. Мелкие компании в процессе расширения могли полагаться исключительно на свои доходы или родственные связи. Все это держало инвесторов в стороне от Турции. В 2001 г. они направили сюда лишь 817 млн. долл., при этом практически все эти средства были дополнительными фондами под уже существующие проекты. Тем не менее каждая отрасль экономики, которая была открыта для иностранной конкуренции, процветала. Вместе с тем дефицит бюджета равнялся в Турции 28,7%, в ЕС – 0,8%. Доля сельского хозяйства в ВНП достигала в Турции 12,1%, в Евросоюзе – в среднем 2,1%.[318]

15 мая 2001 г. ЕИБ предоставил Турции кредит 8,5 млрд. евро для государственного и частного секторов на 2000–2003 гг. с целью проведения реформ и подготовки к вступлению в ЕС.[319] Кроме того, Турции была предоставлена помощь на сумму 194 млн. евро. Финансовая помощь с целью реализации национальной программы составила 144 млн. евро.[320] Претворяя в жизнь обязательства перед ЕС, в 2001 г. Турция подписала европейскую конвенцию о патентовании.

Когда Партия справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г. завоевала абсолютное большинство на национальных выборах, новое правительство приступило к проведению серии реформ, включая изменения в пенсионной системе, новый закон о банкротстве и меры по наведению порядка в раздутом государственном секторе. Были реализованы законы о запрещении привилегированного доступа государственного сектора

к финансовым институтам и независимости Центрального банка. Полным ходом шла приватизация крупных госмонополистов, подобных нефтеперерабатывающему гиганту «Turpas» и табачной компании «Tekel».[321]

В 2002 г. доля стран Евросоюза в экспорте и импорте Турции составила 51,6% и 44,6%. Экспорт в страны ЕС возрос на 10,8%, составив 16,1 млрд. долл. Оживление импорта привело к отрицательному сальдо в 0,8% ВВП. При этом повышение курса турецкой лиры относительно доллара отрицательно повлияло на баланс внешней торговли Турции, несмотря на то, что объемы экспорта продолжали показывать значительный рост. Основными торговыми партнерами Турции являлись: Германия (товарооборот составлял около 10 млрд. долл.), США (более 5 млрд. долл.), Италия (более 4,5 млрд. долл.), Россия (около 4,5 млрд. долл. без учета «челночной» торговли), Франция (3 млрд. долл.), Великобритания (около 3 млрд. долл.), а также Нидерланды, Бельгия, Япония, Иран, Саудовская Аравия. С целью компенсации непредоставления помощи, предусмотренной соглашением о таможенном союзе, Турции было выделено 126 млн. евро. 19 декабря 2002 г. в рамках программы MEDA-II на поддержку структурных и секторальных реформ Анкаре был предоставлен прямой грант в размере 75 млн. евро. Дополнительная помощь составила 149 млн. евро.[322]

Вместе с тем в 2003 г. прямые иностранные инвестиции в страну составили менее 0,2% ВВП.[323] Для исправления ситуации был принят закон о прямых иноинвестициях, согласно которому иноинвесторы приравнивались в правах к турецким инвесторам, а число инстанций, в которые необходимо было обращаться для получения соответствующих согласований, было сокращено с 19 до 3.[324]

Экспорт турецких товаров вырос на 32,4% и достиг 47,9 млрд. долл. Правда, несмотря на прогресс, эксперты считали, что в случае его оценки в физических единицах, реальный прирост составит всего 6%. По их мнению, учитывая, что около 50% турецких товаров продается в страны ЕС, основной прирост экспорта был достигнут за счет роста курса евро по отношению к доллару.[325]

В 2004 г. положительные тенденции в турецкой экономике закрепились: в большинстве отраслей прекратился спад, снизилась инфляция, стабилизировался курс национальной валю-

ты. Кроме того, значительный вклад в финансирование экономики внес рост доходов от экспорта и туризма. Однако государством продолжала оказываться всеобъемлющая ценовая поддержка сельскому хозяйству. В 2004 г. импортный тариф для промышленной продукции из третьих стран составлял 4,2%. При этом экспорт вырос на 25,5%.[326]

Благодаря принятым мерам по обузданию инфляции ее удалось снизить до 7,6% в 2005 г. Турецкому правительству также удалось сократить объем внешнего долга до 115 млрд. долл. (его удельный вес к ВВП составил 48%). В результате ужесточения мер в области использования бюджетных средств их дефицит в 2005 г. уже не превышал 2%. Т.е. по этому показателю Турция даже опередила ряд ведущих европейских стран, среди которых находятся Германия и Франция. Как следствие объем инвестиций в турецкую экономику достиг 9,67 млрд. долл. Объем экспорта в 2005 г. составил 73,4 млрд. долл., а в 2006 г. возрос до 84 млрд. долл.[327] В 2006 г. ВВП вырос на 6,1%. Объем иностранных инвестиций достиг 20 млрд. долл.[328]

В 2007 г. рост ВВП составил 4,7%. Инфляция в 2007 г. выросла до 9,8%. По данным за 2007 г., доля промышленности в стране составила 28%, сельского хозяйства – 15%, строительства – 6%, услуг – 51%. В 2007 г. основными партнерами Турции по экспорту стали Германия (11,2%), Великобритания (8,1%), Италия (7%), Франция (5,6%), Россия (4,4%), Испания (4,3%). По импорту – Россия (13,8%), Германия (10,3%), Китай (7,8%), Италия (5,9%), США (4,8%), Франция (4,6%). В 2008 г. объем прямых иностранных инвестиций в экономику Турции составил 15 млрд. долл. В Отчете Еврокомиссии отмечалось выполнение Турцией требований ЕС, связанных с бюджетной дисциплиной.[329]

Дальнейшее проведение экономических и правовых реформ, перспективы вступления в ЕС должны стимулировать прямые иностранные инвестиции в экономику Турции. Но несмотря на хорошие экономические показатели, которые стали возможными в основном из-за возобновления интереса инвесторов к формирующимся рынкам, поддержки МВФ, а также ужесточения фискальной политики, экономика Турции попрежнему обременена высоким дефицитом текущего счета и высокой внешней задолженностью. В качестве свидетельства недостаточно эффективных реформ можно привести тот факт,

что турецкое правительство до сих пор активно сотрудничает с Международным валютным фондом.

Основные проблемы турецкой экономики сконцентрированы в сфере государственных финансов. Благодаря обеспечению независимости ЦБ на законодательном уровне стране удалось значительно снизить инфляцию, но остаются высокими процентные ставки.[330]

В рамках подготовки к вступлению в ЕС Турция проводит необходимые реформы с целью соответствия требованиям европейского валютного рынка. Однако в связи с наличием у Турции значительного внутреннего и внешнего долга, колебания евро отрицательно сказываются на ее экономике. Невозможность погасить задолженность на внутреннем рынке вынуждает Турцию постоянно прибегать к внешним займам, груз которых усугубляется процентными ставками и ростом курса евро по отношению к доллару. Вместе с тем в процессе подготовки к вступлению в ЕС с целью соответствия требованиям организации Турция разработала и начала претворять в жизнь ряд законопроектов, целью которых является координация и следование нормам финансового права ЕС.[331]

Реформы правительства Турции в рамках таможенного союза повысили качество и конкурентоспособность турецких товаров, и это, несомненно, является положительным следствием для потребителей. Кроме того, вырос экспорт турецких конкурентоспособных товаров в ЕС, и постепенно снижается разрыв между экспортом и импортом из ЕС. В первую очередь это касается промышленных товаров, однако участие Турции в таможенном союзе с ЕС тяжело сказывается на ее сельском хозяйстве. Кроме того, благодаря введению Турцией общего таможенного тарифа с ЕС в отношении третьих стран и подписанию с ними договоров о свободной торговле турецкий экспорт расширил рынки сбыта, а в страну усилился приток иностранного капитала, однако по сравнению с показателями внутренних инвестиций он все еще находится на крайне низком уровне.[332] Неустойчивость экономики и политической системы вызывают снижение доверия к стране со стороны иностранных инвесторов, которые финансируют растущий торговый дефицит Турции. В 2008 г. иностранные инвестиции составили всего 1% ВВП[333].

Хотя конкурентоспособные турецкие товары заполнили рынки почти всех стран ЕС, структура турецкого экспорта,

на первый взгляд изменившаяся в пользу готовой продукции, базируется на трудоемком производстве легкой промышленности. Сохраняющийся дефицит новых технологий не позволяет в необходимом объеме интенсифицировать производственные процессы. Вместе с тем по качеству большинство турецких товаров далеко уступает европейским. Турецкие фитосанитарные и ветеринарные нормы не соответствуют требованиям Евросоюза. При этом в пределах общего рынка недостаточно законодательства, существующего в рамках таможенного союза: промышленные стандарты для турецких товаров, правила по охране труда на предприятиях и размеры государственных дотаций должны строго соответствовать нормам ЕС.

Тем не менее таможенный союз продемонстрировал, что дальнейшая интеграция Турции с ЕС приведет к более объемным потокам торговли и экономической гармонизации. С момента претворения в жизнь таможенного союза с ЕС удельный вес внешнеторговых операций в турецком ВНП увеличился более чем вдвое, на 40% вырос экспорт, причем при постоянном увеличении доли промышленных изделий (с 78% до 85%) и параллельном сокращении доли сельскохозяйственной продукции (с 18% до 13%) и продукции добывающих отраслей (с 4% до 2%).[334] По темпам роста объема экспорта – 33% в год – Турция в настоящее время занимает пятое место в мире. Доля страны в мировой торговле превышает 1%.[335] Это говорит о росте доверия к турецкому рынку, а значит, о его движении к стабильности.

За последние годы экономический рост Турции был выше, чем в Европе, до начала кризиса он составлял в среднем 4%, хотя в 2008 г. этот показатель упал до 0,9%[336]. Благоприятное будущее турецкой экономике должны обеспечить следующие факторы: самый низкий средний возраст населения в Европе; непрерывный рост уровня образования; стоимость рабочей силы (ниже, чем во многих других европейских странах); возможность экспортировать товары в страны ЕС без уплаты таможенных пошлин благодаря соглашению о таможенном союзе; стратегическое положение на стыке азиатского, европейского и ближневосточного рынков. Проекты с участием турецкого капитала связаны с модернизацией аэропортов, энергетикой, металлообработкой, строительством газо- и нефтепроводов, поиском и добычей нефти, инвестициями в текстильную промышленность, обработку кожи и производство аппаратуры.

С началом восстановления экономики бюджетный дефицит пошел на убыль, при этом инфляция и процентные ставки резко сократились. В то же время эти положительные сдвиги шли на фоне роста безработицы, достигшей в 2008 г. 11%.[337]

Несмотря на сохраняющуюся макроэкономическую нестабильность, заметен прогресс Турции на пути соответствия Маастрихтским критериям: дефицит бюджета в 2008 г. составил 2,2% ВВП (допускается 3%), долг правительственного сектора 39,5% (допускается 60%). Но инфляция все равно остается на высоком уровне по сравнению с требованиями ЕС: в 2008 г. она составила 11,8%[338].

Турция значительно отстает от ЕС не только в социально-экономическом, но и в сельскохозяйственном отношении. Рост турецкого населения, низкий доход на душу населения, неравномерное распределение доходов, высокая безработица тяжело сказывается на адаптации Турции к Общей сельскохозяйственной политике ЕС.[339] Еврокомиссар, ответственный за вопросы сельского хозяйства, развития сельских районов и рыболовства, подсчитал, что в случае вступления в Евросоюз Турция будет иметь право на ежегодные выплаты в рамках Общей сельскохозяйственной политики в размере 11,3 млрд. евро – больше, чем все десять стран, вступивших в ЕС в 2004 году (9,8 млрд. евро). Доля трудоспособного населения, занятого в сельскохозяйственном секторе, падает, но в 2008 г. она по-прежнему составляла 24,6%. Даже в Польше, наиболее аграрной стране среди новых членов ЕС, показатель занятости в сельском хозяйстве не превышает 20%, а в среднем по Евросоюзу он равен 5,4%. Сельскохозяйственные угодья Турции составляют 48% среднего показателя по ЕС и 23% сельскохозяйственных территорий ЕС. В то время как сельское хозяйство создает всего 14% ВВП[340]. Если ЕС оставит без изменений свою Общую аграрную политику, которая подвергается критике, но поддерживается Францией, а также свою политику региональной помощи, то распространение их на Турцию сильно подорвет бюджет ЕС.

Сегодня в стране наблюдается отчетливый контраст между достаточно современными городами и гораздо менее развитыми сельскохозяйственными областями Восточной Турции. Если в крупных городах западных регионов страны – Стамбуле, Анкаре, Измире и некоторых других – развиваются современное промышленное производство и сфера услуг, а на юге

страны функционируют туристические центры, то огромные восточные районы катастрофически отсталые.

Согласно заключениям ЕС, Турция пока так и не сумела построить полностью работоспособную рыночную экономику. Не достигнута стабильность на макроэкономическом уровне: необходимо построение устойчивой государственной финансовой системы: для достижения конкурентоспособности экономики требуется ее серьезная реструктуризация, особенно банковской сферы, сельского хозяйства и государственного сектора. Турции потребуется провести ряд реформ, нацеленных на сохранение занятости и покупательной способности населения, развитие новых отраслей и постепенное свертывание или вывод за рубеж старых, наращивание капиталовложений в научно-техническую базу экономики.

Анкару к членству в ЕС подталкивает прежде всего чрезвычайно высокая зависимость турецкой экономики от Евросоюза (Европейский Союз занимает, безусловно, лидирующие позиции во внешней торговле Турции, в иностранных инвестициях в страну, в численности туристов), стремление получить доступ к структурным фондам организации и повысить уровень собственной промышленности путем конкуренции в рамках единого рынка. Реформы турецкого правительства, направленные на вступление в ЕС, снизили государственный долг и давление на финансы страны, а также повысили эффективность экономики. Турция могла бы стать более крупным рынком для товаров и услуг ЕС, в то время как ее рабочая сила могла бы помочь остальной части Европы стать более производительной и эффективной. В этой ситуации основным условием успеха является необходимость Турции на равных справляться с силами глобальной конкуренции[341].

На микроэкономическом уровне уже существует значительный положительный эффект от региональной торговли, иностранных инвестиций в Турцию и увеличивающегося взаимопроникновения турецких и европейских финансовых рынков. Вступление Турции в таможенный союз с ЕС стало дополнительным стимулом для иностранных инвесторов. Так, крупные японские, южнокорейские и другие фирмы вложили инвестиции в Турцию с тем, чтобы затем уже беспошлинно поставлять свою продукцию на рынки ЕС.

Но пока, тем не менее, ни по достигнутому уровню социально-экономического развития, ни с точки зрения показателей

эффективности экономики Турция не вписывается в рамки, приемлемые для страны – члена ЕС. Доход на душу населения Турции составляет всего 43,3% среднего показателя по ЕС-27. В самых бедных частях Анатолии эта цифра не превышает 10%.[342]

Тем не менее образование таможенного союза ЕС – Турция, безусловно, выгодно обеим сторонам. При этом необходимо учитывать, что положительные последствия таможенного союза для Анкары могут полностью реализоваться только при осуществлении ею целого комплекса экономических реформ. К ним относится макроэкономическая стабилизация, структурная сбалансированность, повышение уровня доходов подавляющей массы турецкого населения. Создание таможенного союза ЕС – Турция при экономике, которая недореформирована до степени эффективности, сравнимой с европейской, способно принести гораздо больше издержек, чем выгод.

### 3. Турция и политика безопасности ЕС (ОВПБ)

Историческая эволюция Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС берет начало от попыток образования Европейского оборонительного сообщества в 1952 г. и Европейского политического сообщества в 1953 г. Последнее было сформулировано на базе голлистского плана Фуше таким образом, чтобы в прямой форме не позволить Брюсселю стать центром внешней политики Европейских сообществ и оставить данную сферу в национальной компетенции. Среди удачных инициатив Европейского политического сообщества следует отметить деятельность по формированию более стабильной Европы. Затем в 1955 г. был учрежден Западноевропейский союз (ЗЕС). Однако политику безопасности Западной Европы определял в основном Североатлантический договор.

До 1980-х гг. не было предпринято дальнейших шагов по формированию общей внешней политики, возможно, страны ЕЭС не ощущали необходимости в этом до тех пор, пока Сообщество не продемонстрировало экономическую состоятельность. Большинство членов ЕЭС полагало, что для построения европейского пространства стабильности и безопасности нет необходимости в ограничении полномочий национального государства. Тем не менее со временем они были вынуждены признать, что для эффективного функционирования Европей-

ское экономическое сообщество должно обладать большей властью и влиянием, чем любой из его членов по отдельности. В результате начался процесс постепенного формирования европейскими странами интегрированной политики безопасности, хотя она ограничивала их национальные суверенитеты. В 1986 г. был подписан Единый европейский акт, который сыграл важную роль в реализации общей политики безопасности, став первым шагом правовой реформы ЕС. Одной из основных целей данного документа провозглашалась «более тесная координация позиций сторон по политическим и экономическим аспектам безопасности» (статья 30.6).

С распадом Советского Союза ЗЕС вновь приобрел значение для обеспечения региональной безопасности. Возросла его способность согласовывать позиции и практическое взаимодействие своих членов в военно-политических вопросах, что было продемонстрировано в ходе ирано-иракской войны и войны в Персидском заливе.

Согласно Маастрихтскому договору о создании Европейского Союза, подписанному в феврале 1992 г., одной из опор для построения будущего Европы провозглашалась общая внешняя политика и политика безопасности. В ее задачи входило осуществление внешнеполитической интеграции, совместное решение вопросов безопасности, формирование единой оборонной политики, которая могла бы быть преобразована со временем в совместную оборону (статья J.4.1).[343] Помимо этого, целями ОВПБ являлись защита общих ценностей, основных интересов и независимости Европейского Союза; укрепление безопасности ЕС и его государств-членов; сохранение мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и Парижской хартии 1990 г.; содействие международному сотрудничеству. В качестве возможных областей совместных действий были названы процесс ОБСЕ, разоружение и контроль над вооружениями в Европе, нераспространение ядерного оружия, контроль над передачей технологий вооружений третьим странам и контроль над экспортом оружия.[344] Наряду с вышеперечисленным, основной задачей ОВПБ является развитие и консолидация демократии, господство закона, соблюдение прав человека и основных свобод.[345]

Отныне ЕС приобретал правовую основу для принятия решений, касающихся европейской внешней политики и безо-

пасности. В свою очередь, функции ЗЕС как «неотъемлемой части Европейского Союза» сводились к «принятию и претворению в жизнь решений и мер Союза в области обороны», а также к «укреплению европейской опоры Североатлантического альянса» (статья J.4.2). Появление данной принципиально новой стратегии было обусловлено стремлением «ядра» Европейского Союза, прежде всего Франции, достичь военно-политической независимости от Соединенных Штатов Америки. Более того, в июне 1992 г. Петерсбергская декларация сформулировала основные задачи Западноевропейского союза: гуманитарные и спасательные акции, задачи по сохранению мира и военные операции в очагах кризисов, включая миротворческие мероприятия.[346]

В мае 1994 г. в Киршбергской декларации были определены рамки ассоциированного членства в Западноевропейском союзе. Это один из четырех видов статуса, которые все вместе составляют «семью ЗЕС» – гибкую и сложную концепцию. Ассоциированные члены, а именно Исландия, Норвегия и Турция, были наделены данным статусом согласно декларации о ЗЕС № 30, приложенной к Маастрихтскому договору и касающейся не входящих в ЕС членов НАТО. Они могли регулярно участвовать в работе органов ЗЕС и имели право голоса. При этом в структуре принятия решений Западноевропейского союза одна страна не могла блокировать участие другой, для исключения государства из участия в дискуссиях требовалось большинство голосов полноправных членов.

В рамках ЗЕС Турция еженедельно участвовала в совещаниях по вопросам безопасности. Она была автоматически вовлечена во все комитеты и дискуссии. Вместе с тем ассоциация Турции с Западноевропейским союзом не подразумевала обязательств обороны. Однако в области безопасности Анкара имела равные позиции с прибрежными странами ЕС как член НАТО, который несет ответственность за безопасность воздушно-морского флота союзников в Средиземноморье. Турция приняла это неудовлетворительное соглашение только как временное до ее полноправного вступления в ЕС. Более того, статус Турции в Западноевропейском союзе не имел правовой базы и не обеспечивал коллективного политического контроля, но значительно ограничивал оперативный компонент. ЗЕС предоставлял статус ассоциированного членства решением Совета, которое не вносилось в Устав. Соответственно, это

ослабляло положение Турции, и ЗЕС имел возможность игнорировать ассоциированный статус членства.

14 ноября 1995 г. на Мадридской встрече министров иностранных дел и министров обороны стран-членов Западноевропейского союза был одобрен документ, озаглавленный «Европейская безопасность: общая концепция 27 стран ЗЕС».[347] В целом он предписывал план действий европейских государств по созданию новой европейской структуры безопасности. Однако помимо определения концепции европейской безопасности и указания на необходимость ее дальнейшего развития в соответствии с положениями Договора о ЕС в данном документе предусматривалась возможность использования ресурсов НАТО для решения чисто европейских военных проблем.[348]

Вместе с тем дефицит политической воли, затянутый процесс бюджетных процедур, отсутствие выработанного механизма принятия решений тормозили реализацию заявленных целей ОВПБ, что стало особенно очевидно к 1996 г. В первую очередь требовали уточнения функции Западноевропейского Союза в качестве силовой европейской опоры НАТО и самостоятельного оборонного компонента ЕС. При этом следует отметить, что создание Совета североатлантического сотрудничества и программы «Партнерство ради мира» привели к резкому усилению «атлантического» подхода в европейских делах и возвышению НАТО. Данная организация начала приобретать ключевое значение в обеспечении общеевропейской безопасности и соответственное политическое влияние. В свою очередь, США были вынуждены признать возрастающую самостоятельность Европейского Союза. Это стало очевидно, когда на саммите Совета НАТО в Берлине в июне 1996 г. ЗЕС для проведения оборонительных операций было предоставлено право использования вооруженных сил и инфраструктуры альянса.

Между тем в апреле 1997 г. Постоянный Совет Западноевропейского союза дал согласие на участие своих ассоциированных членов в процессе принятия решений в случае использования в ходе операций ЗЕС ресурсов НАТО, к которым имеют отношение данные страны. Кроме того, в Брюссельской декларации Западноевропейского союза, принятой на чрезвычайном заседании Совета министров в июле 1997 г., было подтверждено право ЕС поручать ЗЕС вырабатывать и претворять в жизнь решения, имеющие оборонные аспекты.

Что касается общей внешней политики и политики безопасности ЕС, то следует отметить, что Еврокомиссия в документе Повестка дня для 2000 г. подтвердила, что 10 кандидатов на вступление, в том числе Кипр, достигли соответствия необходимым критериям для полноправного участия в ОВПБ.[349] При этом о возможном вкладе Турции в данную сферу деятельности Европейского Союза даже не упоминалось.

Тем временем на межправительственной конференции Европейского Союза (1996–1997 гг.) Франция, Германия, Италия, Бельгия и Люксембург представили проект «О постепенной интеграции ЗЕС в ЕС». Данный документ намечал полное слияние этих организаций, которое должно было проходить поэтапно, в течение десяти лет. Однако проект был отклонен, прежде всего из-за противодействия со стороны Великобритании. Ее позиция заключалась в том, что подобная инициатива могла ослабить европейскую безопасность, подорвав оборонный союз Европы и США в рамках НАТО.

В результате на саммите Европейского Совета в Амстердаме в 1997 г. было принято решение о сохранении автономии ЗЕС, однако в перспективе не исключалась возможность интеграции Западноевропейского союза в ЕС. В соответствии с решениями Амстердамского саммита обе организации приступили к созданию Группы политического планирования и раннего уведомления. Ее функции предполагали отслеживание ситуаций, имеющих отношение к совместной внешней политике и политике в области безопасности ЕС, анализ национальных интересов государств-членов Евросоюза и ЗЕС и их влияние на формирование общей внешней политики и политики безопасности. Более того, был учрежден пост Высокого представителя по ОВПБ, который с октября 1999 г. занимает Хавьер Солана. В целом Амстердамский договор был призван определить направления институционального реформирования, необходимость которого была вызвана расширением ЕС в 1995 г. за счет Австрии, Швеции и Финляндии. Впоследствии на саммите в Сен-Мало в декабре 1998 г. Франция и Великобритания решили повысить роль Евросоюза в безопасности и обороне и приняли декларацию, призывающую к использованию вооруженных сил ЗЕС/ЕС в кризисных ситуациях.

В перспективе интеграции ЗЕС в ЕС Турцию беспокоила возможность нивелирования ее ассоциированного статуса в Западноевропейском союзе. Она требовала определенных прав

в осуществлении единой политики безопасности и обороны, а именно: полноправного участия в принятии решений относительно операций с использованием ресурсов НАТО, в проведении консультаций в мирное время и кризисные периоды, в механизмах принятия решений, касающихся операций ЕС, проводимых в географической близости от Турции и на территориях, входящих в сферу ее национальных интересов, таких как Эгейское море и Кипр. Кроме того, Турция не желала, чтобы греко-кипрская администрация имела доступ к ресурсам НАТО в случае вступления в ЕС.[350]

В коммюнике Вашингтонского саммита НАТО от 24 апреля 1999 г. приветствовался курс на укрепление единой политики безопасности и обороны (ЕПБО) в Амстердамском договоре и решение ЕС иметь возможность автономных действий. При этом подчеркивалась важность гарантированного вовлечения не входящих в ЕС европейских союзников в проводимые Евросоюзом операции, что имело бы в качестве правовой базы существующие договоренности в рамках ЗЕС. По итогам саммита была принята декларация, предусматривающая, что отношения между Североатлантическим альянсом и ЕС будут основываться на механизме сотрудничества НАТО и ЗЕС.[351]

Получив поддержку Североатлантического альянса заявленным инициативам, ЕС приступил к практическому формированию совместного потенциала в области единой политики безопасности и обороны, который предполагал не только совместное принятие решений, но и использование военных средств. При этом в первую очередь Европейский Союз стремился обладать собственным потенциалом для проведения петерсбергских операций в области кризисного урегулирования, а именно: гуманитарных, миротворческих и по принуждению к миру. С целью создания военной и гражданской составляющих данной деятельности началось формирование ее административно-управленческой структуры и нормативной базы, а также собственных европейских сил кризисного реагирования.

Тем временем в ходе операции по мирному урегулированию в бывшей Югославии США и их союзники по НАТО добились от противоборствующих сторон окончания военных действий и подписания Дейтонских соглашений. Таким образом, операция НАТО в Югославии со всей очевидностью продемонстрировала ограниченность военных возможностей государств Европейского Союза.

На саммите ЕС в Кельне в июне 1999 г. было принято решение об интеграции ЗЕС в Европейский Союз и создании механизма обеспечения европейской политики безопасности и обороны. Что касается Турции, то для нее значение создания Европейских сил быстрого развертывания состояло в том, что эта инициатива европейцев могла стать признаком появления собственной европейской стратегии, независимой от НАТО. Как следствие, по мере обретения Европой независимости от Североатлантического альянса в вопросах обороны у членов ЕС мог пропасть интерес в отношении Турции.

На саммите в Хельсинки в декабре 1999 г. была сформулирована «главная цель» – создание к 2003 г. оперативного потенциала управления кризисами. Кроме того, ЕС заявил о необходимости обладания собственной «автономной военной компетенцией» для выполнения петерсбергских задач. При этом Евросоюз признавал первостепенную ответственность СБ ООН за поддержание международного мира и безопасности.[352]

После того как Европейский Совет на саммите в Хельсинки утвердил европейскую политику безопасности и обороны, одновременно приступив к интеграции Западноевропейского союза, между Турцией и ЕС возникли серьезные разногласия по поводу дальнейшего развития ЕПБО и, в частности, по вопросу использования европейцами ресурсов НАТО. Турция требовала автоматического предоставления ей права участия в операциях под эгидой ЕС. Она не хотела, чтобы ее отстранили от этого посредством вето, например, со стороны Греции.[353] В этом спорном вопросе Анкара рассчитывала на поддержку Вашингтона.

Причиной интереса Соединенных Штатов к Турции, безусловно, является ее геополитическое положение и интересы безопасности Вашингтона в регионе. Но США настоятельно требовали, чтобы Турция не отвергала намерение Европы использовать ресурсы НАТО в операциях ЕПБО, притом что участие Анкары в процессе принятия решений по вопросам создания вооруженного контингента ЕС не предусматривалось, т.к. она не является членом данной организации. Однако, будучи членом НАТО, Турция настаивала на своем непосредственном участии в механизме консультаций и принятия решений в рамках ЕПБО. Аргументируя свою позицию, Турция отмечала, что, согласно данным НАТО, ее территория находится в зоне 13 из 16 потенциальных конфликтов.

Кроме того, Анкара опасалась ущемления своих интересов в случае проведения военных операций ЕС. Как ассоциированный член ЗЕС Турция могла участвовать в его институциональных и оперативных механизмах. Анкара настаивала на соблюдении достигнутых ранее договоренностей и, следовательно, на сохранении своего статуса в Западноевропейском союзе в рамках ЕС, несмотря на интеграцию ЗЕС в Евросоюз. Более того, важнейшим аспектом являлось обеспечение полноправного участия не входящих в ЕС союзников по НАТО в новых институциональных проектах Евросоюза. Этот подход неоднократно подчеркивался в официальных турецких декларациях, а также в Белой Книге Министерства Обороны.[354]

ЕС отмечал, что отличие членов от не членов данной организации неизбежно и его автономия в принятии решений должна уважаться всеми. Согласно этой позиции, механизмы ЗЕС не могут быть полностью воспроизведены в рамках Европейского Союза. Данный подход вполне объясним, если учесть, что дифференциация статусов явилась основной причиной недееспособности ЗЕС и может привести к аналогичному параличу ЕС. С другой стороны, саммит в Хельсинки мог рассматриваться как подтверждение потенциального вклада Турции в институционализацию и проведение операций в рамках ЕПБО, так как ей был присужден статус кандидата на вступление в ЕС.

Европейский Совет на саммите в Фейра в июне 2000 г. принял, в частности, решение дополнить будущие европейские силы быстрого реагирования (ЕСБР) численностью до 60 тыс. военнослужащих силами гражданской полиции (Европейский полицейский корпус – ЕПК) численностью до 5 тыс. чел,, которые были сформированы в 2003 г. Также было завершено создание собственной институциональной базы ЕПБО: общее руководство должен был осуществлять образованный в рамках ЕС институт Высокого представителя по ОВПБ – генерального секретаря Совета (ВП/ГС); были учреждены Комитет по вопросам политики и безопасности (КВП), Военный комитет ЕС (ВК) и Военный штаб (ВШ). Кроме того, Европейский Совет предположил возможность для не входящих в ЕС стран, таких как Исландия, Норвегия и Турция, участвовать в европейских операциях с использованием ресурсов НАТО.[355]

В ответ Турция обнародовала декларацию, в которой отметила крайнюю важность своего участия в совещаниях Коми-

тета по вопросам политики и безопасности, Военного комитета и Военного штаба. Кроме того, заключения саммита в Фейра разочаровали Турцию касательно ее вклада в урегулирование кризисов. Анкару не устраивало вовлечение лишь в оперативное управление операциями, она добивалась права на участие в процессе принятия решений, касающихся проведения операций в рамках ОВПБ, включая договоренности в мирное время.[356]

Во избежание дублирования сил ЕС добивался права на автоматический и непрерывный доступ к военным ресурсам НАТО. В данном случае Турция подчеркивала, что не даст безусловного согласия на подобный запрос, одобрение которого означало бы потерю ею контроля над использованием ресурсов НАТО в будущих военных операциях ЕС.[357] Турция опасалась, что проводимые Евросоюзом операции могут противоречить ее жизненноважным национальным интересам. Турецкое руководство заявляло, что обсуждающиеся договоренности не предоставляют соответствующих гарантий европейским союзникам, не входящим в НАТО.[358] Кроме того, в Белой Книге Министерства Обороны отмечалось следующее: «Цели поддержания европейской безопасности на Балканах, в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и на Кавказе, укрепления мира и сотрудничества могут быть реализованы только с участием и конкретным вкладом Турции».[359]

Тем не менее на саммите Европейского Совета в Ницце в 2000 г. было принято решение, что в случае участия Турции в проводимых ЕС операциях, она будет представлена на равноправной основе с остальными государствами. Но окончательный контроль будет осуществлять Комитет по вопросам политики и безопасности, состоящий из членов ЕС, который будет подробно консультироваться со всеми вовлеченными сторонами перед вынесением окончательного решения относительно проводимых Европейским Союзом операций, но не гарантирует выполнения всех внесенных на рассмотрение предложений. Тем самым ЕС пытался способствовать соглашению между НАТО и Турцией относительно использования ресурсов альянса в условиях ОВПБ.

Вместе с тем заместитель министра иностранных дел Турции Фарук Логоглу заявил о неудовлетворенности уровнем участия в ЕПБО, предоставленным саммитом в Ницце, который предполагал лишь консультации в мирное время. Помимо этого, Турция желала участвовать в формировании 60-тысячного

контингента сил быстрого реагирования. Она также требовала гарантий, что ЕС не будет проводить операции в Эгейском море и на Кипре без ее согласия.[360]

В свою очередь, министр обороны Турции Сабахаттин Чакмакоглу выдвинул четыре пункта, которые должны были бы учитываться Европейским Союзом при реализации ЕПБО:

– Турции должен быть предоставлен статус ассоциированного члена ЕПБО взамен прекратившего свое существование ЗЕС;

– члены НАТО должны контролировать ресурсы альянса, соответственно, их использование ЕС должно оговариваться в каждом отдельном случае, и все страны-кандидаты в Европейский Союз должны иметь право голоса относительно операций, проводимых в рамках ЕПБО;

– в случае участия Турции в операциях, проводимых ЕС, она должна быть задействована в механизме принятия решений;

– в случае использования ресурсов НАТО в операциях, проводимых ЕС, Турция должна принимать в них полноправное участие.[361]

ЕС оспаривал правомерность эффективного участия Турции в принятии решений по военным вопросам даже в случае использования ресурсов НАТО. В качестве формального предлога использовался тот факт, что Турция не является членом Европейского Союза. Кроме того, официальные лица, занимающиеся реализацией единой политики безопасности и обороны, все больше разочаровывались действиями Турции, которые тормозили успешную реализацию проекта. Помимо этого, ЕС поставил перед собой задачу создания независимых европейских сил быстрого реагирования для осуществления военных операций без привлечения НАТО. Однако для претворения в жизнь этой цели требовалось усовершенствование военного потенциала стран-членов Европейского Союза.

И все же одним из центральных вопросов ЕПБО, на решении которого были сосредоточены усилия стран ЕС, оставалась проблема преодоления вето Турции относительно предоставления сил и средств НАТО для антикризисных операций под эгидой Европейского Союза. В марте 2001 г. британское правительство инициировало начало переговоров Великобритании, представлявшей ЕС, США, представлявших НАТО, и Турции для прояснения технических процедур осуществления единой политики безопасности и обороны Европейского Союза. В результате 2 декабря 2001 г. турецкие власти объявили, что

они проголосуют за операции ЕПБО, даже если они потребуют использования ресурсов НАТО. Побудительным мотивом данного решения явилось давление США и согласие ЕС на полноправное участие Турции в Конвенте по будущему Европы, который работал над созданием Конституции Европейского Союза.[362]

Наряду с этим США и Великобритания заявили, что единая политика безопасности и обороны является проектом стратегического сотрудничества, а не только неотъемлемой частью европейской идентичности, соответственно, она должна включать в себя всех значимых акторов региона. В частности, Турция, выразившая твердую поддержку войне с международным терроризмом, не должна остаться в стороне от проекта сотрудничества в области европейской безопасности.[363] В соответствии с данной позицией 6 декабря 2001 г. был подписан Анкарский документ, согласно которому при использовании сил быстрого реагирования Европейским Союзом должны учитываться интересы безопасности Турции и, соответственно, европейские операции по урегулированию кризисов не могут проводиться в Эгейском море и восточном Средиземноморье. Более того, ЕС не должен вмешиваться в двусторонние конфликты Турции и Греции как в Эгейском море, так и на Кипре. Помимо этого, Анкарский документ гарантировал консультации в мирное время и активное участие Турции в операциях с использованием ресурсов НАТО в районах, находящихся в географической близости и представляющих для нее национальный интерес, при условии, что это не будет противоречить автономии ЕС в принятии решений. В свою очередь, ЕС было предоставлено право автоматического доступа к ресурсам и нестратегическим возможностям НАТО, вместе с тем вопросы предоставления стратегических возможностей будут рассматриваться Советом НАТО в каждом отдельном случае. Кроме того, была достигнута договоренность, что предполагаемые операции ЕС в рамках ЕПБО не будут проводиться против стран, входящих в НАТО.[364]

Этот документ не вступил в силу из-за греческой позиции. По мнению Греции, должно было быть внесено дополнительное положение, гарантирующее, что ни одна третья страна не может блокировать участие государства-кандидата в ЕС (подразумевая Кипр) в ЕПБО. В качестве дополнительного аргумента высказывалось опасение, что Турция станет использовать свои права как средство негативного влияния на внутрен-

нее функционирование ЕС и механизмы принятия решений, касающихся ЕПБО.[365] В связи с тем, что Греция наложила вето на Анкарский документ, Турция препятствовала передаче командования международными силами в Македонии от НАТО к ЕС.

На саммите в Лакене 14–15 декабря 2001 г. Европейским Советом была одобрена декларация об оперативном потенциале ЕПБО. В документе отмечалось, что главной целью европейской политики безопасности и обороны является становление Европейского Союза в качестве самостоятельной политической силы. При этом ЕС должен быть в состоянии обеспечивать весь комплекс своих жизненно важных интересов не только в пределах региона, но и в отношениях с другими мировыми центрами силы, а также иметь материальную возможность для проведения операций по кризисному урегулированию невысокой интенсивности. В данных мероприятиях смогут участвовать не только государства-члены ЕС, но и кандидаты на вступление. Собственные силы ЕС будут включать 60 тыс. военнослужащих государств-членов, причем должно быть обеспечено равновесие между военными и гражданскими аспектами проводимых операций. Наряду с этим в принятой на саммите декларации были определены механизмы выработки и принятия решений, оперативные силы, средства сбора и обработки разведывательной информации. Кроме того, отмечалось, что Европейский Союз намерен развивать сотрудничество и обеспечивать прозрачность в отношениях с НАТО, в том числе посредством проведения взаимных консультаций. Подчеркивалось, что ЕС не стремится к конкуренции с НАТО и в обозримый период коллективная оборона не будет входить в задачи ЕПБО.[366] ЕС уже имеет в своем распоряжении специальные многонациональные полицейские силы для действий в условиях конфликтов и кризисов. Тем не менее для создания эффективного военного потенциала Европейскому Союзу необходимо использование ресурсов НАТО. На основании этого можно сделать вывод о повышении ответственности европейских стран в обеспечении безопасности, но никак не об обретении самостоятельности.

Тем не менее греческий премьер-министр К.Симитис в ходе встречи с председателем Еврокомиссии Р.Проди 30 января 2002 г. подчеркнул, что Анкарский документ был выработан вне рамок институциональных правил ЕС. Подобные попытки изменения организационных методов неприемлемы для Гре-

ции, которая стремится к четкому распределению полномочий в сфере ОВПБ в соответствии с договорными документами ЕС. По словам Симитиса, главная цель греческого председательства в проведении европейской политики безопасности и обороны – сделать ЕС способным самостоятельно инициировать операции по урегулированию гражданских и военных кризисов, в которые НАТО непосредственно не вовлечена.[367]

Европейский Совет на саммите в Копенгагене 12–14 декабря 2002 г. принял важные решения, касающиеся роли ЕС в кризисном урегулировании. Дальнейшая реализация ЕПБО стала возможной благодаря достигнутым компромиссам и снятию вето Турции и Греции на использование ресурсов НАТО. В декларации саммита отмечалось, что соглашения ЕС – НАТО будут распространяться только на те страны Европейского Союза, которые имеют с альянсом двусторонние соглашения в сфере безопасности, а именно: являются членами НАТО или участниками программы «Партнерство ради мира». Таким образом, исключалась возможность проведения операций ЕПБО на Кипре и Мальте. Однако после вступления в ЕС они получили право на полноправное участие во всех институтах и органах Европейского Союза, включая Комитет по политике и безопасности. Вместе с тем Кипр и Мальта были отстранены от процесса принятия решений, касающихся проведения военных операций.

Европейский Совет заявил о готовности принять руководство операцией в Македонии, а также о намерении в дальнейшем возглавить операцию по боснийскому урегулированию.[368] Однако эти операции могли быть переведены под эгиду ЕС только после формального заключения пакета соглашений о сотрудничестве с НАТО.

Кроме того, 12 декабря во время обсуждения перспектив вступления Турции в ЕС на Копенгагенском саммите президент США Дж.Буш лично позвонил председательствовавшему датскому премьер-министру А.Ф.Расмуссену и призвал назначить конкретную дату начала переговоров с Анкарой.[369] Дело в том, что накануне планирующейся операции в Ираке США были крайне заинтересованы в союзнических отношениях с Турцией. Кроме того, американское руководство полагало, что принятие Турции будет препятствовать согласованию совместных внешнеполитических инициатив и становлению Европейского Союза как независимого актора в международных отношениях.

16 декабря 2002 г. состоялся саммит ЕС – НАТО. В итоговой декларации отмечалось, что взаимоотношения ЕС и НАТО базируются на принципах партнерства, равенства и соблюдения автономности принятия решений. Кроме того, предусматривалось проведение взаимных консультаций и диалога, развитие сотрудничества, обеспечение транспарентности. Стороны обязались соблюдать принципы ООН и интересы друг друга, а также подчеркивали приверженность мирному разрешению конфликтов как основе стабильности в Европе.[370] ЕС взял на себя обязательство как можно полнее вовлекать в ЕПБО страны НАТО, не являющиеся членами Европейского Союза, а НАТО – поддерживать ЕПБО и, в частности, обеспечить надежный доступ ЕС к военному планированию НАТО при проведении европейских операций.

В результате достигнутых договоренностей 1 января 2003 г. многонациональные полицейские силы ЕС заменили контингент ООН для проведения операции в Боснии и Герцеговине сроком до 31 декабря 2005 г. Эта акция осуществлялась в рамках ЕПБО, однако ей не был предоставлен мандат на применение принудительных мер. В сферу ее задач входила стабилизация обстановки в Боснии и Герцеговине, приближение боснийской полиции к стандартам ЕС и борьба с организованной преступностью.

24 февраля 2003 г. Европейский Совет одобрил соглашение между НАТО и ЕС, что позволяло Европейскому Союзу возглавить операцию по антикризисному урегулированию в Македонии. Было решено, что помимо стран-членов ЕС к проведению данной операции также присоединится Турция. В свою очередь, Анкара сделала свой вклад в ОВПБ, одобрив декларацию ЕС – НАТО от 16 декабря 2002 г. и дополнительные берлинские соглашения от 17 марта 2003 г., которые учредили стратегическое партнерство между Европейским Союзом и альянсом, обеспечив доступ Евросоюза к ресурсам и потенциалу НАТО.

На саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 г. было одобрено создание сил быстрого реагирования, которые будут сформированы на базе армий США, Турции и ряда европейских стран. Силы быстрого реагирования в составе 25 тыс. человек должны в течение суток прибыть в любую горячую точку мира. Следует отметить, что отдельные бригады уже базируются у границ России, в зоне ее национальных интересов. США заинте-

ресованы в перенаправлении основных нефтегазовых потоков из Средней Азии в обход России. Для этого американцам необходимо сохранить безусловный контроль над нефтепроводом Баку-Тбилиси-Джейхан и обеспечить себе военное присутствие в Каспийском море.

В июне 2007 г. руководство Турции приняло решение о прекращении поддержки военных программ Евросоюза. Анкара отозвала свои обязательства в рамках военной программы ЕС в знак протеста против того, что не была включена в механизм принятия решений, касающихся выработки Европейской политики в области безопасности и обороны. В рамках военной программы ЕС-2010 в состав международных сил Евросоюза предусматривалось выделение турецкой бригады специального назначения, усиленной авиацией и кораблями. Однако это воинское формирование не было включено в состав основных сил. Решение Анкары вызвало беспокойство в НАТО и Евросоюзе, которые расценили его как «преграду на пути предпринимаемых ими усилий по выработке эффективной политики трансатлантического сотрудничества». МИД Турции указал, что возникшая проблема касается не Североатлантического альянса, членом которого эта страна является более полувека, а ЕС, пытающегося исключить Анкару из процесса принятия любых решений. «Наш выход (из военных программ ЕС) не имеет никакого отношения к НАТО», – заявил турецкий МИД.[371]

Президент Франции продвигает идеи дальнейшей интеграции Евросоюза в военной области. В июне 2008 г. Саркози предложил создать единый оперативный штаб вооруженных сил ЕС в Брюсселе для руководства зарубежными военными операциями; перейти к общему финансированию этих операций; организовать единые воздушно-транспортные силы; запустить общеевропейские военные спутники; учредить европейский оборонный колледж и начать реализовывать программу обмена офицерами между странами ЕС. Предполагается, что Великобритания выступит против, так как она всегда сопротивлялась возможности дублирования командных структур НАТО. Однако Саркози упирает на то, что европейцы одинаково нуждаются и в Североатлантическом альянсе, и в силах ЕС, которые будут лишь дополнять друг друга.[372]

Турецкое правительство придерживается мнения, что всеобъемлющая политика безопасности в регионе и, в особенности, на континенте может быть обеспечена только путем вклю-

чения в ее орбиту всех значимых акторов региона. Турция подчеркивает, что поскольку многие страны ЕС являются также членами НАТО, они обязаны уважать решения, принятые в рамках альянса. Соответственно, Турция требует:

– участия на регулярной основе в оперативном планировании и консультациях по вопросам, касающимся европейской безопасности;

– полноправного участия в процессе принятия решений и осуществлении проводимых ЕС операций с привлечением коллективных ресурсов и возможностей НАТО;

– участия в обдумывании и последующей подготовке, планировании и проведении операций ЕС без привлечения ресурсов и возможностей НАТО.[373]

Хотя Турция выражала готовность участвовать в европейских военных и политических акциях и механизмах принятия решений, ЕС не давал на это согласия. Тем не менее Турция как член НАТО согласилась предоставлять ресурсы для ОВПБ.

Безопасность Турецкой Республики продиктована двумя основными элементами: география и давние связи со странами региона. Эти два определяющих фактора делают Турцию ключевым актором в сфере безопасности в Европе, на Балканах, Кавказе, Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Черноморском регионе одновременно. Турция также неизменно связана с Центральной Азией, с этим регионом она поддерживает исторические, культурные и лингвистические связи.

Турция вступила в НАТО 18 февраля 1952 г. С этих пор НАТО является краеугольным камнем политики Турции в области обороны и безопасности.

Оставаясь приверженной безопасности Альянса, Турция продолжает следовать традиционной политике безопасности, основанной на содействии сотрудничеству в соседних регионах. В этом контексте Турция инициировала сотрудничество в сфере безопасности на Балканах и Ближнем Востоке.

Национальные границы стали прозрачными. В атмосфере возрастающей уязвимости перед лицом глобальных угроз сотрудничество и совместные акции становятся наиболее эффективными инструментами. Являясь одной из основательниц ООН, членом НАТО и всех важнейших европейских и евро-атлантических структур, а также страной, ведущей переговоры о вступлении в Европейский Союз, Турция в настоящее время активно следует политике, направленной

на укрепление контактов и сотрудничества в своем регионе и за его пределами.

Турция заключила ряд соглашений о военной подготовке, техническом и научном обмене, а также о сотрудничестве в оборонной промышленности. Такие механизмы сотрудничества развиваются с членами НАТО, а также со значительным числом стран на Балканах, Ближнем Востоке, в Южном Средиземноморье, Африке южнее Сахары, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и Южной Америке. Эти соглашения о военной подготовке имеют своей целью сотрудничество в сфере безопасности и укрепление взаимодействия и не направлены против третьих стран.[374]

Геостратегическое положение Турции и ее работающие зрелые демократические институты станут вкладом в борьбу ЕС с новыми угрозами безопасности. Кроме того, у Турции вторая по численности армия в НАТО, которая принимает активное участие не только в операциях альянса, но также в обеспечении европейской безопасности под эгидой ООН, следовательно, Турция может предоставить ЕС быстро развертываемые и непрерывно пополняемые вооруженные силы. Турция уже участвовала в урегулировании боснийского 1992–1995 гг. и косовского 1998–1999 гг. кризисов, предоставляя гуманитарную помощь под эгидой ООН и размещая беженцев. Более того, учитывая большой опыт Турции в борьбе с партизанскими отрядами, турецкие военные наилучшим образом подходят для проводимых ЕС операций по урегулированию кризисов низкой интенсивности. Для проводимых Европейским Союзом операций Турция может предоставить транспорт. В настоящее время Турция занимает стратегическую позицию в борьбе против терроризма: она является единственной мусульманской страной-членом НАТО, она возглавляет Международные силы безопасности и помощи в Афганистане и представляет собой естественную базу для продолжения Оперативного северного наблюдения в Иране.

Как страна, связанная особыми, глубокими историческими узами дружбы с Афганистаном, и в соответствии со своими обязательствами в рамках НАТО Турция участвует в деятельности международного сообщества по урегулированию в Афганистане. Турция возглавляла Международные силы содействия безопасности в Афганистане (июнь 2002 г. – январь 2003 г. и февраль-июль 2005 г.).[375]

Турция впервые возглавила Международные силы содействия безопасности в Афганистане в составе 1400 чел. военного персонала с июня 2002 г. по февраль 2003 г. Турция продолжала поддерживать ИСАФ после того, как она стала операцией НАТО в августе 2003 г. С 13 февраля по 4 августа 2005 г. Турция вновь возглавила операцию ИСАФ-7 в составе 1400 чел. военного персонала, на этот раз под эгидой НАТО. Кроме того, возглавив ИСАФ-7, Турция также взяла на себя обязанность по защите международного аэропорта в Кабуле. С февраля по август 2006 г. Юго-восточная европейская группа SEEBRIG возглавила штаб многонациональной группы в Кабуле, в которой Турция также активно участвовала.

В рамках новой структуры ИСАФ, предполагающей 5 зон ответственности, Центральное командование в Кабуле (RCC) на двухлетний срок, начавшийся в августе 2006 г., по принципу ротации совместно возглавили Турция, Франция и Италия. С апреля по декабрь 2007 г. RCC возглавила Турция, и ее контингент на этот период был увеличен до 1200 чел., включая экипаж 2 вертолетов. На данный момент турецкий контингент состоит из 800 солдат.[376]

С 1995 г. Турция участвовала во всех операциях НАТО на Балканах: в Боснии и Герцеговине, Косово и Македонии. Турция поддержала международные усилия по укреплению мира и стабильности в Македонии и операцию ЕС по постконфликтному урегулированию под названием Конкордия. Турция предоставила 11 своих сотрудников для этой операции, которая затем была заменена на полицейскую миссию ЕС, Проксима. Несомненно, эти операции сыграли ключевую роль в установлении безопасности и стабильности, внеся свой вклад в возвращение региона к мирной жизни. В целом более 1150 турецких военных служат в Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии и Албании. Большинство этих сил служит в КФОР, миссии НАТО в Косово, где Турция, начиная с 29 мая 2007 г., возглавила Южную многонациональную оперативную группу. С 1 января 2003 г. Турция участвует в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине, которая является первой гражданской операцией ЕС по постконфликтному урегулированию. 4 турецких сотрудника служат в этой миссии. В соответствии с решением, принятым на саммите НАТО в Стамбуле, операция НАТО СФОР в Боснии и Герцеговине была заменена операцией ЕС EUFOR-ALTHEA.

В соответствии с договоренностями Берлин+, эта операция, опирающаяся на средства и возможности НАТО, началась 2 декабря 2004 г. Турция внесла вклад в данную операцию в Боснии и Герцеговине, предоставив около 255 сотрудников, включая 48 офицеров жандармерии для Объединенного полицейского подразделения.[377]

На саммите НАТО в Стамбуле в 2004 г. главы государств и правительств согласились помочь Ираку в обучении его сил безопасности. Впоследствии Североатлантическому Совету было поручено осуществить это решение совместно с иракским временным правительством. 30 июля 2004 г. была учреждена Учебная миссия НАТО в Ираке NTM-I. Анкара предоставила двух штабных офицеров для NTM-I. Кроме того, за время проведения миссии в Турции прошли обучение 110 иракских сотрудников.[378]

Террористические атаки на США в сентябре 2001 г. и взрывы в Мадриде в марте 2004 г. продемонстрировали, что ни одна страна не защищена от глобальных угроз, и ЕС должен быть активен в данном регионе. Следовательно, Европейский Союз может использовать присутствие Турции в регионе в качестве ресурса для превращения во влиятельного глобального актора. В стратегической перспективе вовлечение Турции может добавить правоспособности усилиям ЕС, в особенности, в случае проведения долгосрочных операций на Балканах или на Ближнем Востоке. Присутствие Турции может ослабить восприятие сил ЕС как армии крестоносцев.

Анкара может внести свой вклад в Общую внешнюю политику ЕС благодаря своим культурным, политическим, экономическим и историческим связям в средиземноморском регионе, и это также является важным фактором в становлении более эффективной ОВПБ. Помимо этого, Турция может стать посредником во взаимоотношениях ЕС на Ближнем Востоке благодаря ее близкому расположению к региону, союзническим отношениям с Израилем и роли в многостороннем урегулировании ближневосточного мирного процесса. Кроме того, Турция может быть полезна на таких направлениях внешней политики ЕС, как Средиземноморское партнерство, Балканы и энергетический коридор в Каспийском регионе. Европейский Союз импортирует приблизительно 60% необходимых энергоносителей из регионов, соседствующих с Турцией, и придает огромное значение безопасному доступу к этим ресурсам.[379] Таким

образом, расположение Турции на перекрестке основных новых проектов транспортировки энергоносителей, нефтяной трубопровод из Ирака в Искендерун и проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря, обеспечивают данной стране жизненно важное значение в энергетической стратегии Евросоюза. С другой стороны, оценивая возможный вклад Турции в ОВПБ, следует учитывать ее значительное население и экономический потенциал, при том что в ЕС население стареет, и Евросоюз нуждается в людских ресурсах.

Турция – это страна с динамичной экономикой, привлекавшей да начала мирового финансового кризиса значительные внешние инвестиции. Она уже является ведущей страной – транзитером нефти и газа и скоро станет важным энергетическим коридором к Европе. У Турции разветвленные отношения со странами Ближнего Востока, включая Сирию и Иран, которых нет ни у одной из нынешних стран-членов ЕС. Турция продемонстрировала, как мусульманские ценности могут быть интегрированы с европейскими. У этой страны есть молодые рабочие силы, образовательный уровень которых постоянно растет. Турция обладает большими вооруженными силами, чем любая европейская страна, и является признанным партнером НАТО уже много лет. Турция также показала, что может достичь реальных успехов, работая с европейскими странами в направлении борьбы с терроризмом, организованной преступностью, нелегальной миграцией и торговлей.

В целом представители турецких академических кругов подчеркивают, что привлечение Турции к участию в ОВПБ необходимо для противостояния таким региональным угрозам европейской безопасности, как Ближневосточный кризис (израильско-палестинский конфликт, Иран, Ирак, Сирия, Ливан), отсутствие уверенности в стабильных поставках энергоресурсов в Европу из Центральной Азии через Южный Кавказ, терроризм, незаконная иммиграция.[380]

Среди отрицательных факторов следует отметить, что у Турции сохраняется возможность новой эскалации напряженности с членом ЕС Грецией из-за кипрской проблемы, а также из-за разногласий по приграничной делимитации в Эгейском море. Кроме того, у нее закрытая граница с Арменией и в целом сложные взаимоотношения с этим соседом. Также необходимо учитывать, что турецкое вторжение в курдскую автономию Ирака было осуждено Европарламентом.

Помимо этого, Европу беспокоит расположение Турции по соседству с регионами, угрожающими европейской безопасности, поскольку она может стать платформой для экспорта нестабильности в ЕС. Незаконная иммиграция является одним из важнейших факторов, угрожающих безопасности в рамках Европейского Союза. В первую очередь премьер-министр Великобритании Тони Блэр обвинял Турцию в том, что она не в состоянии обеспечить необходимые меры предосторожности для предотвращения незаконной иммиграции.[381] Факторы, характеризующиеся НАТО как основные риски, полностью представлены в регионе, соседствующем с Турцией: распространение ОМУ, религиозный фундаментализм, контрабанда оружия и наркотиков, политическая нестабильность, международный терроризм и массовая эмиграция беженцев. Соответственно, Турция рассматривается как коридор для притока огромных масс населения из стран Центральной Азии и Ближнего Востока в Европу.

Более того, в отличие от приоритетов НАТО Европейский Союз основывает свою идентичность на демократической миссии и либеральном интервенционизме. Первостепенной задачей ЕС является распространение своих ценностей на восток, но не с помощью использования военной силы, а политическими и социально-экономическими средствами безопасности. Таким образом, участие Анкары в европейской политике безопасности и обороны является проблемой европейской идентичности. Турция как иное, менее демократическое и стабильное государство, бросает ей вызов.

Турецкие политологи полагают, что в первую очередь перспективы участия Турции в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС осложняются такими факторами, как геополитическое положение страны и ее мусульманская идентичность. Выражая сомнения по поводу географической принадлежности Турции к Европе, ЕС в действительности опасается серьезных вызовов своей безопасности, связанных с непосредственным примыканием Турции к Сирии, Ирану и Ираку. С другой стороны, в ЕС полагают, что в случае принятия Турции внешняя политика организации продолжит следовать указаниям из США, что продиктовано особыми отношениями Анкары и Вашингтона.[382]

В итоге можно сделать вывод о том, что политика безопасности ЕС по отношению к Турции определяется в основном

ее геополитическим и исключительно выгодным географическим положением. В этой ситуации каждая из сторон хочет извлечь из взаимного «притяжения» максимум политической выгоды. ЕС – получить плацдарм и «пушечное мясо» в случае конфликта в «энергетическом» регионе мира. Турция – политико-экономические преференции от ЕС в обмен на «использование» своего геостратегического положения.

Относительно того, какое значение имеют перспективы участия Турции в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС для России, хотелось бы отметить следующее. Анкара важна для ОВПБ в первую очередь как крупнейший союзник по НАТО на средиземноморском направлении, который может стать проводником интересов ЕС в исламском мире, а именно в регионах Ближнего Востока, Южного Кавказа и Центральной Азии. Однако более важным фактором представляется следующий: ЕС регулярно заявляет о необходимости повышения уровня ответственности и способности к обеспечению своей безопасности и степени независимости от НАТО. При этом данная цель тормозится нежеланием национальных государств ЕС увеличивать финансирование заявленных инициатив. И здесь Евросоюз будет стремиться использовать Турцию в качестве европейского союзника по НАТО, вносящего наиболее крупный вклад в организацию, а именно его материальные ресурсы: военный контингент и вооружения. Показательным примером высокой степени заинтересованности ЕС в Турции является тот факт, что несанкционированные НАТО и Евросоюзом действия Анкары по обеспечению своей безопасности в Северном Ираке никак не отразились на переговорном процессе Турции с Европейским Союзом.

Вместе с тем в России положительно оценивают возросшую в последнее время независимость Турции от НАТО, в первую очередь от США, в принятии внешнеполитических решений. Данный курс ведет к сближению Анкары с европейскими принципами в сфере ОВПБ. И последняя инициатива Турции по Кавказской платформе в случае конкретных успешных шагов по ее реализации предоставляет Анкаре возможность стать проводником для сближения ЕС с Южным Кавказом. Именно подобные шаги содействуют соответствию Турции европейской идентичности. В то время как действия, подобные блокированию предоставления ресурсов НАТО для операций ЕС из-за неучастия Турции в общеевропейских механизмах принятия решений, лишь формируют негативный образ страны.

## 4. Турция и проблема разделенного Кипра

Начиная с 1950-х гг., когда на Ближнем Востоке были открыты огромные запасы нефти, Кипр благодаря своему местоположению в непосредственной близости от данного региона приобрел важнейшее геостратегическое значение. Другим определяющим моментом заинтересованности в обладании островом была возможность вмешиваться с его территории в конфликты в регионе.

На основании Цюрихско-лондонских соглашений, подписанных в феврале 1959 г., Турция, Греция и Великобритания стали гарантами киприотской конституции и территориальной целостности острова. При этом турки-киприоты особенно настаивали на том, чтобы их рассматривали не как меньшинство, а как одну из двух равноправных общин, соучредительниц нового государства. Поэтому во избежание конфликтов после провозглашения независимости Великобритания попыталась разработать для будущей республики такую конституцию, которая позволила бы обеим общинам проживать на острове, создав систему юридических противовесов. С принятием конституции Кипра в августе 1960 г. остров был объявлен двухнациональной республикой. Энозис, т.е. присоединение к Греции, был запрещен. Кроме того, Кипру запрещалось вступать в любые союзы, куда не входили Турция и Греция. Президентом Республики Кипр стал грек, а вице-президентом турок. Оба они избирались населением на пять лет: президент – греческой общиной, вице-президент – турецкой. По всем решениям, касающимся вопросов внешней политики, обороны и безопасности, они оба имели право вето. Семь министров в кабинете из десяти человек были греками, и три – турками. Конституция предоставляла возможность греческим и турецким депутатам сепаратно принимать решения по вопросам, связанным с избирательным законодательством, введением пошлин и налогов. Обе общины сохраняли автономию в решении своих внутренних вопросов. Однако тот факт, что турки получили непропорциональное 30%-е представительство в государственных учреждениях, подготавливал почву для новых конфликтов. Ситуация усугублялась тем, что между Турцией и Грецией отношения также были достаточно напряженные.

30 ноября 1963 г. президент Кипра Макариос при прямой поддержке Греции попытался изменить конституцию в тринадцати параграфах. Он пошел на это частично из-за давления греческих националистов. Большинство поправок было нацелено на уменьшение прав турок-киприотов. Эту политику турецкая сторона назвала «апартеидом», поскольку турецким киприотам было запрещено проживать в крупнейших городах острова, и большинство турок было перемещено в зоны компактного проживания, расположенные в северной части Кипра. Тогда же им было запрещено осуществлять многие доходные торговые операции, участвовать в туристическом бизнесе, а также создавать рынки и магазины рядом с греческими торговыми точками. Таким образом, политика греческих властей была направлена на полную изоляцию турецкой общины. Сразу после вспыхнувшего конфликта вице-президент, турецко-киприотские министры, члены палаты представителей и чиновники перебрались в турецкую часть Никосии и отказались участвовать в управлении страной. С тех пор Кипр управлялся правительством в неполном составе, при этом конституция 1960 г. оставалась в силе. Однако турецкая община лишилась всех источников государственной материальной поддержки. Фактически она вынуждена была находиться в экономическом и административном вакууме.

Спустя месяц начались переговоры госсекретаря США Декана Ачесона с представителями Турции и Греции. Согласно плану Ачесона, в северо-восточном регионе острова, где проживали турки-киприоты, Турция имела право разместить свои войска. Однако Макариос отклонил эту идею, и соглашение достигнуто не было.

4 марта 1964 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о введении на остров Сил по Поддержанию Мира. Генеральный секретарь ООН в своем отчете от 10 сентября 1964 г. (С/5950) писал: «После вспышки насилия 21 декабря 1963 г. был введен ряд ограничений, ущемляющих права турок-киприотов. В результате ограничения свободы передвижения по дорогам турецкая община оказалась в изоляции. Это принесло лишения и нужду членам общины и серьезно сказалось на их экономической деятельности». В следующем отчете генерального секретаря ООН от 8 декабря 1967 г. (С/8286) отмечалось: «126. В связи с беспорядками, которые начались в декабре 1963 г. и продолжались в первой половине 1964 г., тыся-

чи турок-киприотов бежали из своих домов, унося с собой только то, что могли увезти в машине или унести в руках. Они искали убежища в турецких деревнях и районах, считая эти места более безопасными». Под давлением ООН, США и Великобритании Макариос согласился на неофициальные предварительные переговоры с представителями турецкой общины. Одновременно с этим он принял решение убрать заграждения и открыть дороги, ведущие в турецкие районы.

В 1968 г. начались переговоры между двумя общинами. Греки-киприоты выступали за сохранение государственного единства, тогда как турки-киприоты предпочитали федеративную систему и предоставление равного статуса с греческой общиной. Существовала и небольшая группа греков-киприотов, требовавшая немедленного энозиса с Грецией.

Ситуация на острове к 1974 г. резко обострилась, и на Кипр прибыл 20-тысячный греческий корпус.[383] 15 июля в результате переворота архиепископ Макариос был свергнут с поста президента греческими националистами из организации ЭОКА при поддержке греческой военной хунты с целью присоединения острова к Греции. Премьер-министр Турции Бюлент Эджевит прилетел 17 июля в Лондон с попыткой убедить британское правительство в том, что как два гаранта обе стороны должны совместно вмешаться в ход событий для предотвращения полного захвата Кипра Грецией. Однако Великобритания предпочла бездействовать. 20 июля Турция ввела свои войска в северо-восточную часть острова. По ее версии, это была миротворческая операция. Анкара обосновала свое вторжение своим правом гаранта в соответствии со статьей 4(2) Договора о гарантии, чтобы отстоять независимость острова, восстановить конституционный порядок и положить конец страшному уничтожению людей и материальных ценностей.

23 июля обе хунты в Греции и на Кипре пали. Совет Безопасности ООН в соответствующих резолюциях призвал к выводу иностранных войск с острова. Министры иностранных дел Турции, Греции и Великобритании провели переговоры в Женеве с 25 по 30 июля, в результате которых была подписана совместная Мирная Декларация по Кипру. В ней признавалось существование на острове двух автономных административных общин.[384]

На следующем саммите, который прошел в том же составе 8 августа, выяснилось, что ни одно из положений Женевской

Декларации не было выполнено. Как следствие этого началась вторая турецкая операция. 14 августа турецкая армия заняла 37% территории Кипра. Вслед за прекращением огня Турция пригласила Грецию и представителей греческой общины острова на новую конференцию по урегулированию кипрского вопроса с участием трех государств-гарантов и представителей обеих общин Кипра. Турки потребовали автономии в составе федеративного Кипра, состоящего из двух зон. Премьер-министр Турции Эджевит заверил, что его страна проявит понимание и гибкость в вопросе пересмотра демаркационной линии и ускорит поэтапное сокращение своих вооруженных сил.[385] Тем не менее Греция и община греков-киприотов отвергли данное предложение. 21 июля было подписано перемирие между руководителями турецкой общины острова и Турцией с одной стороны и правительством Республики Кипр, в которое тогда входили только представители греческой общины, и Грецией – с другой. В результате с 1974 г. греческих и турецких киприотов разделяет «зеленая линия», контроль над которой осуществляет ООН. На острове размещены более 30 тысяч турецких военных, а Никосия остается последней европейской столицей, разделенной на две части.

25–26 августа 1974 г. генеральный секретарь ООН посетил остров и провел консультации с греческой и турецкой сторонами. Их результатом стало начало двусторонних переговоров в Никосии между Денкташем и Макариосом. Эти переговоры проводились еженедельно в присутствии специального представителя генерального секретаря ООН на Кипре и касались гуманитарных вопросов. Их итогом стал обмен населением: турки-киприоты переселились на оккупированную турецкими войсками часть Кипра, а греки-киприоты – на юг страны. Макариос сформировал на острове чисто греческую администрацию и представил ее как правительство Кипра. В свою очередь, Турция начала размещать поселенцев на острове, пытаясь увеличить турецкое население. В 1975 г. турецко-кипрская администрация провозгласила в северной части острова «Турецкое федеративное государство Кипр».

После смерти Макариоса в 1978 г. президентом греческой части острова был избран Спирос Киприану. Он твердо проводил курс на сохранение единства страны. К тому же греки-киприоты время от времени устраивали демонстрации, требуя возвращения в родные деревни на севере Кипра. В результате

переговоров Денкташа с Киприану в 1979 г. был обоюдно одобрен документ о создании федерации. Но данный договор Денкташ так и не подписал.

15 ноября 1983 г. была провозглашена Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), президентом которой стал Рауф Денкташ. Однако в резолюции Совета Безопасности ООН № 541/83 это образование было объявлено незаконным и юридически не существующим. В ней заявлялось, что согласно принципам международного права, урегулирование должно основываться на существовании на острове кипрского государства в форме двухобщинной и двузональной федерации, включающей две политически равные общины – греческую и турецкую. Это государство должно обладать единым суверенитетом, гражданством и единой международной правосубъектностью. ООН рекомендовала всем своим членам не признавать ТРСК. В свою очередь, ЕЭС объявило о введении эмбарго против нового государства. Мировое сообщество рассматривало провозглашение ТРСК как опасный прецедент для многих стран, на территориальную целостность которых посягают сепаратисты среди представителей национальных меньшинств. Премьер-министр Турции Тургут Озал совместно с МИДом первоначально выразил отрицательное отношение к созданию ТРСК. Однако с провозглашением нового государства конституция и избирательная система были изменены, что позволило Денкташу и его Национальной единой партии остаться у власти на многие годы.

Впоследствии ТРСК была признана только Турцией. Связи между обеими частями Кипра фактически прервались. Отныне представители лишь греческой общины формируют правительство и представляют Кипр во всех международных организациях.

В 1984 г. ТРСК согласилась на вывод иностранных войск, открытие международного аэропорта в Никосии и обсуждение проблем свободы передвижения, свободы выбора местожительства и прав на собственность. Однако принятие этих принципов ТРСК поставила в зависимость от согласия Республики Кипр на трактовку термина «федерация» как образования, в котором каждая община будет располагать особыми правами, входящими в компетенцию центрального правительства. В итоге переговоры зашли в тупик, и в 1985 г. турецкая община приняла свою конституцию.

В 1990 г. правительство Кипра заявило о своем стремлении вступить в Европейский Союз. В ЕС к этим планам отне-

слись положительно. Но Анкара с самого начала заявила о своем неодобрительном отношении к стремлению правительства Кипра к членству в Евросоюзе. Власти Турции аргументировали свою позицию тем, что заявку в ЕС подало правительство, за которым турецкая община не признавала право представлять ее интересы.

В ноябре 1992 г. генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали предложил создать на Кипре федеративную республику с президентом из греков-киприотов и вице-президентом из турок-киприотов. ТРСК отклонила ряд аспектов предложений ООН, потребовав, чтобы каждая из зон острова была суверенной, а возвращение беженцев в ТРСК сопровождалось такими жесткими условиями, которые сделали данный план практически неосуществимым. По итогам провалившихся переговоров Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2.789, в которой указал, что на Турции лежит прямая ответственность за неурегулированность кипрской проблемы.[386]

В свою очередь, Греция в 1993 г. скрепила взаимоотношения с РК совместной оборонной доктриной и прикладывала максимум усилий для того, чтобы инициатива урегулирования конфликта исходила от Евросоюза в целом, и данную проблему Анкара решала напрямую с Брюсселем. Наконец, в 1998 г. Евросоюз принял решение о вступлении Кипра в ряды своих полноправных членов и начал вести переговоры с греко-кипрской администрацией, представлявшей остров целиком. ЕС гарантировал, что вопрос будет рассматриваться независимо от политической ситуации на острове. Переговоры официально начались 31 марта 1998 г. Каждая из сторон это решение восприняла в свою пользу: греческая община понадеялась на усиленное давление Европы на турецких лидеров, а последние рассудили, что ради скорейшего разрешения конфликта их оппоненты пойдут на любые уступки. И на ближайших переговорах кипрская администрация отвергла идею федерации, а турко-кипрская сторона стала настаивать уже на образовании конфедерации, то есть союза двух независимых государств с автономным правлением. Руководители Республики Кипр и Греции отклонили эту инициативу. Президент РК Клиридес, поддерживаемый Грецией, выдвинул условие, что любое соглашение должно основываться на «двухзональном» и «двухобщинном» решении. ТРСК пригрозила, что будет вынуждена пойти на еще более тесную интеграцию с Турцией

в случае принятия Республики Кипр в ЕС. Это привело к упрочению военных связей обеих сторон на Кипре с их партнерами на материке. Помимо этого, ТРСК подписала в 1998 г. новые экономические соглашения с Турцией, которые привели к их экономической интеграции.

Тупиковая ситуация в переговорном процессе привела к тому, что на декабрьском саммите Европейского Совета в Хельсинки 1999 г. было принято решение, предусматривающее в случае необходимости вступление в ЕС только Южного Кипра. Дело в том, что Греция как страна–член Евросоюза готова была проголосовать за прием в ЕС остальных девяти новых стран только в том случае, если вместе с ними будет принята Республика Кипр. В ответ присутствовавшие на саммите представители Турции пригрозили аннексией Северного Кипра. Тогда, несмотря на противодействие официальной Анкары, руководство ЕС включило вопрос об урегулировании турецко-греческого конфликта на Кипре в перечень условий, необходимых для вступления Турции в ЕС. По итогам саммита премьер-министр страны Бюлент Эджевит так прокомментировал ситуацию: «Они нас обманули. Нам было обещано, что наша кандидатура в члены ЕС будет рассматриваться независимо от киприотского конфликта». Кроме того, премьер заявил, что «отказаться от Северного Кипра было бы равнозначно отказу от части турецкой земли». Эджевит утверждал, что существование ТРСК имело жизненно важное значение не только для турецкого населения Кипра, но и для безопасности Турции.[387]

Тем не менее Турция все глубже демонстрировала неспособность обеспечения экономического развития ТРСК. В качестве подтверждения этому в июле 2000 г. прошли крупные демонстрации государственных служащих и общественных рабочих, которым не платили зарплату, данная ситуация стала непосредственным следствием экономического кризиса, вспыхнувшего в Турции. При этом следует учитывать, что частный сектор экономики в северной части острова практически неразвит, что обусловлено введенными санкциями, соответственно, подавляющая часть населения занята в государственных учреждениях и предприятиях, финансируемых дотациями из Турции. В результате все больше северян требовало объединения с греческой частью острова и совместного вступления в ЕС. Это неудивительно, если сравнить доход на душу населения на севере и юге Кипра (3 тыс. долл. против 13 тыс.) в 2000 г.[388]

В свою очередь, ЕС в Программе вступительного партнерства, обнародованной 8 ноября 2000 г., призывал Турцию «активно поддерживать усилия генсека ООН», направленные на решение кипрского вопроса.[389] Однако в Национальной программе, опубликованной 19 марта 2001 г., турецкие власти не представили приемлемых способов решения кипрской проблемы, отметив лишь, что «Турция продолжит поддерживать усилия генсека ООН в рамках его миссии доброй воли, направленные на взаимоприемлемое решение кипрского вопроса с учетом создания на Кипре нового партнерства, которое основывалось бы на суверенном равенстве двух сторон и реалиях острова». При этом Турция резко возражала против приема «южной части Кипра» в состав ЕС от имени всего острова, обосновывая свою позицию наличием там якобы двух суверенных государств и, как следствие, невозможностью правительства греков-киприотов представлять в организации турецкую общину.[390]

В январе 2002 г. генеральный секретарь ООН Кофи Аннан прибыл на Кипр с тем, чтобы оживить застывшие на мертвой точке переговоры о будущем разделенного острова. Денкташ по-прежнему настаивал на создании двух суверенных государств и требовал чередования представителей двух общин на посту президента, а также предоставления половины министерских портфелей в правительстве и 50% мест в парламенте будущей конфедерации. Тем временем президент Кипра Главкос Клиридис заявил, что греко-кипрская сторона стремится к созданию новой конституции острова, предусматривающей помимо центрального правительства два самоуправляемых кантона или субъекта федерации без права выступать на международной арене, которые будут иметь независимую законодательную и судебную власть. За рубежом Кипр будет представлять центральное правительство, не имеющее права вмешиваться во внутренние дела кантонов. Клиридис добавил, что греко-кипрская сторона приемлет политическое равенство с турко-кипрской стороной, но не численное, в полном соответствии с резолюциями ООН.[391]

12 ноября 2002 г. Кофи Аннан представил новый план кипрского мирного урегулирования, который встретил широкое одобрение в Совете Безопасности. Данный документ был передан лидеру турецких киприотов, президенту греческого Кипра, представителям Турции, Греции и Великобритании. Он предполагал создание конфедерации, состоящей из двух частей – греческой и турецкой, с единым правительством. Испол-

нительную власть должны были по очереди осуществлять шесть членов президентского совета с ротацией на постах президента и вице-президента каждые десять месяцев. При этом соотношение в совете между представителями греческой и турецкой общин должно было составлять четыре к двум – пропорционально соотношению между населением острова. Далее предусматривалось, что объединение в рамках конфедерации должно быть одобрено референдумами обеих общин. Правда, переход на эту модель мог быть осуществлен только через три года, до этого времени предполагалось ввести систему сопрезидентства лидеров двух частей острова. Кроме того, план предусматривал демилитаризацию острова.[392]

Несмотря на мощное давление мирового сообщества, лидеры греческой и турецкой общин отказались принять план ООН. Рауф Денкташ заявил, что план неприемлем – в основном из-за того, что требует от его общины слишком больших территориальных уступок и обернется «выдворением с острова ста тысяч турок-киприотов». А это, по его мнению, неминуемо произойдет, если в соответствии с планом на родину вернутся беженцы из числа греков-киприотов.[393] Греческая община, со своей стороны, возражала против непродуманности мер, которые обеспечивали бы возможность возвращения беженцев. Президент РК Пападопулос потребовал более четко обозначить полномочия будущего центрального правительства единого острова и расшифровать пункты «по вопросам безопасности»: какова конкретно будет численность войск на острове с обеих сторон.[394] Обе стороны не были согласны с идеей ротации главы государства.

Хотя переговоры об объединении острова провалились, ключевым пунктом саммита Европейского Совета в Копенгагене в декабре 2002 г. стало решение о принятии в ЕС в 2004 г. 10 новых стран, в том числе Кипра – самой сложной кандидатуры в политическом отношении. Денкташ выступил с резкой критикой результатов саммита, он заявил, что в нынешних условиях, когда Республика Кипр приглашена стать членом ЕС, мирные переговоры по объединению острова теряют смысл.[395] В то же время оппозиционная Республиканская турецкая партия (РТП) на севере Кипра потребовала немедленной отставки Денкташа и проведения новых выборов турко-кипрского руководства. Лидеры РТП обвинили его в том, что он «не использовал предоставленную ООН и Евросоюзом возможность урегулирования кипрской проблемы и несет ответственность за

изоляцию турок-киприотов от внешнего мира». РТП также критиковала Денкташа за то, что он занял «негибкую позицию по вопросам поиска взаимоприемлемого урегулирования на острове, предполагающую, что кипрский вопрос должен быть решен только после вступления Турции в ЕС».[396] С критикой в адрес Денкташа выступили и представители новой турецкой власти, заявив, что излишне жесткая линия лидера туркокипрской общины может создать проблемы при вступлении в Евросоюз самой Турции.[397]

31 марта 2003 г. премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган выступил с инициативой созыва пятисторонней конференции с целью решения кипрской проблемы. Но кипрское правительство отвергло данное предложение, аргументировав это тем, что «ООН – единственная трибуна, где попытки найти решение могут принести плоды».[398] 23 января 2004 г. Совет национальной безопасности Турции обнародовал заявление, в котором подчеркивалось, что Турция нуждается в урегулировании кипрской проблемы путем переговоров до 1 мая 2004 г., намеченной даты расширения ЕС, поскольку Республика Кипр после вступления в Евросоюз изменит свою политику по отношению к Турции.[399]

Наконец, усилиями генерального секретаря ООН Аннана в феврале 2004 г. удалось возобновить переговоры между конфликтующими сторонами на Кипре. В результате 31 марта лидеры греческой и турецкой общин Кипра Тасос Пападопулос и Рауф Денкташ подписали план генсека ООН по урегулированию кипрской проблемы. Аннан представил пересмотренный план объединения Кипра делегациям из Греции, Турции и двух частей Кипра на официальной церемонии, на которой присутствовали также представители России, Евросоюза и США. Усилия Кофи Аннана были направлены на то, чтобы в Евросоюз вступил объединенный Кипр, а не только его греческая часть, как это было запланировано. Генеральный секретарь ООН предоставленным ему участниками переговоров правом привел по своему усмотрению к общему знаменателю все пожелания обеих общин. Суть плана состояла в создании на острове федеративного двухобщинного двухзонального государства. При этом территория турецкой части должна была составить 29% Кипра, то есть по сравнению с нынешней сократиться на 8%. На посту президента предусматривалось ежегодное чередование представителей обеих национальных общин. Кроме

того, турецкой общине было выделено 50% мест в федеральном парламенте. Граждане получали право свободно перемещаться по острову. Однако были введены квоты на количество греческих киприотов, желающих переселиться в северную часть острова. Для возвращающихся беженцев были предусмотрены ограничения на приобретение собственности в северной части Кипра до тех пор, пока фактический уровень жизни обеих общин не сравняется. Один из важнейших пунктов состоял в том, что в случае объединения на острове останется турецкая армия. Войска получали право находиться там до тех пор, пока Турция не станет членом Евросоюза.[400] Под давлением ООН стороны согласились провести референдумы.

Однако президент турецкой общины острова Рауф Денкташ снова отверг план по объединению острова и призвал турок-киприотов не голосовать на референдуме, подчеркнув, что положительный результат при голосовании будет означать конец турецкой автономии на Кипре. Денкташ высказал мнение, что в случае объединения обеих частей острова даже при слабом федеральном правительстве турки-киприоты утратят многие свободы и права, кроме того, одобрение плана приведет к концу турецкого государственного образования на севере Кипра, поскольку этнические турки растворятся среди значительно более многочисленной греческой общины острова. Напротив, премьер-министр турецкого Кипра Мехмет Али Талат предсказал, что население северной части поддержит план: «Для нас самое важное – это снятие экономических санкций».[401]

С другой стороны, президент РК Пападопулос заявил, что «план ООН не решает проблему фактического раздела острова, а, напротив, узаконивает и углубляет его», кроме того, его реализация может обернуться крушением всей экономики страны. Президент высказал мнение, что ООН ради того, чтобы разрешить многолетний территориальный спор, решила пойти на максимальные уступки Турции. Вынесенный на суд киприотов вариант объединения отвечает не их интересам, а «стремлению Турции контролировать и опекать Кипр», отметил Пападопулос. Он также подчеркнул, что нет никаких гарантий, что Анкара выполнит свои обязательства о выводе войск.[402] В свою очередь, Еврокомиссия полностью поддержала план объединения Кипра, представленный генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном.

Что касается Турции, то 7 апреля представители данной страны письменно заверили ООН в поддержке референдума

о воссоединении Кипра. Вместе с тем министр иностранных дел Абдулла Гюль заявил, что в случае если референдум не даст положительного результата, Анкара будет добиваться международного признания так называемой Турецкой Республики Северный Кипр. При этом лидер одной из крупнейших оппозиционных партий Турции – Партии националистического движения – Девлет Бахчели призвал своих сторонников «быть готовыми отправиться на Кипр и отвоевать турецкие земли, чтобы помешать повторению событий 30-летней давности, когда греки уничтожали безвинных турок».[403]

В ходе референдума, состоявшегося 24 апреля, 64,9% турок-киприотов поддержали план объединения острова, в то время как 75,8% греков-киприотов высказались против.[404] Многие греки-киприоты аргументировали свое «нет» плану Аннана в первую очередь тем, что после совместного вхождения в ЕС их вынудят тратить приличные деньги на восстановление неблагополучного хозяйства северных соседей. Помимо этого, греков-киприотов не устраивали следующие моменты: недостаточные гарантии безопасности общин, отсутствие четкого механизма практического применения плана, который бы гарантировал жизнеспособность объединенного государства, сохранение присутствия на острове турецкого военного контингента и предоставление права проживания на Кипре всем переселенцам из Турции, а также квоты, ограничивающие количество кипрских греков, которые получали право переселиться на север острова и возвратить себе принадлежащую им собственность, утраченную после оккупации Кипра Турцией. Греческая община придерживалась мнения, что в результате осуществления плана Аннана будет фактически узаконена оккупация части острова турецкими войсками.

По итогам референдума ЕС поблагодарил турецкую общину за поддержку плана ООН и пообещал изучить пути дальнейшего экономического развития северной части Кипра. При этом ЕС подверг Пападопулоса резкой критике за его призыв голосовать против. ЕС и ООН подчеркнули, что нынешняя версия объединительного плана меняться не будет. Таким образом, территория Кипра по-прежнему будет разделена буферной зоной, контролируемой миротворческими войсками ООН. В свою очередь, министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль заявил, что отказ греков-киприотов поддержать объединение означает, что раздел острова впредь будет постоянным,

и Турция никогда не выведет свои войска из Северного Кипра.[405] При этом Совет национальной безопасности Турции распространил заявление, в котором призвал международное сообщество снять экономическое эмбарго с северного Кипра, включающее в себя морское и воздушное сообщение, а также торговлю с третьими странами.[406]

Заручившись поддержкой Турции, 26 апреля премьер-министр Турецкой Республики Северного Кипра Али Талат отправился в Брюссель на переговоры с лидерами ЕС по вопросу снятия экономического эмбарго с ТРСК. «Хватит называть нас сепаратистами. Мы доказали, что готовы принять предложения международного сообщества. Пора прекратить изоляцию», – заявил он. В итоге ЕС принял решение оказать северной части острова финансовую помощь в размере 259 млн. евро.[407] Эти средства предполагалось направить на уменьшение негативных для ТРСК последствий после вступления Республики Кипр в ЕС. Однако необходимо учитывать, что Евросоюзу решением ООН запрещено сотрудничать с властями севера Кипра. Полностью снять экономическое эмбарго тоже будет трудно, поскольку оно стало результатом решений Европейского суда. Несмотря на это, ЕС приступил к рассмотрению возможностей снижения пошлин на сельхозпродукцию и финансирования создания инфраструктуры в ТРСК. Также было запланировано открытие представительства Европейской Комиссии на Северном Кипре с целью координации выделяемой Евросоюзом помощи.

Поскольку для объединения острова требовалась поддержка плана Аннана обеими сторонами, на момент вступления в Евросоюз 1 мая 2004 г. Кипр по-прежнему остался разделенным на две части. Все законы ЕС и льготы от членства в союзе, таким образом, распространяются лишь на греческий сектор. Тем не менее в ноябре правительство Республики Кипр выступило с предложением следующих изменений для плана генсека ООН:

– полный вывод турецких войск;

– отмена права Турции как гаранта и определение даты прекращения действия гарантов;

– возвращение на материк турецких поселенцев;

– немедленное прекращение постоянного притока новых поселенцев из Турции;

– передача всего острова под управление греко-кипрской администрации;

– гарантирование экономического единства страны.

Тем временем 17 декабря 2004 г. на саммите Европейского Совета в Брюсселе было принято решение о начале переговоров с Турцией относительно вступления данной страны в ЕС. Однако основным предварительным условием, выдвинутым Анкаре, являлось именно признание целостности Кипра. Это представляется вполне логичным, учитывая тот факт, что Республика Кипр – единственная страна-член ЕС, не имеющая дипотношений с Анкарой. В результате интенсивных переговоров представители Евросоюза и Турции договорились о компромиссном решении проблемы признания Анкарой Кипра. ЕС предложил Турции подписать протокол, распространяющий границы таможенного союза вышеуказанных сторон на Кипр. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, хотя и согласился с требованием ЕС, тем не менее заявил, что согласие Анкары подписать с десятью новыми странами-членами Евросоюза протокол о распространении на них Договора об ассоциации между ЕС и Турцией 1963 г. не означает признания Кипра. «Прямое или непрямое признание Кипра исключается», – подчеркнул министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль по итогам саммита Европейского Совета.[408]

В апреле 2005 г. на посту президента Турецкой Республики Северного Кипра Рауфа Денкташа сменил Мехмет Али Талат. Европейский Союз приветствовал его победу на выборах. После оглашения результатов голосования Талат, занимавший ранее пост премьер-министра, призвал администрацию греков-киприотов возобновить усилия по воссоединению острова. Одновременно он обратился к Европейскому Союзу и ООН с просьбой поддержать эту инициативу.[409]

В свою очередь, 29 июля 2005 г. Турция подписала протокол, предусматривающий распространение границ таможенного союза на 10 новых членов ЕС и, в частности, на Кипр. Тогда же МИД Турции выступил с заявлением, в котором говорится, что подписание протокола ни в коем случае не означает признание РК.[410] Однако Анкара до сих пор не ратифицировала этот протокол и по-прежнему не выполняет его положений в отношении острова.

Страны-члены Евросоюза 21 сентября 2005 г. приняли декларацию, одобряющую распространение Турцией таможенного союза на вступившие страны. Вместе с тем в декларации содержатся следующие положения: «Европейское Сообщество и его члены ожидают полного, недискриминационного выпол-

нения дополнительного протокола и ликвидации всех препятствий свободному передвижению товаров, включая ограничения на транспортные средства. Турция должна применять протокол полностью для всех членов ЕС. ЕС тщательно проверит и определит полномасштабность осуществления протокола в 2006 г. Европейское Сообщество подчеркивает, что ход переговоров зависит от выполнения Турцией договорных обязательств перед всеми его членами. Признание всех государств, входящих в Евросоюз, является необходимым условием вступления в него. Соответственно, ЕС подчеркивает важность, которую он придает нормализации отношений между Турцией и всеми членами ЕС как можно скорее».[411]

Между РК и Турцией нет дипломатических отношений, корабли под кипрским флагом не могут проходить через черноморские проливы, а лайнерам кипрских авиалиний не разрешено пролетать над турецкой территорией. При этом Анкара ссылается на неурегулированность проблемы ТРСК. Ничего не делается Турцией, чтобы решить вопрос с беженцами, изгнанными с северных территорий Кипра, неизвестна судьба грековкиприотов, пропавших без вести в дни турецкого вторжения на остров. Кроме того, Анкара не должна препятствовать деятельности членов Евросоюза в других международных организациях. На практике это означает, что Турция лишится права вето в случае, если Никосия решит вступить в НАТО. В декабре 2006 г. главы МИД стран ЕС постановили частично заморозить переговоры по вступлению Турции в Евросоюз в связи с отказом ее властей выполнить Анкарский протокол и открыть свои порты Республике Кипр.[412] Переговоры были приостановлены по восьми из 35 технических пунктов. Все они связаны с выполнением Анкарой обязательств по Кипру в рамках дополнительного протокола о Таможенном союзе между ЕС и Турцией. Вместе с тем греческий Кипр продолжает блокировать в Совете ЕС вопросы по оказанию финансовой помощи оккупированному Турцией северу острова.

В свою очередь, Анкара настаивает на том, что Евросоюз нарушил свое обещание прекратить экономическую блокаду Северного Кипра. Турецкие власти неоднократно заявляли, что откроют РК свои морские и воздушные порты только после международного признания Северного Кипра. Позиция Анкары заключается в том, что кипрская проблема не является предметом двусторонних дискуссий с ЕС, а должна обсуждаться

между двумя суверенными государствами острова – РК и ТРСК. Анкара выражает готовность признать объединенный Кипр только после того, как греческая община острова примет план, предложенный ООН.[413] Вместе с тем 24 января 2006 г. министр иностранных дел Турции Гюль представил генсеку ООН план действий по достижению кипрского урегулирования, элементы которого включают следующее:

1. Открытие турецких морских портов для торговых кипрско-греческих судов согласно условиям Таможенного союза ЕС – Турции.

2. Предоставление кипрско-греческим авиакомпаниям разрешения на использование турецкого воздушного пространства для совершения полетов и посадки в турецких аэропортах согласно соответствующим международным правилам и процедурам.

3. Открытие портов на Северном Кипре, включая Газимагосу, Гирне и Гемиконаги, для осуществления международного транзита товаров, людей и услуг под руководством кипрско-турецкой стороны.

4. Открытие аэропорта Эркан для прямых полетов под руководством кипрско-турецкой стороны.

5. Принятие специальных мер для практического включения Северного Кипра как субъекта хозяйствования в Таможенный союз Европейского Союза. Обеспечение беспрепятственной прямой торговли между двумя сторонами на острове, а также с внешним миром.

6. Участие кипрско-турецкой стороны в международных спортивных, культурных и других социальных мероприятиях.

Для осуществления плана турецким МИДом были предложены следующие процедурные шаги:

1. План действий и итоговый документ встречи должны быть представлены Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Совету Безопасности. Генсеку ООН рекомендуется создать механизм контроля за выполнением плана с целью представления регулярных отчетов о любых событиях Совету Безопасности.

2. План действий ни в коей мере не нанесет ущерба юридической и политической позициям заинтересованных сторон. Он направлен на создание атмосферы сотрудничества и взаимного доверия в целях достижения всеобъемлющего урегулирования кипрского вопроса.[414]

Однако новые предложения Анкары были отвергнуты как греческой стороной Кипра, так и Грецией на том основании, что Турция и без того уже взяла на себя обязательства по снятию торговой блокады с острова, распространив на РК таможенный союз со странами ЕС.

Кроме того, большой резонанс приобрел вопрос о земельной собственности в связи с инициированным греками судебным разбирательством о правообладании собственностью. Согласованием данного вопроса на международном уровне занимается созданный на территории Турецкой Республики Северного Кипра комитет Еврокомиссии по компенсациям.[415]

При этом в Брюсселе все же открылось представительство Турко-кипрской торговой палаты, уполномоченной сертифицировать на территории ЕС товары из ТРСК. Европарламент начал мониторинг мер Еврокомиссии по финансовой помощи и прямой торговле с ТРСК.

В конце 2008 г. в отношениях Турции с Республикой Кипр возникли дополнительные проблемы из-за вспыхнувшего спора вокруг разведки месторождений нефти и газа на шельфе острова. Правительство Республики Кипр санкционировало начало поисковых работ на шельфе, однако Турция выступила резко против этого. Турецкий флот неоднократно совершал рейды на кипрские нефтеразведывательные суда под предлогом того, что они находятся в турецких территориальных водах. В ноябре 2008 г. президент Кипра направил жалобу в ООН на действия Турции, подчеркнув, что действия турецкой стороны негативно влияют на мирные переговоры на разделенном острове[416]. В мае 2009 г. Анкара вновь заявила, что не позволит начать работы по разведке нефтегазовых месторождений у берегов Кипра, и пригрозила направить в этот район военные корабли для защиты своих интересов. Как следствие, Республика Кипр блокирует обсуждение комплекса энергетических вопросов в рамках переговорного процесса о членстве Анкары в ЕС.

Таким образом, несмотря на усилия, многократно предпринимавшиеся мировым сообществом, на данный момент между турецкой и греческой частями Кипра по-прежнему проходит демаркационная линия. Это означает, что в составе Евросоюза присутствует государство, имеющее территориальные проблемы, что противоречит Копенгагенским критериям членства в данной организации. Что касается Турецкой Республики Северного Кипра, то данное образование контролирует 37% территории

острова, в то время как численность его населения составляет всего 18% от общего числа киприотов.[417] При этом правительство РК оставляет за собой право освободить оккупированные территории. Таким образом, присутствие турецких войск на Кипре необходимо для поддержания существования ТРСК.

Вместе с тем северная часть острова катастрофически беднеет: в силу неурегулированности своего политического статуса она не может развивать индустрию туристических услуг и привлекать иностранных инвесторов. По состоянию на 2008 г. доход на душу населения в ТРСК составлял 18 000 долл. против 29 000 долл. в Республике Кипр. Все внешнеторговые сделки северокипрские фирмы осуществляют через Турцию, что приводит к накруткам и на импорт, и на экспорт. Но самый болезненный момент для турок-киприотов – это запрет на осуществление прямых авиарейсов в ТРСК, которые могут совершаться только с территории Турции. Все это является следствием экономического эмбарго, наложенного Европейским Союзом на непризнанную республику. Кроме того, нынешняя турецкая экономика с трудом несет бремя ТРСК и не в состоянии полностью удовлетворять ее финансовые запросы. Представители деловых кругов Турции, в свою очередь, высказывают мнение, что Кипр все дороже обходится их стране, необходимость его содержания является одной из причин возникновения экономических кризисов, что задерживает прием самой Турции в ЕС. Сложившаяся ситуация заставляет Анкару быть более «восприимчивой» к требованиям Брюсселя. Тем более, что с учетом прогнозируемого формирования к 2010 г. Средиземноморской зоны свободной торговли перед Кипром, специализирующимся на услугах и транзите, открываются особые перспективы.

Необходимо учитывать стратегическую важность Кипра, особенно ввиду нынешних конфликтов на Ближнем Востоке. Утрата влияния на севере острова воспринимается турецким руководством как сокращение стратегического потенциала и усиление факторов риска для национальной безопасности страны. События в Ираке резко повышают уровень уязвимости Турции, в то время как потеря Северного Кипра сокращает зону ее регионального влияния уже на западном направлении. Очевидно, что в обоих случаях натовская система или система коллективной европейской безопасности не выступают гарантом обеспечения турецких национальных интересов. Кроме

того, по мнению турецких военных, в любой возможной войне будущего Турция зависит от внешних поставок оружия и снаряжения, морские и воздушные пути доставки которых проходят через Кипр. Это обусловлено тем, что турецкие войска на Кипре не подпадают ни под какие международные соглашения по ограничению вооружений. В экономическом аспекте положение Кипра, «ключа» ко всему Восточному Средиземноморью, позволяет Турции контролировать подходы к своим средиземноморским портам – Искендеруну, куда перекачивается иракская нефть, Мерсину и Джейхану, конечному пункту транспортировки каспийской нефти из Баку. Помимо всего прочего, турецкие лидеры считают, что любая уступка Анкары в вопросе урегулирования кипрской проблемы неминуемо ослабит доверие к ней со стороны тюркских республик, которым Турция стремится покровительствовать, а возможно, и в остальном мусульманском мире.

По сути проблемы разделенного Кипра, в том числе по отношению к ЕС, сводятся к разнице в уровне доходов между греческой и турецкой частями острова. Если добавить к этому мусульманский фактор в Турции и политические амбиции турецкого и греческого правительств, то становится понятным, какой путь обе страны должны пройти до заключения политического компромисса.

* * *

За последние годы Турция достигла значительного прогресса на пути соответствия европейским ценностям (Копенгагенским критериям) в гуманитарной и правовой областях. Вместе с тем очевидно, что требуемые от Турции изменения зависят в первую очередь от политической воли ее руководства и эволюции общественной ментальности.

Что касается соответствия критериям в экономической сфере, то это может быть только результатом долговременных «болезненных» реформ. Экономические показатели Турции свидетельствуют о том, что пока она не может в полном объеме принять на себя обязательства перед ЕС. Нестабильность экономики, высокий уровень инфляции, огромный дефицит бюджета, диспропорции территориального развития, государственный протекционизм не позволяют Турции участвовать в экономическом и валютном союзе. Однако необходимо отметить, что реформы турецкого правительства, на-

правленные на вступление в ЕС, повысили эффективность экономики.

Важнейшим достижением на пути интеграции Турции в ЕС стало создание таможенного союза с этой организацией. В то же время Анкара не получала возможности участвовать в принятии общих для Евросоюза решений в вопросах торговли. Значение таможенного союза снижалось еще и потому, что он не гарантировал Турции вступление в ЕС.

Облегчение товарообмена при более высокой конкурентоспособности европейских товаров стало тяжелым вызовом для Турции. Отсутствие серьезной финансовой помощи со стороны ЕС понижало адаптационные возможности турецкой экономики, а необходимыми ресурсами для финансирования ее структурной перестройки ни частный сектор, ни государство не располагало. Но несмотря на то, что либерализация взаимной торговли привела к банкротству ряда турецких предприятий, большинство отраслей относительно быстро приспособилось к новым условиям.

В процессе становления новой системы правительством Турции были созданы условия наибольшего благоприятствования малым и средним предприятиям. Тем не менее они продолжали терпеть убытки от недостаточного доступа к новым технологиям.

Вместе с тем турецкому населению таможенный союз принес более качественную и дешевую продукцию. В свою очередь, производители получили доступ на стабильный и крупный европейский рынок. На микроэкономическом уровне уже существует значительный положительный эффект от взаимной торговли, европейских инвестиций в Турцию и углубления интеграции финансовых рынков сторон.

Таким образом, функционирование таможенного союза ЕС – Турция, безусловно, выгодно обеим сторонам. При этом необходимо учитывать, что положительные последствия таможенного союза для Анкары могут полностью реализоваться только при осуществлении ею целого комплекса экономических реформ. К ним относится макроэкономическая стабилизация, структурная сбалансированность, повышение уровня доходов подавляющей массы турецкого населения. Создание таможенного союза ЕС – Турция при экономике, которая недореформирована до степени эффективности, сравнимой с европейской, способно принести гораздо больше издержек, чем выгод.

Другим важным аспектом взаимодействия сторон является перспектива участия Турции в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС. Для Анкары значение создания Европейской политики безопасности и обороны состоит в том, что эта инициатива может привести к появлению собственной европейской стратегии, независимой от НАТО. Как следствие, по мере обретения Европой независимости от альянса в вопросах обороны у членов ЕС может пропасть интерес в отношении Турции.

В случае присоединения Анкары к ОВПБ Евросоюз может приобрести в ее лице ресурс для превращения во влиятельного глобального актора. В стратегической перспективе привлечение мусульманской Турции может добавить правоспособности операциям ЕС, т.к. оно способно ослабить восприятие сил Евросоюза как армии крестоносцев. Оценивая возможный вклад Турции в ОВПБ, следует также учитывать ее значительное население, при том что ЕС нуждается в людских ресурсах.

Вместе с тем Европу беспокоит расположение Турции по соседству с «горячими точками», поскольку она может стать платформой для экспорта нестабильности в ЕС. Незаконная иммиграция является одним из важнейших факторов, угрожающих безопасности Евросоюза. Турция рассматривается как коридор для притока огромных масс населения из стран Центральной Азии и Ближнего Востока в Европу.

В целом участие Анкары в ОВПБ является проблемой европейской идентичности. Турция как иное, менее демократическое и стабильное государство бросает ей вызов.

В итоге можно сделать вывод о том, что политика безопасности ЕС по отношению к Турции определяется в основном ее геополитическим и исключительно выгодным географическим положением. В этой ситуации каждая из сторон хочет извлечь максимум политической выгоды из взаимного сближения. ЕС – получить плацдарм и людские ресурсы в случае конфликта в «энергетическом» регионе мира. Турция – политико-экономические преференции от ЕС в обмен на использование своего геостратегического положения.

Важнейшей внешнеполитической проблемой во взаимодействии Турции и ЕС остается неурегулированный кипрский вопрос. Утрата влияния на севере острова воспринимается турецким руководством как сокращение стратегического потенциала и усиление факторов риска для национальной безопас-

ности страны. При этом правительство РК оставляет за собой право освободить оккупированные территории. Таким образом, присутствие турецких войск на Кипре необходимо для поддержания существования ТРСК.

В экономической области проблема разделенного Кипра, в том числе по отношению к ЕС, сводится к разнице в уровне доходов между греческой и турецкой частями острова. Нынешняя экономика Турции с трудом несет бремя ТРСК и не в состоянии полностью удовлетворять ее финансовые запросы. Сложившаяся ситуация рано или поздно вынудит Анкару уступить требованиям Брюсселя.

## Глава 3.
## ПРОБЛЕМЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ СБЛИЖЕНИЮ ТУРЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

### 1. Культурно-религиозная самобытность Турции как фактор, ставящий под сомнение ее идентичность со странами ЕС

С давних времен в европейской цивилизационной системе существует некоторая общая идентичность. Именно здесь сформировались идеи прав человека и гражданина, личной свободы, плюрализма и демократии. Здесь произошел проанализированный Максом Вебером всеобъемлющий процесс рационализации, породивший восприятие римского права, схоластику и гуманизм, современную науку и капитализм, просвещение и секуляризацию, эмансипацию индивидуума от церковной и государственной опеки, эмансипацию женщин. Разделение духовной и светской власти в позднем Средневековье было самой ранней исторической формой разделения властей и политического плюрализма. Что касается общей культуры, то она начала формироваться на греко-римских элементах. К ней также относятся традиции университета и общеобразовательной школы, распространившиеся по всей Европе со времен позднего средневековья. Кроме того, к общеевропейской культуре принадлежат эпохальные стили в истории искусства, архитектуры и музыки.

В целом построение «единой Европы» восходит к средневековой идее «христианского мира» и Данте. Однако помимо религии, философии, науки, литературы, музыки, архитектуры и живописи, европейская идентичность охватывает политическую культуру, основанную на идеалах достоинства и свободы личности, так же как и равных правах. Это культура государства всеобщего благосостояния, стремящегося к социальной справедливости. Общая идентичность включает также экономическую культуру частной собственности и предпринимательства, культуру свободных рынков и профсоюзов, устойчивой денеж-

ной единицы и законную защиту рабочего от эксплуатации работодателем, а также потребителя от картелей или монополий.

Что касается христианской идентичности, то в Европейской Конституции отсутствуют какие-либо ссылки на религию, наоборот, Договор о Европейском Союзе признает культурное и региональное разнообразие стран-членов.[418] Современная европейская культура включает также разнообразные сильные исламские течения. Европейские ценности носят надрелигиозный характер и выработаны элитами Европы путем их выделения из всех религиозных традиций. Согласно официальной версии, религиозные традиции в своей основе едины, поэтому плодотворный диалог между ними возможен на основе общечеловеческих ценностей, в том числе соблюдения прав человека.

Если проанализировать статистические данные, становится очевидно, что утверждение о том, что Европейский Союз является христианским клубом, неверно. Среди населения 25 стран-членов Союза не более 30% христиан, активно участвующих в религиозной жизни. При этом в Евросоюзе проживает 20 млн. мусульман. Таким образом, ислам – вторая по значимости религия среди европейцев. Помимо этого, в ЕС почти 2 млн. евреев и около миллиона буддистов и приверженцев прочих конфессий.[419]

Тем не менее в Европе преобладают антимусульманские настроения, усиленно поддерживаемые церковью. Отчасти это объясняется тем, что темпы рождаемости среди мусульман вдвое превышают те же показатели у европейцев. Таким образом, демографические проблемы Европы не позволяют ей вступать в слишком тесные отношения с активно размножающимся мусульманским миром без риска утратить свое цивилизационное единство. Большинство европейцев до сих пор не может смириться с тем фактом, что доминирование христианской, преимущественно белой общности на европейской части континента неизбежно начинает уступать разнородному и многоэтничному населению, представленному в первую очередь мусульманами. С другой стороны, живущие по соседству мусульмане имеют значительно более низкий жизненный уровень, чем европейцы. Это, в свою очередь, приводит к миграции мусульман в страны Европейского Союза, что вызывает растущее чувство недовольства среди европейцев и довольно часто служит причиной возникающего отторжения и даже враждебности. Ускоренная иммиграция ведет к тому, что в самом Ев-

росоюзе коренные европейские народы могут стать национальными меньшинствами. В настоящий момент в Германии и Франции проживают по 3 млн. мусульман, в Англии – 1,5 млн., в Нидерландах – 500 тыс.[420]

После трагедии 11 сентября 2001 г. живущие в Европе мусульмане все чаще сталкиваются с дискриминацией. Наряду с негативным отношением населения европейские средства массовой информации стали изображать мусульман внутренними врагами. К тому же процесс сближения сторон осложняется тем, что на скудные знания об исламе влияют предрассудки. Для решения данной проблемы остро ощущается необходимость ассимиляции как способа предотвращения ухода представителей мусульманского меньшинства в свои общины, в результате которого они оказываются отрезанными от остального общества. Как следствие, мусульмане утрачивают веру в торжество закона, что способствует активизации экстремистских организаций.

При этом остается фактом, что проблемы интеграции, вызванные дальнейшим расширением Европейского Союза, становятся все многочисленнее, а политическая идентичность Европы все более размытой. Процесс расширения ЕС ведет к эскалации различий внутри данного образования. Теперь уже неясно, какие страны и в каком смысле могут быть названы частями Европы. Тем самым, расширение и интеграция ЕС входят во все большее противоречие между собой.

В свое время канцлер Германии Гельмут Коль отмечал, что идеологией европейской интеграции являются общие европейские ценности и религиозное единство.[421] Более того, Папа Римский Иоанн Павел II неоднократно призывал европейских политиков включить в проект Евроконституции упоминание о христианских корнях европейской культуры (изначально оно там было).[422] Согласно мнению приверженцев данной идеи, вторжение в это пространство носителей иных ценностей вполне допускается, но только при условии, что они будут признавать первичность европейской христианской этики, культуры, местных политических институтов, отказавшись от тех элементов своей традиции, которые им противоречат. Например, от обычая кровной мести или от фактического многоженства.

На этом фоне разгорелась дискуссия о несовместимости культур, препятствующей вступлению Турции в ЕС. Эта страна на протяжении веков разделяла судьбу Европы, что было при-

знано во второй половине XX в., когда она стала членом НАТО, Совета Европы, ОБСЕ и Европейской сети исследований и разработок для индустрии.

Принадлежность Турции к Европе доказывает также подписание соглашения об ассоциации с ЕЭС. Здесь стоит упомянуть об отказе в аналогичных отношениях Марокко, обоснованном географическим расположением страны вне европейского континента. Однако не в последнюю очередь проблема вступления Турции в ЕС была осложнена распадом коммунистического блока в Восточной Европе. В процессе расширения Анкара оказалась отодвинутой на задний план в результате появления большой группы кандидатов на вступление. Хотя некоторые восточноевропейские страны были экономически менее развиты, чем Турция, в сфере политики и культуры они рассматривались как неотъемлемая часть Европы. Таким образом, в отношениях Анкары и Брюсселя возникло культурное измерение, прежде отсутствовавшее. Вполне оправданно, что сложившаяся ситуация вызывает негативную реакцию со стороны руководства страны. «Я исхожу из того, что ЕС – это не культурное, религиозное или экономическое объединение, а сообщество государств, объединенных общими ценностями», – отмечал премьер-министр Турции Эрдоган.[423] По его мнению, европейские лидеры, упорно отказывавшиеся назвать сроки начала переговоров о вступлении Турции, исповедовали двойные стандарты. Эрдоган подчеркивал, что в его стране последовательно проводятся реформы с целью соответствия европейским стандартам и она является образцом реальной демократии в исламском мире в противовес прочим мусульманским странам.[424]

Основатель республики Кемаль Ататюрк создал в 1923 г. государственную модель, базирующуюся на принципах, заботливо взращенных западными демократиями. Со времен Ататюрка Турция является светской страной и фактически прервала культурные связи с мусульманскими странами. Символом этого разрыва стало введение латинского алфавита. Кроме того, главные мечети страны были превращены в музеи.

В отличие от Ирака и Сирии в Турции имеется действующая парламентско-демократическая конституция. В отличие от Ирана в Турции существует четкое разделение между государством и мечетью. Председатель ВНСТ Арынч подчеркивал, что Турция хотя и мусульманское, но светское современное госу-

дарство, которое имеет полное право стать частью Европы. В Турции 98% населения исповедует ислам, при этом культура турецкой нации от поэзии и философии до музыки и архитектуры – светская.[425] Находящаяся у власти в Турции умеренно исламистская партия выступает против шариата и придерживается лаицизма. Она осуждает экстремизм и религиозный фанатизм. Даже активные турецкие исламисты выступают за основные демократические ценности: свободу вероисповедания, собраний, предпринимательства, слова и в выборе одежды. По словам министра иностранных дел Гюля, правительство Турции доказало, что в мусульманском обществе можно построить государство, основанное на европейских ценностях, демократии, уважении прав человека и свободы.[426] Действительно, власти Турции приняли законы, гарантирующие соблюдение прав человека и национальных меньшинств, запрет пыток в тюрьмах, отмену смертной казни, ограничение роли армии в политике, ликвидацию дискриминации женщин. В свою очередь, Отчет Еврокомиссии игнорировал потенциальные проблемы, связанные с культурным и религиозным наследием Турции. В нем отмечалось, что проводящиеся в стране реформы являются «важным сигналом, демонстрирующим настрой большей части турецкого руководства на приближение к ценностям и стандартам Европейского союза».[427] Представители Еврокомиссии подчеркивали, что «Турция, в которой большинство населения исповедует ислам, могла бы стать значимым образцом приверженности таким фундаментальным принципам, как свобода, демократия, уважение прав человека и господство закона».[428]

Однако политическая культура Турции все еще сильно отличается от той, что существует на Западе. Процесс модернизации, начатый Кемалем Ататюрком, осуществлялся с помощью авторитарных средств. Хотя Турция является с тех пор чисто светским, легитимированным свободными выборами национальным государством, в основе этого достижения лежит довольно сильное принуждение со стороны армии. Как следствие, в Турции отсутствует развитое гражданское общество, западным является лишь внешний стиль жизни, а именно: рыночная экономика, техника, демократические процедуры.

Свободе вероисповедания в Турции все еще противостоит антиплюралистическое и репрессивное отделение мечети от государства. Турция, являвшаяся центром мусульманского ми-

ра в течение 300 лет, не могла быть деисламизирована. Новая республиканская идеология, лишив ислам цементирующей роли, увеличила разрыв между различными слоями общества. Ислам наводил мосты между многочисленными социальными группами, так как он служил общим языком для высших и низших классов. Поэтому после основания Турецкой Республики ислам не исчез из общественного сознания, он лишь ушел в подполье. Вслед за окончанием Второй мировой войны он начал медленно возрождаться. Это подтверждается возрастанием числа совершивших хадж, учреждением исламских партий, возобновлением изучения Корана и арабского языка, растущим интересом молодежи к религиозным культам, в том числе к совместной молитве, высоким процентом женщин с покрытой головой. Требования разрешить ношение исламской одежды и обучение в религиозных школах демонстрирует, что значительная часть населения Турции – верующие, соблюдающие религиозные предписания. Однако следует отметить, что исламские группировки оказывают незначительное влияние на турецкое общество, так как они в основном разрозненны, у них отсутствуют контакты друг с другом и реальный лидер.

Турция – страна с собственной культурой и идентичностью, на которые наложило отпечаток прошлое кочевников Центральной Азии, ислам, традиции древних народов Малой Азии. Несмотря на то, что она всеми силами старается представить себя светским государством, менталитет ее общества остается мусульманским. Образ жизни, культура общения, традиции, трудовая этика и принципы социальной жизни турок сильно отличаются от европейских. Согласно исследованиям турецкой организации «Женщины за соблюдение прав женщин», на востоке страны половина женского населения неграмотна, в восточных провинциях до сих пор преобладают ранние браки и многоженство, бывают случаи принудительного замужества, распространено домашнее насилие и убийства женщин за измену.[429] Кроме того, турецкому населению свойственна патриархально-клановая структура семьи и зависимость от общины. Подобная прочная модель снижает негативное влияние неопределенности, которая становится следствием глобализации общества, но, с другой стороны, общинный образ жизни ограничивает индивидуализм, являющийся основным принципом европейского самосознания.

Особенно сильные позиции у ислама в провинции. 40% турецкого населения проживает в сельской местности, но даже в крупных городах от 3 млн. жителей сохраняется традиционный образ жизни, хотя ему и бросает вызов набирающая темпы индустриализация.[430] Это объясняется тем, что мигрирующие в города турецкие крестьяне приносят с собой сельские ценности, в том числе строгие исламские традиции. Более того, непрекращающийся рост влияния исламистов и периодические вспышки насилия указывают на то, что исламское возрождение нашло благодатную почву не только среди жителей отсталых сельских районов и городских трущоб, но также среди активистов запрещенных религиозных организаций, таких как Хизбуллах, Исламский фронт борцов Великого Востока (IBDA-C), Организация исламистских активистов (IHO). Таким образом, значительные социально-экономические перемены, в частности, возрастающая урбанизация, стали одной из причин упрочения влияния ислама в политической и социальной жизни Турции.

В целом при анализе религиозного фактора в отношениях Турции с ЕС становится очевидным неверное восприятие и непонимание турецкого ислама в Европе. Ислам сплачивает турецкую нацию, но страна придерживается религиозной терпимости, и турецкий демократический режим стоит на страже светского порядка в стране.[431]

Приблизительно 4 млн. турок живут в европейских странах, большинство из них имеет двойное гражданство.[432] В настоящее время турецкие инвесторы и предприниматели создают в этих странах новые рабочие места для немцев, голландцев, французов и принимают активное участие в их внутренней политике. Турецкие граждане избраны в центральные и местные законодательные органы ряда европейских государств.

Однако большинство иммигрантов приехало из бедного отсталого юго-востока Турции. Они имеют недостаточный уровень образования и относятся к низшим социально-экономическим слоям общества, что заставляет их замыкаться в своих небольших общинах. Вместе с тем их потомки демонстрируют более высокую способность к адаптации, что проявляется в профессиональном разграничении, выборе места жительства в соответствии с доходами, а не по соседству с турецкой общиной. Тем не менее вслед за окончанием экономического бума в Европе к ним стала проявляться враждебность со стороны

прохристианских партий, но основная часть интегрировавшегося турецкого населения все равно предпочитает остаться.

Вышеизложенные факторы объясняют причины раскола европейской политической элиты, вызванного мощным дипломатическим наступлением Турции с требованием объявить дату начала переговоров о вступлении в ЕС. Оптимисты утверждают, что присоединение Турции придаст Евросоюзу новые возможности, скептики отмечают, что эта мусульманская страна просто подомнет под себя христианскую Европу. Параллельно с массовой кампанией в поддержку Турции, которую ведут руководители ряда европейских стран, звучат протесты последовательных противников смешения цивилизационных ценностей.

Однако бывший президент Франции Жак Ширак надеялся, стимулируя европейские устремления Анкары, удержать ее от сползания в исламизм. Он предупреждал об опасности проявления неуважения к стране, которая, обладая самобытной культурой, уже более 80 лет является светским государством; неприятие ее в Европейском Союзе может привести к войне религий, цивилизаций и культур.[433] Бывший председатель Еврокомиссии Романо Проди утверждал, что Турция поможет Европе достичь мира и безопасности. Благодаря ее преимущественно мусульманскому населению и перспективам на Среднем Востоке эта страна в будущем сможет обеспечить действительно международную роль ЕС, который станет весомым игроком на Ближнем Востоке, расширит свое геополитическое влияние в Азии.[434] По мнению правительства ФРГ, необходимо теснее сотрудничать с Турцией, поскольку она может стать не только мостом между Западом и мусульманским миром, но также служить образцом для некоторых стран Ближнего и Среднего Востока.[435]

В целом сторонники принятия Турции, в основном левые и умеренно-консервативные силы, либерально настроенная общественность, настаивают на том, что когда она будет внутри ЕС, на нее станет легче оказывать влияние. Помимо этого, открыв двери для Анкары, Европа покажет мусульманскому миру, что она свободна от расистских предрассудков и не является христианским клубом, а отвергая Турцию, можно, наоборот, подтолкнуть ее к радикальному исламу. Выступая в мае 2003 г. на встрече в Берлине, посвященной культурному измерению расширения ЕС, бывший комиссар по вопросам расширения

Ферхойген заявил, что в Европе все религии должны быть представлены в равной степени; ислам принадлежит европейской истории, традициям и культуре; следует поддержать правительство, демонстрирующее, что в мусульманской стране возможна демократия и господство закона.[436] Таким образом, светская Турция должна стать стратегическим форпостом Европы в регионе, где процветает исламский фундаментализм, а ее пример может вдохновить остальной мусульманский мир на развитие демократии, что станет существенным вкладом в победу над международным терроризмом. Приняв Турцию, Европейский Союз подтвердит, что исламскому обществу могут быть присущи не только светское государство, но и нормы современной либеральной демократии. В результате в Европе укоренится современный, умеренный и демократический ислам в противовес радикально настроенным арабским диаспорам. В итоге можно сделать вывод, что, поддерживая вступление Турции в состав ЕС, европейские страны по-прежнему видят в ней некий буфер между Европой и нестабильными регионами Азии.

Вместе с тем эти аргументы противостоят активному сопротивлению населения ЕС, которое весьма осторожно относится к принятию огромной мусульманской страны с богатой историей военных завоеваний. Кульминацией споров на данную тему стало высказывание председателя Конвенции по будущему Европы Жискара д'Эстена, что Турция – неевропейская страна и ее вступление в ЕС было бы концом Европы. По его словам, «люди, поддерживающие принятие Турции, – противники ЕС, ее столица лежит за пределами Европы, 95% ее населения живет вне Европы». «Наши законы и наша система управления привычны для европейцев, Турция же страна с другой культурой, другим стилем жизни и подходом к решению проблем. Принятие такой страны в Союз неизбежно породит внутренние проблемы, а наша задача сейчас – интеграция, а не решение внутренних проблем, – считает Жискар д'Эстен. – Кроме того, в случае вступления Турция за счет своих демографических показателей станет самым большим государством-членом ЕС, а это значит, что у нее будет больше всего мест в Парламенте, и мы снова придем к противостоянию Востока и Запада».[437] Официальный Брюссель, правда, сразу же отверг заявление д'Эстена. Пресс-секретарь Еврокомиссии Жан-Кристоф Филори подчеркнул, что Жискар д'Эстен озвучил лишь свое

частное мнение, которое совершенно не совпадает с мнением руководства ЕС, не может идти и речи о том, чтобы лишить Турцию статуса кандидата на вступление. В свою очередь, премьер-министр Дании – страны, председательствовавшей на тот момент в ЕС, – заявил, что Турция должна рассматриваться на тех же основаниях, что и другие страны-кандидаты.[438]

В настоящее время в странах Европейского Союза все чаще слышны мнения, что членство Турции в этой организации будет неодолимым бременем для Европы. Но главная проблема заключается в том, что для многих европейских политиков появление в рядах ЕС исламской Турции означает крах самой европейской идеи. Ведь в результате 25% населения Евросоюза будут мусульманами. Широкую известность получил так называемый «Манифест Жака Делора», одного из проектантов общеевропейской конституции. В нем особо отмечалось, что все культурные, политические и иные традиции Турции идут вразрез с самим духом Европы, который зиждется на христианстве. Бывший глава французского правительства Жан-Пьер Раффарен также сомневался в том, что государства Европы готовы к тому, что «в светское русло вольется поток ислама».[439]

Консервативные круги и правые политические силы усматривают непреодолимые цивилизационные различия между христианской Европой и мусульманской Турцией. К тому же они всерьез опасаются того, что иммигранты из Турции способны затопить все европейское сообщество. В результате они создадут изолированные мусульманские общины, что может стать основанием для раскола в обществе государств, их принявших. Население ЕС уже убедилось в том, что турки и особенно курды, переселившиеся в Европу, почти не поддаются ассимиляции и часто представляют собой почву для создания криминальных структур. При этом курды обладают более высокой экономической мотивацией, чем турки, и, в отличие от последних, совершенно не считаются с законами стран пребывания. Как заметил бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, концепцию мультикультурности трудно вписать в демократическое общество.[440]

Столкнувшись с этой проблемой, представители Христианской демократической партии неоднократно заявляли, что Европейский Союз – цивилизованная организация и в ее пределах нет места Турции. Бывший канцлер Германии Гельмут Коль настаивал на том, что Европейский Союз основан на хри-

стианских принципах и не может принимать страны, которые их не разделяют. Г.Коль неоднократно заявлял, что Турцию не следует принимать в ЕС, так как эта страна принадлежит к иной цивилизации.[441] Более того, согласно отчету, представленному Европарламенту представителем датских христианских демократов, кемализм (официальная идеология Турецкой Республики) утверждает гомогенность турецкой культуры и национализм.[442] Подобную точку зрения разделяет лидер христианских социалистов Эдмунд Штойбер, который утверждает, что вступление Турции в ЕС уничтожит его и положит конец политическому союзу Европы, так как у нее нет достаточной интеграционной мощи, чтобы «переварить» эту страну. Помимо этого, член фракции ХДС/ХСС Вольфганг Босбах указал, что принятие Турции в ЕС неминуемо повлечет импортирование проблемы терроризма.[443] Жители ЕС все сильнее опасаются возрастающей радикализации неуправляемых объединений молодых мусульман.

В связи с непрекращающимися дискуссиями о культурной принадлежности Турции к европейской цивилизации следует привести мнение официального Ватикана на этот счет. Выражая мнение значительной части клерикальных кругов внутри Евросоюза, Папа Римский Бенедикт XVI заявил, что в случае вступления Турции ЕС потеряет свою европейскую идентичность. Он отметил, что Турции не место в ЕС, так как всю свою историю она была европейским противником, которым останется и в будущем. Это ставит под угрозу основы европейской цивилизации, поскольку Европа – не географический, а культурный континент. Бенедикт XVI подчеркнул, что Анкаре надо консолидироваться с мусульманским миром, в котором она займет достойное место.

В свою очередь, государственный секретарь (глава правительства) Святого Престола кардинал Тарчизио Бертоне отметил, что Турция прошла долгий путь к демократии и уважению прав человека, тем самым давая понять, что Ватикан поддержит ее вступление в Евросоюз. Европа может согласиться с членством страны с преобладающим числом мусульман в обществе, пока основные правила сосуществования твердо соблюдаются, заявил прелат. При этом Бертоне подчеркнул, что Турция является официально светским государством, но идеология воинствующего секуляризма может войти в столкновение с христианским наследием, доминирующим в европей-

ской культуре. Госсекретарь Ватикана выступил с этими комментариями в поддержку призывов Патриарха Константинопольского Варфоломея I к турецкому правительству о признании автономии Православной церкви.

Противоположно звучит мнение главы австрийской церкви кардинала Кристофа Шёнборна, заключающееся в том, что ЕС должен остаться христианской организацией, куда нет доступа мусульманским странам.[444] Представитель Московской Патриархии отмечал в этой связи, что почти перед всеми без исключения государствами ЕС стоят проблемы социальной, политической и культурной интеграции национальных меньшинств. Реальная жизнь показывает, что улучшение материального положения иммигрантов не решает проблем их культурной адаптации, а порой даже способствует росту их этнорелигиозной самобытности.[445]

Таким образом, государства Европейского Союза опасаются прежде всего массового наплыва турок, поскольку граница будет открытой, и значительного культурного влияния этой страны, населенной 70 миллионами мусульман. Категоричнее других европейских стран настроена Германия, где находится около 2 млн. турецких граждан, и это вызывает негативное отношение коренного населения. Тем не менее стабильное падение уровня рождаемости в европейских странах означает и неминуемое увеличение потоков иммигрантов из Третьего мира. Учитывая этот факт, следует ожидать, что возможное вступление Турции в ЕС приведет к неизбежному расширению круга средиземноморских государств, заявляющих о своей европейской идентичности и желающих стать членами Евросоюза. Безусловно, тесное соседство мусульманского и христианского мира может не только создавать разделения, но, преодолевая их, способствовать выработке модели мирного сосуществования этих двух цивилизаций. Вполне может оказаться так, что вхождение Турции в Европейский Союз заложит камень в основание моста между христианским и исламским мирами. Принятие этой страны в ЕС может стать началом процесса постепенного сглаживания всех идейных противоречий, медленного стирания этнических и религиозных различий.

Вместе с тем события на Ближнем Востоке ставят Старый свет перед важным выбором. Европейским лидерам необходимо, наконец, решить, что предпочтительнее: единый, преимущественно христианский ЕС без Турции либо ЕС, охватываю-

щий Европу, Ближний Восток и часть Азии, представленные Турцией. Выбор в пользу последнего значительно усилит влияние Евросоюза в регионе. Но при этом необходимо учитывать, что Турция станет наиболее выгодной мишенью для нанесения террористических ударов по западным интересам.

Кроме того, если Турция действительно разочаруется в Европейском Союзе, она может откорректировать свою внешнюю политику. Это неизбежно будет означать важную победу для международного терроризма, который пытается посредством своих акций максимально сократить в мусульманских государствах западное присутствие, следствием чего становятся прекращение деятельности в данном регионе гуманитарных организаций и дипломатических миссий. В результате Запад утратит в лице Турции буфер между исламским фундаментализмом и Европой. Збигнев Бжезинский отмечал по этому поводу: «Турция, которая чувствовала бы себя отторгнутой от Европы, была бы в большей степени исламской Турцией. Следовательно, Америка должна использовать свое влияние в Европе для того, чтобы способствовать принятию Турции в Европейский Союз, и настаивать, чтобы к ней относились, как к европейскому государству – при условии, если ее политика на международной арене не претерпит драматического поворота в исламском направлении».[446]

Опасения Запада по поводу потенциального укрепления позиций ислама в Турции хорошо осознают в Анкаре и активно используют их для дипломатического нажима на ЕС. Порой высказывания турецкого МИДа приобретают форму мягкого ультиматума. «Если Евросоюз придумает какой-нибудь повод и после всех наших усилий скажет Турции “нет”, я уверен, что и Европа, и весь мир многое потеряют» – подчеркивал министр иностранных дел Гюль. – «Если Турцию примут, выиграют и ЕС, и мирные устремления во всем мире. Это будет подарком мусульманскому миру. Когда я бываю в других мусульманских странах – Сирии, Иране, Саудовской Аравии – они выражают гордость по поводу того, что мы делаем. Если мы не хотим столкновения цивилизаций и хотим добиться примирения, то Турция должна занять свое место в ЕС».[447] Тем не менее необходимо считаться с мнением рядовых граждан ЕС, которые на примере Франции и Голландии продемонстрировали отрицательное отношение к Европейской Конституции, не в последнюю очередь опасаясь перспективы вхождения в Евросоюз Турции.

Очевидно, что в эпоху глобализации культурные различия между государствами становятся все более очевидными. В условиях универсализации экономики, растущей взаимосвязанности государств небольшие страны и нации стремятся сохранить самобытность, подчеркивая свою идентичность, что находит отражение прежде всего в культурно-религиозных аспектах.

Кроме того, проблемы взаимоотношений государств Европейского Союза с мусульманскими общинами осложняются из-за слабой интеграции последних в местные общества. Это вызывает рост антиэмигрантских и ксенофобских настроений.

С другой стороны, различные экстремистские силы подталкивают человечество к противостоянию христианской и мусульманской цивилизаций. Хотя религия и традиции не являются истинными причинами конфликта. Успешный межконфессиональный опыт Российской Федерации свидетельствует о реалистичности мирного сосуществования и взаимного обогащения различных культур. Напряженность на стыке христианской и мусульманской цивилизаций обусловлена в первую очередь социально-экономическими и политическими причинами.

Мировому сообществу и Европейскому Союзу, в частности, необходимо создавать атмосферу терпимости и всячески поощрять познание иных культур на основе взаимности. Если общими усилиями не будут разработаны основы равноправного межцивилизационного диалога, мир столкнется с новыми угрозами и конфликтами, последствия которых могут быть катастрофическими.

## 2. Разногласия внутри политической элиты Турции по поводу вступления в ЕС и поиски альтернатив

Внешняя политика Турции исторически является многовекторной. Ее географическое положение способствует евразийской и ближневосточной стратегической ориентации. Общие границы с Ираком, ситуация в котором далека от стабильной, Ираном, а также курдская проблема требуют от Турции гибкой, взвешенной региональной внешней политики, которая всесторонне учитывала бы влияние исламского фактора, в том числе внутри страны.

Однако в первую очередь Турции необходимо ориентироваться на мировых экономических и политических лидеров с целью дальнейшей модернизации страны. Если учесть, что давний

союзник Турции – США – значительно отдален территориально, следовательно, велики издержки торгово-экономических отношений, создается впечатление, что ориентация на Европейский Союз безальтернативна. Вместе с тем необходимы дополнительные направления во внешней политике страны, которые усилили бы ее позиции на переговорах с ЕС.

Инициатором прозападного движения в Турции была элита страны. В первую очередь к ней относится государственная военная элита, независимая и самодостаточная. Кроме того, это политическая, контролирующая законодательство и ресурсы, и экономическая элита. Названные группы объединяет единодушие в вопросе вхождения Турции в европейскую семью. Оно основывается на уверенности, что гражданственность и прозападная ориентация страны будут защищаться именно членством в Европейском Союзе. Именно этим объясняется либерализация, конституционные процессы и законы, направленные на соответствие копенгагенским политическим критериям. При этом политики стремятся к тому, чтобы не армия являлась гарантом государственности Турции, а Брюссель и Европейский Союз. В таком случае у политической власти страны появится возможность закрепиться в своем положении на более продолжительный срок. В этом аспекте оппозиция поддерживает действующую власть.

Помимо стремления к демократическому строительству, во вступлении в ЕС видится обеспечение экономического благосостояния страны. Экономическая элита по итогам создания таможенного союза в 1996 г. полностью поддерживает интеграцию Турции в Общий рынок. Ассоциация промышленников и бизнесменов Турции, используя имеющиеся финансовые ресурсы, проводит активную лоббистскую деятельность в брюссельских и вашингтонских коридорах власти с целью принятия страны в ЕС.

Поддерживают проевропейский курс в основном интеллигенция и жители крупных городов, занятые на предприятиях, связанных с западным капиталом. В большинстве своем эти люди рассматривают вступление в Евросоюз как способ решения тяжелых экономических проблем и воплощение национальной идеи модернизации и вестернизации.

Представители турецких академических кругов указывают на то, что за годы взаимодействия Турции с ЕС стране удалось создать успешную модель, совмещающую ислам, модернизацию

и демократию. Для Турции процесс подготовки к вступлению в ЕС является большим преимуществом и фактором роста, так как развивает турецкую демократию и экономику в долгосрочной перспективе. Вместе с тем среди европейской политической элиты и общественности, несомненно, наличествуют проявления расизма в отношении Турции[448].

Однако внутренняя проблема Турции заключается в том, что значительная часть ее населения ориентирована традиционалистски, по-восточному, у нее отсутствует доверие к Европе. В основном, эти люди отрицательно относятся к современным процессам модернизации по западному образцу. К ним относится практически все население деревни, а также городские слои, для которых ислам – не просто набор этических норм и обрядов, мало связанных с повседневной жизнью. Они полагают, что вариант вестернизации, избранный Турцией, сопровождается немалыми издержками, негативно влияющими на духовную жизнь и социальную структуру общества, особенно на молодежь. Как следствие, возникают идеологические течения, которые придерживаются радикального ислама и представляют западную цивилизацию как эгоистичную и дегенеративную, подтверждением чему является ее культура, взгляды на мир, музыка, развлечения, одежда.

Сторонники евразийского пути развития предупреждают, что вступление Турции в ЕС приведет к растворению ее национальной идентичности в Европе. Согласно данной концепции, Запад навязывает свою религию, нормы и обычаи, отделяет народ от его культуры. Евразийцы отрицают претензии западной цивилизации на универсализм и настаивают на множественности культур и путей развития. По их мнению, ЕС не имеет ни малейшего интереса к турецкому народу, он лишь будет управлять им. Запад уже осуществляет нажим на Анкару, вынуждая ее отказаться от собственных национальных ценностей. Бывший президент Турции Демирель и бывший лидер ТРСК Рауф Денкташ – сторонники евразийского пути развития, они выражают сомнение в том, что одномерная ориентация на Евросоюз принесет Турции благо и укрепит ее государственность и экономику. Они отмечают, что вступление в ЕС повлечет за собой разрушение сложившегося уклада, создание новых учреждений и отказ от старых, перевод экономики на рельсы евростандартизации. Активист Международного евразийского движения, профессор Стамбульского университета

Талат Чертель отмечает, что ЕС представляет собой экономику однополярного мира и в такой системе нет места проекту национальной модернизации Турции, которой суждено превратиться в слаборазвитую периферию Европы и быть расчлененной.[449]

Среди сторонников модернизации, являющихся противниками вступления в ЕС, существует мнение, что необходимо учиться у Запада, чтобы лучше защищаться от него. Как полагают турецкие консерваторы и националисты, объединяющаяся Европа, выдвигая требования экономического и политического характера, стремится лишить Турцию национальной самобытности и ущемляет ее интересы. Они считают, что отмежевание Турции от западного блока, развитие ее военной мощи и возвращение в семью евразийских народов, без сомнения, хорошо скажется на турецкой экономике, которая ныне находится под полным контролем мировых экономических структур и подвержена всем капризам западной конъюнктуры. В качестве примера приводится кризис 2001 г., наглядно продемонстрировавший неустойчивость турецкой экономики, иллюзорность ее экономических успехов последнего десятилетия XX века, ошибочность ее ориентации на ЕС.

Даже лидеры Народно-республиканской партии, придерживающейся кемалистской линии развития Турции, выступают против условий, на которых ведутся переговоры с ЕС, и отвергают требования Евросоюза по урегулированию кипрского вопроса.

Более того, генеральный секретарь Партии Отечества Угур Мумчу призывал правительство заморозить переговоры Турции с Европейским Союзом и выйти из таможенного союза с ЕС в связи с требованиями последнего относительно Кипра. Тем не менее ПО обозначает свое согласие на ряд уступок по курдской проблеме. Лидер партии Месут Йылмаз, а также представители крупного бизнеса и гражданского общества, хотя и критиковали Европу за ее позицию в отношении КРП, намеревались добиться признания того, что Турция выполняет критерии для вступления в ЕС. Йылмаз заявлял, что если стране не удастся вовремя выполнить условия Европейского Союза, она отклонится от прозападного курса и превратится в третьесортную ближневосточную страну.[450]

Вместе с тем с 1995 г. значительное влияние на политическую жизнь Турции начали оказывать религиозные ордена. Обращение за поддержкой к исламским организациям накануне выборов в меджлис позволило лидеру Партии верного пути

Т.Чиллер и руководителю исламской Партии благоденствия Н.Эрбакану сформировать коалиционное правительство, взявшее курс на исламизацию внутренней и внешней политики Турции. Эрбакан провозгласил вывод Турции из-под влияния Запада, притом что это не предполагало никакой конфронтации с последним. Успех Партии благоденствия был продиктован недовольством населения социально-экономической политикой светского правительства. С этого времени наблюдается тенденция к переходу исламистских политических партий с крайне правых позиций на правоцентристские. Идейная платформа исламистских политических партий довольно сложна и представляет собой смешение османизма, национализма, модернизма и исламизма. В 1998 г. была учреждена Партия добродетели, сразу же после решения конституционного суда о запрете ее предшественницы – Партии благоденствия за действия, несовместимые со светским характером государства. Основными целями ПД провозглашались: верховенство национальной воли, свобода мысли, религии и совести, национальное единство; развитие на основе взаимной выгоды отношений со всеми странами; выход через социальный и экономический подъем на уровень современной цивилизации. Однако в этот период даже среди исламистов на смену ксенофобии и решительному неприятию интеграции в ЕС пришло осознанное стремление в Европу. Это обусловливалось усилением традиционно близкой исламистскому движению буржуазии, связанной с текстильной промышленностью; уверенностью в том, что права религиозных организаций будут лучше защищены, когда Турция станет следовать правовым нормам, принятым в ЕС; давлением со стороны турок, живущих в Германии и активно выступающих за вступление в ЕС; растущим влиянием нового поколения политиков внутри исламского движения. Вышеперечисленные слои полагают, что гарантии свободы вероисповедания, политического самовыражения и соблюдения прав человека сгладят некоторые крайности кемализма и ослабят роль армии в политике Турции.

Следующий премьер-министр – Бюлент Эджевит, лидер социал-демократов, подозревал, что Европейский Союз пытается подорвать Турцию и отнять у нее Кипр. Он расценивал требования демократизации как вмешательство из-за рубежа и настаивал на том, чтобы ЕС смягчил условия приема. Эджевит подчеркивал, что требование Европейского Союза предоста-

вить культурные права этническим курдам в качестве условия для начала переговоров о вступлении разжигает сепаратизм.[451] Отказ ЕС включить после 11 сентября 2001 г. Курдскую Рабочую Партию и Революционную народно-освободительную партию-фронт, официально функционирующие за пределами Турции, в список террористических организаций стал поводом для критики Европейского Союза за деятельность, противоречащую интересам безопасности Анкары.

При этом уступки турецкого правительства Европейскому Союзу приводят к росту популярности партий экстремистского и маргинального характера, таких, как Партия националистического действия, движение «Серые волки», Рабочая партия, которые ставят идею национального суверенитета, сохранения турецких войск на Кипре и непреклонности в отношении армянского, курдского и греческого вопросов в основу внешней политики Турции. Кроме того, националисты опасаются, что в случае вступления в ЕС Анкаре придется пойти на все возможные уступки и, в конечном счете, согласиться на ликвидацию самопровозглашенной ТРСК. При этом, несмотря на важную роль Турции, которую она играет на южном фланге НАТО, Европа не оказывает ей необходимой поддержки: в греко-турецком конфликте страны ЕС занимают сторону Греции и всячески стремятся ослабить позиции Анкары на Балканах.

Лидер ПНД Девлет Бахчели считает, что ЕС выдвигает слишком строгие условия Турции, заставляет делать уступки, содействующие сепаратизму среди курдского населения и ослабляющие способность государства бороться с терроризмом. Он выступал против отмены смертной казни, расширения прав курдского меньшинства, разрешения вещания и обучения на родном языке. Отрицательный подход националистов к проблеме членства в ЕС обусловлен также опасениями того, что курды, воспользовавшись требуемыми Евросоюзом демократическими преобразованиями, внесут раскол в единство турецкой нации и создадут предпосылки для отделения курдских провинций от Турции. Националисты не исключают, что ЕС может оказать давление на Анкару и в армянском вопросе, вынудив ее пойти на односторонние уступки. Программа партии ПНД убеждает граждан Турции не унижаться перед Западом и сохранить свое национальное достоинство, опираться лишь на свои силы. Бахчели призывает не только отменить «антитурецкие» законы о правах человека, в частности, о свободе слова,

навязанные Брюсселем, но и включить Северный Кипр в состав Турции, что окончательно разрушит все надежды на вступление страны в Евросоюз. Более того, он обратился с призывом ко всем националистическим силам Турции отправиться на Кипр и отвоевать турецкие земли, чтобы помешать повторению событий 30-летней давности, когда греки уничтожали безвинных турок. Бахчели подчеркивает, что интеграция должна происходить только в экономической области и на определенных условиях со стороны Турции, поскольку ЕС препятствует прогрессу, достигнутому страной на сегодняшний день. Он называет процесс вступления в Евросоюз предательским и разрушительным проектом, направленным на то, чтобы ослабить, разъединить и дезинтегрировать Турцию. По его словам, нынешние власти Турции готовы вступить в ЕС любой ценой и для них интересы нации – пустой звук.[452]

Лидер Рабочей партии Догу Перинчек обвиняет все прозападные силы Турции в том, что они предают дело великого Ататюрка, ослабляют позиции страны в экономике и мировом распределении труда, а ослабляя нацию, они наносят непоправимый вред делу рабочего класса. Кроме того, Перинчек обвиняет ЕС в поддержке сепаратистов и террористических организаций. В подтверждение этого он приводит попытки представителя Еврокомиссии в Турции Карен Фогг основать газету на курдском языке.[453]

В целом противники курса Турции на евроинтеграцию отмечают, что турецкая внешняя политика стала слабой и зависимой. Турция, приняв ради начала переговоров все условия и ограничения, оказалась в полной зависимости от ЕС на ближайшие годы в рамках таможенного союза и процесса реформ. Вместе с тем турецкие политические и экономические круги, а также ведущие СМИ преподносят этот обман и унижения как большую победу. По мнению оппозиции, если попавшая в зависимость от США и ЕС политическая система Турции, ее экономика и СМИ не начнут следовать национальным интересам, страна развалится и перестанет существовать.[454]

В свою очередь, военные, которые считались хранителями светского характера страны и сторонниками тесной интеграции Турции с Западом, в ходе проведения по требованию Евросоюза структурных преобразований вертикали власти лишились решающего влияния на принятие политических решений. Действительно, членство в ЕС неизбежным образом предпола-

гает усечение полномочий турецкой армии в качестве гаранта конституции. Кроме того, генералы раздражены постоянной критикой в свой адрес со стороны европейских СМИ и правозащитных организаций.

Влиятельные турецкие военные также выражают беспокойство по поводу предоставления больших прав курдскому населению, угрожающего целостности государства. Так, военные встретили в штыки положение о расширении права на демонстрации и свободу высказывать личное мнение в рамках действующей Конституции и законов страны. Они выступают против создания специальной комиссии по расследованию фактов пыток военными и полицией задержанных лиц, а также амнистии рядовых членов Курдской рабочей партии, находящихся в турецких тюрьмах. Бывший глава Генштаба Турции генерал Хилми Озкек подчеркивал, что некоторые европейские страны поддерживают террористические группы, угрожающие безопасности государства, ссылаясь на КРП и РНОП-ф, которые легально функционируют на территории отдельных членов ЕС.[455] Военное руководство опасается, что, став членом ЕС, Турция не сможет применять силу против курдских повстанцев. Они возмущены принятием в Евросоюз греческой Республики Кипр от лица всего острова без достижения урегулирования. Военная верхушка выступает против любой уступки в кипрском вопросе. Они считают, что турецкие войска должны остаться на острове, так как тем самым Турция обеспечивает свою доминирующую роль в восточном Средиземноморском регионе. Это отражает распространенные подозрения турецкого населения, что Евросоюзу не следует доверять в вопросе обеспечения национальных интересов страны. Более того, член СНБ генерал Кылынч заявил, что т.к. Турция не получает ни малейшей помощи от ЕС, ей следует искать поддержки не только традиционного союзника – США, но также у России и Ирана. Он отметил, что Евросоюз негативно воспринимает интересы Турции.[456]

Тем не менее начальник генштаба турецких войск по-прежнему заявляет о поддержке армией идеи вступления Турции в Европейский Союз. Генерал Яшар Бююканыт подчеркивает, что для Анкары геополитически и геостратегически необходимо вступить в ЕС.[457] Таким образом, турецкая армия, сознавая общемировые тенденции, привержена демократии и выступает за процесс сближения с Евросоюзом.

При этом в рядах Партии справедливости и развития также убеждены, что Турции следует укреплять свои позиции на Ближнем Востоке и улучшать отношения с Россией и тюркскими государствами Центральной Азии, чтобы компенсировать неудачи на западном направлении. Министр иностранных дел Гюль сформулировал условия, на соблюдении которых будет настаивать Анкара в процессе взаимодействия с ЕС: на переговорах главным вопросом должно быть вступление Турции в Европейский Союз в качестве полноправного члена; Турция не обязана идти на дипломатическое признание Кипра; Турции не могут быть навязаны никакие постоянные условия для вступления в Евросоюз. Вместе с тем, по мнению премьер-министра Эрдогана, лидера происламской ПСР, не существует никакого противоречия между исламским и европейским самосознанием. Со вступлением Турции в ЕС исламизм и европейскость, так или иначе, сойдутся в едином понимании того, что ислам – это такая же вера, как любая другая.[458]

Таким образом, борьба против исламизации государства на самом деле является лишь борьбой за власть между двумя основными группами политической элиты: традиционно стоящими у руля государства военными и умеренными исламистами. Однако, что касается внешнеполитической ориентации, то здесь взгляды обеих политических групп совпадают, их вектор направлен на Запад. Расхождения с армейской верхушкой заключаются в том, что правящая Партия справедливости и развития стремится к достижению Турцией статуса регионального лидера и проведению политики, независимой от своих западных партнеров по НАТО. Об этом свидетельствует потепление отношений с арабскими государствами и Ираном при умеренном дистанцировании от Израиля, особенно в свете ливанской кампании. Однако подобные акценты во внешнеполитическом курсе не влияют на стратегическое стремление Турции в Европейский Союз. Наоборот, правящей партии необходимо вхождение в Евросоюз для разрешения своих внутриполитических задач, так как вступление в ЕС откроет возможность для внесения демократических изменений в конституцию страны и отмены ограничений на роль религии в обществе.

Возникновение тюркских республик в Центральной Азии и в Закавказье придало турецким элитам повышенное чувство собственной культурной значимости. То, что Средняя Азия и Кавказ приобрели независимость, открыло новое направление

внешней политики Анкары. Появились государства, близкие ей с точки зрения исторической, религиозной и культурной традиции, а также в этническом и языковом отношении. Турция стала первым государством, признавшим их независимость. Обретение самостоятельности Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном стало рассматриваться как благоприятная основа для расширения экономических, политических и культурных связей. Турция приступила к формированию своей новой идентичности как лидера тюркского сообщества. Перед Анкарой вдруг открылась заманчивая перспектива возглавить целый конгломерат этнически родственных стран.

Это стало поводом для турецких политиков, чтобы говорить о формирующемся тюркском мире, который простирается от Балкан до северо-западной китайской провинции Синьцзян, так называемого Восточного Туркестана, в которой проживает около 8 млн. тюркоязычных мусульман. В эту дугу входят страны, регионы и этносы, ориентирующиеся на Турцию как на авторитетного духовного и политического лидера, – от мусульманского российского Поволжья, среднеазиатских государств и Азербайджана до Абхазии и крымских татар. Этот мир охватывает 160 млн. представителей тюркских народов, говорящих на языке, который, по данным ЮНЕСКО, является пятым по распространенности языком на земле. В своей евразийской политике националистически настроенная турецкая политическая элита рассматривает Турцию, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизию, Туркмению и Турецкую Республику Северного Кипра в качестве основы будущего тюркского государства или союза с населением 126 млн. чел. Совокупный валовой национальный доход этих государств составляет свыше 250 млрд. долл. Наряду с этим Анкара рассматривает в качестве инструмента своей евразийской геополитики уже сформировавшиеся тюркские республики на территории России и СНГ, такие как Алтай, Башкирия, Татарстан, Хакасия, Саха, Таймыр, Тува, Чувашия, Гагаузское образование, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария. Всего в этих республиках и автономных округах проживает 33 млн. тюрок. Кроме этого, Анкара делает ставку на тюркские народности Кавказа – 1 млн. 60 тыс. человек: в Грузии (500 тыс.), Чечне (17 тыс.), Дагестане (336 тыс.), Краснодаре (35 тыс.) и Ставрополе (172 тыс.); а также Таджикистана – 1,9 млн. чел; Афганистана – 8,5 млн. Всего в Средней

Азии, не считая независимых государств, проживает свыше 10,5 млн. тюрок.[459] Этническое и культурное определение Центральной Азии как тюркского региона можно вписать в рамки новой геополитической перспективы, которая повышает ценность Турции в качестве «государства-ядра» и является импульсом для ее выхода из-под западного влияния.

Турция является образцом для тех государств, которые не имеют ни демократической и законодательной системы, ни светской государственной структуры. Так, в правительственной программе 1993 г. откровенно говорилось, что «Турция – модель для приобретших недавно независимость новых государств и особенно – для тюркоязычных государств». В качестве основных целей своей восточной политики Анкара провозгласила содействие постсоветским партнерам в укреплении демократии, обеспечении прав и свобод личности, внедрении принципов рыночной экономики, развитии образования и культуры, военном строительстве и, наконец, в их интеграции в западные международные организации. В первые годы независимости центральноазиатские страны контактировали с внешним миром через Турцию. Лидеры новых государств рассматривали Анкару в качестве посредника, способного благодаря давним отношениям с Брюсселем и Вашингтоном помочь им как можно скорее интегрироваться в мировую политическую и экономическую систему.

При содействии Анкары произошло включение тюркских республик в состав региональных экономических и политических объединений: ОБСЕ, Организацию экономического сотрудничества, Черноморское экономическое сотрудничество, Организацию Исламская конференция. Турция сыграла важную роль в присоединении республик Центральной Азии к программе НАТО «Партнерство ради мира». Анкара также способствовала проникновению в эти государства международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития). На международном экономическом форуме в Давосе стало традицией проводить встречи лидеров Турции и центральноазиатских государств. Для координации всех видов деятельности с целью единения тюрок в структуре МИД Турции в январе 1992 г. были созданы Агентство тюркского сотрудничества и развития (TIKA), занимающееся вопросами экономического, культурного и технического сотрудничества, и Центр культуры и искусств.[460] Офисы TIKA были открыты

на территории Молдавии, Монголии, Таджикистана, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Украины, балканских стран и Кипра. В сфере экономики основным направлением деятельности TIKA является оказание помощи в экономическом подъеме тюркских государств и национальных тюркских меньшинств в постсоветских государствах, развертывание совместных проектов и программ, регулирование правовых, технико-экономических, социальных и экологических вопросов сотрудничества. В число приоритетных задач, поставленных перед TIKA, входит содействие в проведении структурных и рыночных преобразований, создание условий для быстрой интеграции государств и мест компактного проживания тюрок в мировое хозяйство. При выполнении этих функций представители TIKA могут привлекать к участию в отдельных проектах государственные министерства, предприятия и банки, сотрудничать с международными организациями, включая ООН, и структурами отдельных зарубежных стран.

Данное направление во внешней политике Турецкой Республики было зачитано в турецком парламенте 30 июля 1993 г.: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е гг. государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытия миру и интеграции в мировое сообщество».[461] Активными пропагандистами идеи выступили тогда президент Турции Т.Озал, провозгласивший наступающее столетие «тюркским веком», и премьер-министр С.Демирель, дополнивший мысль первого лозунгом «тюркского мира от Адриатики до Китайской стены». Т.Озал, выступая перед бывшими депутатами от Партии Отечества, сказал, что Турция должна поставить вопрос о границах существовавшей когда-то Османской империи в центр своих интересов с тем, чтобы снова стать империей в XXI веке. Турецкий президент предложил на первом этапе реализации «неоосманского плана» расширить зону так называемого черноморского экономического сотрудничества на территории, простирающейся между Каспийским и Адриатическим морями, и создать, в конечном счете, союз, который стал бы альтернативой Европейскому.[462] Эти действия находили отклик и у политических визави Анкары: президент Узбекистана

И.Каримов заявлял даже, что настанет день, когда узбеки и турки будут заседать в одном парламенте.[463] Подобную реакцию можно объяснить тем, что, во-первых, элиты среднеазиатских государств после обретения независимости пытались найти на мировой арене противовес России, из-под опеки которой они спешили вырваться, и, во-вторых, серьезно идеализировали турецкую действительность, знакомство с которой было лишь поверхностным. Ряд государств вышеназванного региона проявлял интерес к турецкому варианту экономического развития.

Необходимо отметить, что данный внешнеполитический вектор способствовал консолидации турецкого общества внутри государства, обеспечивая популярность турецкой элиты, находящейся у власти. В 90-х гг. пантюркизм был также с энтузиазмом встречен в деловых турецких кругах Турции. При этом националисты делали особый акцент на тюркском происхождении династии Османов. Пантюркисты призывали к созданию Великого Турана (Партия националистического действия, «Серые волки», «Черные шакалы»). Интересно, что иногда на страницах печати и в научных работах рассматривались даже такие нестандартные варианты «Тюркского союза», как включение в него ираноязычного, в основном, Таджикистана или невхождение в союз самой Турции, для того чтобы не вызывать беспокойства в мире и особенно в России.[464] Среди сторонников евразийского пути развития раздаются призывы не пытаться вытянуть в Европу все остальные тюркские народы, как это предусмотрено пантюркистским проектом, а самим вернуться к истинно тюркским началам и традициям, гораздо лучше сохранившимся у туркмен, узбеков, татар и киргизов.

Однако официальные заявления турецких политиков относительно Средней Азии и Закавказья в большинстве случаев были свободны от пантюркистской риторики. «Мы ищем путь для Средней Азии, не следует рассматривать это как пантюркизм» – заявил в Бишкеке президент С.Демирель, которому в Ташкенте вторил премьер-министр Б.Эджевит: «Турция не ищет сфер влияния. Мы хотим лишь укрепления самостоятельности этих стран. Мы не империалисты и не пантюркисты, мы заинтересованы в братстве и мире».[465]

В свою очередь, Вашингтон не скрывал, что в политической области выступает за то, чтобы Анкара заняла место Ирана в регионе и стала светской моделью развития для госу-

дарств СНГ. Американские политики полагали, что ориентация Турции на Восток (ислам, пантюркизм) должна использоваться Западом. Под этим они подразумевали, что кемалистская, то есть остающаяся светским государством Турция могла бы взять на себя функцию Запада в большом пантюркистском мире, простирающемся между провинцией Синьцзян и Балканами.

Более того, первоначально Турция воспринималась как модель социально-экономической и политической трансформации стран региона. Ряд центральноазиатских государств проявлял интерес к турецкому варианту экономического развития. После распада СССР Запад оказывал поддержку продвижению турецкой модели в регион, которая внедряла светскость в преимущественно мусульманское общество, рыночную экономику, многопартийную систему и прозападную ориентацию. Таким образом, Вашингтон поддерживал предполагаемую роль Анкары в качестве регионального лидера, оказывающего положительное влияние на бывшие советские республики в приобщении к подлинной демократии и прогрессу. Кроме того, США делали ставку на Турцию с тем, чтобы сдержать Тегеран и не дать ему заполнить вакуум, образовавшийся в результате ослабления влияния России в Средней Азии. Турция должна была стать проводником неолиберальных идей при формировании экономической модели новых независимых государств и посредником в освоении их рынков и источников сырья западным капиталом и, соответственно, ограничить восстановление влияния России в регионе.

Турецкое руководство активизировало сближение с тюркским миром, так как было уверено, что тесные связи с новыми республиками не только повысят региональное значение Турции, но и обеспечат новые возможности для развития ее экспорториентированной экономики. Одним из основных направлений политики Анкары по отношению к бывшим советским республикам Средней Азии и Закавказья являлось постепенное втягивание их в орбиту своих экономических интересов посредством подключения к уже имеющимся региональным объединениям и создания новых экономических группировок с последующим политическим сближением. В сжатые сроки были согласованы и подписаны с каждой из республик соглашения о торговле, взаимном поощрении и защите инвестиций, устранении двойного налогообложения, установлении прямого авиасообщения. Турция вынуждена была торопиться с освоением

новых среднеазиатских и закавказских рынков, так как на них также претендуют Иран, Индия, Пакистан и страны Западной Европы. Наряду с деятельностью официальных правительственных турецких организаций в расширение зоны влияния Турции активно включился частный торгово-промышленный капитал. В декабре 1991 г. Турецким комитетом по внешним экономическим связям (ДЕИК) с большинством из новых независимых государств Средней Азии и Кавказа были налажены деловые контакты, учреждены деловые советы, которые смогли определить объекты турецкого инвестирования. Турецкий бизнес завоевывал рынки молодых государств, используя демпинговые цены и механизм бартерных сделок. При этом в Средней Азии турецкие предприниматели имели культурное и лингвистическое преимущество перед западными конкурентами. Если раньше все торговые пути из Средней Азии вели в Москву, то теперь значительная часть товаров направляется в Стамбул и другие турецкие торговые центры.

В регион устремились представители турецкого делового мира, поощряемые собственным государством, с расчетом получения прибылей от открытия новых рынков и приватизации государственного сектора экономик своих младших партнеров. Турция уже в 1992 г. оказала тюркским государствам помощь в модернизации системы коммуникаций и транспорта. Было принято решение об участии Турецкой Республики в международных проектах строительства железных и шоссейных дорог, переоборудования каспийских и черноморских портов. К середине 1994 г. между Турцией и республиками Средней Азии и Закавказья было подписано около 200 соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству. Сюда следует отнести: 1,5 млрд. долл. долгосрочных займов под низкий процент, 79 млн. долл. прямой безвозмездной помощи, организацию спутникового телевидения (которое заменило русскоязычный канал), телефонную связь, воздушное сообщение, тысячи стипендий для студентов, получающих образование в Турции, обучение центральноазиатских и азербайджанских банкиров, бизнесменов, дипломатов и сотен офицеров армии, а кроме того, подготовку преподавателей турецкого языка.[466] Турецкая сторона учредила и специальный турецко-среднеазиатский банк для финансирования своего экономического проникновения на рынки региона. Именно по линии Эксимбанка шли основные кредиты Турции в центральноазиатские государства.

Более того, Анкара рассчитывала на экономическую интеграцию с мусульманскими республиками бывшего СССР путем реализации ряда долгосрочных проектов. Уже в начале 90-х гг. было понятно, что ключевая роль в этом процессе отводилась транспортно-энергетическим маршрутам, которые должны были объединить Центральную Азию, Южный Кавказ и Турцию, создав конкурентный России пояс к югу от ее границ. Интерес Турции к району Каспийского моря – крупнейшему потенциальному поставщику природного газа – объяснялся необходимостью получить доступ к важнейшему энергетическому источнику для удовлетворения нужд населения и промышленности, а также желанием усилить свою роль в регионе. Приобщение к каспийским нефти и газу позволило бы уменьшить зависимость от России, которая до сих пор оставалась главным поставщиком энергоресурсов. Обозначив свою заинтересованность в каспийских месторождениях, Турция открыто вступила в соперничество с Россией и Ираном за политическое и экономическое влияние на Кавказе. Чтобы увеличить импорт газа, Турцией было заключено несколько двусторонних и многосторонних соглашений с Азербайджаном, Грузией, Туркменией и Казахстаном. Одновременно с этим Турция активно участвовала в соревновании за право транспортировки каспийских природных ресурсов в Западную Европу.

Кроме того, предполагалось, что «тюркская общность» должна стать рынком сбыта продукции «перегретых» отраслей национальной экономики. Например, Турция может экспортировать в эти страны продукты питания, текстиль, ткани, медикаменты, станки, автомобили, электробытовые приборы, бытовую электронику и импортировать из них нефть, газ, уголь, золото, уран, медь, ртуть, алюминий, цинк, продукцию химической промышленности.[467] Она может стать посредником для западных технологий и капитала в области высоких технологий, добычи и транспортировки нефти и газа. Таким образом, страны Центральной Азии могли бы обеспечивать Турции ее тылы для скорейшего вхождения в Европу в качестве прежде всего сырьевых придатков.

Активно расширялась теле- и радиотрансляция на республики Центральной Азии и Азербайджан. На территории этих государств стали создаваться совместные университеты, в частности Университет им. Ходжи Ахмеда Ясави в Казахстане, и лицеи в Узбекистане и Таджикистане при поддержке турецкой стороны.[468]

Вместе с тем возникновение этнических конфликтов и сепаратистские выступления в Грузии, Нагорном Карабахе и Чечне увеличивали озабоченность Турции сохранением стабильности и безопасности в регионе. Причины озабоченности объяснялись реальной опасностью перетекания беспорядков через границы, так как конфликты развивались в соседних государствах, и в них были вовлечены представители тюркских народов и другие мусульмане Кавказа, с которыми у турок традиционно сохранялись крепкие связи. Кроме того, в стране проживает значительное количество выходцев из этого региона (в частности, из Абхазии, Азербайджана, Чечни), объединенных в землячества и создавших влиятельные этнические лобби, способные оказывать серьезное давление на правительство. Как бы то ни было, Турция предпочитает занимать осторожную позицию, избегая открытого вмешательства в этнические конфликты на Кавказе, ибо в конечном итоге это могло бы столкнуть ее с Россией. Более того, турецкое руководство рассматривает сепаратистские движения в Чечне и Абхазии сквозь призму сходной проблемы курдского сепаратизма, и опасается обвинений в лицемерии в случае, если станет поддерживать сепаратистов за пределами границ, жестоко подавляя их выступления внутри собственного государства.

Летом-осенью 1996 г., в период проведения 4-го саммита тюркских государств, Турция заключила военные соглашения с Азербайджаном, сотрудничество с которым имеет для Анкары на Кавказе приоритетное значение, и Казахстаном. Что касается Грузии, то Турция изначально выступала в поддержку урегулирования противоречий между Сухуми и Тбилиси мирными средствами в рамках сохранения территориальной целостности страны. Заметно возросло военное сотрудничество сторон, Турция начала предоставлять военную помощь Грузии в 1997 г. 30 апреля 2002 г. состоялся саммит президентов Турции, Азербайджана и Грузии в Трабзоне, в ходе которого было подписано соглашение о совместной борьбе с терроризмом и организованной преступностью.

Но реальность свела на нет геополитические проекты Турции относительно тюркских республик. Анкара так и не смогла стать серьезным конкурентом Москвы. Вот как позднее описал причины неудавшейся интеграции с Турцией президент Казахстана Назарбаев: «Большинство поверило в то, что все проблемы Казахстана способна решить Турция. Однако это озна-

чало бы отказ от самостоятельности, разрыв традиционных связей с соседями и смену старшего брата. Все это явно прозвучало в проекте декларации первого саммита тюркских президентов, подготовленном нашими турецкими коллегами. Там говорилось, что мы будем ориентироваться на сотрудничество с Турцией, основываясь на нашей исторической, языковой и культурной общности, общих традициях. Мне пришлось разочаровать Озала отказом подписать эту декларацию. Я высказался лишь за экономические, политические и гуманитарные связи. Верно, что корни у нас общие, как и то, что долгое время мы были разделены. Я предложил восстанавливать связи внутри нашей цивилизации при уважении к нашей недавно обретенной независимости и суверенитету всех стран, но заявил, что мы не намерены рвать отношения с другими странами и народами, вступать с кем бы то ни было в привилегированные отношения. Каримов меня поддержал».[469] Увидевшие поначалу в сравнительно развитой и вестернизированной Турции образец для подражания Азербайджан и страны Средней Азии к середине 90-х гг. стали более трезво рассматривать отношения с «западным братом». Поначалу в Турции просто не понимали, как постсоветские республики могут не соглашаться с какими-то предложениями и идеями, исходящими из Анкары и направленными на сплочение народов на общей этнической основе. В частности, неожиданностью стал для турецких властей отказ тюркоязычных стран от предложенного Анкарой участия в саммитах с лидером Турецкой Республики Северного Кипра, не признанной мировым сообществом. К тому же пантюркистская тематика для тюркоязычных народов недостаточно актуальна: первоочередными для них являются задачи национально-государственного строительства.

К середине 90-х гг. стало очевидным, что ограниченные финансовые возможности Турецкой Республики являются непреодолимым барьером для расширения сотрудничества с тюркскими государствами. В Турции отсутствовали необходимые средства для массированного инвестирования. В этом проявилась ограниченность турецких ресурсов, их технологическая слабость, неспособная удовлетворить технические потребности национальных экономик тюркских государств. Турецкая экономика, находящаяся в хроническом кризисном состоянии, зависящая от западных заимствований была не в состоянии обеспечить потребности новых независимых государств в эко-

номических ресурсах. Обещанные Анкарой «новым братьям» 2 млрд. долл. капиталовложений в Средней Азии планировалось получить в основном от западных банков, которые решили заниматься инвестициями напрямую, минуя анкарских посредников.[470] Невыполнение этих обязательств нанесло сильнейший удар по престижу турок и вызвало серьезные сомнения в их способности выполнять свои обязательства в дальнейшем. Более того, качество большинства турецких товаров намного уступает европейским изделиям, а подлинная интеграция не может быть основана на одной сельхозпродукции. В результате снизился объем турецкого экспорта в центральноазиатские республики.

Со временем снисходительно-опекунское отношение Турции пусть к «братскому», но все же третьему «тюркскому миру» сменилось признанием культурно-образовательных, а также ментальных различий турок и жителей азиатских постсоветских республик. Данный факт под прессом пропаганды языкового, культурного и этнического родства, если не единства, поначалу сбрасывался со счетов. Уверенность Анкары в том, что она лучше своих восточных партнеров знает проблемы и потребности последних, привела к ряду политических кризисов во взаимоотношениях сторон. В частности, Азербайджан и Узбекистан обвинили Анкару во вмешательстве в их внутренние дела, причем Баку настоял на отзыве турецкого посла, а Ташкент запретил въезд в страну турецкого министра по делам внешних тюрок и отозвал из Турции своих студентов.

С одной стороны, Турции удалось обозначить свое присутствие в тюркоязычных государствах (особенно в Азербайджане) и заметно усилить экономические и культурные связи с центральноазиатскими республиками. Однако надежды последних на то, что Турция станет их главным политическим и экономическим партнером, не оправдались по ряду причин, среди которых можно назвать ограниченные финансовые возможности самой Турции, отсутствие (за исключением Азербайджана) общих границ, российское присутствие в этих регионах, и, наконец, нежелание лидеров новых независимых государств вновь попасть в зависимость от кого бы то ни было.

Вместе с тем премьер-министр Т.Чиллер заявила после отказа Европейского Совета утвердить Турцию в качестве кандидата на вступление в ЕС в 1997 г.: «Если Турция останется за пределами Европы, на повестку дня встанет совершенно

новый тип ее отношений с независимыми тюркскими республиками».[471] Этим она подчеркнула, что активизация политики Анкары на восточном направлении напрямую зависит от позиции Брюсселя. Турецкий политолог О.Сандер отмечает: «Часто и в Турции, и за рубежом раздаются голоса, призывающие к созданию содружества тюркоязычных государств. Это может стать адекватным ответом на неприятие Турции в Европу. Это может оторвать Турцию от односторонней ориентации на Запад и помочь ей стать региональной державой, опирающейся на восточный фундамент».[472] Осознание своей периферийности, отторжения со стороны Запада вынуждает турецкое общество, которому официальная пропаганда всеми способами внушает идеи национальной исключительности, ориентироваться на родственный союз в региональном масштабе. Хотя существуют и крайние подходы: турецкие фундаменталисты стремятся вывести страну из-под влияния Запада и добиться пантюркистского регионального величия в сочетании с исламизмом.

Однако при всей своей пантюркистской риторике приверженец идеи основания тюркского союза Т.Озал не рассматривал данное внешнеполитическое направление в качестве альтернативы ЕС. Подтверждением тому являются его либерально-экономические реформы и, соответственно, ориентация на мировых экономических лидеров. Вместе с тем, воспользовавшись ослаблением России на постсоветском пространстве и переориентировав на себя тюркские республики, Турция стремилась усилить свои позиции для интеграции в Европейский Союз и заодно получить от него кредиты для создания демократического общества в новых независимых государствах. Помимо этого, Турция была заинтересована в диверсификации и множественности поставщиков энергоносителей для их транспортировки на Запад. Однако в обоснование регионального лидерства от Турции требовалось безвозмездное финансирование братских народов. Нехватка ресурсов на удовлетворение этих целей привела к похолоданию во взаимоотношениях сторон. Кроме того, со временем центральноазиатские государства перестали нуждаться в посредничестве Анкары в отношениях с Западом.

Турция постепенно отказалась от создания собственной зоны влияния на территории проживания тюркских народов, ограничившись, в основном, образовательными программами в рамках деятельности TIKA, что позволяет говорить о создании

гуманитарной сферы влияния Анкары. Для осуществления лоббистской деятельности в интересах Турции используются возможности турецкой диаспоры, тюркских этнических групп и их информационных центров: органов печати, радио и телевидения. Экономическое проникновение Анкары в регион ограничивается предоставлением время от времени определенной финансовой помощи в виде грантов, кредитов и технической поддержки.

Тем не менее Турция имеет во всех столицах государств Центральной Азии военных атташе, довольно сильную агентуру, пытается создать протурецкие политические партии и группы, которые работают на укрепление военно-политического сотрудничества своих стран с Анкарой. Турция сотрудничает с центральноазиатскими республиками в устранении таких угроз региональной безопасности и стабильности, как радикальные религиозные движения, терроризм, наркотраффик и торговля оружием. В рамках соглашений о борьбе с терроризмом, подписанных с этими странами, Турция предоставляет им необходимую технику и финансовую помощь. Начиная с 2001 г. Анкара значительно увеличила военную помощь Узбекистану и Казахстану, в меньшей степени Киргизии, предоставляя вооружение и военное обмундирование, проводя учения с целью модернизации армий этих стран[473]. Участие Турции в операции в Афганистане заметно повысило ее авторитет среди центральноазиатских государств.

Среди последних политических событий следует отметить прошедший 3 октября 2009 года в Нахичевани (Азербайджан) очередной саммит глав государств тюркоязычных стран. В нем приняли участие президент Азербайджана Ильхам Алиев, президент Турции Абдулла Гюль, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, президент Киргизии Курманбек Бакиев и вице-премьер правительства Туркмении Хыдыр Сапарлыев. Саммиту предшествовало учреждение Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Турции). В саммите не приняли участия ни президент Узбекистана Ислам Каримов, ни даже его представитель. На саммите Нурсултан Назарбаев, отметив, что Гейдар Алиев и Мустафа Кемаль Ататюрк мечтали о единстве тюркоязычных народов, подчеркнул, что Казахстан также выступает за воплощение в жизнь этой идеи. Тюркский саммит в Нахичевани завершился созданием Совета сотрудничества тюркоязычных стран (Тюркского совета), в 2010 г. его возглавит Казахстан.

Турция, обеспечив возможность экспорта азербайджанских энергоресурсов в Европу, естественно, заинтересована в подключении Казахстана и Туркменистана к транскаспийским проектам. Астану устраивает вариант дальнейшего развития диалога с Евросоюзом при активном участии Турции, в том числе в разработке и реализации совместных проектов транспортировки нефтегазового сырья в Европу. Однако напряженные отношения возникли у турецкого бизнеса с новыми туркменскими властями.

Что касается Узбекистана, то после обвинений в адрес Турции по поводу поддержки узбекских оппозиционных движений и их лидеров, отношения между двумя странами довольно прохладные. Ташкент считает, что Анкара поддерживает исламскую оппозицию через деятельность турецких коммерческих и строительных фирм. Представитель Узбекистана даже не присутствовал 17–19 ноября 2007 г. в Баку на 11-м съезде организации Дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин. Однако в реальности Турции нет смысла поддерживать экстремистские религиозные движения за рубежом, так как турецкие власти борются с ними внутри страны. Тем не менее Турция и Узбекистан продолжают сотрудничество в сфере предотвращения и устранения таких угроз, как экстремизм, терроризм и контрабанда наркотиков, с которыми сталкивается Ташкент и которые представляют опасность для стабильности всего региона.

В сегодняшней Турции идею Великого Турана поддерживают лишь ультра-националистические круги, не имеющие значительного влияния на власть, и экстремистские неправительственные организации. Националистическая и пантюркистская идеология турецких властей позволяет демонстрировать западным союзникам возможность альтернативы во внешнеполитической стратегии, одновременно она завоевывает симпатии турецкого электората, немалая часть которого разделяет подобные взгляды.

С другой стороны, зависимость Турции от внешних поставок нефти, а также растущие экономические интересы в мусульманских странах вынуждали ее правительство делать все более сильный акцент на ислам во внешней политике. Приоритетными для Анкары форумами с целью расширения экономического сотрудничества с мусульманскими странами являются Постоянная комиссия по экономическому и коммерческому со-

трудничеству в Организации Исламская конференция, председателем которой является представитель Турции, и Организация экономического сотрудничества (Азербайджан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Турция и Узбекистан). Последняя ставит целью развитие сотрудничества между странами-участницами в экономической, технической и культурной областях. Для устранения торговых барьеров между странами – членами ОЭС был принят «Протокол о введении льготных тарифов», предусматривающий снижение на 10% некоторых таможенных пошлин.[474]

После выборов 1995 г. в Турции было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли представители Партии благоденствия. Ее программа предусматривала переориентацию внешней политики с европейских на исламские страны и отзыв заявки на вступление в ЕС.[475] В период нахождения у власти лидера ПБ Неджметтина Эрбакана были активизированы связи Турции с мусульманскими странами, в том числе с Ираном и Ливией, предприняты шаги к созданию исламского общего рынка и исламского таможенного союза. Помимо этого, Турция начала сближение с Организацией Исламская конференция, катализатором которого служила кипрская проблема.

Эрбакан всерьез приступил к долгосрочному плану создания альтернативы европейской «Большой восьмерке» в виде Исламской восьмерки – Д-8, учредительная встреча которой на уровне министров иностранных дел Турции, Ирана, Пакистана, Египта, Малайзии, Индонезии, Бангладеш и Нигерии прошла в Стамбуле в январе 1997 г. Данный проект был направлен на экономический рост и социальное развитие входящих в него стран. Выбор этих государств Турцией не случаен. Индонезия и Малайзия являются новыми индустриальными странами, «азиатскими тиграми», сильными с экономической точки зрения. Египет важен вследствие своего геополитического положения. Иран и Нигерия интересовали Турцию как источники энергоресурсов. Пакистан близок ей по политической структуре, где власть подконтрольна армии, и как союзник США в регионе. И все же проект Эрбакана нежизнеспособен, так как в нем объединены слишком разноплановые государства. Индонезия и Малайзия ориентированы в основном на Японию и азиатские рынки. Внешняя политика Египта подчинена союзническим отношениям с США. Непредсказуемые Иран, Па-

кистан и Нигерия угрожали светскому строю Турции исламским фундаментализмом. В итоге разный уровень политического и экономического развития этих стран стал непреодолимым препятствием для достижения компромисса между участницами Исламской восьмерки.

Между тем учащение контактов Турции с государствами Ближнего Востока могло втянуть НАТО в конфликты, в которых у альянса не было прямого интереса. Соответственно, эти инициативы вызывали негативную реакцию западных представителей и сторонников проевропейской ориентации внутри страны. Здесь необходимо учитывать, что Запад служит для Турции важнейшим источником реорганизации вооруженных сил и получения военной помощи.

Кроме того, армейское руководство Турции бдительно следит, чтобы исламские круги оставались в рамках, очерченных принципом лаицизма и модернизации, и в политической сфере действовали по строго определенным правилам. Активное вовлечение Турции в дела исламского мира грозило нарушением этого довольно хрупкого баланса, стремление к сохранению которого заставило военное руководство напрямую вмешаться в политическую жизнь страны и отстранить от власти Эрбакана.

Вместе с тем турецкая политическая система, основанная на кемализме – идеологии, присущей только турецкому обществу, – является нетранспортабельной. Попытки Турции привнести западные ценности в ближневосточный регион могут углубить существующие расхождения между ней и исламским миром. Турции понадобились десятилетия, чтобы достичь нынешнего уровня демократии, и это был, несомненно, болезненный процесс. Этот факт говорит не в пользу возможности транспортации турецкого опыта в общества, которые не следуют в данном направлении. Более того, в качестве модели демократии Турция не может быть воспринята Ближним Востоком вследствие исторических отношений с арабскими странами. С XVI в. по 1918 г. значительная их часть находилась под властью Османской империи, и арабы запомнили оскорбительно-пренебрежительное отношение к ним турок. Светские арабские националисты не видят в Турции надежного партнера, так как, с точки зрения исторической ретроспективы, она воспринимается как бывший колонизатор, а в настоящее время является членом непопулярного в регионе Североатлантического

блока. К тому же арабы негативно воспринимают позицию Анкары в ближневосточном кризисе. Турция в свое время была первой страной мусульманского мира, которая признала Израиль.

Эрбакан, проводивший курс на сближение с исламскими государствами, в ходе визита в Ливию получил жесткий выговор от Каддафи, суть которого заключалась в том, что Турции следовало бы поменьше участвовать в операциях НАТО и не заключать с Израилем военных договоров. Кроме того, Каддафи подчеркнул, что исламский мир не может простить Турции жестокости подавления курдов.[476]

Кроме того, Сирия претендует на турецкий район Александретта (Хатай), а также требует увеличить поступление воды в реку Евфрат, перегороженную в своем верхнем течении плотинами турецких гидростанций. До 1998 г. Сирия оказывала поддержку Курдской рабочей партии, что чуть не привело две страны к вооруженному конфликту. В 2001 г. Турция значительно ослабила пограничный контроль, провела железнодорожные линии к северу Сирии, результатом чего стало оживление двусторонней торговли, сотрудничество в добыче минералов и сельском хозяйстве. Возрос товарооборот между двумя странами.[477] Подготовка операции в Ираке послужила мощным толчком к активизации контактов Дамаска и Анкары. Обе страны оказались перед угрозой создания курдского государства в Северном Ираке. Это могло спровоцировать вспышку сепаратистских настроений среди курдов Турции и Сирии, и привести к дестабилизации в этих странах. Обмен визитами на высшем уровне в 2004 и 2005 гг. позволяет говорить о стабильном и динамичном развитии сотрудничества между Турцией и Сирией.

Отношение фундаменталистского Тегерана к Анкаре, где светский характер страны определен законодательно, преимущественно враждебное. Иран, не желая видеть сильную Турцию в регионе, пытался экспортировать свой режим и спонсировал террористическую деятельность на ее территории. Он поддерживал «Исламский фронт воинов Великого Востока» и организацию «Исламское действие», которые выступают за создание государства на основе шариата. Кроме того, в Иране располагались базы курдских боевиков.[478] Тегеран является историческим соперником Анкары за влияние на Кавказе и в Центральной Азии. Иран – конкурент Турции в плане поставок каспийской нефти на мировой рынок. Помимо соперника в сфере

бизнеса, Анкара в лице Тегерана имеет у своих границ сильное в военном отношении государство, занимающееся разработкой ядерной программы. Турция неоднократно выражала озабоченность реализацией Ираном ядерной программы и призывала его к соблюдению международных норм по использованию атома в мирных целях. В то же время Турция предупреждает о негативных последствиях для международного сообщества возможной военной операции против соседней страны.

Однако с началом войны в Ираке Турция и Иран выработали совместную политику борьбы с курдским сепаратизмом. Они категорически выступают против раздела Ирака и образования на его территории независимого курдского государства, способного создать опасный прецедент. В рамках достигнутой договоренности о совместной борьбе с терроризмом было решено создать механизм «мгновенного контроля». Более того, Иран предложил проводить часть работ по своей ядерной программе на территории Турции и пригласил турецкие компании к участию в иранских ядерных проектах. В результате глава турецкого МИДа Гюль заявил о том, что отношения с Тегераном развиваются позитивно и Анкара больше не опасается экспорта исламской революции.[479]

Борьба с курдским сепаратизмом и террористической деятельностью КРП способствовала сближению Турции с Израилем с целью обеспечения безопасности. В декабре 1996 г. между Израилем и Турцией было заключено соглашение о сотрудничестве в военной области. Данный документ создал основу для союза между двумя наиболее сильными государствами региона, что, в свою очередь, имело важные последствия в плане установления баланса сил на Ближнем Востоке. Несмотря на неоднократные заверения обеих сторон в том, что их сотрудничество ни в коем случае не направлено против каких-либо третьих стран, Турция своим сближением с Израилем предостерегала Сирию от враждебных действий и дальнейшей поддержки КРП. Сотрудничество с Израилем позволяло Турции не только повысить свою военную мощь за счет доступа к новейшим технологиям, но и получить альтернативный источник поставок современных вооружений. Более того, между странами углублялось экономическое сотрудничество, в 1997 г. был заключен договор о свободной торговле. Наконец, в сентябре 1998 г. на международной конференции по Ближнему Востоку, созванной американской организацией «Новая атлантическая

инициатива» в Тель-Авиве, израильский премьер-министр Биньямин Нетаниягу впервые заявил о наличии оси Иерусалим – Анкара, которая является основой региональной безопасности.[480] Однако следует отметить, что сближение с Израилем началось под давлением США, которые были обеспокоены ориентацией Эрбакана на исламские государства. Соединенные Штаты стремились таким образом вызвать охлаждение во взаимоотношениях арабских стран и Турции и переориентировать ее на Запад.

После выборов 1999 г. главой правительства Турции стал лидер Демократической левой партии Бюлент Эджевит. Он являлся сторонником еще более тесных связей с Израилем, в котором видел одного из главных стратегических партнеров Турции. Таким образом, к концу 90-х гг. между двумя демократическими, ориентированными на Запад и не принадлежащими к арабскому миру государствами региона установились тесные связи, которые, начавшись с сотрудничества в области обеспечения безопасности, постепенно стали углубляться и распространяться на другие области. На геополитическом уровне многостороннее сотрудничество двух государств является дополнительным средством обеспечения безопасности своих ближневосточных границ. В долгосрочном плане турецко-израильский альянс является залогом более активной стратегической роли Турции на Ближнем Востоке. Однако слабым местом турецко-израильских отношений остается то обстоятельство, что они поддерживаются исключительно на уровне правящих элит и не пользуются поддержкой у большинства турецкого населения. С приходом к власти в Турции исламистской Партии справедливости и развития во взаимоотношениях сторон стало наблюдаться некоторое похолодание. Например, это проявилось в заявлении премьер-министра Эрдогана, сделанном в апреле 2004 г., что его совесть не позволяет ему «встречаться с израильтянами в то время, когда правительство А.Шарона продолжает уничтожать палестинское руководство и совершает террористические акции против палестинского народа».[481]

При этом укрепление военных связей Турции и Израиля вызывало критику со стороны Ирана и других соседних государств. В иранской прессе появились заявления о том, что «Турция слишком активно кооперируется с сионистским государством, в особенности в военной сфере. Просионистская

позиция этой страны, большую часть населения которой составляют мусульмане, может быть расценена как предательство по отношению к другим мусульманским государствам».[482] Даже такое умеренное арабское государство, как Египет, без энтузиазма восприняло установление и развитие стратегического сотрудничества между Турцией и Израилем. Но несмотря на то, что это военно-политическое сотрудничество встречает противодействие со стороны практически всех соседей Израиля и Турции, приоритеты обоих государств в области безопасности вынуждают их продолжать его, особенно в таком жизненно важном вопросе, как совместная борьба против террористических организаций.

Вместе с тем важнейшим препятствием для сотрудничества являются глубокие и плохо скрытые антисемитские настроения, традиционно присущие турецкому обществу, фактор исламской солидарности, проявляющийся в ходе непопулярных в Турции силовых действий Израиля в Палестине, а также постепенное ухудшение американо-турецких отношений и усиление антиамериканизма среди турецкого населения. В частности, после начала военной операции Израиля в Ливане летом 2006 г. население Турции встало на сторону своих «мусульманских братьев», а правительство в знак протеста заморозило соглашение о военной модернизации. 3 августа 2006 г. депутаты от правящей Партии справедливости и развития и основной оппозиционной Народно-республиканской партии вышли из межпарламентской группы дружбы с Израилем в знак протеста против военных действий в Ливане. Комиссия по правам человека парламента Турции охарактеризовала боевые действия Израиля как государственный терроризм и геноцид и призвала к ответу за него в международном трибунале за военные преступления.

Таким образом, руководство Турции окончательно сделало свой выбор в пользу более активной региональной политики на Ближнем Востоке, что усложняет поддержание баланса в отношениях между Израилем и арабскими странами. Можно предположить, что появление общих интересов и укрепление взаимоотношений между Турцией, Ираном и Сирией приведет к утрате взаимопонимания между Тель-Авивом и Анкарой. Более того, в случае дальнейшего снижения роли военной верхушки в политической жизни Турции отношения с Израилем также объективно будут слабеть. Состояние нестабильности и

повышенная опасность возникновения конфликтов между ближневосточными государствами заставляют предположить, что данное направление во внешней политике турецкого руководства не может стать альтернативой европейской перспективе. Вместе с тем некоторые представители ЕС полагают, что Турция могла бы стать стратегической опорой Европы на Ближнем Востоке.

Другим важнейшим внешнеполитическим вектором Турции являются США. Анкара вынуждена придерживаться проамериканской политики, в основном вследствие экономических проблем, т.к. США являются крупнейшим источником финансовой помощи и владельцем основного пакета голосов в МВФ. С точки зрения Турции, стратегическое партнерство с США позволит ей стать значимым игроком на международной арене и экспортировать свою политическую систему в мусульманские страны региона. Некоторые крайние националисты и консервативные члены правительства, в том числе лидер Партии Отечества, бывший премьер-министр Месут Йилмаз, предлагают сближение с США в качестве альтернативы ЕС. Они отмечают, что стратегическое партнерство с Вашингтоном не требует от Анкары болезненных реформ во внутренней политике и уступок по Кипру. С другой стороны, оно может превратить Турцию в региональную сверхдержаву. Кроме того, генеральный секретарь СНБ Кылынч подчеркивал, что именно США всегда поддерживали Турцию во время финансовых кризисов и в борьбе с терроризмом.[483]

В свою очередь, Вашингтон не перестает говорить о стратегическом значении Анкары, широко используя ее территорию и возможности. Американцы предпринимают ряд последовательных мер, направленных на возрождение «вестернизированного» ислама по турецкой модели, наиболее приемлемого для западной цивилизации. Следовательно, активная внешняя политика Турции на Кавказе, Балканах и Центральной Азии подогревалась не только мечтой стать лидером сообщества тюркских народов, но также и желанием Соединенных Штатов Америки не допустить того, чтобы идеологический, экономический и политический вакуум в этих регионах заполнили Иран и Саудовская Аравия, насаждая там исламский фундаментализм. Президент США Джордж Буш-младший неоднократно подчеркивал, что Анкара является основным региональным партнером Вашингтона и что светская Турция – главная пре-

града на пути распространения радикального ислама. В значительной степени по этой причине он оказывал давление на Брюссель с целью начала переговоров о вступлении Турции в ЕС. В отличие от Евросоюза Вашингтон признал Курдскую рабочую партию и Демократическую партию турецкого Курдистана террористическими организациями, соглашался с необходимостью сохранения смертной казни в Турции в определенных случаях и редко упоминал о защите культурных прав курдского населения. Анкара – верный союзник, пользующийся значительным влиянием в регионе, – рассматривается Вашингтоном как идеальный партнер в ЕС.

Вместе с тем экономическое сотрудничество сторон находится на достаточно низком уровне. Существует Комиссия по турецко-американскому экономическому партнерству с целью расширения торгово-экономических связей, но США не спешат упразднять квоты на текстиль и прочие торговые барьеры для турецких товаров. Помимо этого, экономическое взаимодействие Турции с США неперспективно с точки зрения географической удаленности сторон.

При этом для Турции неприемлемы односторонние внешнеполитические действия США, в особенности военная интервенция в Ираке. Накануне проведения военных операций в Багдаде в 2003 г. турецкий парламент не позволил разместить на территории Турции 60 тыс. американских солдат, невзирая на то, что США обещали оказать Анкаре помощь на сумму в 30 млрд. долл.[484]

События в Ираке совпали с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, связанной с национальным и зарубежным исламским электоратом. Более тесное взаимодействие с США грозило напряженными отношениями с мусульманскими странами и падением рейтинга правящей партии, получившей большинство голосов населения.

Традиционалистов из Партии справедливости и развития привлекает евразийское направление во внешней политике страны. Евразийство отвергает строгое следование западной модели, не отказываясь от последней, и предполагает сохранение национальной и культурной самобытности. Кроме ПСР, к евразийству проявляют интерес правые националисты; центристы; религиозные круги; военное руководство страны; интеллектуальные фонды, такие как Фонд Ясави и АСАМ, движение «Платформа Диалог Евразия», стремящееся сблизить ин-

теллигенцию стран СНГ и Турции; экономические структуры, в частности «Евразийский Форум» Аркана Сувера, евразийский департамент Торгово-промышленной палаты, организация евразийского сотрудничества России и Турции РУТАМ.[485]

Евразийская политика Турции охватывает Иран, в котором проживают около 30 млн. тюрок, Ирак – 2,5 млн., Сирию – свыше 1,5 млн. Всего на оси Евразия – Ближний Восток проживает 33,5 млн. тюрок. Если к этому прибавить 2 млн. тюрок, проживающих на Балканах, то всего получится, что в Евразии проживает свыше 205 млн. тюрок.[486] Таким образом, в своей евразийской геополитике Анкара предполагает активно использовать тюркский фактор.

Новая стратегия в регионе строится исходя из четырех осей: Анкара – Москва, Анкара – Тегеран, Анкара – Брюссель, Анкара – Эр-Рияд. Возможность контроля над Черным и Эгейским морями, а также восточным Средиземноморьем, близость к Кавказу и Ближнему Востоку и, наконец, географическое расположение на стыке трех континентов позволяют считать Турцию ключевым государством в регионе. Природное богатство Евразии, ее экономический потенциал и динамика, значительные человеческие ресурсы и исторический опыт могут сыграть важнейшую роль в росте благосостояния и стабильности стран региона.

В 1990-х гг. в России существовали опасения, что Турция в рамках своей евразийской политики преследует пантюркистские цели. Ее даже обвиняли в поддержке сепаратизма в Чечне, Башкирии и Татарстане. Анкара активно работала с населением этих республик в гуманитарной и экономической сферах.

Тем не менее, чеченская проблема несет в себе серьезную угрозу для Турции, так как может стать источником неуправляемого притока огромного числа беженцев, незаконного ввоза оружия и терроризма. Кроме того, в Анкаре понимают, что прямое или косвенное участие Турции в событиях на Северном Кавказе может повлечь за собой поддержку со стороны России и Армении курдских повстанцев. Все это может оказать негативное влияние на осуществление новых энергетических проектов: «Голубой поток», Транс-Каспиан, Баку-Джейхан, чрезвычайно важных для энергоснабжения Турции и ее экономического развития в целом. Сепаратизм в России поддерживается со стороны турецких экстремистских ультранационалистических и религиозных групп, но это неприемлемо для госу-

дарственных политиков Турции. Последние понимают, что переходить в стадию активного противостояния РФ нельзя хотя бы потому, что она все еще обладает реальным, в том числе и ядерным, военным потенциалом, пользуется авторитетом в регионе, где ее признают сдерживающим фактором на пути обострения внутрирегиональных противоречий. В итоге в отношении постсоветских стран СНГ Анкара вместо первоначальной политики, состоявшей в поддержке пантюркистских проектов, перешла к поиску стратегического партнерства с Москвой. Особенно быстро начали улучшаться взаимоотношения между Турцией и Россией после того, как в 1998 г. из последней был выдворен лидер Курдской рабочей партии Оджалан.

В 1999 г. премьер-министр Эджевит побывал с официальным визитом в Москве. Турецкие националисты назвали это актом предательства чеченцев, указывая на то, что Анкара является моральной опорой для Чечни и Дагестана, где Россией проводится политика геноцида. Подчеркивалось, что в случае утери влияния на Кавказе под угрозу могут быть поставлены энергетические проекты Турции в бассейне Каспийского моря.[487] Вместе с тем турецкий премьер призвал российское руководство запретить деятельность Курдской рабочей партии на своей территории и высказался за совместное противодействие терроризму. При этом Эджевит добился разрешения оказывать гуманитарную помощь Чечне, чем свел на нет возмущение исламистов тем, что Анкара безучастна к происходящим событиям в этом субъекте РФ. Кроме того, он высказался за более широкое участие России в реализации экономических проектов в Турции, в том числе модернизации возведенных при содействии бывшего Советского Союза промышленных объектов, и поставки турецких товаров в обмен на российский газ.[488]

16 ноября 2001 г. между Россией и Турцией был подписан План действий по развитию сотрудничества в Евразии, ставящий своей целью распространение экономических возможностей и опыта двух стран на евразийском пространстве, использование их в рамках совместных проектов и инициатив. Помимо этого, предполагалось, что взаимодействие в сопредельных регионах – на Кавказе, в Средней Азии, в Причерноморских государствах будет способствовать стабильности и безопасности, предотвращать развитие терроризма и распространение оружия массового уничтожения.

В настоящее время представители правящей Партии справедливости и развития рассматривают евразийский регион и сближение с Россией в качестве одного из приоритетных направлений во внешней политике Турции. Сторонниками евразийского пути развития страны являются советник президента Ахмета Неджета Сезера по внешней политике Мехмет Дулгер, глава парламентского Комитета по международным отношениям и профессор Ахмет Давутоглу, главный советник премьер-министра Эрдогана по внешней политике Х.Четин, руководитель Турецко-Евразийского делового совета Т.Эркин.

26 февраля 2004 г. в Москву с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Турецкой Республики Абдулла Гюль. В ходе переговоров Москва и Анкара условились развивать сотрудничество в борьбе с терроризмом как в рамках международных структур, так и на двустороннем уровне. Стороны одновременно выразили заинтересованность и в развитии военно-технического сотрудничества, связей в области культуры, науки, образования и туризма. Турцию привлекает развитый сектор российского оборонного производства и высококачественные технологии.

В свою очередь, визит президента Путина в Анкару в ноябре 2004 г. ставил своей целью конвертировать экономическое сотрудничество между странами в конструктивные политические отношения. Президент Путин подписал с президентом Сезером Совместную декларацию об углублении дружбы и многопланового партнерства. В ней, в частности, подчеркивается: «Российская Федерация и Турецкая Республика как обладающие в силу расположения одновременно в Европе и Азии уникальным геополитическим положением две евразийские страны, играющие роль естественного моста между ведущими центрами мировой цивилизации – Западом и Востоком и объединенные приверженностью таким закрепленным в Уставе ООН основополагающим принципам и ценностям, как демократия и верховенство права, заявляют, что продолжат свои усилия по укреплению безопасности, мира, стабильности и процветания в регионе, где они расположены, и в мире в целом».[489] Россия для Турции – важнейший торговый партнер и основной поставщик газа. Однако большая часть турецкого экспорта пока приходится на продажу ширпотреба российским «челнокам» и на строительные работы, а российского – на поставки энергоносителей.

Вместе с тем причиной слабых политических связей являлась напряженность, которая возникла в силу пересечения интересов России и Турции в Центральной Азии и на Кавказе. Влияние Турции в регионе ощутимо уже по той причине, что в стране живет около семи миллионов выходцев с Кавказа: адыгейцы, чеченцы, черкесы, абхазы, лазы.[490] Однако отсутствие напряженности в территориальных вопросах между Россией и Турцией снижает чувства страха и недоверия во взаимоотношениях сторон. Отношения с Россией имеют для Турции большое значение в деле обеспечения стабильности и безопасности в Евразии, а также развития региональных взаимосвязей. В сотрудничестве с другими странами Россия и Турция могли бы играть активную стабилизирующую роль на Ближнем Востоке. Москва и Анкара успешно решают вопросы сосуществования разных этнических групп и вероисповеданий, цивилизационные противоречия сглаживаются внутри государств. Именно эти страны могут быть примером и центром притяжения для всей Евразии.

На данный момент Россия пытается установить новые отношения с Турцией через ту часть турецкой политической элиты, которая имеет пророссийскую и проазиатскую, а не проевропейскую ориентацию. Эта элита заинтересована в том, чтобы укреплять местные региональные связи, а не устанавливать их с ЕС.

При этом для Анкары имеет большое значение тот факт, что Россия не поддержала войну США в Ираке. Турецкие представители армейских кругов придерживаются мнения, что созданная Анкарой, Москвой, Пекином и Тегераном евразийская ось сотрудничества сможет препятствовать силам, пытающимся установить господство в регионе, а также будет способствовать разрешению разногласий, имеющих возможность вылиться в террористические акты и столкновения. Полномасштабное сотрудничество в Евразии позволит разрешить проблему Карабаха между Арменией и Азербайджаном и изменить в позитивную сторону враждебные отношения Еревана и Анкары, оно будет также препятствовать столкновениям на Северном Кавказе. Урегулирование региональных споров обеспечит огромный вклад в экономическое развитие этих стран и повысит их благосостояние, в том числе благодаря транзиту энергетических ресурсов региона в промышленно развитые государства. Тем самым будет создан новый центр силы для защиты нацио-

нальных интересов стран Евразии. Во главе с Россией, Китаем, Турцией и Ираном в предполагаемой организации, помимо стран Причерноморья и Средней Азии, будет полезным участие и таких стран с высоким потенциалом, как Индия и Пакистан.[491]

Помимо этого, Россия представляет собой объединяющий фактор во взаимодействии Турции с ключевыми европейскими странами и может способствовать усилению позиций последней на переговорах с ЕС. Сотрудничество с Россией предоставляет возможность диверсификации энергопотоков, что является насущной необходимостью по причине неустойчивости ортодоксальных фундаменталистских режимов в странах-членах ОПЕК. Политическое влияние Москвы в тюркских республиках СНГ и экономические возможности Анкары являются прочной основой для их совместного лидерства в регионе. Кроме того, при посредничестве России Турция может наладить более тесные связи с Китаем и Индией, обладающими значительным потенциалом благодаря человеческому ресурсу и быстрому экономическому росту.

Для развития региональных связей при содействии Турции регулярно проводятся Евразийские экономические саммиты. Активное, в т.ч. финансовое содействие этим мероприятиям оказывают турецкие деловые круги, в частности Группа Мармара. Постоянными участниками Евразийских саммитов являются делегации представителей бизнеса из Азербайджана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Венгрии, Македонии, Болгарии, а также России.

Кроме того, важнейшим направлением многостороннего сотрудничества является участие Турции в Организации Черноморского экономического сотрудничества, созданной по ее инициативе в июне 1992 г. В эту организацию входят Албания, Азербайджан, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция, Украина. В 2003 г. на заседании министров иностранных дел ЧЭС, проходившем в Ереване, было решено принять в качестве новых членов Македонию, Сербию и Черногорию. Основной задачей ЧЭС является укрепление мира и безопасности в регионе, использование взаимодополняющих особенностей экономик стран-членов организации, вызванных их географической близостью и способствование развитию торгового, экономического, научного и технологического сотрудничества. В рамках ЧЭС действуют рабочие группы по банкам и финансам, сотрудничеству в оказании помощи при

чрезвычайных ситуациях, созданию гармонизированной системы на транспорте и таможне, а также проводятся конференции по сейсмологии, предупреждению стихийных бедствий, аграрным проблемам и продовольственной безопасности. Важной частью организации является ее финансовая структура – Черноморский Банк Торговли и Развития, расположенный в Салониках. Он обеспечивает финансирование совместных региональных проектов.[492]

С целью укрепления региональной безопасности Турция принимает активное участие в Черноморской военно-морской группе оперативного взаимодействия (БЛЭКСИФОР), в которую входят шесть причерноморских государств: Россия, Болгария, Грузия, Румыния, Турция и Украина. Именно Турция стала инициатором ее создания в 1998 г.

Очевидно, что позиции Турции в Европе будут зависеть от той степени влияния, которым страна будет пользоваться на Востоке. Евразийская Турция, сконцентрированная на своих национальных интересах и активно участвующая в интеграционных процессах как с ЕС, так и с Россией, СНГ и Ираном, будет ближе и дружественней Европе. При этом евразийское направление внешней политики перспективно при условии затяжных переговоров с Евросоюзом, но оно не может быть серьезной альтернативой последнему вследствие нестабильного политического положения в государствах региона и непосредственной близости к «горячим точкам». Кроме того, экономика евразийских государств преимущественно сырьевая, в то время как Европейский Союз является одним из мировых лидеров инновационного, высокотехнологичного производства.

В условиях глобализации современного мира государство не может себе позволить одностороннюю внешнеполитическую ориентацию. Тем не менее по географическому расположению, политической структуре власти Европейский Союз является наиболее подходящим партнером для Турции. В территориальном плане ЕС – ближайший производитель современных технологий и вооружений, следовательно, тесное сотрудничество с ним ускорит экономическое развитие и усилит политическую значимость Турции. Таким образом, по критериям мирового экономического, политического и военного лидерства, вместе взятым, ни идеи пантюркизма и исламской интеграции, ни американское и евразийское направление не могут являться более перспективной альтернативой, чем вступление в ЕС.

### 3. Перспективы дальнейшего сближения Турции с Европейским Союзом и его последствия для России

Возможность контроля над Черным и Эгейским морями, а также восточным Средиземноморьем, близость к Кавказу и Ближнему Востоку и, наконец, географическое расположение на стыке трех континентов позволяют считать Турцию ключевым государством в регионе. Таким образом, Анкара имеет значение для ЕС прежде всего как экономический лидер и опора стабильности на геополитическом «перекрестке» Европы, Ближнего Востока и «южного пояса» СНГ. Используя возможности, которые предоставляют исламские традиции, региональные связи и ресурсы Турции, ЕС сможет гораздо эффективнее оказывать стабилизирующее влияние на регион.

Интеграция Турции в ЕС позволяет создать своеобразный плацдарм для установления контроля над одним из ключевых для энергетической безопасности ЕС регионов. Ее территория является транзитной для наземных и воздушных транспортных путей в Азию, для морских транспортных путей в Россию и Украину.[493] Сама Турция обладает значительными водными ресурсами. В перспективе вода будет иметь стратегическое значение на Ближнем Востоке, и с участием Турции ЕС будет играть важную роль в международном распределении водных ресурсов и в создании инфраструктуры: дамб и ирригационных систем в бассейне Тигра и Евфрата в сотрудничестве с Израилем.

Будучи членом Организации Исламская конференция, Турция могла бы выступать посредником между ЕС и ОИК в урегулировании ближневосточного конфликта. Действительно, исторические связи Турции с Палестиной наряду с региональным и стратегическим сотрудничеством с Израилем могут помочь разрешить ближневосточную проблему. Весьма велика ее роль в качестве контрбаланса иранскому влиянию на всем Среднем Востоке.

Турция фактически является ведущей военной державой на стыке Европы и Ближнего Востока. С ее принятием ЕС автоматически получит боеспособную современную армию во взрывоопасном регионе. Стратегическое расположение Турции станет основным фактором превращения страны в передовую базу

Единой политики безопасности и обороны Европейского Союза (ЕПБО) и размещения здесь военных контингентов ЕС. Турция имеет самые крупные по численности вооруженные силы среди европейских членов НАТО – 499 тыс. чел. Они составляют 29,6% всех вооруженных сил европейских союзников. Военные расходы Турции достигают в среднем 3% ее ВВП, ее военный контингент составляет 2,2% трудоспособного населения[494].

Существует мнение, что принятие Турции в ЕС будет лучшим ответом терроризму. Во время разногласий, существующих сейчас между Западом и исламским миром, важным сигналом стало бы, если бы ЕС открыл свои двери для умеренной мусульманской страны и таким образом опроверг бы теорию о делении мира на блоки. Европа сможет доказать беспочвенность обвинений в том, что Запад враждебно относится к исламу. У Евросоюза есть возможность продемонстрировать, что он не является замкнутой организацией, свободен от расовых и религиозных предрассудков и готов привести мусульманский мир к ценностям демократии и прав человека, которые стали основополагающими для строительства объединенной Европы.

В свою очередь, Турция как светское государство могла бы указать другим мусульманским странам путь к созданию современного общества и тем самым лишить террористов идеологической почвы. Здесь прежде всего подразумеваются арабские государства, а также Иран. Более того, вступление в ЕС страны, придерживающейся умеренного направления ислама, окажет огромное содействие в интеграции 12 млн. мусульман, проживающих в странах Европы. Левые политические силы Европарламента убеждены в том, что, вступив в ЕС, Турция станет мостом дружбы между Европой и Азией, а смешение европейской и турецкой культур позитивно скажется на развитии всего континента.

Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган утверждал, что вступление Турции в ЕС способствовало бы решению проблемы «столкновения цивилизаций» и значительно укрепило бы позиции Европы в исламском мире.[495] Турция заинтересована в том, чтобы показать себя в качестве просвещенной мусульманской страны – цивилизованной, умеренной, толерантной, стремящейся на Запад. Для Эрдогана это особенно важно, так как он лидер исламской партии.

В 2004 г. Испания и Турция выступили с проектом создания «Альянса цивилизаций». Идея была поддержана генсеком

ООН, и в 2005 г. была создана «Группа высокого уровня». Таким образом, инициатива Эрдогана продемонстрировала, что партия исламской направленности может быть ответственной, демократической и ориентированной на объединение ценностей западного и мусульманского мира.

В самом Евросоюзе есть немало влиятельных сторонников приема Турции, руководствующихся различными интересами. Например, Берлин выдвинул модернизацию с целью европейской перспективы в качестве альтернативной модели военному интервенционизму США. Отказ Турции разместить американские войска на своей территории сблизил ее внешнеполитический подход с идеологией Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (ОВПБ), в то время как сам ЕС был расколот ситуацией в Ираке. Так, руководитель расположенного в Анкаре бюро Фонда Конрада Аденауэра (связанного с ХСС) Вульф Шёнбом прямо заявляет: «По моим оценкам, Турция обогатила бы ЕС, сделав его "глобальным игроком" и равноправным партнером США на мировой политической сцене».[496]

Такие страны, как Великобритания, Испания и Италия, отмечают особую необходимость того, чтобы в Турции более интенсивно шло демократическое развитие. Модернизированная Турция сможет стать образцом стабилизации для своих непосредственных соседей и центром экономической активности в регионе. В мае 2005 г. министр иностранных дел Италии утверждал, что интеграция Турции в ЕС докажет совместимость ислама с демократией, положит конец разделению Кипра, сблизит интересы Евросоюза и НАТО, снизит напряженность в отношениях между этими организациями, ЕПБО станет проще достижимо и не столь необходимо.[497] Британские лейбористы также выступают за принятие Турции в ЕС, основываясь на соображениях безопасности. Британские, шведские и бельгийские либерал-демократы отстаивают мнение, что принятие Турции в ЕС ускорит проведение реформ в этой стране и гарантирует стабильное демократическое правительство. Всегреческое социалистическое движение ПАСОК (левая социал-демократическая партия, получившая на выборах 2004 г. 40,5% голосов) во главе с Папандреу полагает, что принятие Турции в ЕС будет способствовать ее сближению с Грецией. Однако депутаты ПАСОК выдвинули турецким властям требование решить вопрос о статусе Константинопольской Церкви, а также проблему религиозных прав греческой общины в Стамбуле.[498]

В целом позиция многих сторонников приема Турции состоит в намерении укоренить в Европе «современный», умеренный и демократический ислам турецкого толка – в противовес радикально настроенным арабо-исламским диаспорам.

Что касается турецкой диаспоры в Европе, то 63% турок, проживающих в Германии, и 67%, проживающих во Франции, считают, что вступление в ЕС сделает Турцию более демократичной. 70% и 79%, соответственно, полагают, что это улучшит положение с правами человека. 61% и 83% – увеличит количество рабочих мест. При этом 59% турок, проживающих в Германии, и 74%, проживающих во Франции, имеют европейское гражданство. 27% турок, проживающих в Германии, считают себя гражданами этой страны и ЕС. Аналогично считают 47% турок, проживающих во Франции.[499]

Бесспорно, вступление Турции в ЕС будет сопровождаться усилением международного контроля над соблюдением прав человека, в частности христианского меньшинства. Константинопольский патриарх поддерживает интеграцию Турции в ЕС, рассчитывая прежде всего на улучшение положения христианского населения, подвергающегося в этой стране довольно ощутимому социальному давлению.

В сфере экономики принятие Турции станет стимулом производственного роста в Европе благодаря дополнительной рабочей силе. То есть принятие Турции в ЕС позволит европейцам более жестко без ущерба для экономики и демографии регулировать проблемы миграции и снизить приток в Евросоюз экстремистски настроенных иммигрантов из арабских стран и Африки.

При этом необходимо учитывать, что капитал движется быстрее рабочей силы. Опасения чрезмерного наплыва рабочих существовали перед вступлением Испании; ожидалось, что миллионы бедных крестьян из Андалусии хлынут во Францию и Германию. Но этого не случилось: прежде чем испанские крестьяне успели упаковать вещи для переезда в другие европейские страны, в Испанию хлынул поток европейского капитала, благодаря которому были созданы новые рабочие места, удержавшие испанское население в собственной стране.

Экономика Турции занимает 21-е место в мире по своей значимости. Страна с 74-миллионным населением представляет собой важный для Евросоюза рынок в плане инвестиционных и потребительских товаров. Если учесть ускорение роста турецкой экономики после присоединения страны к ЕС, то

повышение спроса на упомянутые два вида товаров обеспечит европейским фирмам массу новых возможностей. Полная интеграция такой динамичной экономики, в которой сфера услуг составляет 65% ВВП и рынок общественного потребления достигает 30 млрд. евро, вызовет экономический рост в ЕС.[500] Принятие Турции станет значительным импульсом для развития рынка Евросоюза благодаря динамичности, высокому внутреннему спросу, культуре предпринимательства турецкого населения и эффекту либерализации торговли. Интеграция Турции в европейский бизнес принесет гражданам ЕС новые рабочие места, конкурентные цены и инвестиционные возможности.

Одним из направлений стратегии Европейского Союза является создание условий для активного коммуникационного сообщения по маршруту Центральная Азия – Южный Кавказ – Турция – ЕС. Эта цель отображена, в том числе, в таких проектах, как INOGATE – создание интегрированной системы коммуникаций по перекачке нефти и газа в Европу, TRACECA – строительство транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия. Значение Турции как стратегического партнера ЕС будет только возрастать благодаря стремлению Европы получить доступ к новым рынкам и источникам сырья на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Ближневосточная и каспийская нефть, выход на местные рынки сбыта необходимы для роста европейской экономики. Турция как демократическое государство с тесными политическими, культурными и торговыми связями со странами, обладающими крупнейшими в мире запасами природного газа и нефти, обеспечит ЕС стабильные поставки энергоресурсов. Анкара утверждает, что может стать топливным терминалом Европы, через нее центральноазиатская нефть и газ могут транзитом следовать в европейские страны. Совместные проекты турецких и европейских компаний уже привели к запуску нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а также Южнокавказского газопровода, вдоль которых ведется строительство железной и автомобильной дорог. Эти проекты позволят за счет проведения общей с Турцией-членом ЕС таможенной и транзитной тарифной политики существенно сократить цену на каспийскую нефть для европотребителей. Соответственно, вступление Турции в ЕС лоббируют транснациональные компании, которые заинтересованы в стабильных поставках энергоресурсов. Таким образом, влияние Европы посредством Турции будет проецироваться на берега богатого энергоресурсами Каспийского моря.

Значимость Анкары для Брюсселя в данной сфере подтверждается заявлениями представителей Еврокомиссии. По словам еврокомиссара по вопросам расширения Евросоюза Оли Рена, «Европейский Союз и Турция имеют общие стратегические интересы, в том числе в вопросах безопасности, экономики и диалога между цивилизациями. Турция и ЕС могут тесно сотрудничать в области энергетики». Последний тезис развернул еврокомиссар по вопросам энергетики Андрис Пиебалгс: «Турция играет ключевую роль в диверсификации маршрутов поставок энергоносителей в Европу. В процессе переговоров о вступлении в ЕС она сделала важные шаги на пути объединения своего энергетического рынка с общеевропейским». Отметив важность диверсификации энергоснабжения, Пиебалгс заявил, что ведется работа с целью дальнейшего увеличения объемов транспортировки энергетических ресурсов Каспия по маршруту Азербайджан – Грузия – Турция. Коснувшись также значения проекта железной дороги Карс – Тбилиси – Баку, строительство которой началось в июне 2007 г., Пиебалгс отметил, что в дальнейшем по ней в Европу будет транспортироваться часть сырой нефти.[501]

При этом Турция стремится представить свой опыт государственного строительства в качестве образца, наиболее подходящего для молодых тюркских государств. Следует ожидать, что членство в ЕС будет использовано турецким руководством для дальнейшего укрепления своих позиций в странах Центральной Азии и Закавказья. В этом случае Турция станет позиционировать себя в качестве локомотива модернизации, демонстрируя на своем примере превращение аграрной исламской страны в современную развитую державу регионального масштаба. Расширение и углубление турецкого проникновения в южные республики бывшего СССР будет увеличивать значение Турции для Евросоюза как «моста» в Евразию. Однако вызывает интерес, насколько эффективно турецкая политическая элита сможет выступать мостом между Западом и Востоком, имея напряженные отношения с членами ЕС – Грецией и Кипром на западе и Арменией на востоке. Кроме того, Турция на данный момент не имеет серьезных политических и экономических рычагов для оказания ощутимого влияния на тюркоязычные страны. Вместе с тем участие Турции в процессе евроинтеграции приведет к постепенному переходу в расчетах от традиционного для нее доллара на евро и, учитывая ее тради-

ционные связи в азиатских регионах, а также с другими странами СНГ, к дальнейшему усилению новой европейской валюты по отношению к доллару.

Для Анкары именно Европейский Союз является основным партнером и союзником в силу прежде всего экономических факторов (зависимость от еврорынка) и наличия крупной турецкой диаспоры в странах ЕС (ФРГ, Австрия, Нидерланды). Институт экономической интеграции – Таможенный союз – это тяжелый вызов, но он стал импульсом для усиления в Турции конкуренции, совершенствования промышленной инфраструктуры, приближения к показателям ЕС. Поэтому турецкие предприятия заинтересованы в скорейшем создании общего экономического пространства ЕС и Турции, в котором полностью действовали бы правила внутреннего рынка.

Большая часть населения Турции выступает за вступление страны в Европейский Союз, надеясь на решение проблем национальной экономики, стабилизацию демократических основ и усиление верховенства права. К коалиции еврооптимистов относятся либералы, социал-демократы, умеренные исламисты, влиятельные деловые круги, профсоюзы.

В основном либералы рассматривают вступление в ЕС как неотъемлемую часть процесса модернизации; социал-демократы считают это необходимым для обеспечения демократических принципов и прав человека; умеренные исламисты стремятся гарантировать сохранение своих позиций в случае возможного военного переворота; для ведущих деловых кругов вступление в Евросоюз представляется важнейшим фактором экономического развития и притока прямых иностранных инвестиций, а для профсоюзов данная перспектива означает свободное передвижение рабочих и улучшение трудовых стандартов. Действительно, членство в ЕС укрепило бы доверие иностранных инвесторов, что повлекло бы за собой экономический рост и таким образом способствовало бы появлению большего числа рабочих мест и сократило массовый исход рабочих из Турции.

В 2002 г. премьер-министр Эрдоган заявил: «Мы поддерживаем вступление в ЕС, чтобы не оказаться на задворках цивилизации в меняющемся и глобализирующемся мире».[502] При этом Эрдоган, пользующийся поддержкой населения в вопросе вступления в ЕС, преследует и собственные цели: интеграция в европейские структуры ограничила бы политическое влияние военных. Для правительства ПСР вступление в ЕС означает

дальнейшее проведение демократических реформ и предоставление больших религиозных свобод, чем в настоящее время. Вместе с тем, по мнению сторонников светского развития, ЕС сможет гарантировать сохранение разделения государства и мечети и не допустит, чтобы ослабление контроля военных над властями привело к усилению позиций фундаменталистов и курдских сепаратистов.

Интересно проследить динамику изменения уровня поддержки турецким населением курса страны на вступление в ЕС. В 2002 г. 74% жителей Турции высказывались за вступление в Евросоюз, против – 18%.[503] Однако отказ Европейского Совета включить страну в число государств, принятие которых было намечено на май 2004 г., привел к снижению числа евро-оптимистов. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в июне 2003 г. Ассоциацией турецких социально-экономических исследований, лишь 64% населения поддерживали идею вступления в ЕС. Из них 42% считали, что их жизнь улучшится в случае вступления в Евросоюз. 27% ожидали, что вступление в Европейский Союз принесет экономические выгоды: рост ВВП, снижение уровня инфляции и безработицы. При этом 25% надеялись на социальные выгоды, снижение коррупции (19%), рост социальной стабильности и мира (6%). 23% турецких граждан полагали, что интеграция в ЕС принесет политические выгоды, развитие демократии и более широкое участие населения в управлении государством (17%), более справедливое отношение власти к населению (6%), рост влияния и престижа Турции на международной арене (10%). К свободе передвижения в ЕС стремилось 11% турецкого населения.[504]

Обещание Европейского Совета принять решение о начале переговоров о вступлении в случае подтверждения Еврокомиссией соответствия Турции Копенгагенским критериям вновь привело к увеличению желающих присоединения к ЕС до 75% в январе 2004 г.[505] В течение 2004 г. наблюдалась позитивная динамика политического сближения Турции с ЕС, количество негативных для Анкары выводов и высказываний со стороны ведущих европейских политиков сокращалось, было принято решение о начале переговоров о вступлении в 2005 г. Как следствие, число сторонников интеграции в ЕС оставалось на уровне 73%.[506]

Однако в 2005 г. некоторые страны ЕС во главе с Австрией начали настаивать на предоставлении Анкаре вместо полноправного членства в Евросоюзе статуса привилегированного

партнерства, что совершенно не устраивает Турцию. Кроме того, Европарламент потребовал от Анкары признания Республики Кипр и факта геноцида армян. Таким образом, была затронута национальная гордость турецкого населения, стали звучать контраргументы интеграции в ЕС с акцентом на тот факт, что в Турции наблюдается демографический и экономический рост, в то время как Европа не может преодолеть застой в экономике. Несмотря на стартовавшие переговоры о вступлении в ЕС, уровень их поддержки турецким населением сократился в 2005 г. до 57%.[507]

В 2006 г. негативная динамика усилилась. Европарламент рекомендовал Европейскому совету заморозить переговоры с Анкарой из-за ее отказа открыть свои порты и аэропорты для транспорта Кипра. Население Турции восприняло этот факт как проявление неуважения к ускоренному проведению реформ по европейским стандартам, в первую очередь в сфере демократизации внутреннего законодательства, защиты прав человека, свободы слова. Поддержка курса страны на вступление в ЕС снизилась до 32%, о чем свидетельствуют итоги социологического опроса, который проводился в 32 вилайетах Турции в октябре 2006 г. Число возражающих против вступления в ЕС возросло до 26%. При этом 77% респондентов считают, что Евросоюз будет ужесточать условия интеграции в него Турции, 80% населения высказывается за прекращение переговоров о вступлении в единую Европу, если она потребует признать геноцид армян. Для сравнения, наибольшие симпатии турецкое население испытывает к Азербайджану (71% респондентов), Пакистану (47%) и Ирану (29%).[508]

Более того, опрос, проведенный турецкими СМИ в ноябре 2006 г. на фоне обнародования отчета Еврокомиссии о результатах первого года переговоров о вступлении, показал, что уровень общественного недовольства Евросоюзом достиг рекордного уровня: 45% жителей Турции выступали против вступления страны в ЕС.[509]

В 2007 г. в турецком общественном мнении еще больше усилились антиамериканские и антиевропейские настроения. Причиной подобной тенденции послужило отсутствие поддержки и солидарности западных стран в связи с проведением Турцией военных операций, направленных на устранение террористической угрозы в Северном Ираке. Евросоюз ограничился обращением к Багдаду, администрации курдской автономии и

международному сообществу с призывом предотвратить нарушение турецких границ и использование территории Ирака для акций насилия в отношении Турции.[510] Вместе с тем Европейский Союз выразил обеспокоенность военными атаками турецкой армии на курдские поселения в Ираке, призвав турецкие власти уважать территориальную целостность соседнего государства и воздерживаться от военных действий, которые могут подорвать мир и стабильность в регионе.[511]

Можно выделить следующие причины постепенного снижения уровня поддержки турецким населением европейского курса Турции. Турецкие граждане полагают, что ЕС выдвигает стране условия, выходящие за рамки Копенгагенских критериев, руководствуясь культурными различиями, исламской идентичностью и османским прошлым. В Турции требования ЕС, в первую очередь по кипрской проблеме, правам человека, демократизации и уважению к национальным меньшинствам, воспринимаются как несправедливые. Более того, эти требования воспринимаются даже как шантаж, так как турецкая экономика полностью зависима от западного капитала в связи с тем, что страна не в состоянии погасить внешнюю задолженность. При этом ЕС при помощи различных фондов и НПО поддерживает сепаратистские настроения среди представителей различных национальных меньшинств, чем наносит значительный вред Турецкой Республике.[512]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень поддержки населением стратегического курса Турции на вступление в ЕС зависит в первую очередь от позиции Евросоюза. Ведь чем дальше идет процесс реформирования страны с целью евроинтеграции, тем глубже он затрагивает повседневную жизнь турецких граждан, которые все болезненнее воспринимают критику и торможение сближения со стороны ЕС. И, наоборот, положительные отзывы органов Евросоюза или достижение очередного уровня интеграции резко повышает коэффициент еврооптимистов в Турции.

Вместе с тем евроскептицизм и европессимизм среди турецкого населения возрастают по мере снижения дохода, уровня образования, доступа к печатной информации, знания европейских языков. Он преобладает среди традиционного сельского населения, занятого в низкотехнологичном производстве, идентифицирующего себя по этническому и религиозному признаку и поддерживающего исламистские и экстреми-

стские политические партии. Требования ЕС провести политические реформы воспринимаются националистами как вмешательство во внутренние дела.

Проблема Турции сегодня состоит в том, что она отлучена от возможности влияния на решения, принимаемые в рамках ЕС, а также от возможности получения достаточно серьезных финансовых поступлений по линии европейского бюджета. Поддержка ЕС станет значительным вкладом в бюджет Турции, составив около 4% ее ВВП. При этом финансовая помощь ЕС в случае принятия Турции составит всего 0,2% его ВВП.[513]

В процессе подготовки к вступлению в Евросоюз в Турции должны быть завершены реформы в таких сферах, как права человека и национальных меньшинств, а военных необходимо окончательно отстранить от политической деятельности. Пример Болгарии, гарантировавшей права турецкого меньшинства, демонстрирует, что для вступления в ЕС достаточно расширения культурных прав, при этом конституционное признание национальных меньшинств необязательно. Отдельные процессы в турецком обществе свидетельствуют об отсутствии справедливого отношения к традиционным религиозным и этническим меньшинствам. Все еще ограничиваются теле- и радиовещание и образование на нетурецком языке. Запрет на ношение духовной одежды по-прежнему распространяется в Турции на духовенство всех религий, а христианские общины находятся под особенно жестким контролем властей. Существуют значительные ограничения на деятельность христианских церквей. Требуется законодательное гарантирование мер по защите немусульманского меньшинства. Кроме того, необходимо привести систему правовой защиты в соответствие со стандартами ЕС. В частности, военные должны быть профессиональной силой против внешней угрозы, но слабым участником внутренней политики государства, они должны находиться под демократическим контролем.

Копенгагенские политические критерии стали тем рычагом, благодаря которому модернизация и демократизация Турции проводится наиболее консолидированно. Через поддержку соблюдения культурных прав и защиту гражданских общественных организаций ЕС начал играть важную роль в социальных переменах в стране. Таким образом, Евросоюз обеспечивал легитимность демократическим преобразованиям в Турции, ускоренным после прихода к власти ПСР в ноябре 2002 г.

Турция за последние годы предприняла колоссальные усилия, чтобы приблизиться к европейским стандартам: были внесены демократические изменения в конституцию, систему судопроизводства, гражданский и уголовный кодексы, улучшено положение нацменьшинств, уменьшена роль военных в управлении страной. В 2003 году под давлением ЕС были аннулированы конституционные ограничения свободы слова и передвижений. Бывший глава британского МИДа Джек Строу после волны расширения Евросоюза в 2004 г. подчеркивал, что «политические институты Турции более близки к европейским нормам, чем аналогичные структуры тех десяти стран, которые стали членами ЕС 1 мая 2004 года».[514]

Все эти годы Европейская Комиссия всемерно стимулировала демократические реформы, проводимые Анкарой. Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС Оли Рен признает, что Турция провела ряд кардинальных преобразований и выполнила предварительные условия, поставленные Брюсселем. Тем не менее в отчетах Комиссии Европейских Сообществ (КЕС) по-прежнему критикуется ограничение свободы самовыражения, применение пыток к заключенным, недостаточный контроль вооруженных сил Турции со стороны гражданского общества, несоблюдение прав женщин.

В частности, представители ЕС неоднократно заявляли о необходимости аннулирования статьи 301 УК Турции «Об оскорблении турецкой нации», по которой было осуждено значительное число культурных и общественных деятелей, журналистов, писателей, в частности, за упоминание геноцида армян. Европейский Союз указывал на то, что данная статья УК нарушает основные права и свободы человека.

ЕС и Турция создали 8 подкомитетов для контроля за адаптацией турецкого законодательства к нормам ЕС. Мониторинг Еврокомиссии практического воплощения в жизнь принятых законов предусматривает проведение регулярных открытых проверок на местах.

Председатель КЕС Баррозу также настаивает, что Турции до вступления в ЕС предстоит уладить территориальные споры с Грецией. На сегодняшний день между Грецией и Турцией стоят следующие проблемы: снятие вооружения с островов в Эгейском море; воздушное пространство; территориальные воды; границы района полетной информации. Между Грецией и Турцией наличествует спор по поводу принадлежности островов и

части берегового шельфа Эгейского моря. Турция претендует на ряд островов и нефтегазоносных участков Эгейского моря, принадлежащих Греции (разведанные там запасы нефти и газа соответственно 125–140 млн. тонн и около 200 млрд. кубометров).[515] Кроме того, президент Греции для нормализации отношений с Турцией требует возвращения имущества греков, изгнанных в 1920-е гг.

Начиная с 1999 г., Турция и Греция подписали ряд соглашений, касающихся сотрудничества в области туризма, охраны окружающей среды, поощрения и охраны взаимных капиталовложений, совместной борьбы против терроризма и организованной преступности, иммиграции, энергопоставок, разминирования, рыболовства, образования и спорта. В 2001 г. Греция отменила государственную военную мобилизацию против Турции. Турция больше не обозначена среди первостепенных угроз для Греции.

Анкара и Афины договорились сотрудничать в рамках ИНОГЕЙТ[516] в сфере транспортировки газа из Центральной Азии в Европу. В июле 2005 г. Караманлис и Эрдоган на саммите во Фракии договорились о строительстве газопровода из Турции через Грецию в Италию, это стало их первым трансграничным инфраструктурным проектом.

27 июля 2007 г. премьер-министры Турции, Греции и Италии подписали межправительственное соглашение о строительстве трубопровода (TGI) для экспорта газа из Центральной Азии в Европу с 2011 г. Газовая магистраль Каспийский регион – Южная Европа пройдет по дну Адриатического моря и соединит газовые инфраструктуры Греции и Италии. Трубопровод предусматривает транспортировку на европейский рынок природного газа Азербайджана, а в перспективе Туркменистана и Казахстана. С вводом в действие этого трубопровода фактически будет реализован один из проектов по диверсификации поставок природного газа в страны Южной Европы в обход России.

Еще один болезненный для Анкары вопрос – признание факта геноцида армян в начале прошлого века. Комментируя требование армянского населения ЕС о признании Турцией геноцида армян, глава Еврокомиссии подчеркнул, что этот вопрос «должен стать предметом откровенного, честного и сложного диалога» между Европой и Турцией. По его словам, «открытая и честная позиция Турции по отношению к геноциду

в Армении для ЕС является показателем зрелости европейских ценностей в этой стране. Это очень рискованно – принимать в ЕС страну, у которой такие напряженные отношения с соседними государствами, как у Турции с Арменией».[517] Хотя необходимость признания геноцида пока не выставлена Турции в качестве предусловия на переговорах с ЕС, призыв к этому имел место в резолюции Европарламента от 28 сентября 2005 г. В резолюции по данному вопросу также содержится пункт, согласно которому «Анкара должна принять решение об открытии границ».[518] Особенно правоцентристские и левые силы настаивают на том, что эти два пункта должны стать предварительным условием принятия Турции в ЕС.

Однако правительство Реджепа Тайипа Эрдогана категорически отказывается выполнить эту требование. Наиболее резко отреагировал на призыв ЕС, касающийся армянского вопроса, депутат от правящей в Турции Партии справедливости и развития Алиэддин Бюйюкара. Он отметил, что Анкара не будет обсуждать «условия, не имеющие никакого отношения к принятию в Евросоюз и выдвинутые задним числом».[519] В 2004 г. турецкое правительство приняло поправки к уголовному кодексу, согласно которым граждане, которые распространяют идею о том, что геноцид армян в Турции имел место, подлежат уголовному наказанию.

Тем не менее премьер-министр Эрдоган не исключил возможности установления с Ереваном политических отношений. Анкара предложила всем заинтересованным странам открыть свои архивы для установления истинной картины трагических событий 1915–1923 гг. По инициативе исторического факультета Венского университета в 2004 г. впервые произошла встреча армянских и турецких историков с целью установления научных контактов. На встрече была достигнута договоренность об обмене документами, к которому армянская сторона до сих пор не приступила. Тем не менее в апреле 2005 г. турецкий премьер предложил создать совместную комиссию историков армянского происхождения и представителей турецкого Исторического общества, которая проведет соответствующие исследования и вынесет решение: был ли геноцид армян на самом деле. Это позволило премьер-министру Армении в мае 2005 г. констатировать прогресс в процессе урегулирования турецко-армянских отношений, важный вклад в который внесла переписка премьер-министра Турции и президента Армении.[520]

Европарламент в своем докладе от 15 октября 2007 г. вновь выразил надежду на то, что Турция воздержится от экономической блокады, закрытия границ, угроз или создающих напряженность военных действий в отношении своих соседей. Доклад также содержит призыв к властям Турции и Армении начать процесс примирения[521]. Однако представители ЕС не выдвигают данное требование в качестве официального.

Анкара по-прежнему поддерживает режим экономических санкций и транспортную блокаду Еревана. Одна из основных причин этого – неурегулированность нагорно-карабахского конфликта. Вместе с тем в случае возобновления приграничной торговли с Арменией, открытия транспортных коридоров и развития инфраструктуры восточные регионы Турции получат очень серьезный импульс для развития. Это важно как для Анкары с целью устранения регионального дисбаланса, так и для ЕС в плане сбережения финансовых средств. 10 октября 2009 г. в Цюрихе министры иностранных дел Турции и Армении подписали протоколы «Об установлении дипломатических отношений» и «О развитии двусторонних отношений». Однако это лишь первый шаг на пути повышения уровня взаимного доверия, обеим странам предстоит ратификация подписанных документов парламентами.

Став членом ЕС, Турция обретет право свободного передвижения и повсеместного проживания. В Евросоюз ежегодно приезжают 70 тыс. турецких мигрантов или 0,2% трудоспособного населения, из них остается примерно половина.[522] Большинство из них приезжает на основании воссоединения семей. На территории ЕС проживает очень крупная турецкая диаспора в 3 млн. чел со своей специализированной торговлей, инвестициями, туризмом и образовательными связями. Турки составляют 25% среди иммигрантов из третьих стран в ЕС. Наибольшее количество турецких иммигрантов проживает в Германии (77,8% – 2,3 млн. чел), Франции (7,9% – 230 тыс. чел), Австрии (4,7% – 135 тыс. чел), Нидерландах (4,4% – 128 тыс. чел).[523]

Большинство населения ЕС уверено, что относительное ухудшение экономического положения в Турции приведет к значительному росту потока эмигрантов и сокращению количества возвращающихся. Эти опасения небезосновательны: летом 2004 г. 23% опрошенных Евробарометром турок заявили, что «весьма вероятно» переберутся в Западную Европу, если Турция будет принята в Европейский Союз (37% этой категории – молодые

люди 18–24 лет). Самый большой процент желающих среди выпускников технических гимназий (75%), самый низкий – среди слушателей мусульманских религиозных школ. Если строить прогноз на основании данного опроса, то после вступления Турции в ЕС в него могут устремиться 16 млн. человек.[524] Родственники иммигрировавших в Западную Европу турецких граждан станут создавать изолированные мусульманские общины (как это происходит в настоящее время во Франции), что может стать основанием для раскола в обществе государств, их принявших. В результате обострятся уже имеющиеся значительные проблемы интеграции проживающих в ЕС турок.

Почти перед всеми без исключения государствами Евросоюза стоят проблемы социальной, политической и культурной интеграции национальных меньшинств, состоящих в основном из иммигрантов мусульманского вероисповедания, в том числе выходцев из Турции. Потоки турецких мигрантов могут привести не к созданию «мультикультурного общества», а к возникновению моносубкультуры – крайне взрывоопасной в социальном, культурном и политическом отношении. При этом турецкие рабочие смогут пользоваться всеми правами европейских граждан в сфере трудоустройства и социальной адаптации. В свою очередь, население ЕС опасается, что наплыв турецких безработных приведет к снижению заработной платы местных жителей. Все эти факторы способны усилить ультраправые настроения среди западноевропейского населения, что существенно затруднит интеграционный процесс и путь к европейской идентичности. Таким образом, крупномасштабная иммиграция турок в страны ЕС после присоединения, считают противники принятия Турции, будет способствовать как возникновению серьезных проблем на европейском рынке труда, так и существенному изменению этнического баланса в Европе.

Кроме того, темпы прироста населения в Турции и иммиграция турок в западноевропейские страны представляют демографическую угрозу Европе. Население Турции в 74 млн. чел. составляет 15,5% от населения ЕС-27. Рост турецкого населения составляет 1,3%, в среднем по Евросоюзу – 0,2%.[525] Уже сейчас численность населения Турции равна совокупному показателю целых 10 государств, которые претендовали на вступление в Европейский Союз: Румынии (22,4 млн. чел.), Венгрии (10,2 млн.), Чехии (10,2 млн.), Болгарии (7,9 млн.), Словакии (5,4 млн.),

Литвы (3,5 млн.), Латвии (2,4 млн.), Словении (2 млн.), Эстонии (1,4 млн.) и Кипра (0,8 млн. чел.).[526]

Турция является самой молодой и растущей популяцией в Европе. По прогнозам Фонда народонаселения ООН, быстрорастущее турецкое население, составляющее на данный момент 74 млн. чел., достигнет 100 млн. к 2050 г. Как сообщает статистическое агентство Евросоюза Евростат, население Германии, в которой сегодня живет 82,2 млн. чел., что делает ее самой густонаселенной страной ЕС, к 2060 г. снизится до 70,8 млн. Даже в Великобритании, которая по прогнозам станет самым густонаселенным государством Европы, к 2060 г. будут жить лишь 76,7 млн. человек[527].

Как следствие, Турции будет обеспечено постоянно растущее влияние в Совете ЕС, где процесс голосования и принятия решений национальными правительствами учитывает численность населения. У Турции также будет больше всех мест в Европарламенте, одобрение которого уже является обязательным условием для значительной части законодательных инициатив ЕС, и влияние которого еще больше возрастет после принятия Лиссабонского соглашения. В итоге Турция станет одной из самых влиятельных стран Евросоюза в основном благодаря своему многочисленному населению. Таким образом, вступление Турции нарушит баланс между крупными и малыми странами ЕС и потребует новых институциональных реформ.

Сочетание демографических показателей и экономической слабости сделает Турцию крупнейшим в ЕС получателем помощи. Подсчитано, что в случае сохранения существующей системы распределения фондов в целом ежегодные выплаты Турции из бюджета Евросоюза будут составлять 28 млрд. евро, причем 5 млрд. придется на Германию.[528] Эти средства будут выделяться с целью адаптации экономики и социальной политики к европейским стандартам и выравнивания региональных диспропорций. Вместе с тем Турция обязана будет платить взнос в бюджет ЕС в размере 1% ВВП, что будет составлять около 2 млрд. евро ежегодно.[529] Критики принятия Турции утверждают, что нынешний бюджет ЕС в 98,9 млрд. евро не справится с нуждами столь многочисленного и сравнительно небогатого населения. Принятие Турции может замедлить рост европейской экономики, отбирая финансирование у внутренних проектов ЕС. Таким образом, вступление Турции потребует

радикального реформирования Общей сельскохозяйственной политики и структурных фондов ЕС.

Жители Европы опасаются к тому же, что неравномерное экономическое развитие и свободный оборот турецких товаров, услуг, капиталов и рабочей силы окажут негативное воздействие на экономику их стран. Следует учесть, что 10 новых членов прибавили ЕС 20% населения, 23% территории и 5% ВВП. Болгария и Румыния прибавили 6% населения, 9% территории и 1% ВВП. В свою очередь, Турция прибавит 15% населения к ЕС, 18% территории и всего 2,2% ВВП. Турецкая экономика составляет 0,1% от внутреннего рынка Евросоюза. При этом ВВП Турции равен всего 50% показателя новых членов ЕС.[530]

С другой стороны, в сфере европейской идентичности серьезную проблему создаст значительное увеличение доли мусульманского населения ЕС после принятия Турции с нынешних 3% до 20%.[531] Как следствие, римско-католическая церковь потеряет исключительное право на вынесение этических суждений по разнообразным проблемам общественного бытия, что может привести к снижению влияния и авторитета христианских организаций.

Не менее важным препятствием является тот факт, что основная часть турецкой территории находится на азиатском континенте, в непосредственной близости к нестабильному региону Ближнего Востока, который является центром исламского радикализма и терроризма. Таким образом, Турция становится наиболее выгодной мишенью для нанесения террористических ударов по западным интересам. Здесь расположено огромное количество представительств западных корпораций, значительно более доступных для терактов, чем объекты, находящиеся непосредственно в США или Европе. Европейские политики видят серьезное препятствие и во внутреннем турецком конфликте с курдским меньшинством, который в случае принятия Турции может распространиться на весь Евросоюз.

Кроме того, в Брюсселе опасаются, что присоединение Турции послужит стимулом для подачи заявок средиземноморскими мусульманскими государствами, прежде всего странами Магриба – Марокко, Алжиром, Мавританией, Тунисом, а это может привести к дальнейшему размыванию традиционных христианских ценностей в Европе. Позднее их примеру могут последовать остальные арабские государства. Европейский Союз, включающий в себя Сирию и Ирак,

имел бы будущее в качестве зоны свободной торговли, но не в качестве политического союза.

Результаты опроса, проведенного в сентябре 2007 г., свидетельствуют о том, что европейцы низко оценивают шансы Турции вступить в Евросоюз, ее поддерживают лишь 34% по ЕС в целом. Как показал опрос общественного мнения, проведенный социологической службой Ifop, во Франции 67% граждан считают, Турция должна остаться вне ЕС, в Германии – 55%. В Люксембурге лишь 12% жителей поддерживают интеграцию с Турцией, в Австрии – 14%, в Дании – 16%.[532] По словам председателя Еврокомиссии Баррозу, именно перспектива вступления Турции в ЕС явилась причиной того, что население Франции и Голландии проголосовало против европейской Конституции.[533]

С другой стороны, Соединенные Штаты оказывают давление на ЕС, добиваясь принятия Турции. Представители государственного департамента США подчеркивают, что построение тесных отношений между Турцией и Европейским союзом – в стратегических интересах США и ЕС, а также Турции и ЕС.

В долгосрочной перспективе Вашингтон надеется таким образом стабилизировать политическую ситуацию в Турции, что, в свою очередь, продемонстрирует совместимость демократии и ислама. Светская Турция рассматривается не просто как альтернатива влиянию радикального ислама, но и как серьезная преграда на пути его распространения. Именно на Анкару США возлагают особые надежды в процессе реализации своего плана по реформированию Большого Ближнего Востока. Президент Обама, выступая 5 апреля 2009 г. на саммите ЕС – США в Праге, поддержал стремление Анкары вступить в Европейский Союз. Обама подчеркнул, что если бы Евросоюз принял Турцию, то выслал бы важный сигнал мусульманскому миру.

В частности, по мнению Марка Гроссмана – бывшего посла США в Анкаре, Турция, став членом ЕС, спасет эту организацию от ярлыка «христианский клуб», что очень важно с точки зрения его дальнейшего развития, нормализует отношения с Грецией, реформирует политическую и экономическую системы и станет примером для других стран Ближнего и Среднего Востока.[534] Причиной интереса США к Анкаре также является геополитическое положение Турции и интересы безопасности Вашингтона в регионе. Збигнев Бжезинский предупреждает о последствиях неприятия Анкары Евросоюзом: «Турция, которая бы чувствовала себя отторгнутой от Европы, была бы в большей степени ислам-

ской Турцией».[535] Вашингтон, настаивая на принятии Турции в ЕС, преследует стратегическую цель укрепления позиций Запада в регионе и его влияния в мусульманском мире.

Вместе с тем Вашингтон полагает, что Анкара поможет проведению в бывших республиках СССР прозападного курса под вывеской «тюркской солидарности» с учетом азиатской специфики. Стремление США заставить ЕС принять в свой состав Турцию отражает надежду на то, что она могла бы увлечь на свою орбиту центральноазиатские республики и тем самым вывести их из-под российского влияния. США в последнее время отводят Анкаре все большую роль в энергетических и коммуникационных проектах, призванных диверсифицировать поставки энергоносителей в Европу. Таким образом, Белый дом надеется ограничить сферу влияния России в европейской энергетике и политике.

При этом Турция долгое время считалась одним из самых верных союзников США в регионе, поэтому Вашингтон полагает, что Анкара в ЕС будет отстаивать позиции Соединенных Штатов. В том числе, США рассчитывают на то, что Анкара в качестве члена ЕС, несомненно, притормозит осуществление планов ряда европейских государств по дифференцированию системы обороны Евросоюза. При этом необходимо учитывать, что Турция обладает второй по численности, превосходно обученной армией в НАТО и занимает уникальную стратегическую позицию между Балканами, Восточным Средиземноморьем, Кавказом, Ближним и Средним Востоком. США желают, чтобы ЕС и НАТО совместно стабилизировали регион Черного моря и Южного Кавказа. В определенной степени действия США по последовательному навязыванию ЕС новых членов, с очевидностью принадлежащих к другой культурно-политической общности, нацелены на ослабление Европы.

При этом необходимо учитывать, что США и западноевропейские государства контролируют ресурсы международных финансовых организаций и обладают возможностями по манипулированию ситуацией в экономике Турции. Многие турецкие политологи полагают, что, поддерживая европейскую кандидатуру Турции, Вашингтон в первую очередь стремится поставить страну в еще большую зависимость от западного капитала.[536]

Отношения Анкары с Москвой складываются сложно, имеет место взаимное недоверие, не урегулированы многие региональные проблемы, одновременно Россия вовсе не заинтересо-

вана в экспансии Турции в евразийский регион. Что касается последствий принятия Анкары в ЕС для Москвы, то здесь можно выделить следующие экономические тенденции. Несмотря на то, что вопрос о приеме Турции в ЕС фактически отложен до лучших времен, Брюссель охотно пользуется значительным влиянием Анкары на Кавказе, в черноморском и каспийском регионах в собственных целях. Речь идет о различных инициативах в сфере свободной торговли, развития, безопасности и прав человека, а также – что, пожалуй, самое главное, – создания маршрутов поставок энергоносителей из Центральной Азии, не контролируемых Россией. Важнейшей задачей ЕС является снижение зависимости от российских поставщиков, которые занимают сегодня на европейском рынке энергоносителей практически монопольное положение. Между тем правовые нормы ЕС запрещают доминирование одной страны в энергетической сфере Общего рынка. Как следствие, усиленно пропагандируются турецкие варианты прокладки трубопроводов, которые предназначались бы для перекачки азербайджанской и центральноазиатской нефти на Запад. Они привлекательны для государств СНГ тем, что ликвидируют одностороннюю привязку поставок углеводородного сырья к коммуникациям, проложенным по территории России. В свою очередь, Москва оказалась не в состоянии блокировать турецкие маршруты экспорта каспийских энергоресурсов в Европу. Турция в перспективе может стать одним из основных маршрутов доставки энергоносителей в Европу. Однако здесь встает вопрос о наполнении трубопроводов, идущих в обход России. Альтернативные источники энергоресурсов не определены: Иран и Ирак отличаются нестабильностью, что не позволяет рассматривать их в качестве ключевых партнеров, а каспийские государства львиную долю своих ресурсов продают России для дальнейших поставок в Европу.

Тем не менее в вопросе создания энергетической инфраструктуры Турция оказалась в состоянии конфликта интересов с Россией. Важнейшим совместным проектом Анкары и Брюсселя, который поддерживает Вашингтон, является транскаспийский газопровод Набукко. Консорциум «Набукко» состоит из шести национальных энергетических компаний, турецкой, болгарской, румынской, венгерской, австрийской и немецкой. Источником газа для этого проекта выступает Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, а транзит будет проходить через территорию Грузии и Турции в обход России. К проекту Набук-

ко уже готова подключиться Молдавия, а туркменские потоки, которые его заполнят, могут быть увеличены за счет Прикаспийского газопровода, идущего через Россию. Набукко серьезно снизил бы зависимость Европы от российского газа, притом что Анкара выступила против участия в проекте российского Газпрома. Однако неясно, достаточно ли в этом регионе энергетических ресурсов. К тому же в Турции этот газопровод должен пройти по территории вооруженного конфликта с курдскими террористами, от которых уже поступают угрозы взрывов трубопроводов. Церемония подписания соглашения по проекту Набукко между Турцией и четырьмя членами ЕС (Болгария, Румыния, Венгрия и Австрия) прошла 13 июля 2009 г. в Анкаре в присутствии представителей стран – потенциальных поставщиков газа. Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу выразил уверенность, что реализация проекта Набукко обеспечит энергетическую безопасность Юго-Восточной и Центральной Европы, а также Турции. Ж.М.Баррозу подчеркнул, что подписание межправительственного соглашения является достижением, которым можно гордиться, потому что Турция и ЕС справились вместе с общими проблемами, такими как безопасность и диверсификация их энергетических поставок.

Вступление Турции в ЕС может поставить под угрозу функционирование российских нефтепроводов Баку – Новороссийск и Каспийский трубопроводный консорциум, которое напрямую зависит от танкерного транзита через Босфор и Дарданеллы. В настоящее время именно этим путем в Европу ежегодно транспортируется 30–35 млн. тонн российской нефти.[537] Кроме того, Анкара будет вместе со странами Евросоюза выступать за снижение цен на российские энергоресурсы.

Однако как посредник Турция выдвигает условие, чтобы каспийские ресурсы, достигнув Южного Кавказа, продолжили движение в Европу по уже налаженным на турецкой территории коммуникациям. При этом Анкара крайне неуступчива в вопросе собственности на трубопроводы, поскольку желает оставаться монополистом транзитных коридоров. Турция не готова выступать в роли чистой транзитной территории, у нее более серьезные амбиции, в частности, стать посредником в торговле углеводородами между Европой и Азией. Цель Анкары – сделать Турцию региональным энергетическим узлом, то есть покупателем каспийского газа, который она будет затем перепродавать европейским потребителям. В частности, в рамках

проекта Набукко Анкара настаивает на поставках 15% транзитного газа по сниженным ценам[538]. Позиция Анкары вынуждает ЕС искать дополнительные варианты транспортировки газа.

По мнению Евгения Примакова, в результате присоединения Турции к ЕС многие российские предприниматели могут понести экономические потери.[539] Повышение таможенного обложения импорта газа в ЕС и соответственно в новых его членах после распространения принципов энергетической политики Евросоюза может сократить доходы российских компаний от экспорта в Турцию. Возможны потери российских экспортеров от введения антидемпинговых пошлин ЕС.

Российские грузоперевозчики будут вынуждены согласовывать с чиновниками из ЕС объемы и характер товара, платить дополнительные таможенные сборы, например, экологические. Также резко увеличатся таможенные пошлины на импортируемые в Турцию товары. Как следствие, ухудшатся показатели внешнего торгового баланса России. В свою очередь, уровень турецких цен, ориентированных на западного потребителя, станет менее заманчив для РФ.

В политическом плане само начало переговоров ЕС с Турцией оказывает серьезное воздействие на весь Черноморский регион, закрепляя его все большую оторванность от России и от поддерживаемых ею интеграционных проектов. Можно ожидать, что принятие Турции в ЕС приблизит аналогичное решение в отношении европейских стран СНГ, которые, воодушевленные успехами Анкары, несомненно, активизируют интеграционные усилия на европейском направлении. При финансовой поддержке ЕС влияние Анкары здесь будет максимизировано.

Вместе с тем Турция становится важным противовесом доминированию России в кавказском регионе. РФ сохраняет в Армении военное присутствие, которое в сложившихся в регионе условиях рассматривается как фактор, препятствующий реализации возможных агрессивных намерений со стороны Азербайджана и исключающий его поддержку со стороны союзнической Турции. Однако участие Анкары и Еревана в институциональных структурах Евросоюза минимизирует вероятность конфликтов между ними и даже вынудит к налаживанию сотрудничества. Кроме того, если армяно-турецкая граница становится границей Армении с ЕС, то присутствие в стране российских баз теряет геополитический смысл и значение. По этому сценарию сроки присутствия российских военных

в Армении попадают под прямую зависимость от перспектив вступления Турции в ЕС. Во многом под давлением Евросоюза Анкара уже предпринимает шаги по налаживанию отношений с Ереваном. Между тем это вызывает недовольство со стороны братского Турции Азербайджана, который требует первоочередного решения карабахской проблемы. Анкаре необходимо учитывать, что нормализация отношений с Ереваном будет расценена Баку как предательство. Как следствие, будет подорвано доверие к Турции со стороны остальных тюркских государств СНГ, которым Анкара стремится покровительствовать. Вместе с тем Турция представляет интерес для ЕС во многом благодаря своему влиянию в каспийском регионе.

Вместе с тем у России в Евросоюзе имеется своя «группа поддержки» в лице Греции и Кипра, которые часто представляют интересы Москвы в институтах ЕС и склонны ветировать неблагоприятные для РФ решения. Подобный лоббизм обеспечивается во многом поддержкой, которую оказывает Россия Греции в ее политических и территориальных спорах с Турцией, и отстаиванием интересов РК по кипрской проблеме. С другой стороны, благодаря тесному партнерству с греческой частью Кипра Россия может способствовать урегулированию на разделенном острове, что станет вкладом в дальнейшее укрепление отношений между Москвой и Анкарой.

Несмотря на вышеизложенные соображения, необходимо отметить позитивные моменты возможной интеграции Турции в Евросоюз. Прежде всего российско-турецкое деловое сотрудничество в настоящее время активно развивается вне зависимости от участия двух стран в тех или иных региональных организациях. Россия и как поставщик сырья, промышленной продукции и военных технологий, и как потребитель турецких товаров и услуг является одним из важнейших партнеров Турции. В данном контексте принадлежность Турции к единому рынку ЕС расширяет возможности для многосторонних проектов с участием России, в том числе и за пределами европейского пространства. Обсуждению вопросов экономического сотрудничества была посвящена встреча Владимира Путина с представителями турецких деловых кругов, на которой он выразил удовлетворение в связи с началом процесса принятия Турции в ЕС и отметил, что «интеграция Турции в Европейский Союз должна открыть новые возможности для российско-турецкого делового взаимодействия».[540]

РФ заинтересована в том, чтобы Турция соответствовала западноевропейским экономическим стандартам. В частности, переход на единый тариф ЕС может принести России положительный эффект от экспорта российских товаров в Турцию. К положительным моментам вступления в ЕС можно отнести отмену количественных ограничений российского импорта.

По мнению профессора Михаила Мейера, широкомасштабной исламизации турецкой общественной жизни препятствует лишь перспектива вступления Турции в ЕС. И в этом контексте сближение Анкары с Европой выгодно России, которая не заинтересована в радикализации турецкого ислама и усилении его влияния вблизи своих границ.[541] Действительно, Москве выгоднее развивать отношения с государством, согласующим свою внешнюю политику с Брюсселем, в этом случае исключается возможность конфронтации с турецкими националистами.

Вместе с тем в последнее время сотрудничество Турции с Россией развивается весьма плодотворно, возрастает взаимное доверие между двумя государствами. Анкара продемонстрировала себя в качестве партнера Москвы во время грузинского конфликта. Позиция Турции по данному конфликту также была близка принципам Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Анкара поддержала посредничество ЕС в урегулировании грузинского конфликта и договоренности Медведева-Саркози. Показательно, что Турция препятствовала проходу через черноморские проливы военных кораблей США. Это было продиктовано нежеланием Анкары, чтобы Черное море стало «внутренним озером» НАТО. Кроме того, Турция не заинтересована в усилении Грузии за счет баз НАТО. В этом случае Тбилиси превратился бы в геополитического конкурента Анкары в черноморском регионе в качестве привилегированного партнера США. В отличие от Грузии Турция позволяет себе самостоятельные действия во внешней политике, которые не всегда совпадают с интересами США.

Кроме того, начало переговоров о принятии Турции в тот момент, когда окончательная модель интегрированной Европы еще не сформирована, подтолкнет Евросоюз в направлении ослабления его наднациональной составляющей и децентрализации. Подобное развитие событий представляется чрезвычайно благоприятным для России, поскольку она объективно заинтересована в том, чтобы политическое лидерство в Европе принадлежало в первую очередь демократически избран-

ным правительствам стран-членов, а не наднациональной бюрократии. Вместе с тем разнородность и децентрализованность Европейского Союза предполагает возможность вступления в него России в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что потенциальное принятие Турции в ЕС даст России примерный опыт интеграции в региональное сообщество среднеразвитой страны с переходной экономикой. ЕС приобретает дополнительный опыт отношений со страной с переходной экономикой, хотя Россия еще является поставщиком ресурсов. Евросоюз диверсифицирует получение энергоносителей через Турцию, что является выгодным для него моментом. В результате интеграционное объединение перестает зависеть от России, что снижает его заинтересованность в ней. Москва будет вынуждена учитывать в своих отношениях с Турцией ее потенциальное членство в ЕС, на нее будут распространяться правила, существующие в Евросоюзе, сотрудничество с Анкарой надо будет развивать как с европейским блоком в целом, проблемы взаимоотношений по линии Россия – Европейский Союз перейдут на Турцию. Вместе с тем через интеграцию Анкары в ЕС Москва получает возможность выхода на совместные интеграционные проекты Евросоюза. Учитывая быстрорастущий экономический потенциал Турции, Россия может рассчитывать на взаимовыгодные отношения между Анкарой – членом ЕС и российским бизнесом и государством.

Взаимовыгодные, а не зависимые отношения между Москвой и Брюсселем способствуют в первую очередь развитию России. Дело в том, что отношения монокультурной страны с диверсифицированными странами могут способствовать при проведении разумной политики избавлению от монозависимости стран. Россия сегодня во многом зависит от мирового рынка энергоносителей. Москва нуждается в высоких технологиях, общение с их производителем при проведении разумной политики российскими властями может повлечь за собой развитие элементов диверсификации нашей экономики и модернизацию на основе европейских технологий различных видов производства. Не важно политическое оформление отношений, главное – создание более диверсифицированной, эффективной структуры российской экономики.

* * *

Очевидно, что политическая культура Турции все еще сильно отличается от западных стандартов. Процесс модерни-

зации страны осуществляется во многом принудительно прозападными элитами страны. Гарантом светского государства по-прежнему является турецкая армия. В стране отсутствует развитое гражданское общество, западным является лишь внешний стиль жизни.

Турция – страна с собственной культурой и идентичностью. Менталитет ее общества остается мусульманским. Образ жизни, культура общения, традиции, трудовая этика и принципы социальной жизни турецкого населения сильно отличаются от европейских. Значительная часть жителей Турции ориентирована традиционалистски, по-восточному, у нее отсутствует доверие к Европе.

При этом националистическая и пантюркистская идеология турецких лидеров демонстрирует западным союзникам возможность запасного маневра во внешнеполитической стратегии. Однако евразийское направление перспективно при условии затяжных переговоров с Евросоюзом, но оно не может быть серьезной альтернативой последнему вследствие нестабильного политического положения в государствах региона и непосредственной близости к «горячим точкам». Кроме того, экономика евразийских государств преимущественно сырьевая, в то время как Европейский Союз является одним из мировых лидеров инновационного производства. Таким образом, по критериям мирового экономического, политического и военного лидерства, вместе взятым, ни идеи пантюркизма и исламской интеграции, ни американское и евразийское направление не могут являться более перспективной альтернативой, чем вступление в ЕС.

Вместе с тем позиции Анкары в Европе будут зависеть от той степени влияния, которым она будет пользоваться на Востоке. Турция способна стать стратегическим форпостом Европы в регионе, где процветает исламский фундаментализм. Используя возможности, которые предоставляют мусульманские традиции, региональные связи и ресурсы Турции, ЕС сможет гораздо эффективнее оказывать стабилизирующее влияние на регион.

Приняв Турцию, Европейский Союз подтвердит, что исламскому обществу может быть присуще светское государство. Европа сможет доказать беспочвенность обвинений в том, что Евросоюз враждебно относится к исламу. Во время разногласий между Западом и исламским миром, важным сигналом стало бы, если бы ЕС открыл свои двери для умеренной му-

сульманской страны и, таким образом, опроверг бы теорию о делении мира на блоки. У Евросоюза есть возможность продемонстрировать, что он не является замкнутой организацией, свободен от расовых и религиозных предрассудков и готов привести мусульманский мир к ценностям демократии и прав человека, которые стали основополагающими для строительства объединенной Европы. Тесное соседство мусульманского и христианского мира может, преодолевая разделение, способствовать выработке модели мирного сосуществования этих двух цивилизаций. Вступление Турции в ЕС может стать началом процесса сглаживания идейных противоречий, медленного стирания этнических и религиозных различий.

Принятие Турции станет значительным импульсом для развития рынка Евросоюза благодаря динамичности, высокому внутреннему спросу, культуре предпринимательства турецкого населения и эффекту либерализации торговли. Интеграция Турции в европейский бизнес принесет гражданам ЕС новые рабочие места, конкурентные цены и инвестиционные возможности. Страна с 74-миллионным населением представляет собой важный для Евросоюза рынок в плане инвестиционных и потребительских товаров. Если учесть ускорение роста турецкой экономики после присоединения страны к ЕС, то повышение спроса на упомянутые виды товаров обеспечит европейским фирмам массу новых возможностей.

Кроме того, участие Турции в процессе евроинтеграции приведет к постепенному переходу в расчетах от традиционного для нее доллара на евро и, учитывая связи страны в азиатских регионах, а также с государствами СНГ, к дальнейшему усилению новой европейской валюты по отношению к доллару. Эта страна в перспективе может стать основным маршрутом доставки энергоносителей в Европу, что позволит (за счет проведения общей с Турцией-членом ЕС таможенной и транзитной тарифной политики) существенно сократить цену на каспийскую нефть для европотребителей. В этом случае будет реализована задача ЕС по снижению зависимости от российских поставщиков, которые занимают сегодня на европейском рынке энергоносителей практически монопольное положение.

Вместе с тем принятие Турции может замедлить рост европейской экономики, отбирая финансирование у внутренних проектов ЕС. В политической сфере органам Евросоюза станет еще сложнее балансировать интересы больших и малых стран.

Таким образом, вступление этой страны потребует радикального реформирования институтов и структурных фондов ЕС, а также принятия новой концепции лидерства.

Необходимо также учитывать, что потоки турецких мигрантов могут привести не к созданию «мультикультурного общества», а к возникновению моносубкультуры – крайне взрывоопасной в социальном, культурном и политическом отношении. При этом турецкие рабочие будут пользоваться всеми правами европейских граждан в сфере трудоустройства и социальной адаптации.

Более того, вступление Турции в Евросоюз может привести к расширению круга средиземноморских государств, заявляющих о своей европейской идентичности. Это может привести к дальнейшему размыванию традиционных христианских ценностей в ЕС. Европейский Союз, включающий в себя страны Ближнего Востока, имел бы будущее в качестве зоны свободной торговли, но не в качестве политического альянса.

Что касается России, то ей в своей внешнеполитической стратегии необходимо учитывать, что начало переговоров ЕС с Турцией оказывает серьезное воздействие на постсоветское пространство, закрепляя его все большую оторванность от Москвы и поддерживаемых ею интеграционных проектов. Можно ожидать, что принятие Турции в ЕС приблизит аналогичное решение в отношении ряда стран СНГ, которые, воодушевленные успехами Анкары, активизируют интеграционные усилия на европейском направлении.

Кроме того, если армяно-турецкая граница становится границей Армении с Евросоюзом, то присутствие в стране российских баз теряет геополитический смысл и значение. По этому сценарию сроки присутствия российских военных в Армении попадают под прямую зависимость от перспектив вступления Турции в ЕС.

С другой стороны, сближение Анкары с Европой выгодно Москве, т.к. это предотвратит радикализацию турецкого ислама и усиление его влияния вблизи российских границ. Помимо этого, в случае согласования Турцией своей внешней политики с Брюсселем исключается возможность укрепления позиций националистов в стране. Более того, начало переговоров о принятии Турции в тот момент, когда окончательная модель интегрированной Европы еще не сформирована, подтолкнет Евросоюз в направлении ослабления его наднациональной состав-

ляющей и децентрализации. Подобное развитие событий представляется чрезвычайно благоприятным для России, поскольку она объективно заинтересована в том, чтобы политическое лидерство в Европе принадлежало в первую очередь демократически избранным правительствам стран-членов, а не наднациональной бюрократии. Вместе с тем разнородность и децентрализованность Европейского Союза предполагает возможность вступления в него России в долгосрочной перспективе.

Таким образом, перспективы вступления Турции в ЕС в обозримом будущем могут быть благоприятными, но это зависит от большого количества внутренних и внешних факторов.

К числу внутренних факторов относится прежде всего способность Турции демократизировать свою политическую систему в направлении европейской модели. Равновеликая роль в западной триединой структуре власти (исполнительная, законодательная и судебная) противоречит политическим традициям Турции, что явно затрудняет процесс ее приобщения к европейским стандартам. Дальнейшие реформы в сфере экономики должны способствовать ее реструктуризации и более полному открытию глобальному рынку, что будет содействовать ее транспарентности. Максимально возможная приватизация госсектора и сокращение административного давления власти на экономику также будут способствовать движению к западной модели. Более того, обучение турецкой молодежи в европейских вузах будет закреплять светскую ментальность правящей элиты.

С точки зрения внешних факторов шансы Турции на принятие в ЕС также могут расти. Весьма значимым является политический лоббизм со стороны США, которые хотят иметь «верного» союзника в очень неспокойном, но крайне важном сырьевом регионе мира. В свою очередь, ЕС в случае принятия Турции резко увеличивает свой политический потенциал за счет роста военной мощи и влияния в исламском мире. Кроме того, Евросоюз получает возможность улучшить демографическую ситуацию в Европе, геополитически проникнуть в важнейший регион поставок энергоресурсов, увеличить рынки сбыта и сферы вложения капитала.

Причины, сдерживающие перспективы принятия Турции в ЕС, также продиктованы набором внутренних и внешних факторов.

К числу тормозящих внутренних факторов относятся: слишком медленный процесс политической демократизации,

отсутствие информационной открытости и свободы слова, недостаточно эффективные реформы в сфере экономической либерализации. Виной всему, возможно, нехватка политической воли власти, гипертрофированное влияние армии на внутреннюю жизнь страны, сильная коррупционная составляющая, опасность возникновения регионального и межконфессионального раскола вследствие демократизации общества сверху.

К числу внешних факторов, отягощающих принятие Турции в ЕС, относятся: ротация политического руководства европейских государств с плохо предсказуемой реакцией на ход переговоров с Анкарой, перспектива резкого роста исламского влияния в Евросоюзе, диспропорции между потенциальной политической значимостью Турции в органах Европейского Союза и ее экономическим вкладом, выход ЕС непосредственно на границы горячих точек Ближнего и Среднего Востока и Кавказа. В социально-экономической сфере на итоге переговоров Брюсселя и Анкары могут отрицательно сказаться быстрый рост ксенофобских настроений в «старых» странах Европейского Союза вследствие деформации рынка труда ЕС «дешевыми» миграционными потоками и перспектива высоких финансовых издержек Евросоюза на подтягивание турецкой экономики к стандартам эффективности Общего рынка.

Соотношение благоприятных и негативных внутренних и внешних факторов, а также политическая мудрость нового поколения лидеров ЕС, США и Турции определят перспективы вступления последней в Евросоюз.

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования автор работы пришел к следующим выводам.

1. Анализ результатов развития взаимоотношений сторон с момента образования ЕЭС до подписания Договора о ЕС 1992 г. Стимулом Анкары к попытке перевода сотрудничества с Брюсселем на уровень интеграционного сближения стала в первую очередь экономическая мотивация. Что касается Сообщества, то на первоначальном этапе его заинтересованность в сотрудничестве с Анкарой заключалась в обеспечении стабильности в Восточном Средиземноморье путем интеграции Турции в систему обороны Запада, а также ее использование в качестве «заслона» от СССР. Анкарское Соглашение 1963 г. явилось отражением стратегических установок обеих сторон на взаимное сближение. Реализация соглашения не только укрепляла торгово-экономические отношения Турции с ЕЭС, но и содействовала развитию экономики страны и повышению уровня занятости населения благодаря миграции турецкой рабочей силы в Европу. Наблюдалось увеличение притока европейского капитала в Турцию. Таким образом, происходило наращивание объемов связей во всех областях сотрудничества, создающее для Анкары новое качество отношений с ЕЭС. Турецкая экономика начала превращаться в составную часть европейского хозяйства. Однако Анкарское соглашение не позволяло рассматривать интеграцию Турции с ЕЭС в среднесрочный период. Переходный этап приблизил экономическую и налогово-финансовую политику Турции к стандартам Сообщества.

В свою очередь, Анкара распространила на страны ЕЭС режим наибольшего благоприятствования. При этом либерализационные меры в отношении Сообщества носили необратимый характер. С целью преодоления препятствий на пути к интеграции Турции в ЕЭС правительство пыталось поднять экономический уровень страны при помощи структурных изменений, создания новой инфраструктуры и реформирования торговли. Тем не менее Анкара придерживалась политики импор-

тозамещения, что противоречило ее обязательствам перед Сообществом. Турция не соблюдала режим снижения таможенных пошлин. Турецкая политическая элита, не соглашаясь с экономическими условиями ЕЭС, замедляла темп интеграции, считая конкуренцию ненужной и преждевременной для промышленности страны. Вместе с тем помощь со стороны ЕЭС ограничилась торговыми и финансовыми послаблениями, недостаточными для подтягивания турецкой экономики до среднеевропейского уровня.

Не достигнув основной цели, заявка Турции на вступление в ЕЭС 1987 г. все же оживила ее отношения с Сообществом: усилия по их развитию интенсифицировались с обеих сторон, началось выполнение мер, направленных на образование таможенного союза в намеченные сроки.

2. Анализ влияния таможенного союза с ЕС на экономику Турции. Внешнеторговые связи Анкары традиционно сориентированы на западноевропейский рынок. Создание таможенного союза с ЕС завершило второй, переходный этап интеграции страны в данную организацию. Для Турции это была серьезная победа в деле дальнейшего развития и модернизации экономики, которая развивалась в условиях жесткой защиты внутреннего рынка протекционистскими барьерами и при поддержке со стороны государства. Производители и промышленники получили доступ на стабильный и крупный рынок. Подписание соглашения о таможенном союзе продемонстрировало заинтересованность ЕС в развитии отношений с Турцией прежде всего ради сохранения ее в целом прозападной ориентации и закрепления за ней статуса полноценного европейского государства. Следует также отметить, что Брюсселю таможенный союз с Анкарой дает возможность интенсификации торговой экспансии в восточном направлении, прежде всего в Центральную Азию. Турция стала единственной страной, создавшей таможенный союз с ЕС, не являясь его членом. Речь шла о серьезном ограничении закрепленных в конституции принципов национального суверенитета, притом что ЕС не взял на себя обязательства о принятии Турции. После реализации таможенного союза Анкара, не участвуя в руководящих органах Евросоюза и не имея возможности влиять на принимаемые им решения, была обязана выполнять их и с этой целью изменять национальное законодательство.

Недостаточная финансовая помощь Евросоюза снижала адаптационные возможности турецкой экономики, а необходи-

мыми ресурсами для финансирования ее структурной перестройки на момент вступления в силу таможенного союза ни частный сектор, ни государство не располагало. Тем не менее функционирование таможенного союза внесло заметный вклад в модернизацию турецкой экономики. Он стал импульсом для усиления в Турции конкуренции, совершенствования промышленной инфраструктуры, приближения к показателям ЕС. Большинство секторов турецкой экономики оказались достаточно сильны, чтобы справиться с конкуренцией и рыночными силами в рамках таможенного союза с ЕС. На микроэкономическом уровне существует значительный положительный эффект от региональной торговли, инвестиций в Турцию и увеличивающегося взаимопроникновения турецких и европейских финансовых рынков. Поэтому турецкие предприятия заинтересованы в скорейшем создании общего экономического пространства ЕС и Турции, в котором полностью действовали бы правила внутреннего рынка.

Таким образом, таможенный союз продемонстрировал способность турецкой экономики справиться с конкуренцией промышленных товаров и соблюдать законы о защите интеллектуальной собственности, и это стало доказательством того, что Турция в состоянии выполнять экономические критерии для вступления в ЕС. Следует ожидать, что дальнейшая интеграция Анкары и Брюсселя приведет к увеличению масштабов торговли и экономической гармонизации. Однако функционирование таможенного союза в отрыве от гарантий полноправного вступления в ЕС создает трудности для турецкой экономики.

3. Оценка последствий предоставления Турции статуса кандидата на вступление в Евросоюз на процесс проведения реформ в стране. В 1999 г. ЕС подтвердил право Турции на вступление, и что данная страна будет оцениваться на базе тех же объективных критериев, что и остальные кандидаты. Анкаре предстояло привести свое законодательство в соответствие с европейскими стандартами. Таким образом, через поддержку соблюдения культурных прав и защиту гражданских общественных организаций ЕС начал играть важную роль в социальных переменах в стране. Для интенсификации процесса сближения Анкара была обязана и вынуждена проводить курс на гуманизацию внутренней социальной политики. Копенгагенские политические критерии стали тем рычагом, благода-

ря которому модернизация Турции проводилась наиболее консолидированно. Процесс подготовки к вступлению в ЕС стал для Анкары важным катализатором правозащитных реформ. Турция предприняла колоссальные усилия, чтобы приблизиться к европейским стандартам: были внесены демократические изменения в конституцию, систему судопроизводства, гражданский и уголовный кодексы, улучшено положение нацменьшинств, уменьшена роль военных в управлении страной.

Хотя за последние годы в Турции наблюдался прогресс в приобщении к европейским демократическим стандартам, до сих пор не достигнут уровень, требуемый в европейском обществе. На данный момент первостепенная задача переговоров – поддержка преобразований в создании демократического общества, основанного на верховенстве закона и уважении прав человека и национальных меньшинств.

С целью преодоления экономических препятствий на пути интеграции Турции в ЕС ее правительство пыталось поднять уровень страны при помощи создания новой инфраструктуры, либерализации и реформирования торговли. Стабилизационные программы турецкого правительства снизили государственный долг и повысили эффективность экономики. Турция отказалась от автаркической модели импортозамещения и открыла свою экономику для деятельности рыночных сил. Но пока ни по достигнутому уровню социально-экономического развития, ни с точки зрения эффективности экономики Турция не соответствует среднеевропейским показателям. Нестабильность турецкой экономики, высокий уровень инфляции, значительный дефицит бюджета, диспропорции территориального развития, гипертрофированное вмешательство государства в экономику не позволяют Турции участвовать в Экономическом и валютном союзе.

4. Роль Турции в вопросе становления ОВПБ ЕС. Стратегическое расположение страны станет основным фактором ее превращения в передовую базу Единой политики безопасности и обороны и размещения здесь военных контингентов ЕС. Оценивая возможный вклад Турции в Общую внешнюю политику и политику безопасности Евросоюза, следует учитывать ее значительное население, притом что ЕС нуждается в людских ресурсах. Турция может предоставить Европейскому Союзу быстро развертываемые и непрерывно пополняемые вооруженные силы. Учитывая большой опыт Турции в борьбе с пар-

тизанскими отрядами, турецкие военные наилучшим образом подходят для проведения операций ЕС по урегулированию кризисов низкой интенсивности.

Кроме того, Турция может внести вклад в политику добрососедства ЕС благодаря своим гуманитарным, экономическим и историческим связям в средиземноморском регионе и на постсоветском пространстве, и это также является важным фактором в становлении более эффективной ОВПБ. Турция может стать для ЕС опорой стабильности на геополитическом «перекрестке» Европы, Ближнего Востока и «южного пояса» СНГ. Анкара будет полезна на таких направлениях внешней политики ЕС, как Средиземноморское партнерство, Балканы и энергетический коридор в Каспийском регионе. В стратегической перспективе присоединение Турции к ОВПБ может добавить правоспособности долгосрочным операциям ЕС. Используя возможности, которые предоставляют исламские традиции и региональные связи Турции, Евросоюз сможет гораздо эффективнее оказывать стабилизирующее влияние на регион.

Вместе с тем по мере обретения Евросоюзом независимости от НАТО в вопросах обороны у членов ЕС может пропадать интерес в отношении Анкары. Европейский Союз беспокоит расположение Турции по соседству с регионами, угрожающими безопасности Европы, поскольку эта страна может стать платформой для экспорта нестабильности в ЕС. Турция является выгодной мишенью для нанесения террористических ударов по западным интересам. Участие Анкары в ЕПБО также является проблемой европейской идентичности. Турция как иное, менее демократическое и стабильное государство, бросает ей вызов.

5. Рассмотрение проблемы Кипра в контексте взаимоотношений Турции с ЕС. Одно из основных требований Брюсселя к Анкаре – признание единого Кипра. Греческая администрация острова обладает правом вето на вступление Турции в ЕС и не преминет воспользоваться им, если Анкара не выполнит это условие. Позиция турецкой стороны заключается в том, что кипрская проблема не является предметом двусторонних дискуссий с ЕС, а должна обсуждаться между двумя суверенными государствами острова – РК и ТРСК. Анкара выражает готовность признать объединенный Кипр только после того, как греческая община острова примет план, предложенный ООН. При этом присутствие турецких войск на Кипре необходимо для сохранения существования ТРСК.

Утрата влияния на севере острова воспринимается турецким руководством как сокращение стратегического потенциала и усиление факторов риска для национальной безопасности страны. Потеря ТРСК сокращает зону ее регионального влияния на западном направлении. Турецкие лидеры считают, что любая уступка Анкары в вопросе урегулирования кипрской проблемы неминуемо ослабит доверие к ней со стороны тюркских республик, которым Турция стремится покровительствовать, а возможно, и в остальном мусульманском мире. В экономическом аспекте положение Кипра, «ключа» ко всему Восточному Средиземноморью, позволяет Турции контролировать подходы к своим средиземноморским портам.

Вместе с тем северная часть острова катастрофически беднеет: в силу неурегулированности своего политического статуса она не может развивать индустрию туристических услуг и привлекать иностранных инвесторов. Турецкая экономика с трудом несет бремя ТРСК и не в состоянии полностью удовлетворять ее финансовые запросы. Представители турецких деловых кругов высказывают мнение, что необходимость его содержания является одной из причин возникновения экономических кризисов, что задерживает прием самой Турции в ЕС. Сложившаяся ситуация заставляет Анкару быть более «восприимчивой» к требованиям Брюсселя.

6. Изучение отношения населения и политической элиты Турции к перспективе вступления в ЕС и связанным с этим преобразованиям. Стремление вступить в Евросоюз полностью сочетается с проведением кемалистского курса на европеизацию Турции. Инициатором прозападного движения была политическая, экономическая и военная элита страны. Названные группы объединяет единодушие в вопросе вхождения Турции в европейскую семью. Оно основывается на уверенности, что гражданственность и прозападная ориентация страны будут защищаться именно членством в ЕС. При этом политики стремятся к тому, чтобы не армия являлась гарантом государственности Турции, а Брюссель. Более того, по мнению сторонников светского развития, ЕС сможет гарантировать сохранение разделения государства и мечети и не допустит, чтобы ослабление контроля военных над властями привело к усилению позиций фундаменталистов и курдских сепаратистов. Однако даже среди исламистов пришло осознанное стремление в Европу. Это обусловливалось усилением традиционно близкой

исламистскому движению буржуазии; уверенностью в том, что права религиозных организаций будут лучше защищены, когда Турция станет следовать правовым нормам, принятым в ЕС; давлением со стороны турок, живущих в Европе и активно выступающих за вступление в Евросоюз. В целом либералы рассматривают вступление в ЕС как неотъемлемую часть процесса модернизации; социал-демократы считают это необходимым для обеспечения демократических принципов и прав человека; умеренные исламисты стремятся гарантировать сохранение своих позиций в случае возможного военного переворота; для ведущих деловых кругов вступление в Евросоюз представляется важнейшим фактором экономического развития и притока прямых иностранных инвестиций, а для профсоюзов данная перспектива означает свободное передвижение рабочих и улучшение трудовых стандартов. В большинстве своем турецкое население рассматривает вступление в ЕС как воплощение национальной идеи вестернизации.

Вместе с тем в настоящее время многие влиятельные турецкие военные убеждены, что большинство выдвигаемых ЕС условий губительно для страны. Требования Евросоюза провести политические реформы воспринимаются националистами как вмешательство во внутренние дела. Кроме того, они опасаются, что в случае вступления в ЕС Анкаре придется согласиться на ликвидацию ТРСК. Националисты предупреждают, что вступление Турции в ЕС приведет к растворению ее национальной идентичности в Европе. Согласно данной концепции, Запад навязывает свою религию, нормы и обычаи, отделяет народ от его культуры. Националисты отмечают, что вступление в ЕС повлечет за собой разрушение сложившегося уклада, создание новых учреждений и отказ от старых, перевод экономики на рельсы евростандартизации. При этом значительная часть турецкого населения ориентирована традиционалистски, по-восточному, у нее отсутствует доверие к Европе. Евроскептицизм и европессимизм возрастают по мере снижения дохода, уровня образования, доступа к печатной информации, знания европейских языков. Они преобладают среди традиционного, сельского населения, занятого в низкотехнологичном производстве, идентифицирующего себя по этническому и религиозному признаку и поддерживающего исламистские и экстремистские политические партии. Эти люди отрицательно относятся к современным процессам модернизации

по западному образцу. Они полагают, что вариант вестернизации, избранный Турцией, сопровождается немалыми издержками, негативно влияющими на духовную жизнь и социальную структуру общества, особенно на молодежь. Все более популярным в Турции становится мнение о том, что на самом деле, давая Анкаре надежду на принятие, ЕС пытается вынудить ее пойти на всевозможные уступки, а затем отказать во вступлении ослабленной стране.

7. Анализ перспектив вступления Турции в ЕС. Факт начала переговоров о принятии Турции в Евросоюз в 2005 г. подразумевает, что она соответствует основным условиям членства – является европейской страной и придерживается соблюдения прав человека, плюралистической демократии и верховенства закона. Финансирование Евросоюзом хода реформ в Турции подтверждает понимание им необходимости выполнения обязательств по отношению к ней. Кроме того, переговоры о вступлении дают возможность влиять на ход событий в Турции, оказывать на нее экономическое и политическое давление. Сторонники принятия Анкары, в основном левые и умеренно-консервативные силы, либерально настроенная общественность, настаивают на том, что когда она будет внутри ЕС, на нее станет легче оказывать влияние.

Политика ЕС по отношению к Турции определяется в основном ее геополитическим и исключительно выгодным географическим положением. Принятие этой страны может стать важнейшим ресурсом для превращения Евросоюза во влиятельного глобального актора. С другой стороны, Турция рассматривается как коридор для нежелательного притока огромных масс населения из стран Центральной Азии и Ближнего Востока в ЕС.

Серьезным вызовом для Евросоюза станет право Анкары наряду с ФРГ претендовать на самое большое число депутатов Европарламента. Таким образом, в случае вступления Турция станет одной из самых влиятельных стран ЕС, в основном благодаря многочисленности населения.

В сфере экономики принятие Турции станет значительным импульсом для развития рынка Евросоюза. Интеграция страны в европейский бизнес принесет ЕС новые инвестиционные возможности. Значение Турции для Европейского Союза будет возрастать ввиду стремления ЕС получить доступ к новым рынкам и источникам сырья на Ближнем Востоке и в Цен-

тральной Азии. Участие Турции в процессе евроинтеграции приведет к постепенному переходу в расчетах от доллара на евро и, учитывая ее традиционные связи в азиатских регионах, а также со странами СНГ, к дальнейшему усилению новой европейской валюты. Турция благодаря тесным политическим, культурным и торговым взаимоотношениям со странами, обладающими крупнейшими в мире запасами природного газа и нефти, обеспечит ЕС стабильные поставки энергоресурсов.

Однако сочетание демографических показателей и экономической слабости сделает Анкару крупнейшим в ЕС получателем помощи. Принятие Турции может замедлить рост европейской экономики, отбирая финансирование у внутренних проектов Евросоюза. Кроме того, крупномасштабная иммиграция турок в страны ЕС после присоединения будет способствовать возникновению серьезных проблем на европейском рынке труда. Рядовые граждане ЕС на примере Франции и Голландии продемонстрировали отрицательное отношение к Европейской Конституции, не в последнюю очередь опасаясь перспективы вхождения в Евросоюз Турции.

Очевидно, вопрос принятия Турции будет решаться после утверждения нового финансового плана ЕС, включающего 12 новых стран. Это объясняется целым рядом трудноразрешимых задач, с которыми столкнулся Евросоюз в недавнем времени. К ним относятся: необходимость финансовой реформы, принятие конституции, содержащей в себе правовые основы реформирования, и адаптация новых членов.

8. Анализ последствий возможного вступления Турции в ЕС для России. Москве необходимо учитывать, что начало переговоров о вступлении Турции в Евросоюз оказывает серьезное воздействие на постсоветское пространство, закрепляя его все большую оторванность от России и поддерживаемых ею интеграционных проектов. Можно ожидать, что принятие Турции в ЕС приблизит аналогичное решение в отношении стран СНГ. Несомненно, вступление в Евросоюз будет использовано турецким руководством для дальнейшего укрепления своих позиций в странах Центральной Азии и Закавказья.

Вместе с тем российско-турецкое деловое сотрудничество в настоящее время активно развивается вне зависимости от принадлежности двух стран к тем или иным региональным организациям. В данном контексте присоединение Турции к единому рынку ЕС расширяет возможности для многосторонних

проектов с участием России. Кроме того, Москва заинтересована в том, чтобы Турция соответствовала западноевропейским экономическим стандартам. В определенной степени сближение Анкары с Брюсселем выгодно России, т.к. это исключит возможность радикализации турецкого ислама и усиления его влияния вблизи наших границ. Более того, согласование Турцией своей внешнеполитической стратегии с Брюсселем не допустит укрепления позиций националистов.

И самое главное: начало переговоров о принятии Турции в тот момент, когда окончательная модель интегрированной Европы еще не сформирована, подтолкнет ЕС в направлении ослабления его наднациональной составляющей и децентрализации. Подобное развитие событий представляется чрезвычайно благоприятным для России, поскольку она объективно заинтересована в том, чтобы политическое лидерство в Европе принадлежало демократически избранным правительствам стран-членов. Вместе с тем разнородность и децентрализованность ЕС предполагает возможность присоединения к нему России в долгосрочной перспективе.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004. – С. 102.
[2] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 512.
[3] Катценштейн П. «Международная организация» и исследования вопросов мировой политики / Катценштейн П., Кохэн Р., Краснер С. // Мировая политика и международные отношения в 1990-е гг.: взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М.М.Лебедевой и П.А.Цыганкова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 69.
[4] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 247.
[5] Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – М.: Начала-Пресс, 1995. – С. 87.
[6] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 10.
[7] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004. – С. 103.
[8] Там же, с. 145.
[9] Biersteker T.J. Globalisation and the Modes of Operation of Major Institutional Actors // Oxford Development Studies. – 1998. – Vol. 26. – № 1. – С. 16–17.
[10] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004. – С. 84.
[11] Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М.: Ладомир, 2002. – С. 265.
[12] Богатуров А.Д. Глобализация как «синдром поглощения» в международной политике / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталев // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 345.
[13] См.: Лебедева М.М. Мировая политика. – М., 2002.
[14] Красин Ю. Национальные интересы: миф или реальность? // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 12.
[15] См. Ohmae K. The Invisible Continent: Four Strategic Imperatives of the New Economy / K.Ohmae. – L., 2000.

[16] Бушев А.Б. Современные государства и права человека. http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&id_thesis=2109

[17] Поздняков Э.А. Философия политики. В 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 108.

[18] Lindbeck A. Comment on Baldwin R.E. and P.Martin // Globalisation and Labor / Siebert H. (ed.). – Tubingen: Mohr Siebeck, 1999. – С. 60.

[19] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 134.

[20] Там же, с. 149.

[21] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 431.

[22] Поздняков Э.А. Философия политики. В 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 268.

[23] Онгоро Т.Н. Глобализация – новый феномен или продолжение известных тенденций? http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20381

[24] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 135.

[25] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 518.

[26] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 174.

[27] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 503.

[28] Obstfeld M. The Capital Market: Benefactor or Menace? // Journal of Economic Perspectives. – 1998. – Vol. 12. – № 4. – С. 18–19.

[29] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 245.

[30] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004. – С. 91.

[31] Там же, с. 104.

[32] Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. http://belintellectuals.com/library/book.php?id=28

[33] Бабурин С.Н. Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос // Национальные интересы. – 1998. – № 1. – С. 8–15.

[34] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 132.

[35] Там же, с. 7.

[36] Лукьянов Ф. Анти-Ялта, или Месть малых народов // Россия в глобальной политике. – Февраль 2005.

[37] Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. http://belintellectuals.com/library/book.php?id=28
[38] Поздняков Э.А. Философия политики. В 2 т. – Т. 2. – М., 1994. – С. 176. 292 с.
[39] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 221.
[40] Там же, с. 509.
[41] Там же, с. 185.
[42] Там же, с. 233.
[43] Там же, с. 307.
[44] Там же, с. 513.
[45] Там же, с. 219.
[46] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 240.
[47] Буторина О.В. Итоги развития ЕС и вызовы нового века // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 368–369.
[48] Косолапов Н.А. Явление международных отношений: историческая эволюция предмета исследования / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталев // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. – С. 58.
[49] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 251.
[50] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 308.
[51] Кондратьева Н.Б. Большая Европа и региональное развитие // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 161.
[52] Шишков Ю.В. Европейская интеграция и СНГ: западный образец и его отражение в восточном зеркале // Развитие интеграционных процессов в Европе и России. – М., 1997. – С. 176.
[53] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 171.
[54] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 242.
[55] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 122.

[56] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 248.
[57] Там же, с. 252.
[58] Там же, с. 250.
[59] Там же, с. 249.
[60] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 297.
[61] Там же, с. 305.
[62] Косолапов Н.А. Явление международных отношений: историческая эволюция предмета исследования / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталев // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. – С. 53.
[63] Там же, с. 59.
[64] Smith A.D. Nationalism in the Twentieth Century. – Oxford, 1979. – С. 191.
[65] Милардович А. Президентство или парламентаризм для Центральной и Восточной Европы в эпоху глобализации?
http://www.cpi.hr/download/links/6638.pdf
[66] Вебер А. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты // Полития. – 2002. – № 2. – С. 22.
[67] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 9.
[68] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 198.
[69] Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 196.
[70] Соловьев Э.Г. Новый мировой порядок: толерантный мир или апофеоз конфронтационности // Вестник Московского университета. – Сер. 18. Социология и политология. – 2002. – № 3. – С. 12–13.
[71] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 271.
[72] Там же, с. 273.
[73] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. С. – 186.
[74] Буторина О.В. Итоги развития ЕС и вызовы нового века // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 377.
[75] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 549.

[76] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 76.
[77] Буторина О.В. Итоги развития ЕС и вызовы нового века // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 379.
[78] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 119.
[79] Потемкина О.Ю. Сотрудничество в сфере внутренних дел и правосудия // Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А.Борко, О.В.Буториной – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 193.
[80] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. – С. 539.
[81] Баньян Т. Война против свободы и демократии: исследование ее влияния на гражданские свободы и демократическую культуру в Евросоюзе. http://left.ru/2002/19/banyan69.html
[82] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 401.
[83] Там же, с. 403.
[84] Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 540–542, 550.
[85] Поздняков Э.А. Философия политики. В 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 269.
[86] Борко Ю.А. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература»,2006. – С. 11.
[87] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 161.
[88] Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. – С. 241.
[89] Там же, с. 244.
[90] Там же, с. 243.
[91] Буторина О.В. Экономический и валютный союз – новая ступень интеграции // Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А.Борко, О.В.Буториной – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 85.
[92] Арцыбушев Н. Проблемы интеграционных процессов в Европе. http://arcybushev.temator.ru/cont/2476/8.html

[93] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 402.
[94] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 123.
[95] Сорман Г. Либеральное решение. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – С. 167.
[96] Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – М.: Начала-Пресс, 1995. – С. 165.
[97] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 397–399.
[98] Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 153.
[99] Там же, с. 144.
[100] Там же, с. 124.
[101] См. European Integration Theory / Antje Wiener and Thomas Diez (eds.). – Oxford–New York: Oxford University Press, 2004.
[102] Кавешников Н.Ю. Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература»,2006. – С. 72.
[103] Анилионис Г.П. Глобальный мир: единый и разделенный. – М., 2005. С. – 538.
[104] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. – М.: Логос, 2004. – С. 89.
[105] Буторина О.В. Итоги развития ЕС и вызовы нового века // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 378.
[106] Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 3. Май – июнь.
[107] Кавешников Н.Ю. Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература»,2006. – С. 58.
[108] Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М., 2003. – С. 405.
[109] Там же, с. 324.
[110] Там же, с. 400.
[111] Cumhuriyet döneminde Türkiye ekonomisi (1923–1978). – Ankara, 1980. – С. 342.

[112] Akagül D. Association CEE – Turquie: à la recherche d'une nouvelle dynamique // Révue du Marché Commun. – 1987. – № 303. – С. 6.
[113] Redmond J. The next Mediterranean enlargement of the European Community: Turkey, Cyprus and Malta? – Brookfield, 1993. – С. 25.
[114] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – С. 66.
[115] См.: I$^{st}$ Financial Protocol. // Official Journal of European Communities. – 1964. – № 3705.
[116] Yakış Y. Türkiye – AET karşısında, Türkiye – İKO ekonomik ilişkileri // Avrupa Topluluğu ve Türkiye. – Ankara, 1987. – С. 84.
[117] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – С. 98.
[118] См. Additional Protocol / Official Journal of European Communities. – 1977. – L361/60.
[119] Öniş Z. An awkward partnership: Turkey's relations with the European Union in comparative-historical perspective. – Istanbul, 2000. – С. 13.
[120] Commission of the EC: Opinion on Greek Application for Membership. – Bulletin of the European Communities, 1976, № 2.
[121] Öniş Z. An awkward partnership: Turkey's relations with the European Union in comparative-historical perspective. – Istanbul, 2000. – С. 12.
[122] Там же.
[123] Resolution 19.9.75 on the recommendations of the Joint Parliamentary Committee of the EEC-Turkey Association adopted in Ankara on 19 September 1975.
http://www.hri.org/Cyprus/Cyprus_Problem/eudocs/C35.html
[124] Resolution 28.4.76 on the recommendations of the Joint Parliamentary Committee of the EEC-Turkey Association adopted in Nice on 28 April 1976 and in Ankara on 9 November 1976.
http://www.hri.org/Cyprus/Cyprus_Problem/eudocs/C34.html
[125] Tuzun Ç. Türkiye – AET Ortaklığında Gümrük Birliği // Avrupa Topluluğu ve Türkiye. – Ankara, 1987. – С. 55.
[126] Birand M.A. Türkiye'nin Ortak Pazar Macerası. – İstanbul, 1985. – С. 333.
[127] Там же, с. 364.
[128] Kılınç U. Türkiye – Avrupa Toplulukları ilişkileri: ekonomik, sosyal, siyası, hukuki ve idari yöndem (1983–1988). – Ankara, 1990. – С. 53.
[129] Akagül D. Association CEE – Turquie: à la recherche d'une nouvelle dynamique // Révue du Marché Commun. – 1987. – № 303. – С. 5.
[130] Müftüler M. Turkish economic liberalization and European integration // Middle Eastern Studies. – 1995. – № 1. – С. 91.

[131] См. III[rd] Financial Protocol // Official Journal of European Communities. – 1979. – L67/1.
[132] Fatemi A.S. Turkey membership in EU – pros and cons. http://www.fatemi.com/CONFERENCES/turkey.html
[133] Müftüler M. Turkish economic liberalization and European integration // Middle Eastern Studies. – 1995. – № 1. – С. 91.
[134] Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union / Advisory Council on International Affairs. – 2004. www.AIV-advies.nl
[135] Birand M.A. Türkiye'nin Ortak Pazar Macerası. – İstanbul, 1985. – С. 413.
[136] См. Official Journal of European Communities. – 1980. – C265/55.
[137] Birand M.A. Türkiye'nin Ortak Pazar Macerası. – İstanbul, 1985. – С. 415.
[138] См. Official Journal of European Communities. – 1981. – C101/110.
[139] Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union / Advisory Council on International Affairs. – 2004. www.AIV-advies.nl
[140] Birand M.A. Türkiye'nin Ortak Pazar Macerası. – İstanbul, 1985. – С. 422.
[141] European Commission: XV[th] General Report. – 1981. – С. 263.
[142] Bulletin of the EC № 12, pt. 2.2.45, 1981.
[143] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – С. 121–124.
[144] İnan K. Avrupa ve Türkiye: Bazı gözlemler / K.İnan // Avrupa Topluluğu ve Türkiye. – Ankara, 1987. – С. 35–36.
[145] Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union / Advisory Council on International Affairs. – 2004. www.AIV-advies.nl
[146] См. Official Journal of European Communities. – 1985. – C343/60.
[147] Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union / Advisory Council on International Affairs. – 2004. www.AIV-advies.nl
[148] Kılınç U. Türkiye – Avrupa Toplulukları ilişkileri: ekonomik, sosyal, siyası, hukuki ve idari yöndem (1983–1988). – Ankara, 1990. – С. 66.
[149] Günüğür H. AET'da ve Türkiye Topluluk ilişkilerinde işçilerin serbest dolaşımı / H.Günüğür // Avrupa Topluluğu ve Türkiye. – Ankara, 1987. – С. 57.
[150] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – С. 104.

[151] Iktisadi Rapor 1990. – Ankara, 1990. – C. 293.
[152] Bulletin of the EC. – 1987. – № 4. – C. 1.3.1, 1.3.2.
[153] Дружиловский С.Б. Турецкая республика в 80–90-е гг. – М.: Высш. шк., 1998. – С. 39–40.
[154] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – C. 142.
[155] Commission Opinion on Turkey's Request for Accession to the Community. 20.12.1989. http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adab/opinion.htm
[156] XXIV$^{th}$ General Report, 1990 // Bulletin of the EC. – 1990. – № 1/2. – C. 77, 285.
[157] Kahraman S.U. Rethinking Turkey – European Union relations in the light of enlargement // Turkish studies, vol. 1, № 1, Spring 2000. – C. 5.
[158] Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union / Advisory Council on International Affairs. – 2004. www.AIV-advies.nl
[159] Follow-up Report. Turkey: towards membership of the European Union. – Advisory Council on International Affairs, 2004. – C. 43. www.AIV-advies.nl
[160] Там же.
[161] Tashan S. A Turkish perspective on Europe – Turkey relations // Balkan forum, 1997, vol. 5, № 2. – C. 244.
[162] См.: Decision of the EC-Turkey Association Council on implementing the final phase of the Customs Union of 22.12.1995. № 1/95 // Official Journal of the European Communities. – 1996. – C. 35.
[163] Follow-up Report. Turkey: towards membership of the European Union. – Advisory Council on International Affairs, 2004. – C. 43. www.AIV-advies.nl
[164] Ataturk's long shadow // The Economist: a survey of Turkey, 10–16 June 2000, vol. 355, № 8174. – C. 9.
[165] Follow-up Report. Turkey: towards membership of the European Union. – Advisory Council on International Affairs, 2004. – C. 44. www.AIV-advies.nl
[166] Representation of the European Commission to Turkey. http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html
[167] Follow-up Report. Turkey: towards membership of the European Union. – Advisory Council on International Affairs, 2004. – p. 44. www.AIV-advies.nl
[168] См. European Strategy for Turkey. – 1997.
[169] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#08

[170] Statement of the Turkish Government Regarding the Conclusions of the Luxembourg European Council. 14.12.1997.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adab/luxembourg2.htm
[171] Muftuler-Bac M. The Never-Ending Story: Turkey and the European Union / M.Muftuler-Bac // Middle Eastern Studies, 1998, № 4. – C. 242.
[172] Sabah. – 1997. – 13 Aralık.
[173] European Strategy for Turkey: The Commission's Initial Operational Proposals. 04.03.1998.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adab/proposals.htm
[174] Turkey Reacts to the Initiation of the Accession Process Between the EU and the Greek Cypriot Administration.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/18a.htm
[175] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#07
[176] A Strategy for Developing Relations between Turkey and the European Union: Proposals of Turkey. – 1998.
http://www.europarl.eu.int/enlargement/briefings/7a3_en.htm#3
[177] См. Commission of the European Communities: 1998 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 1998.
[178] Enlargement of the European Union: Turkey's Expectations.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html
[179] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#06
[180] Кулоглу А. Новое понимание угроз после «Холодной войны» и обстановка в Турции.
http://www.milrf.ru/conference/cf_010228/2tu-kuloglu.htm
[181] The Statement Made by Mr.Sermet Atacanli, Deputy Spokesperson of the Turkish Ministry of Foreign Affairs in response to a question on the Resolution adopted by the European Parliament on Turkey-EU Relations on 06.10.1999.
http://www.mfa.gov.tr/grupb/ba/baa99/October/02.htm
[182] Statement by Foreign Minister Ismail Cem on the European Union. – 30 November 1999. http://www.mfa.gov.tr/grupb/bg/1999/03.htm
[183] См. Official Journal of the European Communities. – 2001. – 24 March.
[184] Statement of Prime Minister Bülent Ecevit in Helsinki on Turkey's Candidacy to the EU. 11.12.1999.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/candidacy.htm

[185] См. Council Regulation (EC) regarding the implementation of measures to intensify the EC-Turkey customs union of 10.04.2000 № 764/2000 // Official Journal of the European Communities. – 2000. – C. 94.

[186] См. Decision of the EC-Turkey Association Council on the establishment of Association Committee subcommittees of 11.04.2000 № 3/2000 // Official Journal of the European Communities. – 2000. – C. 138.

[187] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#03

[188] Turkish Accession Partnership Prepared by EU Commission. 08.11.2000. № 211.
http://www.mfa.gov.tr/EU/Press211.htm

[189] Morillon Report Regarding Turkey's Progress Towards Accession. – 2000. – № 217.
http://www.mfa.gov.tr/grupb/ba/baa20/november/default.htm#bm07

[190] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html

[191] См. Council Regulation (EC) on assistance to Turkey in the framework of the pre-accession strategy, and in particular on the establishment of an Accession Partnership of 26.02.2001, № 390/2001 // Official Journal of the European Communities. – 2001. – C. 058.

[192] EU National Programme.
http://www.byegm.gov.tr/on-sayfa/ab/eu-np.htm

[193] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#01

[194] МИД Турции http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/TR-EC.40.htm

[195] Turkish Daily News, 13.11.2001.

[196] См. Commission of the European Communities: 2001 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2001.

[197] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#09

[198] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/TurkeyAndEU/EUParticofCan.htm

[199] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/TurkeyAndEU/EUParticofCan.htm

[200] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#seville

[201] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/TurkeyAndEU/EUParticofCan.htm
[202] См. Commission of the European Communities: 2002 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession and the Strategy Paper. – Brussels, 2002.
[203] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#11
[204] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html
[205] Известия, 19.11.2002.
[206] Независимая газета, 27.11.2002.
[207] Независимая газета, 10.10.2002.
[208] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/latest.htm
[209] Немецкая волна
http://www.dw-world.de/russian/0,3367,2229_A_708185,00.html
[210] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html
[211] Commission of the European Communities: 2003 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 05.11.2003.
[212] Правительственный комитет по внешней торговле Турции
http://www.foreigntrade.gov.tr/ab/ingilizce/recdev.htm
[213] Follow-up Report. Turkey: towards membership of the European Union. – Advisory Council on International Affairs,2004. – С. 52.
www.AIV-advies.nl
[214] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/historical.html
[215] Zaman. – 24 Eylül 2004.
[216] См.: Commission of the European Communities: 2004 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2004.
[217] Швейцер В.Я. Турция – не абсолютно бесспорный кандидат.
http://www.rnic.ru/news_comment.php?idx=7
[218] Le Nouvel Observateur, 16.12.2004.
[219] Milliyet, 15 Aralık 2004.
[220] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/TurkeyAndEU/2004_Brussels_ECPConclusions.htm
[221] РИА «Новости», 28.09.2005.
[222] Commission of the European Communities: Turkey 2006 Progress Report. – Brussels, 8.11.2006. – С. 5–23.

[223] Commission of the European Communities: Turkey 2006 Progress Report. – Brussels, 8.11.2006. – С. 24.
[224] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/eu-accession-negotiations.en.mfa
[225] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/bn_6---17-april-2007_-note-regarding-the-turkey_s-programme-for-alignment-with-the-eu-acquis.en.mfa
[226] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/France/Turkeys_Political_Relations_with_France.htm
[227] Zaman, 10 Haziran 2003.
[228] Zaman, 26.01.2007.
[229] EUobserver.com, 18.05.2009
[230] Zaman, 18.03.2008.
[231] Zaman, 27.09.2007.
[232] Hürriyet, 7 Ekim 2005.
[233] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Denmark/Turkeys_Political_Relations_with_Denmark.htm
[234] Посольство России в Турции. http://www.turkey.mid.ru/rus_smi/rus_smi62.html
[235] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Italy/Turkeys_Political_Relations_with_Italy.htm
[236] The Independent, 03.10.2005.
[237] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Finland/Turkeys_Political_Relations_with_Finland.htm
[238] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Ireland/Turkeys_Political_Relations_with_Ireland.htm
[239] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/TheNetherlands/Turkeys_Political_Relations_with_the_Netherlands.htm
[240] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Portugal/Turkeys_Political_Relations_with_Portugal.htm

[241] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/Regions/EuropeanCountries/EUCountries/Spain/Turkeys_Political_Relations_with_Spain.htm
[242] Bahadir Kaleagasi: Avrupa Galaksisinde Turkiye Yildizi. – Istanbul, 2006. – С. 225–227.
[243] Там же, с. 197–239.
[244] The Guardian, 14.09.2005.
[245] La Tribune, 13.05.2009
[246] EUobserver.com – 20.05.2009.
[247] Treaty on European Union // Europe. – 1992. – № 1759/60. – С. 31.
[248] Дружиловский С.Б. Турецкая республика в 80–90 гг. – М.: Высш. шк., 1998. – С. 109–110.
[249] Ataturk's long shadow // The Economist: a survey of Turkey, 10–16 June 2000, vol. 355, № 8174. – С. 9.
[250] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#08
[251] См. European Strategy for Turkey. – 1997.
[252] Statement by Foreign Minister Ismail Cem on the European Union. – 30 November 1999.
http://www.mfa.gov.tr/grupb/bg/1999/03.htm
[253] См. European Strategy for Turkey 1999 // Official Journal of the European Communities. – 24.03.2001.
[254] European Strategy for Turkey 1999 // Official Journal of the European Communities. – 24.03.2001.
[255] Turkish Accession Partnership. – EU Commission, 2000. – № 211.
http://www.mfa.gov.tr/EU/Press211.htm
[256] См. Commission of the European Communities: 2001 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2001.
[257] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#09
[258] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/euro-council.conclusion.htm#seville
[259] МИД Турции http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/latest.htm
[260] Turkey's Statistical Yearbook. – Turkish Statistical Institute, 2008. – С. 42.
[261] Там же, с. 41.
[262] Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – Ч. 1. – С. 16.

[263] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Terrorism/Buildingupofinternationalsolidarity.htm
[264] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Terrorism/FAQs.htm
[265] МИД Турции.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Terrorism/Financingofitsactivities.htm
[266] Союз "Курдистан": Мы за мир, но при необходимости не будем избегать вооруженной борьбы.
www.regnum.ru/news/715838.html
[267] Cumhuriyet, 16.06.2004.
[268] Cumhuriyet, 12.09.2005.
[269] Turkey's Statistical Yearbook. – Turkish Statistical Institute, 2008. – С. 167.
[270] Там же, с. 168.
[271] Poroy A.A. Türkiye – AB medeniyetler çatışması. – İstanbul, 2008. – С. 112, 149.
[272] Milliyet, 19.10.2007.
[273] Turkish Daily News, 03.03.2008.
[274] Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – Ч. 2. – С. 115.
[275] Milliyet, 13.04.2006.
[276] См. Official Journal of the European Communities. – 2001. – L 85/17.
[277] Aydın S., Keyman E.F. European Integration and the Transformation of Turkish Democracy // EU – Turkey Working Papers. № 2, August 2004. – С. 35.
[278] См. Official Journal of the European Communities. – 2001. – L 85/20.
[279] См. Official Journal of the European Communities. – 2001. – L 85/21.
[280] См. Commission of the European Communities: 2004 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2004.
[281] AB'nin bölgesel politikası ve mali araçları: uyum sürecinde Türkiye için bir değerlendirme / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – С. 252.
[282] Turkish Office & RusyaOfisi.Com.
http://turkofis.narod.ru/ekonomi.htm
[283] Fatemi A.S. Turkey Membership in EU – Pros and Cons / A.S.Fatemi.
http://www.fatemi.com/CONFERENCES/turkey.html

[284] Muftuler M. Turkish economic liberalization and European integration // Middle Eastern Studies. – 1995. – № 1. – C. 96.
[285] Ataturk's long shadow // The Economist: a survey of Turkey. – 2000. – № 8174. – C. 16.
[286] Trade Policy Reviews: First Press Release, Secretariat and Government Summaries Turkey. – 07.10.1998.
http://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/tp83_e.htm
[287] Iktisadi Rapor 1994. – Ankara, 1994. – C. 266.
[288] Villaverde J.A.N. Turkey and the EU: an endless hurdle-race // Perceptions. Journal of International Affairs. – 1998. – № 3.
[289] Decision of the EC – Turkey Association Council on implementing the final phase of the Customs Union of 22.12.1995 № 1/95 (96/142/EC).
http://www.mfa.gov.tr
[290] См.: Kramer H. The Turkey/EU customs union: economic integration amid political turmoil // Mediterranean Politics. – 1996. – Number 1.
[291] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/ei-gumruk-faq.html
[292] Declaration of the EU on Financial Cooperation. 06.03.1995.
http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adab/financial.htm
[293] См.: Дорошенко Л. ЕС-Турция: "неравный брак" // Мировые Дискуссии. – 2002. – Декабрь.
[294] Elmas H.B. Turquie – Europe: Une relation ambigué. – Paris, 1998. – C. 246.
[295] См.: Pulse of Turkey. – № 40, 13 August 1998.
[296] Правительственный комитет по внешней торговле Турции.
http://www.dtm.gov.tr/ab/ingilizce/competit.htm
[297] Iktisadi Rapor 1997. – Ankara, 1997. – C. 138, 279.
[298] Villaverde J.A.N. Turkey and the EU: an endless hurdle-race // Perceptions. Journal of International Affairs. – 1998. – № 3.
[299] Trade Policy Review Body: Turkey: Report by the Secretariat: Summary Observations.
http://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/tp83_e.htm
[300] Trade Policy Review Body: Turkey Report by the Government.
http://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/tp83_e.htm
[301] См.: Agenda 2000: For a Stronger and Wider Union. – Bruxelles, 1997.
[302] Trade Policy Review Body: Turkey Report by the Government.
http://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/tp83_e.htm

[303] См.: Commission of the European Communities: 1998 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 1998.
[304] См.: European strategy for Turkey: the Commission's Operational Proposals 124 final. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1998.
[305] Under Secretariat of Foreign Trade: Customs Union between Turkey and European Union.
http://www.kobinet.org.tr/kosgebabm/english/services/NW18.html#3
[306] См.: Commission of the European Communities: 1998 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 1998.
[307] Торгово-промышленная палата Ялова.
http://www.ytso.org.tr/1804.htm
[308] Turkey and relations with the European Union. Briefing № 7.
http://www.europarl.eu.int/enlargement/briefings/7a3_en.htm
[309] См.: Commission of the European Communities: 1999 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 1999.
[310] Ataturk's long shadow // The Economist: a survey of Turkey. – 2000. – № 8174. – С. 16–17.
[311] Там же.
[312] См.: Commission of the European Communities: 1999 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 1999.
[313] Европейский Союз: Справочник-путеводитель / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко, И.Д. Иванова. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2003. – С. 230.
[314] Morillon Report Regarding Turkey's Progress Towards Accession. 15.11.2000. № 217.
http://www.mfa.gov.tr/grupb/ba/baa20/november/default.htm#bm07
[315] Общий обзор экономики Турции.
http://vneshmarket.ru/content/document_r_A1DE8758-A7FA-49FE-B9C0-21C777BCE79A.html
[316] Representation of the European Commission to Turkey.
http://www.deltur.cec.eu.int/english/CUtradeproblems-revised1.rtf
[317] Правительственный комитет по внешней торговле Турции.
http://www.foreigntrade.gov.tr/ab/ingilizce/mali-ing.htm
[318] Commission of the European Communities: 2001 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels,2001. – С. 34–45.
[319] Turkey – EU Financial Cooperation.
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/TurkeyAndEU/EUGeneral.htm

[320] Commission of the European Communities: 2001 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2001. – С. 10.
[321] Commission of the European Communities: 2002 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession and the Strategy Paper. – Brussels, 2002. – С. 91–103.
[322] Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ. http://www.turkey.polpred.ru/tom4/p2.htm
[323] См. Commission of the European Communities: 2003 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2003.
[324] Джанкорель Б., Посол Турции в Украине. http://www.soskin.info/ea.php?pokazold=20040403&n=4&y=2004
[325] Торгпредство России в Турции. http://www.torgpredstvo.ru/torg_pred.php?id_land=71
[326] Правительственный комитет по внешней торговле Турции. http://www.foreigntrade.gov.tr/ab/ingilizce/gbnot.htm
[327] Undersecretariat of the Prime Ministry for Foreign Trade of Turkey. http://www.dtm.gov.tr/dtmadmin/upload/EAD/IstatistikDb/ECONOMIC%20INDICATORS.xls
[328] UNCTAD, World Investment Report 2007, Turkey: country fact sheet. – С. 2.
[329] Commission of the European Communities: Turkey 2008 Progress Report. – Brussels, 2008. – С. 30–34.
[330] Salih Öztürk: TCMB'nin Avrupa Merkez Bankası'na adaptasyon süreci / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – С. 24–25.
[331] Butul Kalay Kaya: Avrupa Para Birligi ve Turkiye'nin Borc Yonetimi Politikasi Uzerine Etkuleri. – Ankara, 2006. – С. 88–101.
[332] Demet Cak, Murat Cak: Gumruk Birligi'nin Getirdikleri ve Goturdukleri: Dis Ticaret Vergileri ve Ihracat Gelirleri Analizi. – Istanbul, 2007. – С. 40–43.
[333] Turkey 2009 Progress Report. – Brussels, 14.10.2009. С. 34–35.
[334] Senem Aydın, E.Fuat Keyman: European Integration and the Transformation of Turkish Democracy. /EU – Turkey Working Papers № 2, August 2004. – С. 16.
[335] The Financial Times, 29.09.2005.
[336] Turkey 2009 Progress Report. – Brussels, 14.10.2009. – С. 33.
[337] Commission of the European Communities: Turkey 2008 Progress Report. – Brussels, 2008. – С. 31.
[338] Turkey 2009 Progress Report. – Brussels, 14.10.2009. – С. 34–35.

[339] Adem Üzümcü: Türkıye ve AB tarımı: karşılaştırmalı bir analiz ve Ortak Tarım Politikası'na uyum süreci / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – C. 177–178.
[340] Turkey 2009 Progress Report. – Brussels, 14.10.2009. – C. 38.
[341] M. Rifat Hisarcıklıoğlu: Müzakere sürecine iş dünyasından bakış / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – C. 8.
[342] Commission of the European Communities: Turkey 2008 Progress Report. – Brussels, 2008. – C. 36–37.
[343] См. Treaty on European Union // Europe. – 1992. – № 1759/60.
[344] Европейский Союз: Справочник-путеводитель. – М., 2003. – С. 153–154.
[345] Treaty on European Union, Title.V, Article.11.
[346] Allen D. Who speaks for Europe? The Search for an Effective and Coherent External Policy // J.Peterson, H.Sjursen / A Common Foreign Policy for Europe? Competing Visions of the CFSP. – London, 1998. – C. 50.
[347] Сюда относятся не только полноправные члены, но также ассоциированные члены, ассоциированные партнеры и наблюдатели.
[348] Council of Ministers: Madrid Declaration; WEU Contribution to the European Union Intergovernmental Conference of 1996: European Security: a common concept of the 27 WEU countries. – Madrid, 1995. – C. 8–9.
[349] Agenda 2000: For a Stronger and Wider Union. – Bruxelles, 1997.
[350] Müftüler-Bac M. Turkey's Role in the EU's Foreign and Security Policies // Security Dialogue, 31(4), 2000. – C. 489–490.
[351] Washington Summit Communique. Art.9 // The Reader's Guide to the NATO Summit in Washington. – Brussels: NATO Office of Information and Press, 1999. – C. 16.
[352] Helsinki European Council: Presidency conclusions. 10–11.12.1999. http://europa.eu.int/council/off/conclu/dec99/dec99_en.htm
[353] Information Note on Turkish Views Regarding the ESDI. – 14 February 2000. www.mfa.gov.tr
[354] Beyaz Kitap. – Ankara: Milli Savunma Bakanlığı, 2000. – C. 12.
[355] Karaosmanoğlu A.L. Avrupa Güvenlik ve Savunma Kimliği Açısından Türkiye-Avrupa Birliği İlişkileri // Doğu-Batı. – 2001. – № 14. – C. 160.
[356] Beyaz Kitap. – Ankara: Milli Savunma Bakanlığı, 2000. – C. 10–11.
[357] Kibaroğlu M. Turkey's Triple-Trouble: ESDP, Cyprus and Northern Iraq // Insight Turkey, Vol. 4, № 1, January-March 2002. – C. 51.

[358] Teriff T. European Security and Defence Policy after Nice // Briefing Paper, № 20, April 2001. – C. 4.
[359] Beyaz Kitap. – Ankara: Milli Savunma Bakanlığı, 2000. – C. 5.
[360] Harry Dinella: The Growing Influence of Brussels on Turkish Policy. http://www.westernpolicy.org/Commentary/Commentary46.asp
[361] Turkish overview on Euroatlantic Security Questions: Report by NATO Parliamentary Assembly. 12–15.12.2000. http://www.mkogy.hu/nato/2001/01an03.htm
[362] The Foreign Affairs Committee: Sixth Report: Turkey's EU candidacy. http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmselect/cmfaff/606/60607.htm
[363] Kibaroğlu M. Turkey's Triple-Trouble: ESDP, Cyprus and Northern Iraq // Insight Turkey, Vol. 4, № 1, January-March 2002, c. 52–53.
[364] Bagci H., Yildiz A. Turkey and the European Security and Defence Policy (ESDP): From Confrontational to Cooperative Relationship // The Europeanization of Turkey's Security Policy: Prospects and Pitfalls. – Ankara, 2004. – C. 94.
[365] Greek barrier to ESDP causes disappointment in Brussels // Turkish Daily News, 17.05.2002.
[366] Шемятенков В. Заседания высших органов ЕС и принятые ими документы общего характера // Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 27. М., 2002.
[367] По материалам Посольства Греции в России. http://www.hellas.ru/news/?id=166&type=presidency
[368] Natalie Tocci: Turkey's Strategic Future. Prepared for the CEPS/IISS European Security Forum, Brussels, 12 May 2003. http://www.eusec.org/tocci.htm
[369] Тэвдой-Бурмули А. Отношения с США, Канадой, Японией, Китаем и странами АТР // Европейский Союз: факты и комментарии. М., 2003.
[370] Michael Emerson & Nathalie Tocci: Turkey as Bridgehead and Spearhead: Integrating EU and Turkish Foreign Policy // EU-Turkey Working Papers, 2004. – C. 1.
[371] Cumhuriyet, 12 Haziran 2007.
[372] The Guardian, 07.06.2008.
[373] Hüseyin Bağcı & Ali Yıldız: Turkey and the European Security and Defence Policy (ESDP): From Confrontational to Cooperative Relationship. /The Europeanization of Turkey's Security Policy: Prospects and Pitfalls. Ankara, 2004. – C. 82.

[374] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/i_-turkey_s-security-perspective_-historical-and-conceptual-background_-turkey_s-contributions.en.mfa

[375] International Security Assistance Force (ISAF). http://www2.hq.nato.int/ISAF/about/about_history.htm

[376] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa

[377] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa

[378] МИД Турции http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa

[379] Aydın M. To be or not to be with Turkey: December 2004 Blues for the EU / M.Aydin, S.A.Açıkmeşe // Turkish Policy Quarterly. – 2004. – № 3. – С. 54.

[380] Burak Tangor: Avrupa Guvenlik Yonetisimi: Bosna, Kosova ve Makedonya krizleri. – Ankara, 2008. – С. 205.

[381] Meltem Müftüler-Bac: Turkey's Role in the EU's Foreign and Security Policies. /Security Dialogue, 31(4), 2000. С. 490.

[382] Esra Hatipoğlu: Müzakere sürecinde türk dış politikasının avrupalılaşması ve Ortak Dış ve Güvenlik Politikasına (ODGP) uyum tartışmaları / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – С. 484–485.

[383] Денкташ Р.Р. Турецкая Республика Северного Кипра: краткая история. – Баку, 1996. http://beznen-yul.narod.ru/strana/sev-kipr.htm

[384] Поцхверия Б.М. Турция и кипрская проблема // Турция в новых геополитических условиях / Под ред. Н.Ю.Ульченко. – М.: Институт Ближнего Востока, 2004. – С. 38.

[385] Ястребов Я. Турция на распутье // Красная звезда, 16.07.2002.

[386] Третий Европейский департамент МИД Российской Федерации. http://www.ln.mid.ru/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/241f63c2c8183bfd43256cf400289722?OpenDocument

[387] Statement of Prime Minister Bülent Ecevit in Helsinki on Turkey's Candidacy to the EU. 11.12.1999. http://www.mfa.gov.tr/grupa/ad/adc/candidacy.htm

[388] Коммерсантъ, 26.07.2000.

[389] Turkish Accession Partnership: EU Commission. 08.11.2000. № 211. http://www.mfa.gov.tr/EU/Press211.htm
[390] EU National Programme. http://www.byegm.gov.tr/on-sayfa/ab/eu-np.htm
[391] Греческая газета. – 2002 – № 2.
[392] Независимая газета, 13.11.2002.
[393] BBC, 12.11.2002.
[394] Новое время, № 48, 01.12.2002.
[395] Вестник Кипра http://www.cyprusadvertiser.com/article.asp?id=333
[396] Греческая газета. – 2003. – № 6.
[397] Milliyet, 14.12.2002
[398] По материалам Посольства Греции в России. http://www.hellas.ru/news/?id=463&type=Greece
[399] Milliyet, 24 Ocak 2004.
[400] Milliyet, 01 Nisan 2004.
[401] А.Корицкий: Будет ли развязан «кипрский узел». http://www.rodgaz.ru/index.php?action=Articles&dirid=23&tek=9576&issue=120
[402] Sabah, 22.04.2004
[403] Zaman, 08.04.2004.
[404] Российская газета, 26.04.2004.
[405] Akşam, 27 Nisan 2004.
[406] Cumhuriyet, 26 Nisan 2004.
[407] Там же.
[408] The Guardian, 17.12.2004.
[409] Независимая газета, 19 апреля 2005.
[410] Milliyet, 28 Eylül 2005.
[411] Declaration by the European Community and its Member States in response to the declaration by Turkey made at the time of signature of the Additional Protocol to the Ankara Agreement (21/09/05). http://www.eu2005.gov.uk/servlet/Front?pagename=OpenMarket/Xcelerate/ShowPage&c=Page&cid=1107293561746&a=KArticle&aid=1125564104376
[412] The Daily Telegraph, 14.12.2006.
[413] Le Libre Belgique, 13.09.2005.
[414] Statement by H.E.Abdullah Gül, Minister of Foreign Affairs and Deputy Prime Minister, regarding Turkey's New Proposals on Cyprus (24 January 2006). http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Cyprus/new_init.htm

[415] Radikal, 26.07.2007.
[416] Radikal, 16.12.2008.
[417] Межнациональные отношения в Турции: обзор генерального консульства России в Трабзоне. – 2002.
http://www.abkhaziya.org/books/abkhaz_turkish.html
[418] Treaty on European Union, Title XII, Article 151.
[419] Taheri A. The specter that is haunting Europe.
http://www.arabnews.com/?page=7&section=0&article=46863&d=16&m=6&y=2004
[420] Европа и Центральная Азия: Развитие событий в области прав человека. Всемирный доклад. – Human Rights Watch, 11.02.2003.
http://www.hrw.org/russian/reports/2003/world/eca.php
[421] Sedat Laçiner: The civilisational differences as a condition for Turkish full membership to the EU.
http://www.turkishweekly.net/articles.php?id=47
[422] Московские новости, 25.12.2002.
[423] Milli Gazete, 30.11.2004.
[424] The Guardian, 17.12.2004.
[425] См. Шмидт Г. Кто не принадлежит к Европе // Мировые дискуссии. – 2001. – Февраль.
[426] Çağrı Erhan: Asian dimension of Turkish character: an obstacle or a catalyst for a European Union membership.
http://www.stradigma.com/english/feb2003/articlesprint_4.html
[427] Commission of the European Communities: 2002 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession and the Strategy Paper. – Brussels, 2002. – С. 88.
[428] Commission of the European Communities: 2004 Regular Report on Turkey's Progress towards Accession. – Brussels, 2004. – С. 44.
[429] Howe M. Turkey: A Nation Divided over Islam's Revival. – Boulder, 2000. – С. 113.
[430] Там же, с. 50.
[431] Cevdet Akcali: Avrupa'da Turkiye'yi Savunmak. – Istanbul, 2008. – С. 173.
[432] Посол Турции в Украине Б.Джанкорель // День, 21.12.2002.
[433] Багиро Д.: Пустят ли Турцию в Евросоюз?
http://www.politcom.ru/2004/zloba5104.php
[434] The Financial Times, 15.10.2004.
[435] См.: Турция стремится в Европу // Журнал Европейского Союза. – 2004. – № 35.

[436] Zaman, 08 Mayıs 2003.
[437] Le Monde, 08.11.2002.
[438] Деловая неделя, 11.11.2002.
[439] Известия, 09.12.2002.
[440] Гельмут Шмидт: Кто не принадлежит к Европе // Мировые дискуссии, 05.02.2001.
[441] The New York Times, 05.04.1997.
[442] Zaman, 26.03.2003.
[443] Хайнрих Аугуст Винклер: Турция не является частью «европейского проекта».
http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-01/article09_p.html
[444] Независимая газета, 02.02.2005.
[445] Комментарий Секретариата по взаимоотношениям Церкви и общества ОВЦС МП по вопросу об отношениях Европейского Союза и Турции.
http://www.ekavkaz.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1047
[446] Zbigniew Brzezinski. The Grand Chess-board. – New York, 1997. – C. 203.
[447] The New York Times, 11.01.2004.
[448] E.Fuat Keyman. Küreselleşme, demokratikleşme ve Türkiye – Avrupa Birliği ilişkileri / AB Yolunda Turkiye: Muzakere Surecinin Ekonomi Politigi. – Istanbul, 2006. – C. 12–13.
[449] Ильхан А. Мы должны гордиться тем, что мы азиаты.
http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1681
[450] Mesut Yılmaz's Speech.
http://www.tesev.org.tr/eng/events/liderler.php
[451] Peuch J-Ch. Turkey: Frustration Mounting over EU Demands for Reform / J-Ch.Peuch.
http://www.rferl.org/features/2002/03/15032002113151.asp
[452] Turkish Daily News, 04.11.2005.
[453] Пресс-центр Международного "Евразийского Движения".
http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2116
[454] Selim Somcag: AB – Kibris – Ermenistan: Bir Teslimiyet Guncesi. – Istanbul, 2006. – C. 29–31.
[455] Milliyet, 14.03.2002.
[456] Milliyet, 18.03.2002.
[457] Zaman, 02.08.2006.
[458] Milliyet, 15.12.2004.

[459] Гридасов И. Турецкий демарш // Событие. – 2002. – № 45.
[460] Дружиловский С.Б., Хуторская В.В. Политика Ирана и Турции в регионе Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ: Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М.Наринского, А.В.Мальгина. – М.: Логос, 2003. – С. 223.
[461] Уразова Е.И. Состояние и перспективы экономических отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М., 2003. – С. 259.
[462] Milliyet, 18 Nisan 1998.
[463] Известия, 29.06.1992.
[464] Ahmet T.Kuru: Uluslararasi ortam ve bolgesel entegrasyon teorileri isiginda Turk birligi meselesi. /Gecis suresince Orta Asya Turk cumhuriyetleri. Istanbul, 1999. – С. 208.
[465] Cumhuriyet, 29.08.1995.
[466] Geçiş süresinde Orta Asya Türk cumhuriyetleri. – İstanbul, 1999. – С. 207.
[467] Там же, с. 208.
[468] Куртов А. Турция и республики Центральной Азии: любовь по расчету // Обозреватель. – 1996. – № 8.
[469] Nursultan Nazarbaev. Yuzyillarin kavsaginda. – Ankara, 1997. – С. 200–201.
[470] Demir A. Tarihten günümüze Rus yayılmacılığı ve yeni kurulan cumhuriyetler. – İstanbul, 1998. – С. 261.
[471] Hurriyet, 10.02.1997.
[472] Oral Sander: Yeni bir bolgesel guc olarak Turkiye'nin dis politika hedefleri // Turk dis politikasinin analizi. – Istanbul, 1994. С. 420.
[473] International Contributions to the War Against Terrorism, Fact Sheet. – Ankara: Department of Defense, 07.06.2002. – С. 12.
[474] Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века / Под ред. Н.Г.Киреева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – С. 359.
[475] Аль-Ашааль А. Турция между мусульманским настоящим и европейским будущим.
http://www.palestine-info.ru/code/AFF/aff.php?id=5886&categuorie=7
[476] Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века / Под ред. Н.Г.Киреева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – С. 462.

[477] МИД Турции. http://www.mfa.gov.tr/grupa/ai/middleeast.default.htm
[478] Hürriyet, 13.03.2006.
[479] Yeni Şafak, 09.03.2006
[480] См.: Раевский В. Израиль – Турция: взаимопонимание, дружба или уже союз? // Вестник. – 1999. – № 18.
[481] Волович А.А. Новые отношения Турции с арабами: останется ли место для Израиля? // Турция в новых геополитических условиях. – М., 2004. – С. 69.
[482] Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. – М., 2001. – С. 464.
[483] Turkey: A New Role at Last? /Strategic Survey 2001–2002. The International Institute for Strategic Studies, 2002. – С. 175.
[484] Эвин А. Дилеммы европеизации в свете соперничества внутри элит. На сравнительном опыте Турции и России. http://www.inop.ru/RussRead/evin.htm
[485] Дугин А. Турция на евразийском вираже // Известия, 18.03.2003.
[486] Гридасов И. Турецкий демарш. // Событие, № 45, 7–13 ноября 2002.
[487] Sabah, 10 Kasım 1999.
[488] Milliyet, 10 Kasım 1999.
[489] МИД России. http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3256f63002f3ff5?OpenDocument
[490] См.: Ташкент К. Турция и Россия движутся к партнерству // Дипломат. – 2004. – № 9.
[491] Кылыч Т. Будущее и безопасность большого Ближнего Востока и Евразии // Красная звезда, 08.11.2004.
[492] Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. – М., 2001. – С. 356–358.
[493] Армаган Кулоглу. Новое понимание угроз после «холодной войны» и обстановка в Турции. http://www.milrf.ru/conference/cf_010228/2tu-kuloglu.htm
[494] Сборник финансово-экономических данных по оборонному сектору НАТО-Россия, с. 7–10. http://www.nato.int/docu/pr/2006/p06-159.pdf
[495] The Times, 10.03.2004.
[496] Соли Озель. Долгий путь в Европу http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-06/article12_p.html

[497] The EU's eastern borders: Meet the neighbours // The Economist: a survey. 25.06.2005, vol. 375, № 8432, c. 12–14.
[498] Senem Aydın: Views of the European Parliament on Turkish Accession // Turkey in Europe Monitor, № 4, April 2004, c. 33–34.
[499] Ayhan Kaya: Euro-Turks: A Bridge, or a Breach, between Turkey and the European Union? // Turkey in Europe Monitor, № 5, May 2004, c. 42–45.
[500] Ташкент К. Турция сблизит Москву с ЕС // Независимая газета, 21.10.2005.
[501] Zaman, 06.06.2007.
[502] Zaman, 10.03.2002.
[503] Milliyet, 24 Ekim 2006.
[504] Yilmaz H. Indicators of EuroSupportiveness and EuroScepticism in the Turkish Public Opinion // EU-Turkish Relations Dossier. – 2003. – December. – C. 1–2.
[505] The Financial Times, 19.01.2004.
[506] The New York Times, 25.09.2006.
[507] Milliyet, 24 Ekim 2006.
[508] Там же.
[509] Hürriyet, 08 Kasım 2006.
[510] Zaman, 25.10.2007.
[511] Zaman, 18.12.2007.
[512] Akif Poroy: Turkiye – AB Medeniyetler Catismasi. – Istanbul, 2008. – C. 44.
[513] Kemal Derviş, Daniel Gros, Faik Öztrak, Yusuf Işık, Fırat Bayar: Turkey and the EU Budget Prospects and Issues. /EU-Turkey Working Papers № 6, August 2004, c. 1.
[514] Известия, 02.09.2005.
[515] Le Figaro, 15 Décembre 2004.
[516] Рабочая группа с целью координации совместных действий в рамках проекта ЕС ИНОГЕЙТ (транспортировка нефти и газа в Европу) была создана в 1996 г. В работе группы принимают участие Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. Россия имеет статус наблюдателя. Основные цели программы ИНОГЕЙТ: восстановление, рационализация и модернизация региональных нефтегазопроводных и продуктопроводных систем. Техническое содействие со стороны Евросоюза охватывает три главных направления: изучение рынков (спрос и предложение на

энергоресурсы); оценка ресурсов (наличие, доступность, возможность вывоза на рынки); проведение институциональных исследований (правовая база, вопросы создания совместных предприятий, региональное сотрудничество).

[517] The Guardian, 02.05.2005.

[518] The Financial Times, 29.09.2005.

[519] Milliyet, 28.09.2005.

[520] Тигран Джрбашян. Большой европейский эксперимент. http://info.rambler.ru:8102/db/news/msg.html?mid=6236746&s=260005031

[521] European Parliament Resolution on EU-Turkey Relations. http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B6-2007-0376&language=EN.

[522] Эрих Райтер. Идея Европейской Федерации. http://www.ieras.ru/journal/journal2.2000/8.htm

[523] Arie Oskam, Alison Burrell, Tuğrul Temel, Siemen van Berkum, Natasha Longworth, Irene Molina Vilchez. Turkey in the European Union: Consequences for Agriculture, Food, Rural Areas and Structural Policy // Turkey in Europe Monitor, № 14, February 2005, с. 150.

[524] Refik Erzan, Umut Kuzubas, Nilufer Yildiz: Growth and Immigration Scenarios for Turkey and the EU // EU-Turkey Working Papers, № 13, December 2004, с. 10.

[525] Turkey's Statistical Yearbook. – 2008. – С. 43. http://www.tuik.gov.tr/yillik/yillik.pdf

[526] Аждар Куртов. Европейское фиаско Турции // Новая Политика, 04.07.2005.

[527] The Financial Times, 14.05.2009.

[528] Advisory Council on International Affairs: Follow-up Report Turkey: towards membership of the European Union. 2004, с. 29. www.AIV-advies.nl

[529] Kemal Derviş, Daniel Gros, Faik Öztrak, Yusuf Işık, Fırat Bayar. Turkey and the EU Budget Prospects and Issues // EU-Turkey Working Papers, № 6, August 2004, с. 2.

[530] Подсчитано по: Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – М.: Изд. Дом «Деловая литература», 2006. – С. 540–542.

[531] Жан Парвулеско. Турция – авангард Аль-Кайеды в Европе // Полярная Звезда. – Декабрь 2002.

[532] Zaman, 19.09.2007.

[533] Известия, 30.09.2005.

---

[534] Financial Times, 29.09.2005.
[535] Zbigniew Brzezinski. The Grand Chess-board. – New York, 1997. – С. 203.
[536] Erol Manisali. Avrupa'yla Derin Baglar: Hayatim Avrupa. – Istanbul, 2007. – С. 17.
[537] Алексей Малашенко. Вступление Анкары в Евросоюз влетит россиянам в копеечку // Новые известия, № 232, 16.12.2004.
[538] The Guardian, 12.05.2009.
[539] Независимая газета, 13.01.2005.
[540] Независимая газета, 15.07.2005.
[541] Михаил Мейер. Россия-Турция-ЕС: партнерство неизбежно // РИА «Новости», 15.11.2004.